Паневропски универзитет АПЕИРОН
(Бања Лука, Република Српска)
Факултет филолошких наука

Институт за славистику Руске академије наука
(Москва, Русија)

Панъвропейский университет АПЕИРОН
(г. Баня Лука, Республика Сербская)
Филологический факультет

Институт славяноведения Российской академии наук
(г.Москва, Россия)

Друга међународна научна конференција

НОВО И ТРАДИЦИОНАЛНО У ТРАНСЛАТОЛОГИЈИ И НАСТАВИ РУСКОГ ЈЕЗИКА КАО СТРАНОГ

Вторая международная научная конференция

НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

16 – 19. 03. 2017. Бања Лука, Република Српска
16 – 19. 03. 2017 г. Баня Лука, Республика Сербская

Институт за славистику
Руска академија наука

Паневропски универзитет *Апеирон*
Факултет филолошких наука

НОВО И ТРАДИЦИОНАЛНО У ТРАНСЛАТОЛОГИЈИ И НАСТАВИ РУСКОГ ЈЕЗИКА КАО СТРАНОГ

16 -19 марта 2017 г.

Материјали конференције, одржане на Паневропском универзитету *Апеирон*

Бања Лука, Република Српска

Издање Паневропског универзитета

Издање Института за славистику РАН

2017.

Институт славяноведения
Российская академия наук

Панъевропейский университет *Апеирон*
Филологический факультет

НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

16 -19 марта 2017 г.

Материалы конференции, проведенной в Панъевропейском университете *Апеирон*

г. Баня-Лука, Республика Сербская

Издательство Панъевропейского университета

Издательство Института славяноведения РАН

2017

Друга међународна научна конференција «Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног». 16 – 19. марта 2017. Материјали конференције, одржане на Паневропском универзитету *Апеирон* (Бања Лука, Република Српска: електронско издање. – Издање Паневропског универзитета, 2017. – 332 с.

CIP - Каталогизација у публикацији
Народна и универзитетска библиотека
Републике Српске, Бања Лука

811.161.1'25(082)(0.034.2)

МЕЂУНАРОДНА научна конференција "Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног" (2 ; 2017 ; Бања Лука)
Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног [Електронски извор] = Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного : материјали конференције, одржане на Паневропском универзитету Апеирон =материалы конференции, проведенной в Панъевропейском университете Апеирон / Друга међународна научна конференција "Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног", 16-19.03.2017., Бања Лука, Република Српска ; [организатори] Паневропски универзитет Апеирон, Факултет филолошких наука и Институт за славистику Руске академије наука. - Бања Лука : Паневропски универзитет "Апеирон", 2017. - 1 електронски оптички диск (CD-ROM) : текст, слика ; 12 cm. - (Заједничке основе ; књ. 21)

Системски захтјеви: Нису наведени. - Насл. са насловног екрана. - Радови на више језика. - Тираж 200. - Библиографија уз сваки рад. - Резимеи на више језика.

ISBN 978-99976-34-02-3 (Паневропски универзитет "Апеирон")
1. Паневропски универзитет Апеирон, Факултет филолошких наука (Бања Лука) 2. Институт за славистику Руске академије наука (Москва)

COBISS.RS-ID 6393624

У зборник су уврштени реферати, саопштени на **Друга међународној научној конференцији „Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног**“. У објављеним рефератима осветљавају се различити аспекти савремених научних истраживања у области теорије, историје и методологије превођења, као и у настави руског језика као страног.

Зборник ће бити од несумњиве користи за истраживаче у области методике и праксе наставе руског језика као страног, као и теорије, историје, методологије и дидактике превођења, компаративне лингвистике, компаративњих проучавања књижевности, културологије и међукултурне комуникације.

Материјалима зборника могу се користити наставници, постдипломци, студенти, као и сви они које занима ова сложена тематика.

Сви материјали се објављују у ауторској редакцији.

Вторая международная научная конференция «Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного». 16 – 19 марта 2017 г. Материалы: электронное издание. – Паневропски универзитет „Апеирон» (Бања Лука, Република Српска: електронско издање. – Издање Паневропског университета, 2017.

ISBN 978-5-7576-0385-8

УДК 821.16
ББК 83.3 (0)

В сборник включены материалы докладов, представленных на Вторую международную научную конференцию ***«Новое и традиционное в переводоведении и преподавании русского языка как иностранного»*** В опубликованных докладах освещаются различные аспекты современных научных исследований в области преподавания русского языка как иностранного, а также вопросы теории, истории и методологии перевода. Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики, сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации. Материалы сборника будут полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Все материалы публикуются в авторской редакции.

САДРЖАЈ / *ОГЛАВЛЕНИЕ*

ПРОФЕСОРУ БРАНИМИРУ ЧОВИЋУ У ЧАСТ, ПОВОДОМ 80-ГОДИШЊЕГ ЈУБИЛЕЈА..... 9
К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА БРАНИМИРА ЧОВИЧА

Богоявленская Юлия Валерьевна, Чудинов Анатолий Прокопьевич 32
СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ «НАПОЛЕОН»: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
SEMANTIC AND COGNITIVE MODELING OF THE PRECEDENT NAME «NAPOLEON»: CORPUS-BASED RESEARCH

Човић Бранимир 41
ТРАГОВИ ЕСТЕТИКЕ И ПОЕТИКЕ АВАНГАРДЕ У ПОЗНОЈ НОВЕЛИСТИЦИ ИВАНА А. БУЊИНА: КАТЕГОРИЈА «ИМПЕРСОНАЛНОСТИ» И ПИТАЊА ПРЕВОЂЕЊА И «ЕСТЕТИКЕ РЕЦЕПЦИЈЕ»
СЛЕДЫ АВАНГАРДНОЙ ЭСТЕТИКИ И ПОЭТИКИ В НОВЕЛЛАХ ПОЗДНЕГО ИВАНА А. БУНИНА: КАТЕГОРИЯ «ИМ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ» И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И «ЭСТЕТИКИ РЕЦЕПЦИИ»

Чович Лариса Ивановна 60
СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК И СЕРБСКИХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)
THE SPECIFICITY OF THE TRANSLATION OF LITERARY TEXTS (TRANSLATION OF RUSSIAN LITERARY TEXTS INTO SERBIAN AND SERBIAN INTO RUSSIAN LANGUAGE)

Чудинов Анатолий Прокопьевич, Никифорова Марина 72
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА
RUSSIAN POLITICAL LINGUOPERSONOLOGY: METHODOLOGICAL BASIS AND METHODS OF STUDY

Давыдов Андрей Владимирович 81
ПРОСТРАНСТВО МОДУЛЯ ДИСТАНЦИОННОГО ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ПРОЕКТА МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ «ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ. ОБУЧЕНИЕ И МОНИТОРИНГ – ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
THE SPACE OF THE MODULE OF DISTANCE TRAINING OF TEACHERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM PROJECT OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION, "EDUCATION IN RUSSIAN". SPACE AND MONITORING – TECHNOLOGICAL ASPECT

Ђукић Славен 91
ЕМОЦИОНАЛО-ЕКСПРЕСИВНА ЛЕКСИКА У ДОКУМЕНТАРОЈ ПРИПОВИЈЕТЦИ ВЛАДИМИРА СОЛОУХИНА *ЦРНЕ ДАСКЕ*
EMOTIONALLY-EXPRESSIVE LEXIS IN VLADIMIR SOLOUHIN'S SHORT DOCUMENTARY STORY ''CHORNIE DOSKI''

Есакова Мария Николаевна, Кольцова Юлия Николаевна 103
«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ
THE SELF AND THE OTHER IN MODERN RUSSIAN SPEECH

Н.К. Гарбовский, ... 111
TOUT EST SIGNE. СЕМИОЗИС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
TOUT EST SIGNE. THE SEMIOSIS OF LITERARY TRANSLATION

Голушин Иван 119
О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ДИМИНУТИВОВ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»)
ON THE METHODS OF TRANSLATION RUSSIAN DIMINUTIVES INTO SERBIAN LANGUAGE (BASED ON THE NOVEL M. SHISHKIN „PISMOVNIK")

Хазанова Маргарита Игоревна **125**
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯПОНСКИХ КОМИКСОВ МАНГА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: О ПРОДУКТИВНОСТИ ОДНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ
SOME SPECIFIC FEATURES OF JAPANESE MANGA COMICS TRANSLATION INTO RUSSIAN LANGUAGE: ON ONE WORD FORMATION MODEL PRODUCTIVITY

Иванова Ольга Юрьевна **132**
«ЛАБОРАТОРИЯ» ПЕРЕВОДА, ИЛИ НОВЫЙ ПРИМЕР СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ
"LABORATORY" TRANSLATION, OR A NEW EXAMPLE OF COMPARATIVE ANALYSIS

Иванова Неля Стефанова, Лекомцева Надежда Витальевна **142**
СЛАВЯНОЯЗЫЧНЫЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ ПУШКИНСКОГО ШЕДЕВРА (О ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ «Я ВАС ЛЮБИЛ», НА ПОЛЬСКИЙ, БОЛГАРСКИЙ, СЕРБСКИЙ ЯЗЫКИ)
SLAVONIC VARIATIONS ON THE THEME OF PUSHKIN'S MASTERPIECE (THE TRANSLATION OF THE POEM «I LOVED YOU») ON POLISH, BULGARIAN, SERBIAN

Костикова Ольга Игоревна, Kostikova Olga **152**
КРИТИКА ПЕРЕВОДА VS ОЦЕНКА ПЕРЕВОДА
TRANSLATION CRITICISM VS PROFESSIONAL ASSESSMENT

Јовановић Зоран **164**
О ПРОБЛЕМУ ШКОЛОВАЊА ПРЕВОДИЛАЦА
ON TRANSLATOR EDUCATION PROBLEMS

Маркович Деян **172**
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ КИНОФИЛЬМОВ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК
ON CERTAIN PROBLEMS OF TRANSLATING RUSSIAN FILMS INTO SERBIAN LANGUAGE

Маројевић Радмило **186**
ЛИНГВИСТИКА И ПОЕТИКА ПРЕВОЂЕЊА ЊЕГОШЕВОГ СПЈЕВА „ЛУЧА МИКРОКОЗМА“ (РУСКИ ПРЕПЈЕВ ИЉЕ ЧИСЛОВА)
ЛИНГВИСТИКА И ПОЭТИКА ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ «ЛУЧ МИКРОКОСМА» ПЕТРА НЕГОША (РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ИЛЬИ ЧИСЛОВА)

Маточкина Анна Евгеньевна **196**
ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ *ОГОНЬ* В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ СЕРБСКИХ СТУДЕНТОВ
PROBLEMS OF REPRESENTING PROVERBS WITH A COMPONENT FIRE IN STUDY DICTIONARY FOR SERBIAN STUDENTS

Михајловић Јелена **203**
САВРЕМЕНО СТАЊЕ СИСТЕМА НАСТАВЕ РУСКОГ ЈЕЗИКА КАО СТРАНОГ НА ФИЛОЛОШКОМ ФАКУЛТЕТУ ПАНЕВРОПСКОГ УНИВЕРЗИТЕТА „АПЕИРОН“ У БАЊАЛУЦИ (ЦИЉЕВИ И МЕТОДСКА КОНЦЕПЦИЈА)
THE CONTEMPORARY STATE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE FACULTY OF PHILOLOGY WITHIN THE PAN-EUROPEAN UNIVERSITY «APEIRON» IN BANJA LUKA (OBJECTIVES AND METHODICAL CONCEPT)

Милянович Елена, Чович Лариса Ивановна **209**
АРХАИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИЗАЦИИ И ИХ ПЕРЕВОД НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА „КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“)
ARCHAISMS AS MEANS OF HISTORICAL STYLIZATION AND THEIR TRANSLATION INTO SERBIAN (ON THE EXAMPLE OF THE HISTORICAL STORY OF A. S. PUSHKIN "THE CAPTAIN'S DAUGHTER"

Палкин Евгений Алексеевич **225**
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАНИИ
MODERN STATE AND PROSPECTS OF DISTANT TECHNOLOGIES IN EDUCATION

Наталья Михайловна Нестерова, Котельникова Анастасия Николаевна **231**
«КОНТРТЕКСТ» КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАМЫСЛА ТЕКСТА ПЕРЕВОДА
"COUNTER TEXT" AS A TOOL FOR THE TARGET TEXT CONCEPT FORMING

Лидия Пахомова **241**
ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ (ОПЫТ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)
TEACHING THE SERBIAN LANGUAGE IN RUSSIA: ON THE EXAMPLE OF THE DEPARTMENT OF SLAVIC HISTORY AT THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Соболева Ольга Владимировна **249**
ПРОПИСНАЯ ИЛИ СТРОЧНАЯ? К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ
A CAPITAL LETTER OR A SMALL ONE? ON THE ACTIVE PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

Stanković Selena **254**
LES PRÉPOSITIONS FRANÇAISES *PAR* ET *POUR* : SENS TEMPOREL ET TRADUCTION EN SERBE
ФРАНЦУСКИ ПРЕДЛОЗИ PAR И POUR: ВРЕМЕНСКО ЗНАЧЕЊЕ И ПРЕВОЂЕЊЕ НА СРПСКИ ЈЕЗИК

Стойичевич И. И., Stojicevic I.I., Човић Л. И., Chovic L.I. **262**
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДУХОВНОЙ И ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
INTERCULTURAL INFLUENCE ON THE PROCESS OF TRANSLATION OF SPIRITUAL, HISTORICAL, AND PUBLICISTICAL ARTISTIC LITERATURE

Тарасова Елена Николаевна, Солунова Ирина Сергеевна, Тарасова Элина Сергеевна **271**
К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ОБУЧЕНИИ УСТНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКЕОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)
ON THE QUESTION OF COGNITIVE COMPETENCY TRAINING IN ORAL PROFESSIONAL COMMUNICATION PEDAGOGICHESKEOM INSTITUTION (FOR EXAMPLE, RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

Tomić Siniša, Latinović Branko **280**
KONCEPTI MULTIMEDIJALNOG UČENJA
CONCEPTS OF MULTIMEDIA LEARNING

Ващенко Дарья Юрьевна **286**
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЛОКАЛИЗАТОРОВ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДВУЯЗЫЧНОЙ АНТОЛОГИИ)

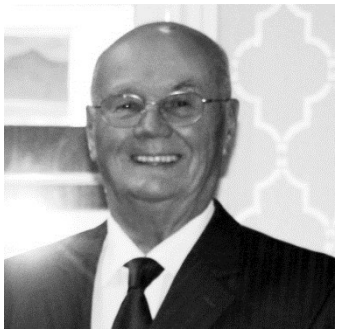
Наталия Владимировна Васильева **294**
АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ТИПЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ANTHROPONYMIC TEXT: TYPES AND INTERPRETATION

Mirkovic Djukica, Vasiljevic Stokic Tijana **303**
THE MOST COMMON MISTAKES IN TRANSLATION AT UNIVERSITY LEVEL
NAJČEŠĆE GREŠKE STUDENATA U PREVOĐENJU NA UNIVERZITETSKOM NIVOU

Вељковић Маја **310**
РУСКЕ ЗАВИСНЕ РЕЧЕНИЦЕ СА ВЕЗНИЧКОМ РЕЧЈУ *КОТОРЫЙ* И ЊИХОВИ СРПСКИ ПРЕВОДНИ ЕКВИВАЛЕНТИ

Воронова Елена Владимировна **318**
ПРОЕКТ «ВИРТУАЛЬНАЯ ШКОЛА» В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ
"VIRTUAL SCHOOL" PROJECT IN THE CONTEXT OF THE OPEN EDUCATION CONCEPT

Зарковић Јован **325**
130 ГОДИНА ЕСПЕРАНТА – ИСТОРИЈСКИ ПРИКАЗ И ПЕРСПЕКТИВЕ У ЕРИ ИНТЕРНЕТА
130 ЛЕТ ЭСПЕРАНТО – ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА



ПРОФЕСОРУ БРАНИМИРУ ЧОВИЋУ У ЧАСТ, ПОВОДОМ 80-ГОДИШЊЕГ ЈУБИЛЕЈА

К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА БРАНИМИРА ЧОВИЧА

Када на путовању кроз време, од једног миљоказа до другог, човек пређе три четврти века, то је чињеница вредна свеколике пажње и поштовања. Угледни српски филолог и високошколски педагог, професор др Бранимир Човић, ове године навршава 80 година живота. Његове колеге, из земље и иностранства, формални и неформални ученици, учесници II међународне конференције „Ново у транслатологији и настави руског језика као страног“ – Бања Лука, 2017. одлучили су да га тим поводом дарују на најбољи начин – зборником радова из оних научних области у којима се и професор огледа. Ипак, ова дароносна књига истовремено је и уздарје њених потписника професору Човићу – за његову издашну и неисцрпну стваралачку енергију којом их је током година окупљао око својих прегнућа, подстицао и надахњивао на скрупулозни научни рад.

Наш јубилар рођен је 17. марта 1937. године у Суњи – вароши у Средњој Мославини, у Хрватској – у породици православног свештенослужитеља и учитељице. Већ прве миље његовог животног пута судбински су одредиле читаву трасу. На њој је путник морао да очврсне, да постане кремен-камен – или га не би било: на почетку ратне 1942. његова породица, после вишемесечног заточења у усташком логору, успела је да пребегне у Србију. У Београду је Бранимир Човић стицао основно и гимназијско образовање, ту је и матурирао 1956, ту је академске 1958/1959. године започео своје славистичке студије на Катедри за источне и западне словенске језике и књижевности тада још Филозофског, а од 1960. Филолошког факултета.

Даровит и марљив студент, Бранимир Човић је више пута награђиван за своју приљежност и стипендиран. Одужио се за сва та признања тиме што је студије завршио у року и с одличним успехом.

По одслужењу војног рока, током школске 1964/1965, радио је у својству предавача за руску књижевност на Вишој педагошкој школи у Београду – истурено одељење у Шапцу. Од 1965. Бранимир Човић везао је своју научну и педагошку каријеру за Универзитет у Новом Саду: изабран је тада за асистента за стилистику и теорију књижевног превођења на Филозофском факултету. Као стипендиста овога универзитета, започео је исте 1965. постдипломске студије на Филолошком факултету у Београду. Магистарски рад под насловом *Употреба имперфективног и перфективног презента у савременом руском језику* одбранио је на истом факултету године 1968. Од 1975, предајући и даље стилистику руског језика и теорију превођења, Човић је стекао звање вишег стручног сарадника за исту групу предмета.

Године 1988. на Филолошком факултету у Београду, пред громадама српске књижевне русистике и србистике, односно теорије књижевности, професорима Милосавом Бабовићем, Милом Стојнић и Новицом Петковићем, Бранимир Човић је с успехом одбранио докторску дисертацију *Стил историјске прозе А. Н. Толстоја*. Непосредно после тога, 1989, изабран је за ванредног професора на Катедри за руски језик и књижевност Филозофског факултета у Новом Саду, а 1992. – за редовног. На истом је факултету завршио и свој активни радни век: у пензију је отишао 2002. године. Али и од тада, већ пуних петнаест година, професор Човић напорно ради, и то, као и увек, полетно и

маштовито – како на пољу науке, тако и у студентском аудиторијуму на Паневропском универзитету „Апеирон“ у Бања Луци.

У наставном и научном раду професора Човића срећно су се преплитале и узајамно надограђивале, свака на свој начин изазовне, рубне и додирне области филологије – стилистика и поетика уметничке књижевности; наратологија и имагологија; питања уметничких интермедијалних релација; теорија и поетика превођења; руско-српска књижевна и културолошка поређења; реторика и комуникологија.

Професор Човић учествовао је током своје дуге научне каријере на мноштву еминентних међународних и домаћих скупова, на којима је излагао и проверавао своје погдекад смеле и иновативне закључке – увек, међутим, утемељене на помно истраженом чињеничком материјалу. Његови проблемски чланци и огледи броје се стотинама, а његов опус обилује и засебним издањима – уџбеницима и монографским научним студијама. Током времена низали су се, поред осталих, ови његови запажени наслови: *Семантичка перспектива речи и индивидуални стил* (1977), *Облици приповедања уметничке књижевности* (1981), *Уметност превођења или занат* (1985), *Образы и символы „Тихого Дона“* (1986), *Поетска слика* (1989), *Стил историјске прозе А. Н. Толстоја* (1991), *Поетика књижевног превођења* (1994), *Бинарна опозиција „славенизам“ –„солецизам“ у структури слике у Његошевом „Горском вијенцу“ и руски преводни еквиваленти* (1998), *„Сеобе“ Милоша Црњанског у контексту модерног руског историјског романа* (2001), *Руско-српске књижевне паралеле* (I–II, 2002–2003), *Реторика* (2007), *Основи комуникологије* (два издања: 2006, 2008). Управо ове за професора Човића јубиларне 2017. године завршава три монографије: 1. Превод и компаративистика; 2. Упоредна руско-српска наратологија; 3. Поетика „Тихог Дона“. А биће их – што од срца желимо – још.

Научни рад др Бранимира Човића се одвијао у пет области:

1) стилистика и поетика уметничке књижевности; 2) теорија и поетика књижевног превођења; 3) компаративистика (руско српске књижевне и културне теме); 4) реторика и питања интермедијалних уметничких релација; 5) упоредна руско-српска наратологија .

Од десет монографија и преко стопедесет штампаних радова морали смо се ограничити на само неколике пробране узорке, и то оне репрезентативне.

Од својих првих радова Б. Човић је испољио узразиту склоност за гранична подручја науке о књижевности и лингвистике, определивши се за област, актуелну и недовољно истражену, *за поетску функцију језика у књижевном делу*. Од првих радова па до данас он је постепено осветљавао аспекте књижевног дела као типичне бинарне, вербално-естетске структуре са свим импликацијама које из тога произилазе. Тај први тематски круг својих истраживања он је постепрно освајао у многим студијама и расправама, које је саопштавао на међународним научним скуповима, да би их уобличио у монографијама: *Поетска слика* (1989), *Стил историјске прозе А.Н. Толстоја* (1991), *'Сеобе' М. Црњанског у контексту савременог модерног руског историјског романа* (2001); *Руско-српске књижевне паралеле.* Књ. I-II. (2002-2003); *Реторика* (2007).

1. Из обиља радова који третирају однос *речи-поетске слике-симбола* издвојили бисмо Човићеву струдију '*Слике и симболи 'Тихог Дона'* (објављену на руском језику 1986. г), која ће, nota bene, бити део монографије која треба ускоро да изађе из штампе. Разноврсност поетских слика и симбола, који чине приповедну структуру Шолоховљевог 'Тихог Дона' изразито полиморфном, предмет су ове успеле Човићеве студије. У уводном делу аутор истиче да су структурно-семантичке конструкције које носе ове слике и симболе дуго биле у сенци идејно-филозофских питања. Нешто због недовољно изграђених поступака анализе појединачних слика и симбола, као и оних типолошки истоветних низова слика и симбола, нешто опет због помањкања теоријске предспреме истраживача, а понајвише због обиља и разноликости типова слика, - због свега тога ово значајно и

сложено питање поетике 'Тихог Дона' није било предмет посебног систематског истраживања. Отуд и језичко-стилистичка структура разних типова симболичких слика није била предмет скрупулозне анализе, а без тога није могуће ни колико-толико екзактно тумачење идејно-философскуих порука овог романа-реке.

2. „Монографија *Поетска слика* /1989/ озбиљан је покушај да се темељно и свестрано осветли једно од најсложенијих и најзначајнијих појединости у оквиру поетике – поетска слика као најмањи естетски елеменат у поетском тексту. Да би то постигао аутор је морао да дефинише и поетски текст, и поетску слику у њему, а због тога је морао да се послужи обимном литературом. Напор је био усмерен не само на дефинисање основних појмова, већ и на покушај да се изврши научно заснована типологија поетских слика, преко којих се може истумачити и идејна порука пишчева, да би се одмах потом вратило конкретној анализи која још једном треба да потврди ваљаност ранијих дефиниција и понуђене типологије. Књига *Поетска слика* састоји се из два дела: први део је превасходно теоријски, други – апликативан. Књига је писана стручним језиком, разложно и с методичком поступношћу: од простијих ка сложенијим поетским сликама. Захваљујући томе, иако је материја о којој аутор расправља сложена, цела књига се лако чита.“ (*Из рецензије проф. др Новице Петковића*)

3. Човићево схватање превода у двема монографијама (*Уметност превођења или занат* /1985/, *Поетика књижевног превођења* /1994/) уопште не поставља питање – да ли је лингвистички или књижевни приступ – јер је за њега очигледно да је лингвистика важна помоћна дисциплина, али недовољна да би се стигло до "функционално-смисаоне еквиваленције" у преводу књижевног текста. Међутим, кад год посегне за развијеним методама лингвистичке анализе, он не остаје на том нивоу него креће даље, чврсто ослоњен на поуздане темеље који не трпе произвољну импровизацију. У оваквим анализама се види да је Б. Човић прошао чувену руску *формалну школу* и *тартуско-московску семиотичку школу,* али је у стању да неке њихове методе примењује на свој начин у проучавању књижевног текста. Није чудо што његове лингвостилистичке анализе подсећају на најбоље међу аналитичарима наше књижевности, само што он стиже и до проблема превода. Он анализира, рашчлањава, разјашњава, али уме и да се заустави, да не разори и не оскрнави дело пренаглашеним анализама, што значи да је личност која дубље сагледава вредност књижевног дела у преводу. Зарад свих тих квалитета руска критика превода је сврстала Бранимира Човића међу три-четири водећа теоретичара транслатологије у свету. (Вид.: Весник Московског универзитета. Сер. 9. Филологија, 1996, св. 1, 151-154).

3.1. Монографија "*Поетика књижевног превођења"* (1994) улази у ред значајних књига из теорије и праксе књижевног превођења, у којој се истиче да сваки облик тзв. *међујезичког превођења* битно одређују два појма: *процес и текст* којима, даље, одговарају два нивоа – *ниво процеса комуникације и ниво текста*. У поетици књижевног превођења ова два централна момента којима се дефинише стварање преводног текста спецификују се као сложени *процес преобликовања књижевно-уметничког текста* који се може окарактерисати као репродукционо-модификаторски. На крају тог процеса јавља се *текст књижевног превода* са низом најближих функционално-смисаоних еквивалената у циљном језику. Стога је сасвим разумљиво настојање аутора Б. Човића да у овој књизи сједини два подручја која су стицајем околности до сада често раздвајана: теоријски приступ и преводилачку праксу јер и једно и друго потпомаже овладавању занатом, па вештином и, најпосле, уметношћу. И управо тим редоследом, јер уколико би се теорија и преводилачка пракса насилно раздвојиле, овај природни растући след у развоју будућег књижевног преводиоца био би поремећен или у најбољем случају тешко предвидљив и препуштем више или мање случајности. Међутим, као што није довољно познавање теорије стиха да би се постало песник, тако исто је недовољно чак и бриљанно познавање теорије превођења да би се постало добар преводилац.

У овој књизи је дат преглед свих релевантних питања којима се теорија превођења бавила у последње две-три деценије, откако је у пуном замаху: питање њеног статуса легитимитета као самосталне par excellence филолошке дисциплине, истицање њених основних обележја уз помоћ низа дистинкција, одређивање њеног места у науци о превођењу и међу другим врстама и облицима превођења, дефинисање њеног предмета и истицање основних циљева.

3.2. "Човићева књига *Поетика књижевног превођења* је замишљена и као приручник за изучавање једне младе научне дисциплине пред којом је будућност. Таква књига - приручник за поетику књижевног превођења – колико знамо, није досад у нас објављена. Бранимир Човић је књигу компоновао с намером да представи што целовитију систематизовану слику актуелних питања теорије књижевног превођења.

Поетика књижевног превођења има три дела: прва два су превасходно теоријска, а трећи је из *Примењене науке о превођењу* (Књижевнопреводна аксиологија). У првом делу (*Теорија књижевног превођења као комплексна филолошка дисциплина*) аутор је акценат ставио на интердисцилинарност овог подручја истраживања, прецизно формулишући своја теоријско-методолошка становишта која му служе као основица да, надаље, низом дистинкција допре до правог предмета књижевног превођења. Елиминисањем споредних и истицањем специфичних обележја, он је теорији књижевног превођења одредио место, дефинисао њен статус као самосталне par excellence дисциплине, сачинио преглед приоритетних циљева и, најпосле, одредио њен појмовно-терминолошки апарат. У другом делу под насловом *Скица за самосталне теоријдке моделе у теорији књижевног превођења* понуђена је скица за будући целовит систем модела. У првом тексту (*Преводилац између пишчеве и сопствене поетике*) расправља се питање природе преводиочеве поетике, те синтагме која увелико изазива сумњу и подозрење, иако је чест наслов појединих расправа и чланака. У овом делу књиге аутор је демонстрирао низ образаца анализе комбиновањем књижевно- и лингво-стилистичког приступа. У трећем, поглавито, апликативном делу (*Примењена наука о превођењу*) говори се о месту критике књижевног превођења у науци о превођењу и дају обрасци критике превода прозе и поезије.

Б. Човић користи обимну и, по правилу, најновију и најзначајнију теоријску литературу. Међутим, и када прихвата моделе других аутора, он готово увек уноси у њих своје сопствене корективе.

Књига је писана стручним језиком, разложно и с методичком поступношћу, какву изискују овакви приручници: од општијег ка конкретном, појединачном, и обрнуто. Захваљући томе књига се чита лако иако је материја о којој се расправља сложена. А по ширини захвата, по оригиналним теоријским моделима, као и многим и разноврсним аналитичким процедурама ова књига ће ући у у ред наших важних књига из области теорије и праксе књижевног превођења". (*Из рецензије Миодрага Сибиновића*)

3.3. "Б Човић је претходним својим радовима везаним за проучавање књижевног дела, као и радовима посвећеним преводилаштву показао прави нерв за ову комплексну дисциплину која обухвата више разноврсних области и готово увек се креће рубним подручјима између науке о књижевности и лингвистике, или старијом терминологијом – остаје филолошка дисциплина у најширем смислу. Зато је један од најтежих захтева ове области не остати схемаричан, не доцирати, не успостављати "законе" већ анализирати оригинал, откривајући у њима тајне "лавиринте спојева", па потом исто то и у преводном тексту који остаје књижевно дело. (...) Своја дугогодишња проучавања књижевног дела, и писца и преводиочева учинка, Б. Човић је ставио у службу *поетике књижевног превођења* и написао приручник у којем је систематизовао проучавање целог низа питања и осветлио цео феномен на нов и јасан начин. Он се усудио да сачини управо поетику превођења, не општу теорију, већ да се ухвати у коштац са оваквим компликованим подухватом.

Треба очекивати да ће проблеми које Човић обухвата изазвати живу расправу међу теоретичарима превођења, као и да ће то бити плодоносна расправа. Што ће значити да је овај приручник заиста датум у нашој младој научној дисциплини". (*Из рецензије Саве Бабића*)

3.4.. «Книга «Поэтика художественного перевода» принадлежит перу професору философского факультета в г. Нови Сад (Југослави) Бранимира Човича, слависта, посвятившего многие годы изучению стилистики художественной литературы, исследованию структуры художественного текста. Чович – автор многочисленных статей и нескольких книг, среди которых особого внимания заслуживает капитальный труд о стилеисторической прозе А.Н.Толстого (1991), работа над которой в свое время нашла поддержку профессоров филологичкского факультета МГУ.

(...)

Задуманная как справочное пособие, книга Човича представляет собой систематическое освещение узловых проблем теории художественного перевода и может быть поставлена в один ряд с известныими у нас исследованиями в этой области. А.В. Федорова, Иржи Левого, А. Поповича и др.» (*Из приказа*: *Попова Т.П., Сербский ученый о проблемах художественного перевода.* (В:) Вестник Московского универсиета. Критика и библиография. Сер. 9. Филология, 1966, I, с. 151-154)

4. Компаративистичким темама Б. Човић је наставио да се бави и у наредне своје три монографске књиге: *Стил историјске прозе А.Н. Толстоја* (1990), *'Себе' Милоша Црњанског и руски класични историјски роман* (2001), *Руско-српске књижевне паралеле*. Књ. I-II. (2002, 2003), све три посвећене руско-српским књижевним и културним везама, у којима се прате све фазе утицаја једне књижевности на другу, са детаљно испраћеним фазама рецепције, и то од превода ка генетским и типолошким везама. Заједничко је овим трима капиталним студијама комплексно проучавање руске књижевности, језика и културе у контакту са српском књижевношћу, језиком и културом. Полази се од опште претпоставке да компаративистика не само да нема предмет истраживања унапред дат, већ га због комплексности објекта не може строго одредити ни истраживачева тачка гледишта, која иначе ствара предмет истраживања у другим, мање сложеним научним областима. Предмет истраживања обично измиче пре свега што је у старту дихотоман: једна национална књижевност (језик и култура) према другој, или, шире, према другим националним књижевностима. Па и сам низ *књижевност – језик – култура* захтева интердисциплинаран приступ.

4.1. "У централном делу студије *Стил историјске прозе А.Н. Толстоја* (1990), која има неколико поглавља Б. Човић је разматрао са више аспеката типске особености уметничке историјске прозе – све време поредећи главна дела А.Н. Толстоја са најуспелијим делима тог жанра у руској класичној књижевности, - романом "Капетанова кћи" А.С. Пушкина , "Тарасом Буљбом" Н.В. Гоголља, а посебно детаљно са "Ратом и миром" Лава Толстоја. Посебно треба истаћи вредност Човићевог аналитичког поступка у третману теме и грађе. Испитао је историјат процеса стварања Толстојевих дела о епоси Петра Великог, приповедни поступак, "ауторов лик" као основни конструкт романа "Петар Први". У анализи стила разматрао је стил историјске прозе са три битна аспекта: само дело; дело у односу на руску класичну прозу; у односу на српски и европски историјски роман. Посебно су успеле његове анализе видова објективације сижејних ситуација лексиком и фразеологијом грамата, записника са суђења "Тајне царске канцеларије", званичне кореспонденције државних институција, као и реминисценцијама и интерполацијама из књижевних дела друге половине XVII века. Презентирање нарације имперсоналног казивача, као и осталих актера у тој функцији, је изврсно". (*Из рецензије Милосава Бабовића*)

4.2. „Ово дело (*Стил историјске прозе А.Н. Толстоја* – Б.Ч.) је назочан пример повезаности језичих и књижевних истраживања, њихове узајамне условљености и компатибилности њихових резултата. И више од тога, оно показује неопходност филозофског, естетичког, историјског и друштвеног приступа језику када се хоће дубински да проучава план садржаја језичког исказа. У том контексту аутор с правом указује на значај стила, тачније на значењима која су кодирана у стилским изражајним средствима са посебним освртом на композицију као на формалну стилску формацију у делу. У ту сврху аутор је сасвим на месту користио комбинацију семиотичког приступа и анализе подтекста, опет са посебним освртом на улогу казивача и односе који се успостављају у делу између њега и аутора, њега и појединих јунака дела, њега и предмета приповедања." (*Из рецензије Милосаве Стојнић)*

4.3. „Значај књиге *Стил историјске прозе А.Н. Толстоја* др Бранимира Човића је вишеструк. Резултати ауторовог истраживања представљају, прво, допринос русистичкој књижевноисторијској стилистичкој научној мисли. Вредност овог истраживања нарочито проистиче из чињенице што је засновано на модерној динамичној концепцији стила као комплексне појаве која је у основи естетске структуре Толстојевог историјског романа. Човићева књига има значаја и за развој наше књижевноисторијске мисли. Њена је вредност, наиме, и у томе што аутор методолошки читким и доследним поступком остварује анализу стила једне веома сложене романескне структуре. А такве књиге су у српској науци о књижевности, као што је познато, још увек ретке и посебно драгоцене. И, најзад, ова књига, покренувши проблеме превођења историјске прозе као жанра у светлу накнадног откривања карактеристика оригинала и преводилачких решења у преношењу статичних елемената, као и динамичних саодноса тих елемената из оригинала, на фону не нарочито богате српске литературе о теоријским проблемима превођења књижевне прозе, ући ће у ред наших важних књига из области теорије превођења". (*Из рецензије Миодрага Сибиновића)*.

5.1. "Књига професора Бранимира Човића "Руско-српске књижевне паралеле" тематизује српско-руске књижевне и културне везе, сличности и разлике, облике комуникације, из оба правца – с полазиштем у руској и с полазиштем у српској култури. То је низ компаративистичких студија у којима аутор грађи, а у три њена одвојена дела (1. Од превода ка рецепцији; 2. Ка везама – контактним и типолошкиум; 3. Ка упоредбој типологији наративних поступака) поставља следећа питања: Какав је значај књижевног превода и његов однос према оригиналу? Које су и какве сличности између српске и руске књижевности а да су настале као последица сличности у развоју? Множину питања које покреће Човић, практично свих оних које му је изабрана грађа могла понудити, овде није могућно, а вероватно и ни потребно, у целини приказати. Тако се у првом делу превод разматра као културолошки, али и лингвистички проблем (проналажење културолошких и функционално-смисаоних еквивалената у језику), однос између превода и оригинала (преводом се врши само једно могуће читање књижевног дела друге културе), рецепција превода. Са преводом најпре започиње упознавање са страном и другачијом културом, али преводом страно дело постаје део домаће културе, утиче на њу, мења облике свести и постаје део националне историје књижевности. Након што је у првом делу анализирао комплекс проблема превода (на примерима из дела Његоша, Ивана Буњина, Андреја Платонова, Иве Андрића), у другом и трећем делу су радови у којима се испитују генетичке сродности и типолошке аналогије. То су појаве сличности између две књижевности које су настале као последица развоја из исте основе или живота у сличним политичким и социјалним условима. Анализирају се мотиви (нпр. "инстинкт смрти" код Андрића и Буњина), жанровске особености (нпр. историјски роман "Сеобе" Милоша Црњанског и руски класични историјски роман), стилски постиупци, фолклорни елементи слике у Андрића и Михаила Шолохова. Показује се како су српски и руски писци, не знајући један

за другог, долазили до истих или сличних поетолошких решења. Нуде се одговори на питања како је дошло до тога да се у обе књижевности јављају исте појаве, независно једна од друге, а да то није последица контаката. Трећи део књиге, који третира питања типолошких аналогија усмерен је на наративне поступке, има ту предност што свој предмет може да опише само у једној димензији, димензији језика, те тако оствари висок степен егзактности и формализације описа. Тиме је постигнута поуздана основа за извођење закључака.

Књига Бранимира Човића "Књижевне паралеле (руско-српске и српско-руске)" акрибична је, поуздана у детаљу и коришћењу методолошких процедура. Аутор у студијама вешто и документовано води расправу о покренутим питањима. Одељци се у књизи нижу поступно, од посебнијег и конкретнијег ка студијама у којима се истражује на темељу теоријских претпоставки. Књига има и општи значај – говори о односу између различитих култура, али је актуелна јер показује на који начин српска књижевност и култура постају део ширих европских оквира". (*Из рецензије проф. др Николе Грдинића*)

5.2. „Пред нама је, најзад, рукопис дуго најављиване и темељно припремане књиге угледног новосадског слависте проф. др Бранимира Човића из области компаративних проучавања српске и стране (руске) књижеввности и културе под насловом „Руско-српске књижевне паралеле“.

И поред очигледне комплементарности сваки од три тематски јединствених поглавља Човићеве књиге је истовремено и самосталан, целовит и у извеном смислу супротстављен осталима двама, али чинећи смислу супротстављен осталим са њима јединство вишега реда на нивоу глобалне науке – компаратистике.

Писац ове рецензије био је у прилици да током протеклих четврт века прати развојни пут научника проф. др Бранимира Човића. После прве монографије објављене 1985. године, осетивши потенцијал овог ствараоца, претпоставио сам да „могуће да је она само предрадња за неко будуће дело од великог формата, подједнако великог и обимом и темеом.“ И, доиста, моје прогнозе су се ускоро обистиниле. У наредној деценији су се појавиле неколике књиге од великог формата, подједнако велике и обимом и темом: „Поетска слика“ (1989), „Стил историјске прозе“ А.Н. Толстоја“ (1991), „Поетика књижевног превођења“ (1994). После „Поетске слике“ упозорио сам аутора да се у избору корпуса за своја истраживања не ограничи само на примере дела из руске књижевности, јер је очито да се његове анализе могу примењивати и на дела из наше књижевности, зато што су у теоријском делу ове његове књиге обезбеђене претпоставке за такву анализу. (...)

На срећу његову и наше науке, Човић је имао слуха за овакве опаске око укључивања својих истраживања у шире – компаратистичке оквире. Уследила је „Поетика књижевног превођења“ (1994), која је представљала, како смо истакли тада, круну вишегодишњих истраживања у овој области. Професор Човић је овом својом књигом сасвим усмерио фокус својих истраживања у правцу компатистике. Уследила је затим чисто компаративна студија „*Сеобе* Милоша Црњанског у контексту модерног руског историјског романа“ (2001).

И, најзад, и ова, можда, и најамбициознија и најобухватнија књига – „Руско-српске књижевне паралеле“ на двадесетак ауторских табака. И њоме су обухваћени сви значајнији руски и српски писци и критичари руске и српске књижевности у последња два века (Александар Пушкин, Николај Гоголь, Висарион Бјелински, Лав Толстој, Фјодор Достојевски, Антон Чехов, Иван Буњин, Андреј Платонов, Сергеј Јесењин, Михаил Шолохов, Виктор Пељевин и др.; Његош, Вук Стефановић Караџић, Стефан Митров Љубиша, Милош Црњански, Иво Андрић, Драгослав Михаиловић и др.) и готово сва значајнија дела једне и друге књижевности, сви до једног проведена кроз све оне фазе међукњижевне и међукултурне комуникације, посматрана увек са аспекта њихове рецепције у другој (руској или српској) књижевности и веза – контактних и типолошких.

Насловивши трећи део своје књиге „Ка упоредној руско-српској наратологији“ аутор је самим тим учинио отвореном ову своју књигу, наговестивши нову студију „Упоредна руско-српска наратологија“ или „Пролегомена упоредној руско-српској наратологији“.

Бранимир Човић се недвосмислено бави оним сегментом науке који се назива хуманистичком, па је отуда тешко очекивати да ће у његовој књизи бити говора само о објективном ређању чињеница, о просуђивању које не трпи другачији приступ, ни другачије закључке. Ово је подручје где је, срећом на цени субјективност и персоналнст. Дакле, пред нама је не само научник, већ и стваралац. Стваралац који понире, испитује, анлизира друге ствараоце, и док их тумачи, он посредно говори и о себи. Тако ће он у једној од својих ранијих књига дефинисати слободног човека –ствараоца: „Слободан човек се препознаје по метафоричној, неконвенционалној речи и мисли, без обала, неочекиваних спојева речи, свакојаких одступања од норме, по ексцесу, јереси...“ У овим речима препознајемо и Човићеве текстове и њега лично. Читајући његове текстове одједном примећујемо како су се у њему срећно сјединили приповедач и научник. Није то више строго научно излагање, већ повремено приповедање о томе шта се све може пронаћи у делу и аутору. Опасност вреба да се не одлута у празну причу и заборави на основни циљ. Међутим, Човић ће увек претходно обавити веома темељне анализе, засноване на најновијим лингвостилистичким и књижевностилистичким методама у комбинацији са иновираним старим, саопштити резултате истраживања, задржавајући право на узбудљивост откривања научних истина и идеја. Иако је реч најчешће о уочавању појединости, али оних пресудних за општи утисак, у позадини је увек анализа целог које се као целина никад не заборавља.

Бранимир Човић јесте научник, али и књижевник. Он је значајно смањио размак између научног дискурса и белетристичког приповедања. Али критеријуми нису тиме пољуљани већ су још више истакнути самим ставом комплетне личности.

Рукопис Б. Човића „Руско-српске књижецне паралеле" значајан је резултат вишегодишњих напора аутора да књижевне појаве и процесе сагледа у каквом-таквом тоталитету, тоталитету међусобних односа, преплитаја и укрштања до чега води пут који је трасирала модерна компаратисстичка мисао и пракса. И зато мислимо да ће ова књига дуго бити незаобилазни путоказ, за коју сам аутор каже да је у њој изграђивање теоријских поставки отворено јер засад нема још чврсто изграђеног система из којег би се видело шта обухвата и на чему се заснива. (*Из рецензије проф. др Саве Бабића*)

6. У монографији новосадског компаратисте професора Бранимира Човића „Сеобе Милоша Црњанског у контексту модерног руског историјског романа“ полазште је изведено из кључног теоријског проблема жанра историјског романа – однос документарног и имагинативног. Овај проблем јавља се у уметничкој пракси и теоријској мисли која ју је пратила од тренутка његовог утемељења у романима Валтер Скота, па до данас. Писац историјског романа принуђен је да у своју индивидуалну креацију прошлог времена уноси документа, језик, обичаје, да користи историјске изворе како би остварио уметничку уверљивост свога дела. У сваком историјском роману присутан је проблем атмосфере и локалне боје прошлости, а он је на различите начине решаван. Проблем архаизације у модерном историјском роману посматра се у овој студији угледног новосадског слависте у текстовима два значајна романа двојице значајних писаца: „Сеобама“ Милоша Црњанског и „Петру Првом“ Алексја Н. Толстоја. Тако се теоријски проблем жанра уводи у компаративну перспективу, не би ли се на тај начин боље или потпуније сагледао. Основа за упоређивање јесте њихова сличност: настали су у истом времену – крајем треће деценије прошлога столећа, обухватају приближно, мада не исто историјско време, што уз низ других подударности читав поступак упоређиваања чини додатно занимљивим. Кључно је да су оба писца независно један од другог у решавању проблема односа архаичног и модерног у историјском роману имали иста или слична

уметничка решења. Управо ова компаративна перспектива и омогућава аутору да уочи оно што је код Црњанског специфично, а што на другачији начин као такво и не може да се види. Главна разлика између романа „Сеобе 1“ и „Петра Првог“ јавља се као последица различитих традиција романа у српској и руској књижевности. Пре Црњанског у српској књижевности готово да ни нема уметнички значајног или успелог историјског романа, осим, донекле, „Хајдук Станка“ Јанка Веселиновића. У руској књижевности, напротив, традиција историјског романа – од Пушкина и Гоголја, преко Лава Толстоја и Дмитрија Мерешковског – веома је снажна и готово детерминишућа. Отуд је код Црњанског степен архаизације приметно слабији него код Алексеја? Н. Толстоја.

Ипак, доминантна обележја које граде сличност између два писца јесте проналажење сличних решења што, будући да је реч о модерној прози, пред истраживаче ставља сложене задатке. Будући да је реч о сложеним књижевним структурама аутор се определио за „комбинацију методолошких приступа са применом разноврсних аналитичких процедура“, другим речима прихватио се оних метода који су били адекватни грађи и постављеном истраживачком циљу. Средишни и најбитнији део рада посвећен је анализи поступака архаизације романа на нивоу стила, наративних поступака и односа два писца према документарној грађи. О томе се исцрпно говори у следећим поглављима:

- питање језичко-стилистичке основице историјске прозе;
- питање функције архаичних доминанти у историјској прози;
- место славенизама међу средствима историјске стилизације,
- анимално и „natura morrte“ поређење као помоћно средство историјске стилизације;
- питање функције „тобожњих“ архаизама;
- место позајмљеница из западноевропских језика с краја 17. века;
- граматички (морфолошко-синтаксички) архаизми;
- реалије епохе;
- интерполација оригиналне историјске грађе;
- питања избора приповедног поступка и „лика наратора“.

Тешко је подробно и у свим појединостима навести све резултате до којих је у својој књизи дошао професор Човић. Међутим, може се издвојити као једно од најзанимљивијих поглавља у којем је аутор у анализи „Мемоара“ Симеона Пишчевића и „Сеоба“ Милоша Црњанског документовано показао да је присуство Пишчевићеве мемоарске грађе у тексту „Сеоба“ знатно веће и значајније него што смо ми до сада знали и могли претпоставити. Наиме, није Црњански преузео из Пишчевићевих успомена само реалије прошле епохе, описе историјских догађаја већ је у свој роман инкорпорирао читаве одломке Пишчевоћевог текста или их је парафразирао, односно модификовао. Тако се у знатној мери релативизује питање односа текста и интертекстуалних релација. Основни закључак ове упоредне анализе поступака архаизације јесте да писци, мада нису знали један за другог, проналазе слична решења у стилизацији историјског времена, што је очит пример тзв. дисконтактних или типолошких веза између два писца који су живели и радили у исто време и у истом жанру.

Студија Бранимира Човића представља нов и оригиналан прилог проучавању „Сеоба“ Милоша Црњанског као историјског романа. Више него што смо до сада били склони мислити, у овом роману се открива присуство документарног слоја на нивоу архаичне лексике и фразеологије, поредбених конструкција, приповедног поступка, па чак и делова туђег текста инкорпорираног без измена или у стилизацији. (*Из рецензије проф. др Николе Грдинића*)

7. О његовим најновијим монографијама (*Основи комуникологије* /два издања/, у коауторству са др Ларисом Човић, као и о књизи *Реторика,* која је објављена 2007. г.), критика је већ изрекла афирмативан суд.

7.1. Корпус књиге "Реторика" подељен је на два обимна дела – I (7–170) и II (171–299), оба снабдевена исцрпним пописима релевантне литературе, односно коришћених извора.

Први део књиге, ***Општа реторика са основама стилистике и дикције***, састоји се од шест глава, и то: 1. *Реторика: научна и практична дисциплина*, 2. *Карактеристике усменог говора*, 3. *Питање норме усменог говора*, 4. *Логика усменог говора*, 5. *Поетолошки аспект говора* и 6. *Језички имиџ беседника*. Овај део књиге, по свим правилима добре композиције, уоквирује уводна беседа (*или прича о „лепим речима“ и „гвозденим вратима“*) на почетку, односно завршна (*„Чоек се позна по говору“, а беседник по припреми за усмену беседу*) – на крају књиге. Други део носи наслов ***Посебне реторике*** и чине га следеће главе: 1. *Правна реторика*, 2. *Политичка реторика*, 3. *Пословна реторика* и 4. *Реторика прозе*. Дакле, каошто се већ из најгрубљег пописа садржаја може закључити, *Реторика* Бранимира Човића је по својој структури заправо двотомник у корицама једне књиге.

Карактер овог вишеструко вредног списа немогуће је једнозначно одредити. По својој теми, а вероватно и циљној групи читалаца, *Реторика* Бранимира Човића поседује битна обележја уџбеника, односно приручника. Међутим, да би се оваква књига написала, па и да би служила као извор поузданих знања о говорништву за шири круг заинтересованих корисника, било је потребно ангажовати достигнућа из различитих области хуманистике, али и резултате властитих научних истраживања.

Професор Човић ерудитно излаже садржај класичног уџбеника реторике уз поуздан увид у досадашњу литературу из ове области, како на српском тако и на страним језицима. У уобичајено, рекло би се, стандардно уџбеничко ткиво, међутим, уноси мноштво иновација материјалног и методолошког карактера из разних области знања – од савремене лингвистике, преко науке о књижевности, психологије или комуникологије, па све до менаџмента. На пример, када излаже карактеристике усменог говора, Бранимир Човић, користи актуелна сазнања савремене социолингвистике и функционалне стилистике (поглавља 2.2. *Разговорни и усмени језик*, 2.3. *Стилови говора* или 2.5. *Супстандардна лексика усменог говора*), а нарочито када расправља о норми усменог говора (поглавља 3.7. *Лексика разних социолеката – професионална лексика*, 3.8. *Жаргон и арго* или 3.10 *Фразеологизми*).

Научни и стручни лик професора Човића – у смислу делокруга његових досадашњих научних интересовања и истраживања – маркантан је нарочито у 5. глави првог дела, где аутор суверено излаже проблематику поетолошког аспекта говора. Занимљиво је изложен садржај 6. главе (*Језички имиџ беседника*), где читалац, а нарочито потенцијални корисник Човићеве *Реторике*, стиче увид у тзв. „практичну“ реторику. Ту ће бити примењена стратегија поуке, али утемељена на поузданим знањима и искуствима из психологије, језичке и говорне културе, па чак и – бон-тона илити лепог понашања. Ово је уједно партија текста која у првом делу књиге садржи највише утилитарног.

Други део *Реторике* Бранимира Човића, посвећен посебним реторикама, такође има примењени карактер и, рекло би се, јасно одређеног циљног читаоца – онога ко жели да стекне или употпуни знања о савременој употреби реторике у њеном изворном окружењу – на суду и политици, али и у пословној комуникацији.

Нарочитог осврта вредна је 4. глава другог дела књиге *Реторика прозе* где аутор мериторно расправља о питањима књижевне наратологије са становишта беседничке стратегије појединих прозних стваралаца и њихових дела. Овде професор Човић излаже резултате властитих наратолошких и поетолошких истраживања – нпр. о функцији наратора у епској структури, о лицу и маскама наратора у *Сеобама* Милоша Црњанског, о „сигналима“ сказа у *Кући на осами* Ива Андрића у контексту изоморфних наративних модела модерне руске прозе, о наративним стратегијама, тачније поетици *сказа* у делима.

У целини гледано, најновије дело професора Бранимира Човића под насловом *Реторика* вишенаменско је штиво које кроз јасно и популарно излагање несумњиво унапређује теорију и праксу науке о беседништву – у првом реду правом ревијом како ваљаних класичних научних постулата, тако и нових, па и најновијих домета у лингвистичко-литературолошким научним истраживањима. При томе је очекивање уџбеничко-приручничке наранције која би била уловљена у клопку сувопарности и аподиктичности – у *Реторици* Бранимира Човића срећно превазиђено, па и вишеструко надмашено: сам аутор је врстан беседник и рођени приповедач, па је озбиљан текст, преобилан каткад апстрактним чињеницама, успео да учини лако читљивим.

Имајући у виду, с једне стране, несумњиву теоријску и практичну утемељеност књиге у успелој спрези с приступачношћу излагања (а то ће бити од пресудног утицаја на ширину читалачког оптицаја), њену научну садржајност и уједно отвореност према читаоцу, *Реторика* аутора проф. др Бранимира Човића свакако ће заузети високо место у литератури ове данас неправедно запостављене области људског духа.“ (*Из рецензије проф. др Петра Буњака*)

Учешће на научним конференцијама и пројектима

Почев од средине 1970-их година проф. Бранимир Човић је учествовао сваке године без паузе у радном календару на многим међународним скуповима широм света, где су његови реферати редовно изазивали изузетан интерес научне јавности. Неједном је наступао на пленарним седницама (понекад и са уводним рефератом) и председавао и руководио радом секција. Недавно је прекорачио бројку од 140 учешћа на међународним научним скуповима, што је прави куриозитет на овим нашим балканским просторима

„Трећи славистички скуп одржан је у згради Филолошког факултета Универзитета у Санкт-Петербургу и радио је по секцијама: секција граматике, лексикологије, историје словенских језика, теорије и историје литературе, фразеологије и теорије и критике превода. На конференцији је учествовало седамнаест референата из некадашње Југославије. Највећи број реферата односио се на проблеме језика и типологије словенских литература, а најзапаженији реферат на читавом скупу је поднео професор Новосадског универзитета Бранимир Човић, који је надахнуто и без икаквих бележака говорио о преплитању литературе, филма, сликарства и музике.“ (*Из приказа Милана Чолића, русисте, првог преводиоца романа М. Булгакова „Мајстор и Маргарита“ на српски језик,-објављеног у листу „Данас“ (у рубрици „Светска књижевност), VII, субота и ънедеља, 6-7. октобар, 2001*).

Стручни рад

Од 1980. године до пре годину дана проф. др Бранимир Човић је руководио интеркатедарским, међууниверзитетским научним пројектима, који су резултирали многобројним монографијама, студијама, расправама и чланцима. За тај свој рад је у више наврата награђиван.

Човек који је од својих првих корака у науци имао нерв за девичанско, нимало или слабо истражено, херметично, и баш због тога интригантно, изградио је с временом разгранату научну лабораторију с пребогатим методолошким инструментаријумом и ипмозантним истраживачким искуством. И све то професор Човић не задржава само за себе, већ радо дели с другима – само да је више оних који би то умели да приме.

Прилажући овај зборник на дар поводом 80-годишњег јубилеја, пожелимо професору Бранимиру Човићу добро здравље, а надасве – непресушну научну радозналост и стваралачки немир.

Колеге, сарадници и пријатељи

Др Бранимир Човић, редовни професор

Б и б л и о г р а ф и ј а

(Избор)

Књиге

1. *Уметност превођења или занат*. Нови Сад: Књижевна заједница Новог Сада, 1986, 176 стр.

2. *Поетска слика*. Нови Сад: Радови Института за стране језике и књижевности. А. Језичке студије, књ. 12, 1989, 195 стр.

3. *Стил историјске прозе*. Нови Сад: Радови Инситута за стране језике и књижевности. А. Језичке студије, књ. 14, 1991, 227 стр.

4. *Поетика књижевног превођења*. Београд: Научна књига, 1994, 277 стр.

5. *"Сеобе" Милоша Црњанског у контексту модерног руског историјског романа*. Београд: Ведес, 2001, 157 стр.

6. *Руско-српске књижевне паралеле*. Београд: Ведес, 2002, 303 стр.

7. *Руско-српске књижевне паралеле*. Друго измењено и допуњено издање. Београд: Ведес, 2004, 358 стр.

8. *Реторика*. Бања Лука: Паневропски универзитет "Апеирон". Факултет правних наука. 207, 300 стр.

9. *Основи комуникологије*. Бања Лука: Паневропски универзитет "Апеирон". 2007, 329 стр.

10. *Основи комуникологије*. Бања Лука: Паневропски универзитет "Апеирон". Друго допуњено издање, 2008, 439 стр.

11. *Двојезичност аутобиографске прозе В. Набокова: нови „преводни жанр" и/или „међујезичке игре"* (Превод у систему компаративних изучавања националне и стране књижевности и културе). Филозофски факултет Универзитета у Приштини са привременим боравком у Косовској Митровици, 2014, 189 стр. (Колективна монографија).

12. *Основи упоредне руско-српске наратологије*. Рукопис предат у штампу. Нови Сад: Змај. 342 стр.

Студије, расправе, чланци

1967.

12. Тренутак говора, време говора, временски размак?... (У:) Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1967, књ. X, 399-405.

1970.

13. Употреба имперфективног и перфективног презента у савременом руском књижевном језику. (У:) Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, 1970, књ. XIII/2, 615-657.

1971.

14. Афанасиј Афанасијевич Фет – мајстор сазвучја речи. (Прилог проучавању неких сродних елемената у лирици А.А. Фета и А.А. Блока). (У:) Годишњак ФФНС, 1971, књ. XIV/1, 383-394.

1974.

15. О облицима "туђег говора" у руском језику прве половине XVII века у поређењу са савременим. (У:) Годишњак ФФНС, 1974, књ. XVII/2, 419-446.

1977.

16. Семантичка перспектива речи и индивидуални стил. (У:) Зборник за славистику, св.13, Нови Сад, 1977, 21-65.

1981.

17. О симболици Обломовљевог идеала изгубљеног раја. (У:) Зборник за славистику, Нови Сад, 1981, св. 18, 125-137.

18. Облици приповедања у уметничкој књижевности. (У:) Зборник за славистику, св. 20, Нови Сад, 1981, 77-111.

19. Уметност или занат (О неким аспектима превођења). (У:) Зборник радова ИСКЈ, св. 3, Нови Сад, 1981, 91-137.

1983.

20. О преводима ‘Петра Првог’ на српскохрватски језик. (У:) Преводилачке споне, Копча III, Нови Сад: Институт за јужнословенске језике Филозофског факултета, 1983, 91-149.

1985.

21. О превођењу историјске прозе. (У:) Предраг Пипер, О преводима из руске књижевности. Преводилачка читанка. Нови Сад, 1985, 239-267.

22. О превођењу историјске прозе. (У:) Зборник за славистику, св. 27, Нови Сад, 1985, 7-43.

1986.

23. О превођењу Шандора Петефија на наш језик. (У:) Летопис Матице српске, св. 3, Нови Сад, 1986, 414-417.

25. Образы и символы ‘Тихого Дона’. (В:) Зборник Матице српске за славистику, св. 30, Нови Сад, 1986, 57-83.

1987.

26. Како смо и по трећи пут читали књигу Саве Бабића: Како смо преводили Петефија. (У:) Зборник радова ИСЈК, св. 8, 432-435.

27. Историја и поетика превода. (округли сто критике превода). (У:) Култура, св. 76-77, Београд, 1987, 211-214.

28. Како сам по други пут читао књигу Саве Бабића: Како смо преводили Петефија. (У:) Зборник радова ИСЈК, св. 8, Нови Сад, 1987, 429-432.

1988.

29. Теоријска мисао о превођењу. (У:) Критика, св. 314, Београд, 1988, 20-21.

30. Поетика наслова књижевних дела као преводилачки проблем. (У:) Зборник ИСЈК, Нови Сад, 1988, св. IX, 299-326.

31. Формы словесного построения и принципы композиционного развития сложного многопланнового образа ‘смеющегося моря’ в рассказе ‘Мальва’ М. Горького. (У:) Поетика стваралаштва Максима Горког. Сарајево-Илиџа: Филолошки факултет, 1988, 171-176.

1989.

32. Структурно-семантичке мене сложене целовите поетске слике мора у композицији ‘Мальве’ М. Горког. (У:) Зборник радова Института за стране језике и књижевности, Нови Сад, 1989, св. X, 266-290.

1990.

33. Преводилачке разнолије. (У:) Руковет, св. 6, Суботица, 1990, 1220-1224.

34. Могућности и границе превођења. (У:) Руковет, св. 4, Суботица, 1990, 1286-1290.

35. Проблемы эквивалентности при переводе заглавий литературно-художественных произведений. (У:) Зборник ИСЈК, Нови Сад, 1990, св. XII, 67-736. Скица за историјску поетику руске лирике. (У:) Руковет, св. 2, 1990, 2378-2382.

37. Нови прилози за теорију и историју књижевног превођења. (У:) Живи језици. св. 1-4, Београд, 1990, 105-107.

38. Интерпункција као елемент пишчевог стила и питања верности њеног преношења у преводу. (У:) Мостови. Београд: Удружење књижевних преводилаца Србије. 1990, св. 3-4/ 83-84, 65-73.

39. Светли дани чемерне музе (О стогодишњици рођења Ане Ахматове). (У:) Зборник за славистику Матице српске, Нови Сад, 1990, св. XXXIX, 213-216.

40. Место превода и аналитичке критике превода у проучавању стила књижевног дела. (У:) Друга конференција 'Живи језици': "Теоријске и методолошке основе наставе страних језика и књижевности на филолошким/филозофским факултетима у Југослвији". Зборник радова са научног скупа 25-27. IX, 1990, Нови Сад, св. XIII, 181-191.

1991.

41. О 'Тихом Дону' Михаила Шолохова у преводу Милосава Бабовића. (У:) Научно дјело Милосава Бабовића: зборник радова. Титоград, 1991. 56-66.

42. Вишекратни превод књижвног дела и очекивање жанра. (У:) Зборник радова ИСЈК, Нови Сад, 1991, св. XIII, 105-115.

1992.

43. Монтажне враголије. (У:) Политика – Културни додатак, 15.VIII, 1992, 18.

44. Игре симетрије. (У:) Политика. Год. LXXXIX, бр. 28118 – (Културни додатак), 8.I 1992, 18.

45. Структурни параметри поетике Иве Андрића. /О.Л. Кирилова: Между мифом и игрой. О поэтике Иво Андрича. Москва: РАН, Институт славяноведения и балканистики. 1992, 123 с./ (У:) Мотив 'инстинкт смрти' код Андрића и Буњина. "Иво Андрић 1892-1992". Зборник Матице српске за књижевност и језик, књ.XL, св. II, Нови Сад, 1992, 214-216.

46. Превођење као стваралачки импулс (Скица за портрет преводиоца Данила Киша и за преводилачку концепцију у 'Руској руковети'). (У:) Поља, Нови Сад, 1992 св. 399, 136-139.

47. Свака велика мисао почива на јереси (Поводом четрдесетогодишњице научног рада академика Милосава Бабовића). (У:) Зборник за славистику Матице српске. Нови Сад, 1992, св. 41, 199-202.

48. Мотив 'инстинкт смрти' код Андрића и Буњина. (У:) "Иво Андрић 1892 – 1992" Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1992, књ. ХЛ, св. ИИ, 213-229.

49. О критици књижевног превода. (У:) Дневник, 25.11. 1992, 14.

1993.

50. Мотив 'инстинкт смрти' код Ива Андрића и Ивана А. Буњина. (У:) Гласник Црногорске академије наука и умјетности, Подгорица, 1993,
књ. XII, 243-263.

51. Конструктивна доминанта као поступак у реализацији мотива 'инстинкт смрти' код Иве Андрића и Ивана А. Буњина. (У:) "Иво Андрић у своме времену". Састанак слависта у Вукове дане. Београд: МСЦ, 1993, св. 22/1, 129-141.

1994.

52. О критици књижевног превода. (У:) Годишњак Филозофског факултета. Књ. XXI-XXII (1992-1993). Нови Сад, 1994, 103-112.

53. К изучению индивидуального стиля литературного произведения (на материале ранних рассказов М. Горького). (В:) Русский язык и литература в диалоге культур. Регенсбург, 1994, 94-95.

1995.

54. О превођењу ‘Горског вијенца’ на руски језик. (У:) Петар II Петровић Његош - личност, дјело и вријеме: зборник радова, Подгорица: ЦАНУ , 1995, књ. XII, 421-443.

55. Преводилац између пишчеве и сопствене поетике (О природи преводиочеве поетике). (У:) Зборник Матице српске за филологију, Нови Сад, 1995, св. 37, 639-647.

56. Мотив ‘инстинкт смерти’ у Иво Андрича и Ивана Бунина. (В:) Славяноведение. Москва: РАН, 1995, № 1, 61-69.

57. ‘Сеобе’ Милоша Црњанског према ‘Петру Првом’ А.Н. Толстоја. (Прилог проучавању принципа и поступака историјске стилизације). (У:) “Модерно у прозном дискурсу српске књижевности”. Београд: Састанак слависта у Вукове дане, 1995, 215-223.

1996.

58. К вопросу об общенародном и индивидуальном в языке писателя. (В:) IV Международный симпозиум: Сопоставительные и сравнительные исследования русского и других языков. Тезисы докладов. Белград: МАПРЯЛ, 1996, 81-82.

59. О Вуковом ‘Новом Завјету’ као примеру интра- и интер-језичког превођења са траговима елемената неколиких превода-посредника. (У:) Српска књижевност и Свето писмо. Београд-Манасија: Састанак слависта у Вукове дане, 1996, 44-45.

60. Јесењинова ‘сложена једноставност’. (У:) Летопис Матице српске, Нови Сад, 1995, књ. 456, св. IV, 527-534.

61. О ‘стилистичкој црти’ у руском и српском језику. (У:) Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду, књ. XXIV, Нови Сад, 1996, 157-169.

1997.

62. ‘Имперсоналност’ као доминантан стилогени елемент у конципирању ликова у ‘Тавним дрворедима’ (‘Темные аллеи’) И.А. Буњина. (У:) XXIII међународни београдски преводилачки сусрети., 22-26. маја 1997.

63. Инфантилизмы в прозе Андрея Платонова как переводческая проблема. (В:) Язык и культура. V Интернациональная конференция. Т. III. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. Киев: Институт международных отношений Киевского университета имени Тараса Шевченко. Институт украинского языка НАН Украины. Фонд гуманитарного развития ‘Коллегиум’, 1997, 191-195.

64. О ‘переводном жанре’ в межъязыковом, внутриязыковом и межсемиотическом переводах. (В:) Язык и культура. Т. III, Киев: ‘Коллегиум’, 1997, 195-200.

1998.

65. Бинарна опозиција ‘славенизам’ – ‘солецизам’ у структури слике у Његошевом ‘Горском вијенцу’ и руски преводни еквиваленти. (У:) Међународни научни скуп “Превођење Његошевог ‘Горског вијенца’ на стране језике”. Подгорица: ЦАНУ, 28-29. маја 1998. (У:) Зб. радова “Превођење ‘Горског вијенца’ на стране језике”. ЦАНУ. Научни скупови, књига 56. Одјељење умјетности, књига 19, 33-71.

66. Култни песник XX века (Уз 102-годишњицу рођења Сергеја Јесењина. (У:) Наше слово, св. 2-3, Нови Сад-Москва, 1998, 35.

67. Нови живот једине Његошеве љубавне песме: ‘Ноћ скупља вијека’. (У:) Политика. Културни додатак, 10. јануар 1998, 19.

1999.

68. Ка свеобухватној стилистици (Радоје Симић: Стилистика српског језика. Београд: Научно друштво за неговање и проучавање српског језика, Уџбеници и приручници. Серија II, бр. 3, 1999, 275). (У:) Ријеч; часопис за науку о језику и књижевност, књ. V, св. 1-2. Никшић: Институт за језик и књижевност, 1999, 155-159.

69. Актуелни тренутак науке о превођењу (О интер- и интра-језичкој и интер-медијалној комуникацији). (У:) Зборник радова ИСЈК, св. XXVII, 1999,189-207.

70. ’Сеобе’ Милоша Црњанског према руском класичном историјском роману (Прилог компаративној поетици историјске прозе). (У:) Књижевност и историја, IV “Историјски роман код словена”: зб. радова са научног скупа од 11 – 13. IX 1999. Ниш: Центар за научна истраживања САНУ и Универзитета у Нишу, 215-228.

71. Пародијска парафраза полемике: Ко од кога треба да учи страни језик? (У:) Наше слово. Руско-српски магазин. Москва-Београд, бр. 5, септембар 1999, 41-43.

2000.

72. Актуелни тренутак науке о превођењу (О укрштајима:интер- и интер- и интра-семиотичког на прагу III миленијума). (У:) Зборник радова ИСЈК, св. XXVIII, 2000, 220-230

73. Књига којом се држи прикључак са светском транслатологијом (Ненад Крстић: Француска књижевност у српским преводима (1775-1843). Нови Сад: Светови, 1999, 331). (У:) Летопис Матице српске, септембар 2000, књ. 466, св. 9, 403-405.

74. Перевод как пример межкультурного и межжанрового диалога (Перевод стихотворения Десанки Максимович *И гавран рече* на русский язык). II Славистические чтения. Санкт-Петербург, 9-13, IX 2000, 163-167.

75. О ‘оказионалним синонимима’ у интра- и интер-језичкој комуникацији. XXIX међународни састанак слависта у Вукове дане: “Конкуренција језичких средстава у српском језику”. Београд, 2000, 31-34.

76. Лице и маска наратора у “Сеобама” М. Црњанског у контексту модерног прозног дискураса руског историјског романа. (У:) Српска књижевност у контексту европске књижевности. 30. међународни научни састанак слависта у Вукове дане. Београд-Нови Сад: МСЦ, 2000, 63-68.

2001.

77. Бинарна опозиција “славенизам” - “солецизам” у структури слике Његошевог “Горског вијенца” и руски преводни еквиваленти. (У:) Превођење “Горског вијенца” на стране језике”. Зб. радова. Научни скупови, књига 56. Одјељење умјетности, књига 19. Подгорица: Црногорска академија наука и умјетности, 2001, 32-71.

78. Превођење као стваралачки импулс. (У:) Преводна књижевност, 2001, 287-301.

79. Преводилац између пишчеве и сопствене поетике. (У:) Преводна књижевност, 2001, 161-170.

80. О “сигналима сказа у Андрићевој “Кући на осами” у конткту изоморфних наративних модела модерне руске прозе (компаративни приступ). (У:) Српска приповетка. 31. међународни научни скуп слависта у Вукове дане. Београд: МСЦ, 2001, 59-60.

81. Контролисана креација у превођењу наслова књижевних дела. Преводна књижевност. Зб. радова. Београд: Удружење књижевних преводилаца Србије, 2001,46-67.

82. Интерпункција као елемент пишчевог стила и питања верности њеног преношења у преводу. (У:) Преводна књижевност, 2001, 82-91.

83. Вишекратни превод књижевног дела и очекивање жанра. (У:) Преводна књижевност, 2001, 147-153.

2002.

84. Превод као вид међукултурне и међужанровске комуникације. (У:) Преводилац, 2002, св. 1-2/02. Београд: Удружење научних и стручних преводилаца Србије, 32-40.

85. Промоција пројекта компаративистике у Новом Саду. Преводилац, 2002, св. 1-2/02. Беодрад: Удружење научних и стручних преводилаца Србије, 68-74.

86. Лице и маска наратора у ‘Сеобама’ М. Црњанског у контексту модерног прозног дискураса руског историјског романа. (У:) Бранимир Човић, Руско-српске књижевне паралеле. Београд: Vedes, 2002, 226-241.

87. Прилог проучавању упоредне жаргонологије. /Борислава Ераковић: О превођењу урбаног америчког супстандарда (на примерима романа “Ловац у ражи” Ц. Д. Селинџера и

“На путу” Џ. Керуака. Нови Сад: 2002, 246 /(Приказ). (У:) Преводилац, 2002, св. 1-2/02, 54-57.

88. Трагови авангардне естетике и поетике у позној новелистици И.А. Буњина (Категорија ‘имперсоналности’ у ‘Тавним дрворедима’). (У:) Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Књига XXX, Нови Сад, 2002, 189-209.

89. Фолклорни елементи у приповедној структури *Тихог Дона*: I. Фолклорни мотиви у структури слике; II. Удео фолклорног у романескном времену. (Прилог поетици романа-епопеје). (У:) “Руско-српске књижевне паралеле”, Београд: Vedes. Библиотека Компаратистика, 2002, 161-198.

2003.

90. Перевод как пример межкультурного и межжанрового диалога (стихотворение Д. Максимович “И ворон гаркнул” на русском языке)” (У:) II Славистические чтения... Материалы международной научной конференции 12. – 14. сентября 2000 г. (Изашло из штампе 2003) Санкт- Петербург: Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 2001*:* 129-133.

91. IVславистички сусрети – Санкт-Петербург 2002. (У:) Преводилац, св. 3-4, Београд, 2003, 84-88.

92. Слојевитост стилова и синкретизам жанрова у Пушкиновој “Полтави” и питање њене рецепције у српској књижевности. (У:) Стил. Београд-Бања Лука: Удружење књижевника Србије, Међународно удружење “Стил”, 2003, 101-113.

93. О типахинтер иинтра-медиальных реляций: словесно-эстетическое – пиктуральное – киноискусство. (V:) X конгресс МАПЯЛ. Ррусское слово в мировой культуре. Сборник докладов и сообщений. Санкт-Петербург, 2003, 239-246.

94. X конгрес МАПРЯЛ-а. Санкт-Петербург 2003: Руска реч у контексту светске културе. (Приказ у коауторству са Ларисом Човић). (У:) Преводилац, 2003, св. 3-4, 81-84.

2004.

95. Велимир Живојиновић Massuka – утемељивач модерне српске стилистичке критике. (У:) Велимир Живојиновић Массука – живот и дело. Зборник реферата са научног скупа, Ниш, 22. и 23. новембар 2002. Ниш: Центар за научна истраживања САНУ и Универзитета у Нишу. Студијска група за српски језик и књижевност Филозофског факултета у Нишу, 2004, 69-82.

96. Црњански и Радослав Петковић: “Роман о Лондону” према “Судбини и коментарима”. (У:) Стил. Београд-Бања Лука: Удружење књижевника Србије, Међународно удружење “Стил”, 2004, 369-381.

97. In memoriam: Сава Пенчић (1925-2003). (У:) Преводилац. 2004, св. 1-4, 84-90.

98. *Милош Црњански и Радослав Петковић „Роман о Лондону” према „Судбини и коментарима”.* МСЦ, Прожимање жанрова у српској књижевности. Књижевно дело Милоша Црњанског и поетичке промене у савременој српској књижевности. *Београд, 2004, 3/2 325-336. Милош Црњански и Радослав Петковић „Роман о Лондону” према „Судбини и коментарима”,* Стил, број 3, 2004, 369-380.

99. Циклус раних историјских новела А.Н.Толстоја као низ стилских етида за будући историјски роман (Компаративни приступ) Српски језик, број 8/1-2, година VIII, Београд 2003, 667-678. (Изашло почетком 2004).

100. O saneta siplicitas. (У:) Добривоје Зечевић: Голобоси кроз трње. Роман. Владимирци: Библиотека „Диша Антић”, 2004. 292

2005.

101. *К вопросу о композиции „Анны Карениной: от веры к безбожию и от безбожия к вере* (У:) Международная научная конференция. VI славистические чтения памяти профессора П.А.Дмитриева и профессора Г.И.Сафронова. Материалы международной

научной конференции 9-11 сентября 2004, г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург, 2005, 242-249.

102. *К вопросу о переводной компиляции* (У:) VII Международная научная конференция по переводоведению „Федоровские чтения". Тезисы докладов, 20-22 октября 2005г., Санкт-Петербург, 2005, 84-85.

103.*Циклус раних историјских новела А.Н.Толстоја као низ стилских етида за будући историјски роман (Компаративни приступ*). (У:) Књижевност и историја IV: Транспозиција историјских догађаја и личности у приповеци код Словена. Зборник радова са научног скупа одржаног у Нишу 21. и 22. новембра 2003. Центар за научна истраживања САНУ и Универзитета у Нишу, Филозофски факултет у Нишу. Ниш 2005, 103-115.

104. *Превод као вид међукултурне и међужанровске комуникације*. (У:) Преводна књижевност. Зб. радова. Београд: Удружење књижевних преводилаца Србије, 2005, 11-18.

105. *Прилог проучавању композиције „Ане Карењине": од вере ка безбожништву и од безбожништва ка вери*. (У:) XVI конгрес Савеза славистичких друштава Србије и Црне Горе. Врњачка Бања, 6-8.октобар 2005.год. Актуални проблеми у проучавању и настави српског и других словенских језика и књижевности. Књига резимеа. Београд, 2005, 98.

106. *Преводилац Сава Пенчић – о превођењу*. (У:) Проф. др Сава Пенчић – Живот и дело. Зборник радова са округлог стола одржаног у Нишу 3. децембра 2004. Ниш: Центар за истраживања САНУ и Универзитета у Нишу, Славистичко друштво Србије, Студијска група за српски језик и књижевност, Филозофски факултет у Нишу, 2005, 87-95.

2006.

107.*Трагови мемоара Симеона Пишчева у епској стуктури Сеоба М. Црњанског: о односу аутентичне историјске грађе и уметничке фикције у поступцима историјске стилизације* (У:) Међународни научни скуп. Граматика и лексика- дескриптивни и нормативни приступ. Књижевност и стварност. Тезе и резимеа, Београд, 2006, 71-76.

108. *К вопросу о переводной компиляции* (У:) Седьмые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. Санкт-Петербург, Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2006, 544-551.

109. *Новое в переводоведении или старые проблемы и новая ориентация в начале третьего тысячелетия.* (У:) VIII Юбилейная научная конференция по переводоведению,,Федоровские чтения", посвсвященная 100-летию со дня рождения А.В. Федорова. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2006, 117-118.

110. *Форме наратива у прози Јелене Димитријевић (на примеру романа „Нови")* (У:) Јелена Димитријевић. Живот и дело. Зборник реферата са научног скупа. Ниш, 2006, 21-32.

111. *Борис Годунов у руској историографији и у истоменој Пушкиновој трагедији.* Књижевност и историја VII, Транспозиција историјских догађаја и личности у трагедији код Словена. Међународни научни скуп, Ниш, 2006, 187-199.

112. Света једноставност и трагична узвишеност казивања (У:) Добривоје Зечевић: Голобоси кроз трње. Друга књига. Под зрацима наде. Владимирци. Библитека „Диша Антић". 2006, 243-247.

113. *Ново у транслатологији или стари проблеми у новом светлу.* /У:/ Преводилац, св. 56, бр. 3-4, јул-децембар 2006, 25-36.

2007

114. *Реторика*. Бања Лука: Паневропски универзитет, 2007, 299 стр.

115. *"Окказиональные синонимы" во внутри- и межъязыковом переводах в целях преподавания русского языка как иностранного"*. Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Москва, 2007, 381-382.

116. *Игроказ Добривоја Зечевића као пример синкретичке драмско-епске структуре*. (У:) Д. Зечевић. Наш цар, Јосип Седми. Нови Сад, 2007, 75 -80.

117. Философская и словесно-эстетическая концепция истории в творчестве А. Н. Толстого и Милоша Црнянского (У:) Зборник радова Филозофског факултета XXXVI/2006, Универзитет у Приштини, Филозофски факултет, Косовска Митровица, 2007, 557-564.

118. *Новое в переводоведении или старые проблемы и новая ориентация в начале третьего тысячелетия. (У:)* Университетское переводоведение, Санкт-Петербург, 2007, 498-508.

119. Фјодоровски сусрети – Санкт Петербург 2006. Приказ. /У:/ Преводилац, св. 56, бр. 3-4, јул-децембар 2006 (Изашао из штампе у фебруару 2007), 57-63.

120. *Композиција ''Ане Карењине'' у функцији основне идеје романа (од вере ка безбожништву и од безбожништва ка вери)*. /У:/ Стил. Св. 5, Београд, 2006 (Изашло /У:/ Стил. Св. 5, Беогрсд, 2006 (Изашло почетком 2007), 317-328.

121. Реторика прозе. /У:/ Реторика. Бања Лука: Паневропски универзитет, 2007, 225-284.

122. *Поступци интерполације историјске грађе и епске структуре Сеоба М.Црњанског и Петра I А.Н.Толстоја*, МСЦ, Београд, 37. научни састанак слависта у Вукове дане, 37/2, *2008,* 359-375.

123. *Творческая личность переводчика (переводчик между авторской и собственной поэтиками). „*Русский язык и культура в зеркале перевода*”*(материалы международной научной конференции). Москва, Московский государственный университет., 2008,. 598-609.

124. *О заједничким елементима „сказа” код Стевана Сремца, Стефана Митрова Љубише и код неких руских приповедача XIX века*. /У:/ 38. међународни научни састанак слависта у Вукове дане: Место приповетке у српској књижевности. Тезе и резимеа. Београд, МСЦ, 2008, 47-48.

125. *Scientific Terms in Speech and Language Pathology and Therapy*. У каоуторству са Совиљ Мирјаном и Бранисловом Човић. *(У:)* Университетское переводоведение, Санкт-Петербург, 2007.

2009.

126. Возможности для проявления творческой инициативы при переводе метафор. (U:) La traduction:philosophie, lingustique et didactque. Lille, Universite Charles-de-Gaullt-Lille3, 2009, 207-213

127. О заједничким елементима сказа код Стевана Сремца, Стефана Митрова Љубише и код неких руских приповедача XIX века (У:) МСЦ, Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 2009, бр 38/2, 151-168. .

128. Первый учебник по художественному переводу и лингвострановедению у сербов (о переводе, описании и толковании русских реалии культуры в “Русской хрестоматии” Радована Кошутича) (В:) Наука о переводе сегодня. Перевод и смысл. Москва, Московский государственный университет, 2009, 247-249.

129. Сказ Григорија Божовића као огледало локалне фолклорне усмене традиције у контексту изоморфних наративних модела модерне српске и руске књижевности (Прилог поетици сказа код Г. Божовића, М. Љубише, **С.** Сремца, Иве Андрића, Д. Михаиловића, Н.В. Гоголља, А.С. Пушкина, Н. Љескова, И. Буњина). (У:) Зборник радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини, Косовска Митровица, XXXVIII, 2009, 58.

130. Место перевода и аналитической критики перевода в изучении стиля литературно-художественного произведения. (В:) Университетское переводоведение. Санкт-Петербург, 2009, 578-586.

131. Окказиональные синонимы в интера- и интер-языковом переводах. Вестник Московского университета, серия 22.Теория перевода, 2008/4 . 2009, 71 -92.

2010

132. *U koautorsvu sa Čovič L.I.,* Ob interiazykovom I intersemioticheskom kak predposylkah dlia intermediialnyh reliacij pjesy: ot objekta slovesno-esteticheskih k scenicheskomu i kinematograficheskomu iskusstvam (Na materiale pjesы «Diadia Vania» A. P. Čehova i ieie perevoda na serbskii iazyk). U: K 150-letnemu iubileiu A.P.Chehova. "Russkii iazyk i kultura v zerkale perevoda" 28-30 aprelia 2010. Moskva: Izd. Vysshaia shkola perevoda MGU, 2010, str.601-611.

133. *U koautorstvu sa Čovič L.I.*. Об интеръязыковом и интерсемиотическом переводах как предпосылках для интермедиальных реализаций пьесы: от объекта словесно-эстетического к сценическому и к кинематографическому искусствам *(На материале пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехова и ее перевода на сербский язык)(U:)* Vestnik Moskovskogo univerziteta.Seriia 22. Teoriia perevoda, 3/2010, №3,

134. Savremene kompjutorski tehnologije: virtuelni oblici organizacije individualnog rada studenata (ruski poslopvni jezik) Zbornik radova. Proceeding. Banja Luka, Panevropski univerzitet, 2010, str.68-75

135. Lokalno i univerzalno u narativama Grigorija Božovića (U:) MSC, Naučni sastanak slavista u Vukove dane. Jezik i kultura. Beograd, 2010, br 39/2, str. 443-456.

136. Mesto pervoda i analiticheskoj kritiki perevoda v izuchenii stilja literaturno-hudozestvenogo proizvedenija . 2010, str . 578-587.

2011

137. *Lica i maska u proznog pisca*, MSC, Beograd, 8-11.IX 2010, 40. Naučni sastanak slavista u Vukove dane, Srpska knjizevnost i evropska knjizevnost, 40/2, 2011, str.485-495

138. *Dihotomija „svoje"- „tudje" u narativnoj strukturi Travnicke hronike*,MSC, Beograd, 41. Naučni sastanak slavista u Vukove dane, Srpski jezik i njegove norme. Ivo Andrić u srpskoj i evropskoj književnosti. Teze i rezimea 15-17. IX, 2011, str.73

139. Nastava ruskog jezika kao stranog na daljinu putem kompjuterske telekomunikacijske mreze interneta. Zbornik radova proceedings. III. medjunarodni naucno-strucni skup Informacione tehnologije za e-obrazovanje. ITeO, Banja Luka, 2011, str. 119-131. ISBN 978-99955-49-70-1 COBISS.BH-ID 2208280

140. U koautorstvu sa Covic Larisom: *Frazeologicheskaia sperifika hudozhestvennyh konceptov «zhizn'» i «smert'» v sbornike novell Ivo Andricha «Dom na otshibe» i ego perevoda na russkii iazyk (k 120-letiiu so dnia rozhdeniia Ivo Andricha*) (U:) Vestnik Moskovskogo univerziteta.Seriia 22. Teoriia perevoda, 2011, №3, str.82-105 .ISSN 0201-7385. ISSN 2074 – 6636 (na osnovu

141. *O perevode zaglavij literaturno-hudozhestvennyh proizvedenij (Tvorcheskie vozmozhnosti pri perevode simvolicheskih zaglavii*. (U:) Universitetskoe perevodovedenie, Vosmie Fjodorovskie čtenija, Sankt-Peterburg, 2011, str.600-608.

142. U koautorstvu sa Covic Larisom: *O nekotoryh aspektah perevoda v kontekste intermedia'nyh reliaciй (Na materiale p'esy «Diadia Vania» A. P. Chehova i ee perevoda na serbskii iazyk Kirillom Taranovskim*). Filološki pregled, Beograd, XXXVIII/2011, 2, str. 87–99. – ISSN 0015-1807

2012

143. U koautorstvu sa Čović L.I., *Korišćenje tehnologije trodimenzionalnih virtuelnih multiplejer igara u nastavi ruskog jezika kao stranog* . U: Zbornik radova [Електронски извор] =Proceedings / IV međunarodni naučno-stručni skup Informacione tehnologije za e-obrazovanje ITeO, Banja Luka, 28-29. septembar 2012, s.61 – 73.

144. K voprosu o novom perevodnom zhanre (na materiale avtobiografii Vladimira Nabokova) U:Russkij iazyk u kuljtura v zerkale perevoda. Zbornik naucnih trudov. Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova. Vyshaja shkola perevoda, 2012, s.582-587.

145. *Mnogostruke metamorfoze i prevodilačke igre stvaranja i pre-stvaranja u memoarima Vladimira Nabokova: očekivana kreolizacija triju modela kulture kod prevođenja sa jezika posrednika* U: Knjiga sažetaka. Naučni skup sa međunarodnim učešćem. Nauka i savremeni univerzitet 2. 16. i 17. novembar 2012. Filozofski fakultet u Nišu, 2012, s.240-241.

146. *Novyj prevodnoj zanr,* (U) Zbornik na naučni trudov. Treta megunarodnanaučna konferencija „Megunaroden dijalog: istok i zapad“. Sveti Nikole, R. Makedonija, Tambov, Ruska federacija, 2012, s.86-95.

147. *Otudjenje ličnosti i težnja za društvenom reafirmacijom: dva psihološka fenomena u "Jadnicima" F.M.Dostojevskog*. (U:) Moć komunikacije. Zbornika radova. 1 Medjunarodni naučni skup. Beograd, 2012, s.28-32.

148. *Dihotomija "svoje" - "tudje" u narativnoj strukturi Travnicke hronike,* Naucni sastanak slavista u Vukove dane, Beograd, 2012, 41/2, s. 545-554.

149. *Memuary Vladimira Nabokova kak novyj perevodnoj zhanr. (U:) Prevod u sistemu komparativnih uzucavanja.* Prevod u sistemu komparativnih uzucavanja nacionalne i strane knjizevnosti i kulture.Tematski medjunarodni zbornik, Kosovska Mitrovica, 2012, s.35-40.

2013

150.*О структуре сложного многомерного поэтического образа "Горного венца" Петра II Петровича Негоша и вопросы его рецепции в руссских переводах (имманентный и сравнительно-стилистический анализ*) Русский язык в современном мире. Сборник научных работ, Москва: МГУ, Изд. Высшая школа перевода 2013, с.522-536.

151. *Превођење као посебан вид двојезичне комуникације* (U:) Moć komunikacije. Zbornik radova. Proceeding, Beograd, 2013, s.35-42.

152. *O prevodjenju "konstruktivne dominante" kao elementa integracije književnog dela (na materijalu prevoda na ruski jezik zbirke pesama "Tražim pomilovanje" Desanke Maksimović)* MSC, Naucni sastanak slavista u Vukove dane, Beograd, 2013, 42/2, s. 619-637)

153. *P.A.Lavrov – prvi prevodilac i tumač Njegoševa Gorskog vijenca*. 43.Medjunarodni naucni sastanak slavista u Vukove dane. Njegoš u svom vremenu i danas. Teze i rezimei. Beograd 12.-15.09.2013, Beograd:MSC; s.57-58.

154. *Језички дуализам у структури слике у Његошеву Горском вијенцу и питања превођења на генетски близак руски језик*, Међународна научна конференција Од Косовског завета до Његошевог макрокозма. Петар II Петровић Његош (1813-2013), Зборник резимеа, Косовска Митровица, 2013, с.33-39.

2014

155. *К вопросу об отношении интер- и интра-лингвистического к интер-семиотическому переводу.//* Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы Международной научной конференции. 25 –30 апреля 2014 г.: электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2014, с.496 -507.

156. О трех типах переводов: интерлингвистическом, интралингвистическом и трансмутации. (В:) Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 3, 2014, с. 47-59.

157. Retorika u odnosu prema komunikaciji: u dijahroniji i sinhroniji .. III Međunarodni naučni skup "MOĆ KOMUNIKACIJE 2014" ZBORNIK RADOVA Beograd, 2014, с.172 -183

158. О структури слике у Његошевом *Горском вијенцу* Језик, књижевност и култура, Зборник радова, Наука и савремени универзитет 3, Ниш, 2014,с.136-147

159. Branimir Čović, Kako su Srbi prevodili Njegoša? u. PREVODILAC br. 1-2/2014, str. 36-55.

160. Specifičnosti prevođenja sa jezika posrednika, u. Prevoilac, br. 1-2/2014, str. 56-69.

2015

161. *Белградская школа перевода и русское переводоведение (новизна и подражание или подражательное и инновационное в сербской транслатологии) Русский язык и*

культура в зеркале перевода. Материалы Международной научной конференции. 29 апреля – 3 мая 2015 г.: электронное издание. – М.: Издательство Московского университета, 2015, с. 686 - 697.

ISBN 978-5-19-011057-9 УДК 81:001.32 81:005.745 ББК 81

162 . V međunarodna naučna konferencija o prevođenju u Grčkoj. (U☺ Prevodilac br. 1-2/2015, str. 91-93.

163. *Novina i podržavanje ili podražavalačko i inovativno u novijoj srpskoj translatologiji,* (U☺ Prevodilac, br. 1-2/2015, str. 35-50.

164. Новина и подражавање или подражавалачко и ново у српској транслатологији//«Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног» 6-9. марта 2015. Материјали конференције одржане на Паневропском универзитету Апеирон, Бања Лука, Република Српска, 2015, Издање Московског универзитета, Издање Паневропског универзитета, 2015, с.379 – 394.

2016

165. *Место перевода в компаративных исследованиях литературы (от перевода к рецепции и литературным связям – генетическим и типологическим*). Русский язык и культура в зеркале перевода: VI Международная научная конференция; 13–17 мая, 2016 г., Афины, Греция: Материалы конференции. – М.: МАКС Пресс, 2016, с.626 -634.

166. *Slika „drugog" i narativne strategije u Travničkoj hronici Ive Andrića i Tihom Donu Mihaila Šolohova.* МСЦ, Тезе и резимеи. 46.међународни научни састанак слависта у Вукове дане, Београд: међународни славистички центар, 2016, Београд,

167. *O konkurenciji jezičkih sredstava*, Prevodilac, br. 3-4/2016, str. 40-55.

Prevodi

1. Leonid Leonov, Drame, I. Prevod sa ruskog. (U:) Sabrana dela Leonida Leonova. Knj. 11, Beograd: Kultura, 1976, 185-269.

2. Leonid Leonov, Drame, II. Prevod sa ruskog. (U:) Sabrana dela Leonida Leonova. Knj. 12, Beograd: Kultura, 1967, 5-103.

3. Ivan Aleksejevič Bunjin, Novelete '44. Letopis Matice srpske, Knj. 452, sv. 3, septembar 1993, 220-232.

4. Tatjana Virta, Kako sam prevodila Zmaja ("Mali brata " i "Napomena materi"). (U:) Prevodilacke spone. Kopca 4, Novi Sad, 1984.

5. Iskusstvo perevoda ili remeslo. (Rez'ume). Prevod sa srpskohrvatskog (U:) B. Čovic, Umetnost prevodjenja ili zanat. Novi Sad, Knjizevna zajednica Novog Sada 1986, 168-171.

6 Poeticheskij obraz. (Rez'ume). Prevod sa srpskohrvatskog. (U:) B. Čovic, Poetska slika, Novi Sad: Institut za strane jezike i književnosti, 1989, 173-178.

7. Razobratsja v vjazanje. (Rez'ume). Prevod sa srpskohrvatskog (U:) Sava Babić: Razabrati u pletivu. Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada 1986, 291-293.

8. Babken Simonjan, Ani.(Poetski monolog). Prevod s ruskog. (U:) Književna reč. br. 383, 10. oktobra 1991, 13.

9. Kakav nam treba Dostojevski. (Simpozijum – Lenjingrad, decembar 1990). Prevod sa ruskog (U:) Dnevnik, Novi Sad, 30. januara 1991, 10.

10. Babken Simonijan, Daj da te poljubim u oko, sinovče. Prevod s ruskog. (U:) Vrnjačke novine, 5.decembra 1991, 12.

11. Babken Simonijan, Jermenija, piloti, zahvalnost. Prevod s ruskog. (U:) Vrnjačke novine, 15.novembra 1989, 9.

12. Stil' istoriceskoj prozy A. N. Tolstogo. (Rez'ume). Prevod sa srpskohrvatskog. (U:) B. Čovic, Stil istorijske proze A.N.Tolstoja. Novi Sad; Institut za strane jezike i književnost. Knj. 14, 1991, 213-219.

13. Filosofskaja i slovesno-esteticheskaja koncepcija istorii v tvorchestve Alekseja N.Tolstogo. Prevod sa srpskohrvatskog II poglavlja monografije B. Čovica Stil istorijske proze A.N.Tolstoja. Novi Sad: Institut za strane jezike i knjizevnosti, 1991, 32-71. Pripremljeno za kriticko izdanje Sabranih dela A.N.Tolstoja u izdanju Instituta za svetsku knjizevnost u Moskvi.

14. Problemy ekvivalentnosti pri perevode zaglavij literaturno-hudozestvenih proizvedenij. Prevod sa srpskohrvatskog. (U:) Zbornik radova Instituta za strane jezike i knjizevnosti, sv.12, Novi Sad, 1990, 67-75.

15. Poetika hudozestvenogo perevoda. posobije dla perevodcikov literaturno-hudozestvenyh proizvedenij. (Rez'ume). Prevod sa srpskohrvatskog. (U:) B. Čovic, Poetika književnog prevodjenja. Beograd: Naučna knjiga, 1994, 254-263.

16. K voprosu obshchenarodnom i individualjnom v jazyke pisatelja. (Rezjume). Prevod sa srpskog. (U:) IV Mezhdunarodnyj simpozijum "Sopostaviteljnyje i sravniteljnije issledovanija russkogo i drugih jazykov". Tezisy dokladov. Belgrad, 1996, 81-82.

17. Obrazy i simvoly "Tihogo Dona". Prevod sa srpskohrvatskog. (U:) B. Čovic, Poetika književnog prevodjenja. Beograd: Naučna knjiga, 1994, 254-263.

18. Formy slovesnogo postrojenija i principy kompozicionnogo razvitija slozhnogo mnogoplanovogo jedinogo obraza "smejushchegosja mor'a" v rasskaze "Mal'va" M. Gorkogo. Prevod sa srpskohrvatskog. (U:) Poetika stvaralaštva Maksima Gorkog: zbornik radova sa Medžunarodnog simpozijuma Sarajevo-Ilidža, 1986. Sarajevo: Filozofski fakultet, 1988, 171-176.

19. Motiv "instinkt smerti" u Ivo Andricha i Ivana Bunjina.

Prevod sa srpskog. (U:) Slavjanovedenije. Moskva: Nauka, RAN. No 1, janvar'-fevral' 1995, 61-69.

20. O stile "Novogo zaveta" Vuka Karadžića. Prevod sa srpskog. (U:) Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija "Sopostaviteljnyje, tipologicheskije i sravniteljno-istoricheskije issledovanija russkogo i drugih slovjanskih jazykov. Belgrad – Novi Sad, 25-28. 9. 1996.

21. Koncepcija "kuljturologiceskogo geroja" v russkom literaturovedenii XX veka. (Prevod sa srpskog referata za Medjunarodnu naučnu konferenciju "Nauka o književnosti na pragu XXI veka, Moskva, 22-24.5.1997, 17 str. kompjuterski obradjenog teksta)

22. Петар Петрович Негош, Ночь дороже века. Prevod sa srpskog u koautorstvu sa Larisom Ivanovnom Razdobudko-Čović. Beograd 1998.

23 Viktor Jerofejev, *Bog jednu pogrebe, drugu mlađu dovede* (Бог бабу отнимет, так девку даст), (U koautorstvu sa Larisom Čović) Iz zbirke novela: Виктор Ерофеев, Мужчины. Москва: Подкова, 1997, 22-25. (U:) B. Čović, Rusko-srpske književne paralele. Beograd: Vedes, 182-185.

24. *Fjodor Mihajlovič Dostojrvski, Krotka*. Prevod sa ruskog. Predat u štampu: 67 str. kompjuterski obrađenog teksta.

25. *Prevodi ruske i srpske lirike XIX i XX veka*, čitani na Beogradskim prevodilačkim susretima od 2000- 2007. (Ljermontov, Tjutčev, Jesenjin, Blok, Brodski; D. Maksimović) koji su pripremljeni za štampu i traži se izdavač.

Богоявленская Юлия Валерьевна
Чудинов Анатолий Прокопьевич
Уральский государственный педагогический университет
г. Екатеринбург (Россия)

Bogoyavlenskaya Yulia Valerievna
Chudinov Anatoly Prokopyevich
Ural State Pedagogical University
Ekaterinburg (Russia)

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ «НАПОЛЕОН»: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

SEMANTIC AND COGNITIVE MODELING OF THE PRECEDENT NAME «NAPOLEON»: CORPUS-BASED RESEARCH

В настоящей статье прецедентное имя «Наполеон» рассматривается как национально-культурный код. Целью работы является семантико-когнитивное моделирование данного прецедентного имени. При анализе созданного объектно-ориентированного корпуса французских медиатекстов «Наполеон» применяется методологический аппарат семантико-когнитивного моделирования, дополненный элементами методики контекстологического и статистического анализа. Анализ речевых контекстов и обработка корпуса производится при помощи специальной компьютерной программы Linguistica, позволяющая выявить семантико-когнитивную модель прецедентного имени «Наполеон». Модель представляет собой структурированную совокупность дифференциальных признаков рассматриваемого прецедентного имени, учитывающую как случаи его денотативного, так и коннотативного (метафорического) употребления, и отражает комплекс бытующих в медийном дискурсе Франции представлений о данной исторической личности. Анализ показывает, что чаще всего профилируются такие социальные и личностные характеристики Наполеона как «государственный деятель, установивший порядок в постреволюционной Франции», «реформатор социальной жизни», «выдающаяся, неординарная, харизматическая личность», «герой, обладающий исключительной славой и вызывающий всеобщее восхищение», «политик, строящий честолюбивые планы и не признающий поражения», «человек, обладающий беспримерной смелостью», а также признаки, транслирующие, в основном, положительные характеристики.

The precedent name «Napoleon» is considered as a national and cultural code. The aim of the study is semantic and cognitive modeling of this precedent concept. The methods of semantic and cognitive modeling are applied in the analysis of object-oriented corpus of French media texts and supplemented by elements of context and statistic methods. The analysis of speech contexts and the treatment of the corpus are made by means of the special computer program *Linguistica* allowing to reveal the semantic and cognitive model of the precedent name «Napoleon». The model constitutes a structured assembly of features of this precedent name taking into account its denotative and connotative (metaphorical) use and reflects the complex representations of this historical figure in French mass media discourse. The analysis reveals that the Napoleon's social and personal characteristics: «statesman who established the order in post-revolutionary France», «reformer of social life», «outstanding, extraordinary, charismatic personality», «hero having an exceptional reputation and causing the admiration», «politician who makes ambitious plans and never recognizes defeat», «extremely courageous person», and other features transmitting mainly positive characteristics are the most frequently actualized.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, корпусное исследование, Наполеон, прецедентное имя, национально-культурный код, медиадискурс.

***Key words*:** intercultural communication, corpus-based research, Napoleon, precedent name, national and cultural code, mass media discourse.

Одним из наиболее ярких образов французской и мировой истории является Наполеон I Бонапарт (1769-1821) – выдающийся политический деятель и блестящий полководец. С 1821 года в мире было опубликовано около 80000 книг, монографий, специальных исследований, посвященных этой исторической личности [Hecht, 2015], что составляет более одной публикации в день. Такое внимание к Наполеону не случайно. Наполеон – это образ великого прошлого, постоянно живущий во французском национальном сознании, постоянно актуализирующийся и обновляющийся национально-культурный код. В нашем исследовании мы покажем, что он является не только символом величия Франции, талантливым полководцем и выдающимся государственным деятелем, не только реформатором и диктатором, но и загадкой истории, мифом, а также ключом к пониманию современного мира. Как для межкультурной коммуникации, так и для практики перевода важной является когнитивная и оценочная составляющая данного прецедентного имени, поскольку оно, отражая реалии прошлого, соединяет историю с текущим моментом, влияет на его восприятие.

Задачей настоящей статьи, таким образом, является выявление семантико-когнитивной структуры прецедентного имени «Наполеон». Традиционно термин «прецедентное имя» используется как при языковом, так и при концептуальном анализе. Следует, однако, на наш взгляд, уточнить, что под *прецедентным именем* мы понимаем элемент языковой картины мира, вербально выраженную единицу дискурса, знак, референтом которого является некая социально-культурная / историческая реалия. Под *прецедентным концептом* - национально-детерминированное представление о культурно / исторически значимом объекте, компоненте национальной концептосферы.

Решение поставленной выше задачи опирается на использовании методики, предложенной в работах Е.А. Нахимовой [Нахимова 2013, Нахимова 2015], восходящей к методике когнитивной дефиниции и профилирования польского этнолингвиста Е. Бартминьского [Бартминьский 2005] и работам известных когнитивных лингвостов Дж. Лакоффа, М. Джонсона и Л. Талми. Мы также развиваем разработанную в диссертации С.В. Елисеевой методику построения идеализованной когнитивной модели, под которой понимается целостное структурированное представление о свойствах и признаках объекта или явления, хранящееся в сознании и позволяющее при каждом индивидуальном обращении к объектам и явлениям реального мира идентифицировать их независимо от полноты набора тех или иных признаков [Елисеева, 2010, с. 12].

Материалом нашего исследования стали медиаисточники – интернет-архивы периодической печати Франции: Le Figaro, Paris-Match, Express, Libération, Le Monde и др. Обращение именно к этому типу документов обусловлено высокой социальной значимостью медийного дискурса, отражающего идеологические, ценностные, стереотипические ориентиры представителей лингвокультурных сообществ.

Отобранные тексты были загружены и обработаны в компьютерной программе Linguistica (Свидетельство о государственной регистрации № 2014660349 от 06.10.2014). Программа предназначена для строительства лингвистических корпусов и позволяет исследователю самостоятельно выстраивать параметрические (классификационные)

деревья и снабжать разметкой интересующие фрагменты текста. Программа имеет систему поиска и статистической обработки результатов, генерирует конкорданс, т.е. выдает список фрагментов по заданным параметрам с доступом к источнику. Применение подобной программы значительно ускоряет обработку материала, обеспечивает абсолютную точность получаемых статистических данных, позволяет создавать модели, «карты» и т.д. исследуемых лингвистических объектов.

С помощью данной программы был создан корпус «Наполеон», содержащий 153 текста, в которых были зафиксированы 344 случая использования изучаемого прецедентного имени. Данный корпус мы квалифицируем как *объектно-ориентированный корпус*, под которым понимаем *корпус текстов, предназначенный для изучения конкретного лингвистического феномена* (курсив наш – Ю.Б., А.Ч.). Анализ собранного материала позволил выделить 2 группы контекстов использования исследуемого прецедентного имени. Первая группа объединяет четыре подгруппы имен собственных, не обозначающих Наполеона I Бонапарта (14% от всего массива контекстов): 1) родственники или потомки Наполеона I Бонапарта; 2) люди или персонажи, имеющие имя Наполеон; 3) артефакты (названия торговых марок, в т.ч. коньяка; продуктов и т.д.); 4) градонимы.

Первая группа «родственники или потомки Наполеона I Бонапарта» составляет 39% и наполняется преимущественно упоминаниями их имен в связи с мероприятиями, проведенными в честь 200-летия битвы при Ватерлоо. На церемонию открытия празднества были приглашены Шарль Наполеон (Наполеон VII) и его сын, принц Жан-Кристоф Наполеон, что широко освещалось во французской прессе. 16% этой подгруппы составляет упоминания о Наполеоне III, Луи-Наполеоне Бонапарте, известном племяннике Наполеона I, ставшим первым президентом Французской республики. Поскольку данная группа не имеет прямого отношения к Наполеону I Бонапарту, мы исключаем ее из дальнейшего анализа.

Перейдем к анализу контекстов, содержащих прецедентное имя «Наполеон». Анализ состоит в семантико-когнитивной интерпретации контекстов, под которой вслед за З.Д. Поповой, И.А.Стерниным понимаем «обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта» [Попова, Стернин, 2007, с. 140].

В ходе анализа мы будем различать профили прецедентного имени (социальный, личностный, визуальный и др.), а также аспекты выделяемых профилей (конкретные характеристики каких-либо качеств) и оценку профилей или аспектов. Распределение по группам и подгруппам будет происходить по принципу дифференциального признака, доминирующего в том или ином контексте, поскольку, как справедливо отмечает Е.А. Нахимова, в контекстах одни дифференциальные признаки акцентируются, а другие - в той или иной степени приглушаются, становятся малозначимыми, почти незаметными [Нахимова, 2015, с. 39].

Группа контекстов, включающих прецедентное имя «Наполеон», была размечена в корпусе по двум основным параметрам: денотативное использование, отсылающее реципиента непосредственно к денотату прецедента (96%) и коннотативное использование имени, апеллирующее к денотату другого феномена, к уже имеющимся в когнитивной базе знаниям (4%). Данные подгруппы указывают на неоднородность процесса актуализации рассматриваемого прецедентного имени.

Итак, по вышеприведенным данным, подавляющая часть контекстов содержит прецедентное имя «Наполеон» в денотативном употреблении, т.е. данное имя обозначает именно Наполеона Бонапарта, уроженца Корсики, выдающегося государственного деятеля и полководца.

Последовательное выполнение этапов параметрического корпусного анализа позволило построить *семантико-когнитивную модель прецедентного имени* «Наполеон», представляющую собой *перечень актуализированных дифференциальных признаков, учитывающую как случаи его денотативного, так и коннотативного (метафорического) употребления* (курсив наш – Ю.Б., А.Ч.).

Таблица 1. Структура семантико-когнитивной модели прецедентного имени

Прецедентное имя «Наполеон»	**% в корпусе**
В денотативном употреблении	***95,94***
Наполеон как выдающийся государственный деятель (социальный профиль)	48,48
Наполеон как незаурядная и неоднозначная личность (личностный профиль)	24,15
Внешний вид Наполеона (визуальный профиль)	3,43
Другое	2,81
Прецедентное имя используется как имя собственное, указывает на соответствующий денотат	*21,13*
В коннотативном (метафорическом) употреблении	***4,06***

Прежде чем перейти к анализу профилей и аспектов, оговорим один существенный момент, объясняющий появление в таблице рубрики «*Прецедентное имя используется как имя собственное, указывает на соответствующий денотат*». «Удельный вес» такого использования составляет 21,13% от массива контекстов и связано с популярностью такого жанра как Récit (Рассказ). Наполеон, будучи яркой исторической личностью, регулярно привлекает внимание журналистов, работающих в этом жанре. «Пик» таких употреблений приходится апрель-июнь 2015 г. Интерес к Наполеону как герою статей жанра «Рассказ» в этот период мы связываем с празднованием двухсотлетнего юбилея битвы при Ватерлоо, которое, как уже упоминалось, широко освещалось в прессе.

Как показывают полученные данные, в структуре модели наблюдается профилирование различных компонентов прецедентного имени «Наполеон», позитивно или же негативно окрашенного. Рассмотрим каждую группу в отдельности.

Денотативное употребление прецедентного имени «Наполеон» Социальный профиль

Практически в половине контекстов употребления изучаемого прецедентного имени выявляется доминирующий признак «Выдающийся государственный деятель». Данная группа включает следующие дифференциальные признаки (по уменьшению частотности):

1) Наполеон как государственный деятель, установивший порядок в постреволюционной Франции;
2) Наполеон как реформатор социальной жизни;
3) Наполеон как государственный деятель, существенно изменивший архитектурный облик столицы;
4) Наполеон как государственный деятель, символизирующий величие Франции;
5) Наполеон как блестящий политик, полководец, военный стратег;
6) Наполеон как государственный деятель, учредивший орден Почетного легиона;
7) Наполеон как создатель свода законов - Кодекса гражданского права Франции;
8) Наполеон как государственный деятель, укрепивший / спасший достижения Республики;
9) Наполеон как первый государственный деятель, уравнявший еврейский культ с католическим;
10) Наполеон как реформатор банковской сферы, основатель Французского банка.

Все перечисленные выше признаки сопровождаются положительной оценкой Наполеона, связываются с его достижениями во внутренней и внешней политике, реформаторской деятельностью, военными успехами. Однако в ряде контекстов акцентируется отрицательная оценка его деятельности (5,99%):

1) Наполеон как государственный деятель и полководец, потерпевший поражение;
2) Наполеон как государственный деятель, закончивший свои дни в ссылке;
3) Наполеон как государственный деятель, отличавшийся жестокостью / тиран / деспот / диктатор;
4) Наполеон как расист, стремившийся к восстановлению рабства.

Личностный профиль

В данную группу объединены контексты, в которых актуализируются следующие признаки:

1) Наполеон как выдающаяся, неординарная, харизматическая личность;
2) Наполеон как герой, обладающий исключительной славой и вызывающий всеобщее восхищение;
3) Наполеон как человек, обладавший беспримерной смелостью;
4) Наполеон как великая личность и миф, являющийся ключом к пониманию современного мира;
5) Наполеон как муж, страстно любивший жену и страдавший от ее измен;
6) Наполеон как великая личность, вызывающая в обществе неоднозначную оценку;
7) Наполеон как мыслитель, создатель афоризмов;
8) Наполеон как авантюрист, неуязвимый и властный, добившийся высокого положения только благодаря самому себе;
9) Наполеон как амбициозный человек, рвавшийся к власти и умеющий воспользоваться обстоятельствами;
10) Наполеон как человек блестящего ума, автодидакт;

11) Наполеон как суеверный человек, верящий не в Бога, а в высшие силы / в свою звезду;
12) Наполеон как выдающая личность, способная изменить мир;
13) Наполеон как человек, болезненно переживавший свое поражение / страдающий от суицидальных мыслей;
14) Наполеон как любвеобильный мужчина, изменявший жене;
15) Наполеон как великий человек, остававшийся обычным человеком, непритязательным и не любившим почестей.

Визуальный профиль

Визуальный профиль (внешний вид Наполеона, элементы его одежды) актуализируется довольно редко. Выделенная группа составляет 3,43%:

1) Наполеон как человек в сюртуке, двууголке, куртке с эполетами;
2) Наполеон как император, мантия которого в соответствии с традицией усыпана золотыми пчелками.

Другое

В данную группу включены контексты, в которых доминируют признаки, редко актуализирующиеся в современной французской прессе (2,81%):

1) Наполеон как личность, за которую себя часто выдают душевнобольные;
2) Наполеон как первый военный, захороненный в Пантеоне.

Итак, как показывают полученные данные, в структуре модели наблюдается профилирование различных компонентов концепта «Наполеон»: как социальных (политик, реформатор, военный стратег, полководец и т.д.), так и личностных, описывающие его интеллектуальные способности (блестящий ум, мыслитель, автодидакт и т.д.) и характер (амбициозный, властный, авантюрист, смелый, любвеобильный).

Коннотативное (метафорическое) употребление прецедентного имени «Наполеон»

Обратимся к анализу когнитивных аспектов, акцентирующихся при коннотативном употреблении прецедентного имени Наполеон. Как показывает корпусный анализ, во французской прессе встречаются контексты, в которых доминируют дифференциальные признаки, акцентирующие выдающийся характер его личности, незаурядность, честолюбие, такие личные качества как амбициозность, энергичность и вспыльчивость, а также апеллируют к некоторым прецедентным ситуациям.

Поскольку эта группа представляет собой яркие примеры метафорического использования прецедентного имени, рассмотрим акцентирование тех или иных дифференциальных признаках на конкретных примерах:

1) политик, строящий честолюбивые планы и не признающий поражения. Ср.: Est-ce qu'il y a du **Napoléon** en Sarkozy ? (Paris-Match, 26.08.2012)

Характер дифференциального акцентируемого признака определяется предыдущим контекстом и поддерживается употреблением частичного артикля перед прецедентным именем. Следует заметить, что бывший президент Франции регулярно сравнивается с Наполеоном не только во французской, но и в европейской прессе. Например, британская газета The Independent в статье с метафорическим заголовком «Sarkozy: The new

Napoleon?» / Саркози: новый Наполеон? (перевод здесь и далее наш – Ю.Б., А.Ч.) отмечает «поразительные параллели» между Николя Саркози и Наполеоном Бонапартом: Small men. Big ideas. Glamorous wives. (The Independent, 22.01.2009) / Маленький рост. Великие замыслы. Эффектные жены. Швейцарская газета Sonntags Zeitung, по свидетельству французской газеты Express, также подчеркивает эту параллель: Sarkozy: **Napoléon** et Grincheux selon un journal suisse (Express, 01.12.2010). Express отмечает, что Sarkozy a une personnalité que l'on a souvent comparé à celle de Napoléon 1er. (Express, 22.08.2012) / Личность Саркози часто сравнивалась с личностью Наполеона.

2) полководец, успешно командующий армией, умеющий вдохновлять на победы и сражавшийся за Францию. Ср: Après avoir balayé d'un revers de la main les détracteurs de son fils qui lui reprochent de ne pas chanter la Marseillaise («Zidane non plus ne la chantait pas»), Hafid s'est carrément senti pousser des ailes : «Karim est comme **Napoléon** qui ne s'est pas battu tout seul. Il a guidé une armée qui était derrière lui et il a vaincu pour la France. Karim veut en faire de même en se mettant toujours au service de l'équipe». (Paris-Match 24.06.2014)

Данный дифференциальный признак вербализуется при помощи придаточного предложения qui ne s'est pas battu tout seul и следующего предложения Il a guidé une armée qui était derrière lui et il a vaincu pour la France. Метафоричность поддерживается упоминанием о том, что речь идет об известном французском футболисте кабильского происхождения Кариме Бензема.

3) полководец, потерпевший поражение. Ср.: En Belgique, **Napoléon** ne vaut pas deux euros (Libération, 12.03.2015)

В статье с данным метафорическим заголовком «В Бельгии Наполеон не стоит двух евро» речь идет о том, что Бельгия под давлением Франции отказалась от выпуска памятной монеты 2 € с изображением сражения при Ватерлоо. Реализации этого проекта могла наполнить национальную казну 1,5 миллиона евро, но ставить под угрозу отношения с Францией Бельгия не решилась.

4) импульсивный, амбициозный и энергичный руководитель государства. Ср.: Il y a du **Bonaparte** en Sarkozy à un moment... L'impulsivité, l'énergie, l'ambition, une forme d'irasciilité de temps en temps... (Paris-Match, 26.08.2012)

В цитируемом фрагменте, снова проводящем параллель между Н. Саркози и Наполеоном Бонапартом и дающем оценку личности французского президента, в фокусе внимания находится дифференциальный признак, получающий вербализацию в идущем следом предложении. Метафоричность поддерживается грамматическим средством – частичным артиклем, используемом при нарицательных именах существительных.

5) полководец, почитаемый солдатами. Ср.: Sarkozy n'est pas **Napoléon Bonaparte**. *Il ne peut pas revenir comme l'avait fait l'empereur, ouvrir sa chemise aux soldats venant l'accueillir avant de crier "Tirez!"*. Car ils tireront. Fillon, qui a déjà eu du mal à supporter l'ancien président durant cinq ans, creusera la tombe dans laquelle Copé, qui ne pense qu'à être président à la place du président dans cinq ans, le poussera. Ce sera peut être la seule et unique fois où les verra unis. *Juppé, en Talleyrand*, sortira une ou deux phrases afin de refermer la tombe sur Sarkozy, et on ne le verra plus. (Express, 22.08.2012)

И снова сравнение Саркози с Наполеоном, однако, в данном случае, отрицательное. Последующий контекст, выделенный курсивом, апеллирует к известной прецедентной ситуации, имевшей место в марте 2015 г. у Гренобля по дороге Наполеона с о. Эльба в Париж. У деревни Лафре правительственные войска перекрыли вход в ущелье. Избежать столкновения было невозможно. Наполеон остановил свой отряд и дальше пошёл один. Подойдя вплотную, он расстегнул свой сюртук и сказал: «Солдаты, узнаете ли вы меня? Кто из вас хочет стрелять в своего императора? Я становлюсь под ваши пули». В ответ прозвучала команда капитана правительственных войск: «Огонь!» Однако Наполеон всё верно рассчитал. Его всегда любили в армии. «Да здравствует император!» — воскликнули французские солдаты, и отряд в полном составе перешёл на его сторону. Многие военные и бывшие соратники также поддержали вернувшегося из ссылки императора.

Н. Саркози, в отличие от Наполеона, не мог рассчитывать на поддержку бывших министров, которые только рады будут ему «creuser la tombe» / вырыть могилу: ни Фийона, ни Копе, ни Жюппе, который сравнивается в последнем предложении с Талейраном, мастером интриг, предавшим Наполеона.

6) амбициозный и успешный человек невысокого роста. Ср.: Le **Napoléon** de Hollywood (Express, 21.03.1996)

В данном заголовке речь идет об известном голливудском актере и режиссере Дени де Вито. Любопытно, что в данном словоупотреблении профилируются исключительно личностные характеристики Наполеона и полностью нейтрализуются признаки военного характера, свойственные большинству употреблений данного прецедентного имени. Метафоричность также ярко подчеркивается использованием определенного артикля перед именем собственным.

Важным моментом является соотношение положительной и отрицательно-окрашенной оценки анализируемого прецедентного имени. В подавляющем количестве контекстов преобладает позитивная оценка (выдающийся, блестящий, беспримерный, первый, великий, укрепивший, харизматичный и т.д.). Реже встречаются негативные оценки (расист, тиран, деспот, диктатор, др.), которые, тем не менее, имеют довольно ощутимый удельный вес по отношению ко всему массиву. Таким образом, констатируем довольно ярко обозначенную полярную оценку. Не случайно также появление дифференциального признака «великая личность, вызывающая неоднозначную оценку», которая впитывает и отражает сложный и противоречивый характер отношения к национальному герою. В своих публикациях, бесконечно восхваляя и восторгаясь Наполеоном, авторы периодически напоминают о том, что его победы и достижения построены на солдатской крови, на подавлении свободной мысли и жестокой диктатуре.

Также невозможно оставить без внимания и целый ряд актуализированных дифференциальных признаков, характеризующих Наполеона как обычного человека, подверженного простым человеческим слабостям, суеверным, переживающим и, порой, страдающим. Интересно заметить, что в индексированном материале ни разу не актуализировался дифференциальный признак «уроженец острова Корсика», который

вполне можно было бы ожидать при анализе изучаемого прецедентного имени. Также не зафиксировано ни одной апелляции к его Итальянской кампании.

Итак, анализ речевых контекстов и статистическая обработка исследуемого корпуса при помощи специальной компьютерной программы позволили выявить содержание семантико-когнитивной модели прецедентного имени «Наполеон». Модель представляет собой структурированную совокупность дифференциальных признаков рассматриваемого прецедентного имени и отражает комплекс представлений о Наполеоне, бытующих в современном медийном дискурсе Франции.

Список литературы

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Е. Бартьминский; пер. с польск. М.: Индрик, 2005. 512 с.

Елисеева С.В. Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе: автореф. дис… канд.филол.наук: 10.02.20 / С.В. Елисеева; Урал. гос.пед.ун-т. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2010. 24 с.

Нахимова Е.А. Использование корпусной методологии при сопоставительном изучении прецедентных имен // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 48-56.

Нахимова Е.А. Наполеоновская эпоха в коммуникативной памяти России и Франции: монография / Е.А. Нахимова, А.А. Постникова. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2015. 197 с.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография: изд. 2-е, перераб. и дополн. / З.Д Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007. 250 с.

Hecht E. L'inventaire Napoléon [Электрон.ресурс]. – 2015. – Режим доступа: http://www.lexpress.fr/actualite/societe/l-inventaire-napoleon_1686245.html.

Човић Бранимир
Паневропски унивезитет Апеирон, Бања Лука (Босна и Херцеговина)

Чович Бранимир
Панъевропейский университет Апейрон, Баня–Лука (Босния и Герцеговина)

ТРАГОВИ ЕСТЕТИКЕ И ПОЕТИКЕ АВАНГАРДЕ У ПОЗНОЈ НОВЕЛИСТИЦИ ИВАНА А. БУЊИНА: КАТЕГОРИЈА «ИМПЕРСОНАЛНОСТИ» И ПИТАЊА ПРЕВОЂЕЊА И «ЕСТЕТИКЕ РЕЦЕПЦИЈЕ»

СЛЕДЫ АВАНГАРДНОЙ ЭСТЕТИКИ И ПОЭТИКИ В НОВЕЛЛАХ ПОЗДНЕГО ИВАНА А. БУНИНА: КАТЕГОРИЯ «ИМ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ» И ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И «ЭСТЕТИКИ РЕЦЕПЦИИ»

Ова истраживања престављају прилог поетици авангардне кратке приче на материјалу последње збирке новела "Тавни дрвореди" Ивана Алексејевича Буњина. Циљ истраживања је да се идентификују трагови естетике и поетике авангарде у позној новелистици овога писца и питања њене рецепције у српској књижевности на основу постојећих српских превода, јер савремена компаратистика, било којег правца и теоријског усмерења, међу задацима од приоритетног значаја на прво место ставља превод књижевног дела, као најконкретнијег и најзначајнијег посредника књижевних вредности између различитих националних књижевности, сврставајући га у основне облике међународних "контактних" (или "генетских") књижевних веза.
Општа категорија "имперсоналности" представља систем појединачних облика и поступака деперсонализације главних јунака који чине основну стилогену компоненту у последњој збирци новела и новелета "Тавни дрвореди" за живота Ивана А. Буњина, на којој је радио од 1937-1946. године. Први том са укупно 38 је објавио у Паризу 1946. године. Други део од 8 новелета Буњин је те исте 1945. године припремио за штампу, међутим, објављен је тек постхумно у "Сабраним делима у шест томова" (1988), У овом другом делу "деперсонализација" јунака је конседквентно спроведена у свима без изузетка, а репертоар опште категорије "имперсоналности" је разноврснији и богатији, него ли у 12 новелета од укупно 36 прве књиге, те тако постаје "конструктивна доминанта" или, како би то рекао Дерида - "центар структурности" свих тих кратких епских сензација. Облици и поступци манифестација ове доминанте прате се из новелете у новелету и разврставају у неколике групе, анализирају се у оригиналу и у преводу аутора овог рада понаособ, а затим се посматрају једна према другој.
Данные исследования представляют собой попытку внести вклад в поэтику авангардного короткого рассказа: на метериале сборника рассказов "Темные аллеи" Ивана Алексеевича Бунина. Основная задача - выявить следы авангардной эстетики и поэтики в прозе позднего Бунина и вопросы ее восприятия в сербской литературе на материале существующих сербских переводов, так как современное сравнительное литературоведение, любого направления и теоретической ориентировки, в задачи первостепенной важности ставит перевод литературно-художественного произведения, как самого конкретного и самого значительного посредника литературных ценностей между различными национальными литературами, включая его в основные формы международных "контактных" (или "генетических") связей.
Общая категория "имперсональности" представляет собой систему отдельных форм и приемов деперсонализации главных персонажей и образует основной стилеобразующий компонент в последней прижизненной книге Ивана Бунина, над которой он работал в течение десяти лет, с 1937 по 1945 год и опубликовал ее в Париже в 1946 году. Во второй части "Темных аллей", которую Бунин еще в 1945 году приготовил к печати и в которую вошло восемь новелл, но вышла она из печати лишь после смерти писателя в "Собрании сочинений в шести томах" в 1988 году, - упомянутая категория "имперсональности" еще разнообразнее и богаче по отдельным формам и приемам, чем одна треть новелл (12 из 36) первой части сборника, так что становится конструктивной доминантой.
Хотя по тематике близки к большей части новелл превой книги (и это книга о любви, однако содержание которой нисколько не фривольное, а, наоборот, трагическое), все-таки в значительной степени новеллы второй части отличаются от предыдущей. В жанровом отношении они представляют собой лирико-философские фрагменты с явными следами пятой, заключительной части романа "Жизнь Арсеньева" (1933) и отличается синкретизмом форм. так как в них

скрещиваются элементы исповедальной, биографической и лирико-философской прозы. Однако новеллы второй части вместе с 12 новеллами первой части отличаются еще большей сжатостью структуры, в которой преобладают неполные предложения с "дефектным" прошедшим временем или 3 л. ед. и мн. ч. настоящего-будущего времени, равно и номинативные предложения с описательной функцией. Бунин во всех новеллах выражает свою мысль предельно сжато, концентрированно, компактно, четко выделяя наиболее существенные стороны этих эпических эпизодов или, точнее, лирический сенсаций, в виде беглых, мимолетных и, казалось бы, случайных впечатлений, каждое из которых умещается в одном предложении, а представление об эпическом эпизоде возникает в результате суммирования этих отдельных простых односоставных предложений. Лаконичные по формам выражения, а емкие по содержанию, все новеллы характеризуются простым, ясным, прозрачным синтаксисом. В качестве иллюстрации достаточно привести новеллу "Далекий пожар", которая представляет собой ряд простых, в основном односоставных. или неполных двусоставных предлжений, с одним только сложным, но которое состоит из двух номинативных предложений. Связи между предложениями тесны, а достигается это наиболее экономным и естетственным отбором: чаще всего используются цепные связи с личными местоимениями 3 л. ед. ч. в виде оппозиции "он" - "она", вместо отсутствующих имен собственных, чем достигается максимальная деперсонализация персонажей, свойственная поэтике авангарда (как, кстати, в романах "Мелкий бес" Ф. Сологуба и "Мы" Е. Замятина). Оттуда неопытному читателю, который к поздним бунинским новеллам подходит с меркой реалистической поэтики, может показаться, что это лишь наброски к будущим рассказам, которые Бунину так и не удалось закончить. Это, конечно, обман, так как сжатость, эскизный характер. загадочность и недосказанность - это хорошо обдуманный стилистический прием во всех новеллах. Мы этот прием назвали "бунинским эффектом". так как этой фигуры нет в "парадигме стилистических фигур" традиционной поэтики, но которая способствует особому восприятию этих лирических сенсаций - она пленит читателя какой-то первобытной, исконной. почти грубой красотою.
Среди приемов укорочения высказывания в одной новелле ("Аля") выделяется диалогический блок по содержания. но зато по форме "укороченный", который передается в форме монологической конструкции,исполненной драматизма, с рядом сменяющихся то вопросительных, то повествовательных предложений. Поэтому становится трудно определить какие реплики принадлежат кому из двух главных персонажей - "ей" или "ему". Этим приемом заодно "укорачивается" художественное время и пространство, и достигается фикция одновременности речи обоих персонажей.

Кључне речи: Иван Буњин, новеле „Тавни дрвореди“, руска авангарда,категорија „имперсоналности", поступци „деперсонализације“, српскки превод, естетика рецепције.

Ключевые слова: Иван Бунин, новеллы «Темные аллеи», русский авангард, категория «имперсональности», приемы «деперсонализации», сербский перевод, эстетика рецепции.

"Без социјалне револуције нема ни праве авангарде,
без авангарде нема ни истинске револуције."
А. Флакер, *Поетика оспоравања*

Да бисмо испитали трагове авангардне естетике и поетике у позној новелистици Ивана Алексејевича Буњина, требало би претходно одредити оквире, природу, време и место њеног настанка, као и основне карактеристике њене естетике и поетике. За авангарду као мултимедијалну комплексну појаву у најмање три врсте уметности - књижевности, сликарству и филму - основно је негација прошлости и њене културе, одрицање индивидуалног и националног у име афирмације општељудског и наднационалног у култури, а као последица свега тога - рушење класичних уметничких норми и стилистичких поступака. Стога је превасходни задатак авангарде и био да се подвргну одлучној и бескомпромисној критици основне поставке свеукупне претходне традиције.

Најцеловитије интердисциплинарно тумачење авангарде, свакако, припада загребачком слависти Александру Флакеру који је прво у монографији "*Стилске формације*" (1974) дао само скицу авангарде, који је касније разрадио у књизи "*Руска авангарда*" (1984), да би, најпосле, у студији "*Поетика оспоравања*" (1984) тумачење авангарде попримило зреле полемичке тонове, а везано је за разматрање односа авангардних текстова према ближој или даљој традицији. [*Флакер* 1984/2: 5].

Познато је да уколико је неки термин утицајнији на мисао одређеног периода, уколико је популарнији или, једноставно речено, у моди, утолико је његов семантички обим шири, па му је отуд и интерпретација од аутора до аутора различита. То се, дакако, не односи само на поједине теоретичаре, већ и на читаве доктрине. Током 60-х и 70-х година појам авангарде је био условно прихваћен. На многобројне проблеме око његове примене својевремено је указао Зденко Шкреб, истичући "метафоричност" његовог назива као основну опасност од вредносног, аксиолошког призвука којим се намећу "априорне генерализације" појединим националним књижевностима. При том се као стилистичар залагао за истраживање "изостила" у различитим књижевностима. [*Шкреб,* 1971, 2, с.149-153].

А с обзиром да се семантичко поље термина "авангарда" у наредној деценији знатно проширило и тиме се обистинила нека од Шкребових страховања и претпоставки да назив ове "формације није срећно изабран", он ће још једном поновити своје стрепње десет година касније у одговору на анкету "*Књижевне речи*" о питањима *"Традиције и авангарде" [Шкреб,* 1980, 150, с. 1, 5]. Када је овако поступио Шкреб је могао имати у виду готово невероватан податак да у Русији у периоду од 1910. до 1930-х година, који се сматра за временске оквире овога правца, ниједан књижевни правац није носио овај назив, иако су му несумњиво припадали многи од гласовитих књижевника, сликара и синеаста.

У својој књизи "*Поетика оспоравања*" А. Флакер ће након минуциозне појединачне анализе многих дела авангарде сажети своје опсервације у десетак инструктивних и прецизно извучених теза све оно најрелевантније у тумачењу авангарде, које су истог часа постале незаобилазне било да их безрезервно прихватамо, у целости или у појединостима, било да их ревидирамо, било да их, најпосле, оспоравамо и одбацујемо. Ове тезе имају универзалну примену: било да расправљамо и анализирамо дела неспорних припадника овога правца, било пак да тражимо трагове утицаја авангардне поетике и естетике у оних писаца који су касније стварали у том кључу. Ми ћемо се у овом раду усредсредити на ово друго: потражићемо трагове авангарде који се могу доказати анализом корпуса позне новелистике Ивана Буњина, а пре свега у збирци *"Тавни дрвореди" ("Темные аллеи")*.

Кренимо редом - од тезе до тезе - у потрази за елементима авангарде у овој последњој збирци за пишчева живота.

1) Као примарну функцију авангардних текстова Флакер у тези под редним бројем два истиче друштвену функцију естетског превредновања, на коју се, даље, надовезују морално и етичко превредновање, па и социјално.

Управо на овој последњој збирци новела могу се пратити ови процеси превредновања јер су две књиге "*Тавних дворедa*" урађена у различитом кључу: први -

махом у реалистичком, други - превасходно у авангардном. На "*Тавним дрворедима"* Буњин је радио интензивно од 1937. до 1945. године, а први део публиковао у Паризу 1946. са укупно 38 новела. Дакле, почетак рада на збирци пада у време последње фазе авангарде - 1930-их година. Други део, преосталих 8 новелета, припремио је за штампу кад и први део, али их није укључио у прво издање. Оне су објављене постхумно у "*Сабраним делима у шест томова*" из 1988. године. Важно је истаћи да неке од новелета из прве књиге (12, односно приближно око трећине од укупно 38), иако обрађују исту тематику, умногоме се разликују од осталих 26, које су урађене у класичном реалистичком кључу. Ових 12 из првог дела "*Тавних дрвореда*" заједно са 8 новелета из другог дела у жанровском смислу представљају лирско-филозофске фрагменте, максимално сведене у форми и исказу. У овим у жанровском смислу синкретичким творевинама укрштају се елементи исповедне, биографске и лирско-филозофске прозе, који се наслућују и у завршној V књизи романа *"Живот младог Арсењева"* [*"Жизнь Арсеньева"* - 1927-1933]. Фрагментарност и максимална сажетост друге књиге уместо логички организоване фабуле и постепено развијаног сижеа код две трећине новела из прве књиге постиже се неким новим неуобичајеним за реалистичку прозу језичко-стилистичким средствима, каквих није било у већини новела прве књиге "*Тавних дрвореда*": пре свега "дефектним" облицима 3. л. једн. и множ. имперфективног и перфективног презента и облицима "крњег" перфекта (заправо, партиципа прошлог радног) који карактерише кратак динамичан потез у преношењу епских фрагмената, за разлику од хармоничне и разигране синтаксе поступно развијаних делова епских догађаја код већине новела прве књиге: од јасно издвојених - експозиције, развијања теме, њене кулминације и епилога. Овим крњим конструкцијама нарушава се важећа књижевнојезичка норма, чиме се проширује ионако богат инвентар типова руских тзв. једносложних реченица: безличних, имперсоналних и номинативних или "дефектних", како их у нашој граматичкој традицији називају [*Стевановић,* 1979, II, с.86-119].

С тим у вези је поступак имперсонализације два обавезна актера ових кратких лирско-филозофских сензација, као и нешто ређих драмских, махом, комичних сцена из тривијалне свакодневице у виду личних заменица "он" - "она" које у одсуству властитих имена врше функцију имперсоналних, "не-личних" заменица. То долази отуд што у њима нису поступно развијани карактери са конзистетно развијеном и увек кохерентном психолошком мотивацијом поступака јунака већ су у општим цртама назначени имперсонални носиоци одређених психолошких стања, најчешће катарзичних, и то у тренуцима изузетног духовног просветљења у спознаји универзума и ефемерности човекова постојања. Отуд у њима доминирају "крњи" перфекат и "дефектна" реченица с "неодређеним субјектом" [*Стевановић,* 1979, II, с. 88]. Све су без правог и поступно развијеног сижеа, па и праве радње јер се епизоде згоде у једном трену у простору углавном неодређеном, имагинарном [*Григорьева,* 1992, I, с. 153-154].

Читалац и критичар који покушава да чита и тумачи новелете друге књиге у истом кључу као и новеле прве књиге суочиће се са великим потешкоћама и уколико не примени различите аршине извући ће погрешне закључке: могу му се новелете учинити као скице за будуће новеле које тек треба накнадно уобличити. То је, дакако, чист привид, јер су то

завршена самосталне дела, остварена у краткој форми, попут модерних фигурина у вајарству XX века. У њима је максимална сведеност у форми и исказу крајња сврха са смишљеним стилистичким поступком, својственом Буњиновом идиолекту, са неколиким облицима и поступцима имперсонализације јунака, уз одсуство правог сижеа и радње, а уз то често на имагинарном простору. Ми смо га условно назвали "Буњинов стилски ефекат" јер представља фигуру која се разлива читавим простором ових кратких лирско-филозофских фрагмената, а не постоји у "парадигми фигура" у традиционалној, још увек важећој Аристотеловој поетици. Све ове наведене појединачне манифестације чине један јединствени поступак "имперсонализације" који доприноси да свака од новелета плени некаквом првобитном, исконском, готово грубом лепотом пра-облика руског поетског језика.

2) Међу поступцима којима се максималмо сажима уобичајено уметничко време издваја се у новелети под насловом "*Аља*" дијалошки блок по структури, али сведен у оквире класичне монолошке конструкције, због чега је драмски напет и загонетан јер је тешко са каквом-таквом поузданошћу одредити које реплике припадају којем од актера: које "њој", а које "њему". Овакво сажимање класичног дијалога у двогласну монолошку конструкцију доводи до преклапања времена говора двају јунака. А то се противи читавом нашем животном и читалачком искуству, заснованом пре свега на поетици реализма. Узму ли се у обзир и "крњи" облици личних глаголских облика и "дефектне" конструкције, које заједно претходе овом "сажетом" дијалогу, сабијеном у монолопку конструкцију, добије се ефекат максималне кондензације форме и исказа, каквих није било до Буњинових "*Тавних дрвореда*", - што све заједно доприноси утиску крајње имперсонализације јунака, смештених у неодређени, имагинарни хронотоп, без једне једине црте портрета, али зато са описом тоалете, често до најситнијих детаља, што као помоћно средство појачава деперсонализацију.

У ауторском контексту, на малом вербалном простору акумулиран је згуснути информативни материјал, и то у једној јединој прозној строфи – од једне једине сложене реченице што се састоји од укупно осам "дефектних" реченица са укупно седам "крњих" перфеката и једним безличним глаголом, са зарезом као доминатним интерпункцијским знаком, а на месту где би се очекивала тачка налази се "стилистичка црта" којом се даје додатни пуни замах казивању.

Два основна сигнала - "<u>бесконачно су запиткивали једно друго</u>" ("без конца расспрашивали друг друга") и интерпункцијски знак "три тачке" усред дијалога указују на дуги временски размак у стварном дијалогу и сажетом фиктивном монологу, чиме се појачава утисак изузетне концентрације уметничког времена. Па и лирски паралелизам уводног номинативског исказа ("у забаченој среској вароши, у далекој раној младости...") доприноси са своје "три тачке" том сажимању, као и неодређеност и уметничког простора и времена, а заједно са низом "крњих" перфеката: "приезжал" (уместо "я“ или „он приезжал"), "встретил" (уместо "я“ или „он встретил ее"), "вышли" (уместо "они“ или „мы с ней вышли"); исто се односи и на "крње" перфекте "разговорились", "зашли", "сели", "распрашивали".

И преводилац који оваквом делу приступа с преводилачким намерама налази се у дилеми: да ли у потпуности следити ауторов поступак деперсонализације истим таквим "крњим" облицима личних глагола и "дефектним" конструкцијама, или пак, узимајући у обзир један постпозитиван сигнал у завршном делу новелете "*Аља*", где су наратор и главни јунак обележени првим лицем ("когда увижу"), све крње перфекте из прве прозне строфе заменити истим пуним облицима пефекта "я приезжал" ("долазио сам") итд. Ми смо у нашем преводу изабрали, чини нам се, једини исправан пут - пронаћи истоветне или сличне функционално-смисаоне еквиваленте у преводном језику, те тако сачувати максимално све појединачне видове имперсонализације јунака, сажимање временско-просторних граница, показатеље имагинарног простора, као и ауторове знаке интерпункције у истој функцији динамизације исказа.

3) У тези под редним бројем три Флакер ће указати на важан проблем аксиологије авангардних текстова јер се ови не могу проучавати са становишта важећих естетских теорија о "лепом". Па ни традиционалне вербално-естетске категорије склада, стилског јединства, узвишеног или трагичног једва да се могу применити у проучавању авангардних дела. Нису од богзна какве користи ни традиционалне поделе на књижевне родове и врсте из простог разлога што се већина авангардних дела одликује синкретизмом жанрова.

То исто важи и за Буњинове новелете: у њима се укрштају лирика, еп и драма. А распон је, доиста, импозантан: од чисто лирске сензације са доминантним стањем катарзе (какве су нпр. "*Пожар у даљини*" и "*Аља*"), па преко лирско-филозофског фрагмента (*"Легенда" и "У Алпима"*), и, даље, излива бурне и готово анималне страсти ("*Ахмат*"), па преко шаљиве згоде из готово тривијалног свагдана што представља чест мотив у авангарди, где је ауторов контекст редукован до нивоа шкрте дидаскалије (*"Нова бундица", "Лита"*), све до експлицитно развијене анегдоте (*"Када сам по први пут..."*). Све новелете у односу на традиционалне естетске, поетске и стилистичке категорије представљају готово хрестоматијске примере изневерених читаочевих очекивања, јер су у већој или мањој мери "унеобичене", како би то рекли представници Руске формалне школе. У том смислу први део новела из збирке "*Тавни дворедри*" могу да послуже као фон према којем се уочавају авангардне црте новелета друге књиге, као и 12 новелета прве, што је својеврсни куриозум да се авангардно истиче на фону реалистичког проседеа, и то у оквирима исте збирке.

4) У тези под редним бројем четири аутор монографије о руској авангарди, А. Флакер с пуним правом доводи у сумњу тезу неких истраживача о тоталном негирању традиције пре свега због тога што авангардни текстови редовно имају некакав однос према традицији, а у нашем случају и vice versa, што значи да постоји овакав или онакав облик међусобног односа традиције и авангарде. Јер да би се што оспорило, оспоравано мора бити означено или бар присутно у свести реципијента. У том смислу новелете из збирке "Тавни дворедри" могу да послуже као редак пример за овај исправан Флакеров суд јер у њима постоји и оно што се њима оспорава (то су новеле прве књиге: њих 26 које су остварене у класичном кључу реалистичке приповетке) и оно авангардно чиме се оспорава та претходна традиција (све новелете друге књиге, као и 12 новелета прве књиге), иако и у

оних 26 новела има трагова авангарде, а то је пре свега имперсоналност у сликању главних ликова (нпр. у новели под насловом "*Побусни понедељак*").

Док читамо и анализирамо новелете друге књиге које су све мање или више реализоване у авангардном кључу, несвесно их поредимо и одмеравамо у свести са оним класичним новелама. И у томе је Флакер несумњиво у праву: рецепција нове не реалистичке поетике кратке приче није могућа без фона класичне реалистичке приче, на којој се заснива читаво наше читалачко искуство, још из школске лектире.

5) Деестетизацију књижевности и уметности која се везује све више за естетизацију свакодневице, - истиче Флакер као релевантну одлику авангарсе у једној од својих наредних теза. А ми за то налазимо потврду бар у две, али са траговима естетизације "свагдана" у још две новелете. Тако, рецимо, у "*Ривијери*" на самом почетку новелете интерполиран је одломак из туристичког проспекта на француском језику, у којем се рекламира хотел истоименог назива, у чијем амбијенту ће се одвијати епизода епског догађаја.

У "*Новој бундици*" део комичног заплета у дијалогу између имперсоналних "ње" и "њега" заснован је на јеловнику мађарског националног ресторана у Паризу са врстом непознате рибе из Балатона - fogas као чисто мађарском реалијом.

6) И, најпосле, у седмој и последњој Флакеровој тези о особеностима авангарде истиче се појава све већег ширења семантичког обима термина "неоавангарде" за књижевна кретања од 50-их година па надаље. и у том се случају покрет који започиње 1910-их и траје до 1930-их година назива "историјском авангардом" [*Флакер,* 1984/2, с. 20-32].

Нема сумње да се на трагу тих аутентичних традиција ("историјске авангарде"), која се није могла задржати на пуком естетском превредновању већ се проширила и на социјална превредновања у глобалу, - јављају нове структуре које такође изазивају отпоре и уколико нису само пука епигонска копија узора, оне засигурно заслужују нови заједнички назив - можда баш "неоавангарде", зашто да не. Друга књига "*Тавних дворедa*" представља управо такву појаву, јер новелете својом новом необичном и неочекиваном структуром, поетиком и стилистичким поступцима изазивају отпоре код читалаца инертне мисли, навиклих на краће епске структуре написане у класичном реалистичном кључу. Али с обзиром да је Буњин започео рад на њима још у време кулминације авангарде 1930-их година, ове новелете су и примери "историјске авангарде", истина, позне. Према томе, ствар је процене истраживача у коју групу ће их сврстати:да ли у дела "историјске авангарде", јер су започете 1930-их година, или пак у дела "неоавангарде" с обзиром да су завршене средином 1940-их година, те се временски налазе само на корак од "историјске", или чак у "поставангардне" узме ли се у обзир чињеница да су објављене тек поткрај 1980-их година. О томе одлучују нијансе. Да бисмо избегли опасности од претеране спецификације припадности појединих новелета у ову или ону подгрупу у зависности од времена настанка, ми смо се определили за формулацију у виду синтагме - трагови авангарде. И, доиста је тако: то ће увек бити само трагови авангарде због тога што је већина новела прве књиге (26 од укупно 38) написана у складу са још увек постојећом иако

унеколико модификованом реалистичком поетиком. И за једно и за друго сврставање постоје убедљиви разлози, јер и новелете припадају рубним подручјима. С обзиром да су у питању ипак само трагови авангарде, у нашем случају авангарду као феномен не треба даље спецификовати ни као "историјску", ни као "нео-", ни као "пост-авангарду" већ је довољно рећи само - трагови авангарде. Ми смо се ипак определили за ову алтернативу јер су и временске и структурне споне са делима која припадају историјској авангарди неоспорне и знатне (што ће показати резултати наших анализа којима управо приступамо): од укупно осам Флакерових теза, чак за шест су нађене неоспорне потврде у Буњиновим "*Тавним дрворедима*", а оне две преостале тезе се ионако тичу општеуметничког карактера авангарде.

7) Нихилизам авангарде у односу на претходну традицију манифестује се поред већ споменутих елемената и у обрађању "нултој тачки" културе: примитивној уметности, "варварству" које се супротставља савременој цивилизацији, а затим "инфантилизму": непосредности дечијих цртежа (Ларионов) или дечијег говора (Платонов, Хлебњиков), као и доста честој појави сваке врсте одступања од сваке врсте норме, па и језичке и стилистичке, које смо ми у неким нашим радовима назвали "солецизмом". Све то заједно доприноси да се у другом делу "*Тавних дрвореда*" на релативно малом вербалном простору акумулира значајан и разноврстан информативни материјал, са оним истим за поезију и поетску прозу планом тзв. "концептуално-естетске" информације са три основне компоненте: металогичком (или сликовито-метафоричном), еуфонијском и еуритмијском, како је то случај и у врхунским примерима лирике. Све су ове компонете присутне у великој мери у многим Буњиновим новелетама. Стога се за све врсте одступања: од неке неутралне приповедне и лирске језичко-стилистичке норме, које смо обухватили термином "солецизам", а које смо констатовали у Буњиновој другој књизи "*Тавних дрвореда*", - може рећи да ови врше нову интегративну функцију у оквиру појединачних вербално-естетских структура. Центар те интегришуће функције се реализује преко опште категорије "имперсоналности" која доприноси у свим својим манифестацијама вишеструкој интеграцији вербално-естетског материјала у свим правцима: и вертикално, и дубински, и хоризонтално.

8) Сваки авангардни текст и поред индивидуалних особености има и нешто заједничко, а то је "супротстављање традицији уз апсорбовање неких њених елемената, превреднованих у процесу тог супротстављања" [*Стојнић,* 1995, с. 237]. То се, дакако, нужно одражава и на превредновање традиционалног валера речи, облика и конструкција примењиваних у реалистичкој поетици. Александар Флакер у својој књизи "*Руска авангарда*" сматра да авангарда полази од функције естетског превредновања као доминантне функције те књижевности и уметности, али ипак не са позиција унапред одређеног, задатог идеала који би омогућио изградњу новог аксиолошког система, већ пре свега у име тзв. "оптималне пројекције" - првенствено зацртане према будућности. [*Флакер,* 1984/1, с. 29].

У Русији и симболисти, и футуристи, и акмеисти, и неки други књижени правци настојали су да пронађу принципе и поступке за синкретизам жанрова, за стварање таквог

синкретичког жанра у којем би се преплитали елементи лирски и епски, те тако била укинута разлика између стихова и прозе ритмовањем прозне раченице. А јунаци у таквим делима лишени су индивидуалних особености и имају пре амблемски смисао, као, рецимо, у роману Фјодора Сологуба *"Сићушни злогух" ("Мелкий бес"*). Отуд и често одсуство властитих имена јунака, као, на пример, безимени јунаци романа Евгенија Замјатина *"Ми" ("Мы")*, означени бројевима и словним симболима као у хемији, чиме се јунак деперсонализује. Наравно, у Буњина нема таквог радикалног заокрета у превредновању естетике традиције, већ је то пре свега тежња за синкретизмом лирских и прозних врста, а то он постиже општом категоријом "имперсоналности" коју чини збир појединачних, махом језичко-стилистичких средстава и поступака деперсонализације јунака.

Категорија "имперсоналности" је структурна доминанта Буњинових новелета, или оно што Жак Дерида назива "центром структурности", која се налази у основи представе о структури, као некакво начело које је чини, које управља структуром, организује је, док оно само избегава структурност. За Дериду (оснивача постструктурализма, познатог по специфичној пракси анализе уметничког текста - тзв. "деконструкцији"), међутим, тај центар није објективно својство структуре већ је то функција коју је постулирао истраживач. Па је отуд, тврди Дерида, тумачење књижевног текста последица наметања тексту од стране читаоца свог сопственог смисла, приписивање тога смисла тексту који сам по себи може бити сасвим другачији. Са друге стране, самог интерпрета Дерида схвата као својеврстан текст, састављен од културних система и норми свога времена, те је, према томе, произвољност интерпретације од тог интерпретативног "ја" унапред ограничена историјском условљеношћу његових норми и система. То је contradictio in adjekto у односу на претходни Деридин став.

Истовремно представе о култури било ког историјског раздобља као о суми дискурса и текстова, тј. усмених и писмених модуса мишљења, представа, које су обухваћене термином "текстуалност", пружају могућност, по мишљењу Ф. Лентрикијеа, првог озбиљнијег критичара Деридиног антиисторизма и формализма, да се превазиђе опасност која прети од ничим не ограничене самовоље интерпрета. Јер нема ништа ван текста, како тврди сам Дерида [*Derrida,* 1967, с. 158]. Још је значајнија у том смислу критичка опаска Иље Ильина да се исто тако и било који појединац налази "унутар текста", тј. у оквиру одређене историјске свести, што, чини се, и ограничава интерпретову самовољу и произвољност било чије индивидуалне свести, укључујући и свест књижевног критичара [*Ильин,* 1996, с. 20-21].

Применимо ли овај парадокс на наш објекат истраживања, у том случају због преплитаја традиције и авангарде у оквиру истог циклуса, читалац-интерпрет се налази час унутар једног (традиционалног), час опет другог текста (авангардног), па је отуд и фон према којем се одмерава час традиционалан, час опет авангардан у зависности од тога унутар ког текста се налази и из којег процењује онај други. Да бисмо заоштрили Деридин парадокс, ми тврдимо да у нашем случају има нешто што је ван једног текста, а то је други текст без којег се не може на прави начин тумачити текст који је предмет нашег проучавања. Стога нема готово никакаве бојазни од произвољности у његовом тумачењу

јер се у нашем случају читалац-интерпрет налази унутар "интертекстуалних релација", тј. два различита модуса мишљења, или истовремено унутар две историјске свести, која је једна другој супротстављена, али и комплементарна у исто време, јер се и одсликавају једна у другој, па се стога могу и одмеравати једна према другој. Природа те двојности искључује произвољност у тумачењу једне или друге "текстуалности" - авангардне и/или традиционалне.

Циљ ових истарживања је да се идентификују трагови авангардне естетике и поетике у последњој збирци новела И. Буњина "*Тавни дрвореди*" уз помоћ овако схваћеног "центра структурности", као структуротворног начела које не само да управља структурама, већ и сам не може да избегне структурност. То би био прилог поетици авангардне кратке приче или, да прецизирамо – с обзиром на жанровски и структурни спецификум ових новела – лирско-филозофски фрагменти или драмски фрагменти, али посматрани на фону новела исте збирке, које су структуриране у битно другачијем - реалистичном кључу.

9) Заједничка свим новелама и новелетама оба дела Буњинове збирке је мотив "љубав", али, то посебно истичемо, која није нипошто фриволна већ, напротив, трагична. А јединствена мисао јесте тренутак катарзе у најразличитијим нијансама осећања између жене и мушкарца, у којима су актери као и у поезији представљени са "он" и "она", а без властитих имена: и то од оних узвишених ("*Аља", "Пожар у даљини", "Русја", "Касно доба", "Хладна јесен", "У једној познатој улици..."*), понекад противречних, неочекиваних, понекад грубих осећања ("*Муза"*), до оних површних и извештачених (*"Ривијера", "Модест", "Када сам по први пут..."*), и, најпосле, и до анималног излива чулности, најнижих инстинкта (*Госпођица Клара, Гвоздена вуна*). "Главна тема књиге новела "*Тавни дрвореди*" постаје тема љубави која чини основни смисао човековог живота и која влада свим његовим унутрашњим бићем", - одвећ уопштено одређује тематско-мотивски план новела Григорјева. [*Григорьева* 1992; 153]. И стога је неопходно додати јој трансцедентну вертикалу на коју је указао сам писац: "Нема ништа страшније, привлачније и загонетније *ни на небу ни на земљи* од љубави". У писму М.А. Алданову од 17. јануара 1945. г. Иван Буњин га обавештава о постојању другог дела збирке "*Тавни дрвореди*": Написао сам још једну књигу сличну "*Тавним дворедима*", у коју су ушле *Ривијера, Аља, "Кад сам по први пут...", Модест, Ахмат, Нова бундица, Пожар у даљини, Лита*. Ми смо после низа прелиминарних анализа уочили да су ивим 8 по тематици, форми и поступцима имперсонализације блиске новелете настале нешто касније: "*У Алпима", "Легенда", "У једној познатој улуци..."*, али за разлику од оних осам које у писму наводи Буњин, ове су објављене још за пишчева живота.

Из пишчеве кратке белешке дају се запазити две значајне ствари: прво, иако је само 8 краћих прича, он рукопис назива књигом, што је у духу авангардног негативног односа према традицији, и, друго, назива је сличном, а не истом јер осећа да се ове новелете суштински разликују од већине новела прве књиге.

Језичко-стилистички поступци које смо назвали поступком "имперсонализације" заједнички су свим новелетама без изузетка. Општа категорија "имперсоналности"

представља систем појединачних облика и конструкција којима се консеквентно дуж читаве кратке епско-лирске сензације или драмског фрагмента спроводи деперсонализација главних јунака који се увек именују као "он"-"она" и представљају основни стилотворни елеменат или "центар структурности". Он је присутан такође и у једној трећини новелета прве књиге, али их има у трагу и у оним новелама које су иначе реализоване у реалистичком кључу (са поступно развијеним сижеом, психолошки мотивисаним карактерима и радњом), каква је и новела "*Побусни понедељак*". Међутим, репертоар поступака "имперсонализације" и њена згуснутост разноврснији су и доследно спроведене у свакој од новелета друге књиге које стога постају у правом смислу речи "центар структурности". Осећамо потребу да истакнемо да наша општа категорија "имперсоналности" представља пандан категорији "персоналности" којом се у више расправа и студија бавила Г.Н. Кондратјева [*Кондратьева,* 1994].

10) Због максималне сведености у исказу у овим својеврсним поетским сензацијама готово да нема сижеа, нити поступно развијених карактера. Јунаци -увек дати у експозицији у виду опозиције "он" - "она" - тајновити су, безимени, па иако формално обележени личним заменицама трећег лица и личних глагола, имају значење "имперсоналних" заменица, јер нити упућују на одређена лица нити их замењују. Нема у њима било какве радње, а ако и има било каквих далеких наговештаја радње, дати су у један до два потеза. Прилика је да подсетимо да је Иван Буњин свој стваралачки пут започео лириком, а у овој збирци враћа јој се на крају пута овим лирско-филозофским фрагментима, те у њима нема ни експозиције, ни развоја сижеа и радње, ни епилога, већ само кулминација у виду поетске сензације, што новелете чини у жанровском смислу синкретичном врстом у којој се укрштају елементи исповедне, биографске и лирско-филозофске прозе, какву је пре тога применио у петој, завршној књизи романа "*Живот младог Арсењева*". Ове новелете друге књиге "*Тавних дрвореда*" разликују се од трећине новелета из прве књиге по томе што су још сведеније у изразу, са обиљем крњих облика и дефектних конструкција што структуру чини максимално једноставном у синтаксичком смислу: махом су то независно-сложене реченице које се састоје од "простих реченица са неизраженим главним деловима" сваке врсте - имперсоналне, безличне, непотпуне и номинативски искази [*Стевановић* 1979, II, с. 86-119], или, употребимо ли терминологију другачије, руске граматичке традиције од наше, онда се оне састоје од једносложних: номинативних, бесубјекатских, као и крњих реченица, односно непотпуних двосложних, исказаних 3. л. јед. и множ. имперфективног и перфективног презента, као и облицима "крњег" перфекта, које се у свим нормативним граматикама савременог руског језика сматрају неправилним према постојећој књижевнојезичкој норми. (Нпр. почетак новелете "*Када сам по први пут...*"("*Когда я впервые...*"). (5)

У неким новелетама имамо праве примере синкретизма, било укрштаја лирике и епа (*"У једној познатој улици...", "У таквој ноћи..."*), где лирски пасажи служе као илустрација за прозну догодовштину, или обрнуто, било епике и драме (*"Лита", "Нова будница"*). Међутим, у великој већини се потире разлика између стиха и прозе (*"Легенда", "У Алпима", "Пожар у даљини"*) и представљају праве кратке лирске медаљоне ритмоване прозе,

модерног израза и сензибилитета. А актери имперсонални "он" и "она", где је "он" најчешће и лирски субјекат и објекат, а "она" - лирски објекат, без индивидуалних и националних особености, без портретних детаља, - заправо, су имперсоналне маске, носиоци одређених осећања. То доприноси деперсонализацији која је даље праћена и многим другим облицима "сажимања" исказа: у виду крњих облика и дефектних конструкција. Понекад је процес имперсонализације појачан и неодређено-личним заменицама, уопштеним портретима, без индивидуалних карактерних црта, али зато са детаљним описом тоалете, али које као да су на изложеним луткама-моделима, чиме се постиже имплицитна пишчева иронична дистанца. Ово ће на најбољи начин илустровати новелета "*Ривијера*" којом и започиње други део збирке "*Тавни дрвореди*".

Главна карактеристика "оба" актера је да су то деперсонализоване маске типизираних представника из доконог високог грађанског друштва, насликане са тананом једва приметном иронијском дистанцом у виду поређења са предметима из свакодневног живота, где типско потире индивидуално: без иједне карактеристичне индивидуалне црте лица, али са мноштвом нагомиланих детаља тоалете, уз то и носилаца одређених, углавном површних осећања, а не поступно развијених и логички строго психолошки заснованих карактера са кохерентном психолошком мотивацијом поступака и дубоких унутрашњих катарзичних стања, како је то дато у већини новела прве књиге "*Тавних дворедa*". Тој деперсонализацији у великој мери доприносе поред већ споменутих крњих облика и дефектних синтаксичких конструкција, као и опозиција "он" - "она" у функцији амблема: низ неодређених заменица и категорија за исказивање приближности. Осим тога и тзв. "прозна строфа" је такође у функцији поетике жанра кратке приче са читавим низом поступака у сажимању форме и израза, јер Иван Буњин у новелетама користи мање-више једнообразан тип "прозне строфе", у којој се мисао саопштава концизно, лапидарно, компактно, издвајајући само суштинску страну лирске сензације у виду кратких, узгредних и, чини се, случајних утиска који су по правилу смештени у једну реченицу, независно-сложену која се изједначава са пасусом, а састоји се од низа, махом једносложних - имперсоналних и номиналних реченица. А општа представа о тој лирској догодовштини слаже се у читаочевој рецепцији из неколиких таквих прозних строфа [*Солганик,* 1997, с.213].

У поређењу са живописном и сложеном аналитичком синтаксом већине новела првог дела "*Тавних дворедa*" (нпр. уводна новела под насловом "*Тавни дворед*и" по којој је читава збирка добила наслов, па "*Балада*", "*Антигона*", "*Кафана на обали реке*", "*Визит-карта*", "*Побусни понедељак*" итд.), новелете друге књиге, заједно са 12 прве књиге лаконичне су у изразу, али многосмислене отворене смисаоне перспективе, одликују се синтаксом крајње једноставном, јасном, готово би се могло речи - прозирном. Као илустрацију довољно је навести уводни део прозне строфе из новелете "*Пожар у даљини*" ("*Далекий пожар*") који представља уланчени низ једносложних простих номиналних реченица и простих двосложних. У овој прозној строфи доминантна је номинална реченица са једном једином сложеном, али - опет безличном.

Реченица којом се завршава уводна прозна строфа ове новелете са скицом у неколико потеза амбијента и имперсоналних актера носи и основни мотив ове лирске сензације: мотив усамљености и тихе сете која ће се још једном поновити у експлицитном виду - у две реплике јунака, безимених и изгубљених у готово имагинарном простору степе и још усамљенијег мајура.

При пажљивом поновљеном аналитичком читању не може а да се не уочи да завршна реченица уводног дела преко назнаке основног мотива хита ка кулминацији и поенти у исто време тог истог мотива - сада поновљеног у реплици имперсоналне јунакиње. Не постоје, дакле, како то бива у класичној реалистичкој прози таквих писаца као што су, рецимо, Гоголь, Тургењев, Толстој, Достојевски, - издвојени прозни блокови - уводни, средишњи и завршни - већ се из уводног журно хита ка завршној поенти. Разигра ли се на овом месту читаочева уобразиља, из надоречених тајновитих алузија мотива израњају ројеви могућих асоцијација: о ефемерности човекова живота на земљи, али и о појачаном до катарзе доживљају света око себе.

Готово истоветан низ уланчаних номиналних, дефектних и простих реченица, са још убрзанијим ритмом описа предела у кратким потезима и, наравно, опет са само два актера: "он" и "она" и са свим осталим инвентаром опште категорије имперсоналности срећемо и у новелети "*Модест*".

Понекад је поента инкорпорирана у опис екстеријера и актера, а нелогично смештена у само средиште описа у виду ауторовог гласа, који тако само на час изрони из своје објективне анонимности да би усталасао мирну наративну интонацију упитном - о узалудности свих човекових настојања да ефемерно учини вечним, како то чини сироти усамљени свештеник у мрклој јесењој ноћи усред алпске забити док корача - *ко зна куда и због чега*? Исти овакав кратак потез у сликању атмосфере и актера са истим таквим максималним сажимањем исказа и убрзаном сменом огољених једносложних номиналних исказа и имперсоналних реченица срећемо и у новелетама "*Ахмат*" и "*Легенда*".

Ефекти овог "сажимања" уз помоћ различитих језичких средстава: од крњих облика и дефектних конструкција појачава се уланчаном брзом сменом кратких, превасходно једносложних непроширених реченица, али исто тако и личним заменицама у виду опозиције "она" - "он" које због одсутних властитих имена јунака постају једно од средстава "имперсонализације".

Понекад је експлицитно дата било заменица мушког, било женског рода, а друга се да наслутити из контекста или се може одредити из околности под којима се епизода одвија.

И у новелетама "*Почетак*" ("*Начало*"), "*Камарг*" ("*Камарг*"), "*Сто рупија*" ("*Сто рупий*"), "*Хладна јесен*" ("*Холодная осень*"), "она" је - извесна , непозната дама, коју "он" - учесник и сведок догађаја (јунак и наратор) случајно среће на путу и бива очаран "њеном" лепотом, грациозношћу и загонетношћу. Инвентар средстава "имперсонализације" остаје исти као у осталим новелетама које смо претходно анализирали.

У поступку обликовања ових лирско-филозофских фрагмената Буњин смишљено не износи ступњевито све елементе епско-лирског призора, нити му је намера да детаљно

и свестрано осветли појаву: уместо да слика и анализира, он даје оголелу скицу. Стога му је и реченица махом елиптична, шкрта у епитетима јер тежи да издвоји и поцрта оно главно, битно, преносећи у подтекст сигнале за детаљ и појединост, које ће сваки читалац у својој свести доградити. Тако се Буњинова реченица семантички разуђава у више праваца: и вертикално и дубински, складна је, хармонична и прецизна, а томе доприносе прстенасте композиције са честим понављањима, паралелизмима и инверзијама. Динамична смена крњих облика и дефектних конструкција доприносе драматици унутрашњег доживљаја јунака, те немир влада не само у јунацима већ се преноси и на околне предмете путем антропоморфизама.

Одсуство јасно издвојених почетних, средишњих и завршних "прозних строфа" и њиховог сажимања на само почетак и нагли прелаз у драматичан крај са поентом доприноси ефектном утиску динамичности и драматичности новелете. (Нпр. "*Пожар у даљини*", "*У Алпима*"). Хармоничност Буњинове синтаксе манифестује се у самој структури "прозне строфе" која се као по правилу поклапа са пасусом, а сгуснуте, махом напоредне реченице добијају свој пуни вербално-естетски смисао тек у склопу целине те исте "прозне строфе", а концептуално-естетски набој информације коју носи појединачна реченица зависиће од места и функције у "прозној строфи" и, шире, у композиције читаве новелете.

Ауторови коментари, понекад сведени на ниво дидаскалија, такође лаконично дају карактеристику монолога и дијалога јунака (Нпр. "*Пожар у даљини*", "*Аља*", а посебно у драмским фрагментима "*Лита*" и "*Нова будица*").

У закључку бисмо желели да истакнемо да се у књижевној критици о последњој збирци за пишчева живота уврежило крајње произвољно мишљење да да је Буњин у тим новелетама остао у оквирима реалистичке поетике. Тако, рецимо, Ана Саакјанц истиче да је у тој збирци писац досегао приповедачку виртуозност и садржајност, али да је то постигао у оквирима строго класичног реалистичког проседеа: "Буњин није чинио, - вели она,- ни један једини уступак пролазној моди." [*Саакянц* 1988, 5, 588]. Истичући да Буњин "није био ничији епигон", као и да му је била неприхватљива естетика модернизма, савремени пољски истраживач, Кшиштоф Ћешљик аутор књиге о његовом стваралаштву ипак није искључив у овој оцени већ констатује да је Буњинова проза објективно блиска делима руских модерниста по лирској обојености приповедања и трагањем за новим стилским поступцима. [Cieslik Krz, 1998, 34 и даље]. Права је штета, што Ћешлик у својој "реинтерпретацији" стваралаштва Буњина није обухватио и његову позну новелистику, па и поред тога његов нови приступ представља прекретницу у тумачењу овога писца у духу нових књижевно-критичких тенденција. Истина, Буњин се није поводио ни за каквом пролазном књижевном модом, Међутим, у зрелом приповедачком периоду разбио је строге оквире класичне књижевнојезичке норме и краткој приче дао свој особит печат који је трајан, а не привремен и обезбеђује му високо место у свакој савременој антологији кратке приче без обзира колико били строги критеријуми састављача.

Напомене:

1. Исп. "В далеком уездном городе, в далекой ранней молодости..

Приезжал из деревни брать книги в городской библитеке - там и встретил в первый раз, вышли вместе, разговорились - оказалось, что наговориться по дороге нельзя, зашли в пустой городской сад, сели на скамью в главной аллее и опять без конца расспрашивали друг друга:

- Вы не кончили гимназию? А я кончила только прогимназию, у папы нет средств продолжать мое образование, он машинист на товарных поездах... Я теперь читаю "В лесах" и "На горах", а вы? Я люблю больше Лермонтова, чем Пушкина, а вы? Так вы правда приедете на будущей неделе? Мне столько еще надо спросить вас! Меня зовут Аля. А вас?" (С С 1988, 5: 561).

2. Исп. /"У забаченој среској вароши, у далекој раној младости...

Долазио из села по књиге у градску библиотеку - ту и срео први пут, изашли заједно, заподели разговор - испало је тако да се успут није могао завршити, па свратили у празан градски парк, сели на клупу у главном дрвореду и опет ваздан запиткивали једно друго о свему и свачему:

- Нисте завршили гимназију? А ја сам завршила само ниже разреде гимназије, мој отац нема новаца за моје даље школовање, он је машиновођа на теретним возовима... Тренутно читам "По шумама" и "По планинама", а ви? Ја више волим Љермонтова него ли Пушкина, а ви? Да ли стварно долазите идуће недеље? Имам још толико много тога да вас приупитам! Име ми је Аља? А вама?" (*Новелете '44* 1993, 3: 221)/.

3. (Исп. "Hotel des Palmiers et de la Plage. Randez-vous du high-life francais et stranger, situation unique, vue incomparable, sejour ideal d'hiver et d'ete, 300 chambres, dernier comfort moderne, suisine reputee, grand park, tennis, deux, garages, ouvert toute l'snnee...").

/"Hotel des Palmiers et de la Plage, стециште људи из високог друштва Француске и других земаља, јединственог и непоновљивог положаја, са природним лепотама које се ни са чим не дају поредити, идеално место за одмор и лети и зими, 300 соба са најсавременијим комфором, кухиња на добром гласу, пространа парк, тенис, две гараже, - отворен преко целе године... (франц.) (*"Ривијера" - (У:) Новелете '44* 1993, 3: 228)/.

4) Под "солецизмом" при том подразумевамо примере неправилне употребе речи или облика, одступања од правила лексичке спојивости или повреде правила граматике или синтаксе уопште, са "крњим" облицима личних глаголских облика и "дефектним" реченицама сваке врсте, номинативним исказима, као и свака друга одступања од правилног, уобичајеног, логичког.

5) Исп. "Ходит по его большому кабинету в необычное время, в одинадцатом часу темного петербургского утра, горячо говорит, слушая только себя, - тонкая кожа щек горит розовыми пятнами, продолговатое лицо очень похорошело:

- Когда я впервые...

Уже забыла, что хотела сказать только одно, - "просто и честно" признаться в своей любви к другому, - упивается теперь своей театральностью..."

(С С 1988, 5: 562)

/"Шетка по његовом пространом кабинету у неубичајено време, после десет сати тмурног петроградског јутра, говори са заносом, слушајући само себе - однегована кожа лица сва је у ружичастим печатима, дугуљасто лице одједном се изузетно пролепшало:

- Када сам по први пут...

Истог часа заборавила да је намера била да каже само једну ствар - "једноставно и поштено" да призна да се заљубила у другог; почиње да је забавља сопствена театралност..." (*Новелете ' 44* 1993, 3: 222)/.

6) Исп. "Он кто-то при каком-то министерстве иностранных дел. Она ждет из Парижа мужа. Оба отчего-то отдыхают. Познакомились после обеда в холле, теперь вместе

купаются перед завтраком, ездят на автокарах (...) В отеле завтракают и обедают порознь, каждый за своим столом, но после обеда пьют кофе и слушают музыку опять вместе. Потом выходят в парк и к морю - "подышать перед сном воздухом".

Ему лет сорок пять, ей около сорока. Оба высоки, стройны. Он сух с подстриженными усами, в пенсне без оправы, которые он, беря перед обедом меню, кончиками пальцев сжимает, чтобы снять. Удивительно приличен и недоступен. Удивительно тонконог в голенях и щиколках (...) Она выходит к обеду, блистая чудесно сделанным цветом лица, голых рук и плечей, подведенными глазами, жемчужным ожерельем, перстнями на пальцах и острыми ногтями. гофрированными платиновыми волосами, в длинном серебристом платье - в нем ее тело изгибается так, точно оно без костей. Вся она, так же, как и ее серебристая сумочка, женственно пахнет пудрой." (С С 1988, 5: 558-559)

/"Август месец, хотел пун...

Он је неко у некаквом министарству иностраних послова. Она очекује мужа из Париза. Обоје се од нечега одмарају. Упознали се за време ручка у холу, сад се заједно купају пре доручка, возе аутомобилом у Монте Карло (...) У хотелу доручкују и ручају одвојено, свако за својим столом, али после тога пију кафу и слушају музику опет заједно. Затим излазе у парк и према мору - "да се надишу свежег ваздуха пред спавање".

Њему је око четрдесет пет, а њој - око четрдесет. Обоје су високи и стасити. Он је сувоњав, штуцаних бркова, са цвикерима без оквира које, кад пред ручак узме јековник, врховима прстију притиска па скида. Претерано углађен и неприступачан. Изузетно танконог у листовима и глежњевима (...) Она излази за ручак, сва блистајући изванредно нашминканим лицем, голих руку и рамена, са сенком око очију, бисерном огрлицом, прстењем на прстима дугих ноктију, колмоване платинасте косе, у дугој сребрнастој хаљини - у њој се њено високо тело извија тако као да је без костију. И сва као и њена сребрнаста ташница мирише на пудер." (*Новелете '44* 1993, 3. 228-229)/.

7) Исп. "Их первое лето вместе. Степной хутор. Поздно после ужина сидят в темноте на ступеньках крыльца. Темный дом, темная, теплая ночь конца лета. И далекий пожар за темной степью, на далеком краю ее черноты: невысокая, зубчатая гряда красного пламени. Горит уже давно, однообразно.. Иногда видно, как по пламени проходят тени дыма. Усыпляющий звон ночных степных насекомых, покой земли и неба - и спокойная грусть непонятности всего." (С С 1993, 3: 564).

/"Њихово прво заједничко лето. Салаш у степи. Касно после вечере седе у мраку на басамацима на улазу у кућу. Кућа у мраку, мрачна, топла ноћ на измаку лета. И пожар у даљини на крају мрачне степе, где влада мркли мрак: тањушни титрави појас црвеног пламена. Гори већ одавно, једнолично. Гдекад се назре како преко пламена промакне сенка дима. Успављујући звуци ноћних степских инсеката, потпуни мир на небу и земљи - и некаква блага сета због немогућности да се одреди смисао било које ствари." (*Новелете '44* 1993, 3: 220)/.

8) Исп. "Усыпляющий звон ночных степных насекомых, покой земли, неба - и спокойная грусть непонятности всего.

Он пристально смотрит вдаль, на пожар на горизонте, обняв ее молодое плечо:

- Ты меня еще любишь?

Она, глядя туда же:

- Люблю милый. И все пройдет! Все пройдет: и моя любовь, и этот пожар, и эта прекрасная и оттого такая печальная ночь." (*С С* 1988, 5: 564).

/"Успављујући звуци ноћних степских инсеката, и мир на земљи и небу, и некаква блага сета због немогућности да се одгонентне смисао било које ствари.

Он нетремице посматра пожар у даљини, онамо докле досеже поглед, пребацивши руку преко њеног млађаног рамена:

- Волиш ли ме још увек?

Она, погледа упртог у истом правцу:

- Волим, мили. Али све има свој крај! Све има крај: и моја љубав, и овај пожар, и ова дивна и отуд тако сетна ноћ." (*Новелете '44* 1993, 3: 220)/.

9) Исп. "Южный сентябрь, на солнце жарко, сухо, везде блестит. На окраине города ярмарка. Он богатый лошадник, рыжий, щуплый, в чесучовом пиджаке, в черных штанах и высоких сопогах, в белом картузе, с золотым перстнем на указательном пальце. Он целый день на ярмарке. А в городе, в номере гостиницы (...) его содержанка." (*С С* 1988, 5: 565).

/"Септембар негде на југу, упекла звезда, ваздух сув, свуд унаоколо све бљешти. Сточна пијаца у предграђу. Он је имућни марвени трговац, риђ, жгољав, у рипсаном сакоу, црним панталонама и у дубоким чизмама, са белим качкетом, а на кажипрсту златан прстен. По читав боговетни дан је на пијаци. А у граду, у хотелској соби (...) његова милосница." (*Новелете '44* 1993, 3: 220-221)/.

10) Исп. "Влажная, теплая, темная ночь поздней осенью. Поздний час. Селенье в Верхних Альпах, мертвое, давно спящее.

Автомобиль набирает скорость с горизонтально устремленными вперед дымчато-белесыми столбами. Освещаемые ими, мелькают вдоль шоссе кучки щебня, металлически-меловая хвоя чахлого ельника, потом какие-то заброшенные каменные хижины, за ними одинокий фонарь на маленькой площади, самоцветные глаза бессонной кошки, отскочившей с дороги, - и черная фигура размашисто шагающего, развевая подол рясы, молодого кюре в больших грубых башмаках... Шагает длинный, слегка гнутый, склонив голову, одиноко не спящий во всей этой дикой горной глуши в столь поздний час, обреченный прожить в ней всю свою жизнь, - *шагает куда, зачем?*

Площадь, фонтан, грустный фонарь, словно единственный во всем мире и неизвестно зачем светящий всю долгую осеннюю ночь. Фасад каменной церковки. Старое обнаженное дерево возле фонтана, ворох опавшей, почерневшей, мокрой листвы под ним... За площадью опять тьма, дорога мимо убогого кладбища, кресты которого точно ловят раскинутыми руками бегущие световые полосы автомобиля." (*"В Альпах". (В:) С С* 1988, 5: 550).

/"Влажна, топла, мрачна ноћ позне јесени. Глуво доба ноћи. Насеље у Горњим Алпима, мртво, одавно утонуло у сан. Аутомобил убрзава са хоризонтално упртим у ноћ сноповима светлости, боје беличастог дима. Осветљени фаровима, промичу крај пута гомиле туцаника, метално-кречне увеле гране старе јелове шуме, затим некакви запуштени камени кућерци, а иза њих усамљена светиљка на малом тргу, начас бљесак очију ваздан будне мачке која шмугну са пута - и црна прилика младог свештеника што граби дугим кораком, док му се крајеви мантије шире, у грубим големим цокулама... Граби, онако висок, малко погрбљен, погнуте главе, једини он будан у читавој тој планинској забити у глуво доба ноћи, осуђен да читав свој век проживи у њој - *граби куда, зашто?*

Трг, водоскок, тужна светиљка која као да једина на читавом свету и ко зна зашто светли сву дугу јесењу ноћ. Фасада камене црквице. Старо оголело дрво поред водоскока, хрпа опалог, поцрнелог, влажног лишћа испод њега... Иза трга опет мркли мрак, пут крај убогог гробља, крстови који као да раширених руку хватају титраве снопове аутомобилских светала." (*Новелете '44* 1993, 3: 225-226)/.

11) Исп. "В жаркий, пыльный день, на выгоне рядом с уездным городом, праздничный и торговый кавардак многолюдной ярмарки. Под отпряженной телегой, на краю канавы, что идет вдоль дороги к городу, сидит, расставив ноги от круглого живота, молодая баба на сносях. На лбу коричневые смаги. Губы синие, припухшие. На лице та особенная, нежная, непорочная миловидность, что бывает у беременных, - лицо как в жару, глаза светят тихим, святым блеском. И огромный, крепкий купец лет семьдесят, с черными бровями и глазами, с белоснежной бородой, в синей чуйке и синем большом картузе,

говорит своему молодцу, проходя мимо..." (*"Ахмат". (В:) С С* 1988, 5: 566).

/"Врео, прашњав дан на ливади надомак среског места, празнични и пазарни метеж на вашаришту, дупке пуном света. Испод испрегнутих кола, на ивици јарка, што се пружио дуж пута према граду, седи, широко раширених колена због округлог трбуха до зуба, млада снаша. Чело јој се осуло породиљским флекама. Усне јој модре, пуначке. На лицу она особита, нежна, невина привлачност што краси труднице - лице као у грозници, у очима неки благи, свети сјај. И огроман, снажан трговац од једно седамдесетак година, црних обрва и очију, беле као снег браде, у дугом плавом кафтану и плавом великом качкету, док пролази поред кола, говори свом помоћнику."(*Новелете* 1993, 3: 223)/.

"Она была в те давние дни, что мы зовем древностью. но видела вот это же солнце, что вижу и я сейчас, эту землю, столь любимую мною, этот старый город, этот собор, крест которого все так же, как в древности, плывет в облаках, слышала те же песнопения. что слышал нынче и я. Она была молода, ела, пила, смеялась, болтала с соседками, работала и пела, была девушкой, невестой, женой, матерью... Она умерла рано, как часто умирают милые и веселые женщины, и была отпета в этом соборе, и вот уже несколько веков нет ее в мире... (*"Легенда". (В:) С С* 1988, 5: 551).

/"Живела је у оне давне дане које обично називамо древним, али је гледала исто ово сунце које и ја видим данас, ову драгу ми земљу, овај древни град, ову цркву чији крст исто онако као у давна времена плови у облацима, слушала исто ово појање што сам данас чуо и ја. Била је млада, јела, пила, смејала се, брбљала са сусеткама, радила и певала, била девојка, заручница, супруга, мати... Умрла рано, као што често умиру љупке и веселе жене, очитали су јој опело у истој овој цркви, и ево већ неколико векова како је нема на овом свету... (*Новелете '44* 1993, 3: 226)/.

12) а) Исп. Он пристально глядит вдаль, на пожар на горизонте, обняв ее молодое плечо:

- Ты меня любишь?

Она глядя туда же:

- Люблю, милый. И все пройдет! Все пройдет: и моя любовь, и этот пожар, и эта прекрасная и оттого такая печальная ночь." (*"Далекий пожар". (В:) С С* 1988, 5: 564).

б) "Он богатый лошадник, рыжий, щуплый (...) А в городе, в номере гостиницы (...) лежит на диване, в одной розовой сорочке, его содержанка, крупная полная..." (*"Модест". (В:) С С* 1988, 5: 565).

г) "Шли вниз по Елисейским полям.

Он с удовольствием потрагивал уши под котелком (...)

Она вздрагивает плечиком." (*"Новая шуба". (В:) С С* 1988, 5: 567).

д) "Он кто-то при каком-то министерстве иностранных дел. Она ждет из Парижа мужа. Оба отчего-то отдыхают." (*"Ривьера". (В:) С С* 1988, 5: 558).

14) Вид. "Под орган и пение, - все пели под орган нежное, грустное, умиленное, говорившее: "Хорошо нам с тобой, господи!" - под орган и пение вдруг так живо увидел, почувствовал ее, - мой вымысел, нежданный, внезапный, неведомо откуда взявшийся, как все мои подобные вымыслы, - что вот весь день думаю о ней, живу ее жизнью, ее временем. Она была в те давние дни, что мы зовем древность..."(*"Легенда". (В:) С С* 1988, 5: 551). Она је, по свој прилици, Петраркина Лаура; "он" - Петраркин двојник, посредник, наратор - из овога времена.

/"Уз пратњу оргуља и појање, - сви су прихватили песму уз пратњу оргуља, нежне, сетне, ганутљиве речи: "Лепо нам је с тобом, господе!" - уз пратњу оргуља и појање наједном сам је тако живо замислио, осетио - моју уобразиљу, неочекивану, изненадну, што незнано откуд искрсну преда ме, као све моје сличне уобразиље, тако да ево већ читав дан мислим на њу, живим њеним животом, у њено време. Живела је она у оне давне дане које обично називамо древним." (*Новелете* 1993, 3: 226)/.

Исп.: *"Лита". (В:) С С* 1988, 5: 556); /*Новелете '44* 1993, 3: 227/; *"Кума". (В:) С С* 1988, 5: 407); *"В такую ночь..." (В:) С С* 1988, 5: 545); *"Качели". (В:) С С* 1988, 5: 458).

Списак литературе

Flaker 1984/1: Poetika osporavanja II izdanje ./ Flaker Aleksandar - Zagreb: Skolska knjiga, 1984, str. 5.

Flaker 1984/2: Ruska avangarda / Flaker Aleksandar - Zagreb, 1984.

Stevanović 1979: Savremeni srpskohrvatski jezik II: Sintaksa./Stevanović Mihailo - Beograd, 1979, str.88; 86-119.

Skreb 1980: Znanstvena vrijednost termina avangarda u knjizevnosti. / Škreb Zdenko – Zagreb: /U:/ Umjetnost rijeci. XV, br. 2, 1971, стр. 149-153.

Skreb 1980: Tradicija i avavngarda / Škreb Zdenko - /U:/ Knjizevna rec. IX, br. 150, 1980, стр.1, 5.

Stojnic 1995: Ruski avangarni roman /Stojnić Mila. Beograd: Knjizevna zajednica "Zvezdara", 1995.

Derrida 1967: De la grammatologie / Derrida J. Paris, 1967.

Кондратьева 1994: Категория персональности в творчестве С. Кирсанова / Кондратьева Г.Н.- (В:) Третья международная конференция "Язык и культура", Тезисы докладов. Киев, 1994, с. 234-236.

Ильин Илья 1996: Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / Ильин Илья - Москва: Интрада, 1996.

Анна Саакянц 1988: Проза позднего Бунина / Саакянц Анна - (В:) И.А. Бунин, Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1988, с. 588.

Солганик 1997: Стилистика текста / Солганик Г.Я. - Москва: Флинта - Наука, 1997, с. 97.

Григорьева 1992: Художественное пространство книги Ивана Бунина "Темные аллеи / Григорьева Н.В. - (В:) Первая научная конференция. Материалы. Киев: 1992, с. 153-154.

Cieslik Krz. 1998: Iwan Bunin (1870-1953). Zarys tworczosci / Cieslik Krzysztof - Szczecin, 1998.

С С 1988: И.А. Бунин, Собрание сочиненй в шести томах. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1988.

Новелете '44 1993: Иван А. Буњин, Новелете '44. Превод са руског Бранимира Човић -. (У:) Летопис Матице српске. св. 3, 1993, стр.220-232.

Чович Лариса Ивановна
Панъевропейский университет Апеирон, г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

Chovich Larisa Ivanovna
Pan-European University Apeiron, Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК И СЕРБСКИХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

THE SPECIFICITY OF THE TRANSLATION OF LITERARY TEXTS (TRANSLATION OF RUSSIAN LITERARY TEXTS INTO SERBIAN AND SERBIAN INTO RUSSIAN LANGUAGE)

Цель настоящего доклада – попытка выявления специфики перевода художественных текстов с русского на сербский и наоборот, а также описание лексических, стилистических особенностей перевода художественных произведений с русского на сербский язык. В соответствии с общей целью исследования в работе ставятся следующие задачи: на конкретном материале – осветить вопросы передачи национально-специфических реалий, экспрессивно-эмоциональных коннотаций слов, фразеологизмов и др.. Автор после тщательно проведенных анализов: описательно-аналитического, лексико-семантического, стилистического, сопоставительного и метод сплошной выборки – в заключении сделал следующие выводы: - выбор лексико-фразеологических средств, характерных для конкретного произведения имеет решающее значение для адекватной передачи стиля автора в переводе; - необходимо одновременно учитывать не только смысловую точность, но и стилистическое и экспрессивно-эмоциональное соответствие подлиннику выбранных переводчиком средств; - важно уметь отличать в подлиннике индивидуальное употребление языковых средств от стандартных, традиционных. Для достижения полноценного перевода художественных текстов необходимо выработать общие принципы лингвистического подхода к переводу, установить определенные соответствия путем сопоставления особенностей словарного состава и грамматического строя, стилистических особенностей переводящего и переводного языков. Важнейшим положением такого подхода является принцип установления не формальных, а функционально-смысловых соответствий.

The purpose of this paper is an attempt to identify the specificity of the translation of literary texts from Russian into Serbian, and vice versa, and a description of the lexical, formal features of the translation of literary works from Russian to Serbian language. The objectives of this study were as follows: concrete material of translations of Russian literary texts in Serbian language and Serbian literary texts in Russian to highlight the transfer of the national-specific realities, portable meanings of words, idioms, and expressive and stylistic connotations of words and other speech units. The author, after thorough analyses, descriptive and analytical, lexical-semantic, stylistic, comparative method, and solid sample – in the end made the following conclusions: - choice of lexical and phraseological tools is crucial for the adequate representation of the author's style in translation; - it is necessary to consider not only the accuracy of meaning, but also stylistic and expressive-emotional conformity to the original of the selected translatory means; - it is important to be able to distinguish in the original individual from the standard, traditional. To achieve full translation of the texts it is necessary to develop the General principles of the linguistic approach to translation and to establish certain correspondences by matching features of the vocabulary and grammatical structure, stylistic features of languages. The most important provision of this theory is the principle of establishing such correspondences on a functional basis, rather than formal correspondence between the means of different languages.

Ключевые слова: национально-специфические реалии, фразеологизмы, диалектизмы, полные эквиваленты, неполные эквиваленты**.**

Keywords*:* national-specific realities, idioms, dialects, full equivalents, partial equivalents.

Цель настоящего доклада – попытка выявления специфики перевода художественных текстов с русского на сербский язык и с сербского – на русский, а также описание лексических, стилистических особенностей перевода художественных произведений и обобщение опыта решения переводчиками некоторых конкретных вопросов адекватного воспроизведения художественного текста на переведенном языке.

В соответствии с общей целью исследования в работе ставятся следующие задачи: на конкретном материале переводов русских художественных текстов на сербский язык и сербских художественных текстов на русский - осветить вопросы передачи:

- национально-специфических реалий,
- фразеологизмов,
- экспрессивно-эмоциональных коннотаций слов и
- других речевых единиц - диалектизмов, жаргонизмов, а также
- проанализировать приемы передачи исторической стилизации оригинала или стилизации под народный говор, приводящей к характерологическому эффекту, вызывая иллюзию полного «правдоподобия».

Для того, чтобы верно воспроизвести литературно-художественный и идейный уровни художественного текста, переводчику необходимо внимательно отнестись к каждому слову, каждой строчке, к построению фразы, к изобразительно-выразительным средствам. А самое главное – следует начинать с анализа смысловых отрезков текста, с абзацев, так называемых смысловых комплексов. При передаче их на свой родной язык переводчики встречаются со многими трудностями, типичными для перевода на любой язык.

Потому что подчас непросто разобраться в эксплицитно и имплицитно выраженной информации, появляется необходимость осуществлять предпереводческий дискурс-анализ для достижения максимально адекватного и эквивалентного результата перевода. При таком изучении оригинала переводчик воспринимает картину мира носителя исходного языка, что, несомненно, поможет лучшему пониманию исходного текста и более точной его передаче в языке-цели.

Как в России, так и в Сербии переводчики в течение многих десятилетий переводили в некоторых случаях одни и те же произведения классической русской и советской литературы, встречались с одними и теми же переводческими проблемами и сравнительное изучение их опыта имеет большое значение, так как сербский и русский языки являются близкородственными языками.

Материалом для проведенного исследования послужили переводы художественных произведений с русского языка на сербский язык и с сербского на русский прошлого столетия[1].

[1] Перевод А.П. Чехова драмы «Дядя Ваня» на сербский язык, перевод В.Набокова автобиографической прозы на сербский язык, перевод повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на сербский язык; перевод романа Стевана Сремаца «Зона Замфирова» на русский язык, перевод Здравко Крстановића «Рассказов из Ада» на русский язык.

При проведении исследования применены комплексные методы и приемы, используемые в современном языкознании: описательно-аналитический, лексико-семантический, стилистический, сопоставительный и метод сплошной выборки.

Теоретической и методологической базой исследования явились труды известных переводоведов А.В. Федорова [Федоров, 2002], Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2004], П.М. Топера [Топер, 2000], И.А. Кашкина [Кашкин,1977] ит.д., а также сербских русистов-теоретиков перевода Б.Човича [Човић, 1994], Р.Мароевича [Мароевић, 1994], М.Сибиновича [Сибиновић, 1990] и других.

В российской теории художественного перевода выделяются три основные тенденции:

- во-первых, ориентация переносится с оригинала на текст перевода;
- во-вторых, оценочный подход заменяется дескриптивным;
- в-третьих, ориентация переносится от текста как единицы языка на функции перевода как части культуры языка перевода [Комиссаров, 1999, с. 27 – 28].

Как известно, художественный текст – это «сверхфразовое единство, характеризуемое общностью идейно-тематического содержания и эстетического воздействия на читателя – своей основной функцией» [Солодуб, 2005, с. 160]. Эта функция «реализуется на основе эстетизации автором текста изображаемой им действительности с помощью художественных приемов, которые наиболее адекватно подходят для создания желаемого эмоционального эффекта» [Солодуб, 2005, с. 21]. Вместе с тем, художественный текст в целом полифункционален, так как он также выполняет коммуникативную и когнитивную функции. Художественный текст - носитель информации, потому что это - многократно закодированный текст, что обуславливает множественность его прочтений и толкований переводчиком, наряду с его «домысливанием», и «сотворчеством». Следует также отметить, что важную роль в художественном тексте играют национально-культурная обусловленность и временные границы.

Выявление индивидуальной манеры писателя, сохранение и передача которой является первоочередной задачей переводчика. Эта задача – трудновыполнимая, поскольку любой перевод неизбежно ведет к замене тех или иных выразительных средств другими, принятыми в литературной традиции языка перевода. Выбор варианта перевода имеет субъективный характер, ориентированный на личность переводчика.

Неизбежно возникает противоречие: с одной стороны, для осуществления художественного перевода желательно было бы, чтобы переводчик в какой-то степени обладал писательским талантом. В таком случае при переводе происходит столкновение двух творческих личностей, предполагающее либо взаимопонимание, сотрудничество, либо спор. Для того чтобы сотрудничеством стало истинным, переводчик должен «не просто глубоко вникнуть в идиостиль писателя, в его образ мыслей и способ их выражения, он должен вжиться в них, сделать их на время своими. Для полноценного перевода требуется глубокое знание творчества автора и обстоятельств создания переводимого произведения» [Сдобников, 2007, с. 409 – 410].

Трудности передачи идиостиля писателя имеют непосредственное отношение к стилистическим проблемам перевода художественного текста. Поскольку перевод художественного текста - это прежде всего интерпретация, то неизбежны стилистические сдвиги, имеющие как объективный, так и субъективный характер. Один из теоретиков перевода А. Попович выделяет следующие типы стилистических изменений оригинала. Назовем те, которые нам кажутся наиболее важными: *стилистическое соответствие, стилистическая замена или инверсия, стилистическое усиление, стилистическая индивидуализация, стилистическое ослабление и стилистическая утрата* [Попович, 1980].

Сдвиги стилистического характера выражают определенные тенденции, в которых переводчик проявляет себя как творческая личность, и отражают творческую индивидуальность переводчика.

При переводе художественного текста и русские, и сербские переводчики стремятся учитывать прагматическую задачу перевода, заключающуюся в достижении желаемого коммуникативного и эстетического эффектов на читателя. Цель их состоит в том, чтобы читатель почувствовал силу литературного таланта автора оригинала в переводе. Если переводчику удалось этого добиться, можно говорить об адекватном воспроизведении коммуникативного и эстетического эффектов оригинала. В связи с этим художественный перевод может быть приравнен к коммуникативному переводу.

Принимая во внимание прагматический аспект перевода художественного текста, под художественным переводом мы будем понимать вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в создании произведения на языке перевода, способного оказывать экспрессивно-эстетическое воздействие на читателя, равное тому воздействию, которое оказывает данное художественное произведение на языке оригинала. Отличительная черта художественного перевода заключается в том, что при переводе имеет место столкновение двух культурных систем, неизбежно порождающее столкновение культурных сфер. Текст перевода в тематическом и стилистическом отношениях характеризуется тем, что в нем перекрещиваются разные культуры. Каждый перевод, в большей или меньшей степени, отражает это противоречие, обозначаемое в рамках переводческой коммуникации термином «межпространственный фактор в переводе» [Лосев, 1981, с. 131]. Задача переводчика – привести в некоторое равновесие этот фактор. Каждое слово, каждый языковой элемент имеют бесконечные количество разного рода смысловых оттенков, и переводчику необходимо выбрать наиболее подходящий смысловой оттенок в данном контексте языка перевода.

Вопрос об оценке достоинств и недостатков художественного перевода чрезвычайно труден. Перевод всегда можно подвергнуть критике, и эта критика будет обоснованной, поскольку идеального перевода не бывает. Однако при оценке качества переводов нужно исходить из соответствия образцов оригинала образцам перевода, из того, насколько впечатление, полученное носителем языка, читающего оригинал, соответствует впечатлению, полученному от чтения перевода.

Трудности перевода русских литературных текстов на сербский язык и сербских на русский язык такие же, как и на любой другой язык. Это: преодоление культурологических проблем, перевод реалий, фразеологических единиц (ФЕ), пословиц и поговорок, каламбуров, средств исторической стилизации, перевод географических названий, терминов, фамилий и имен.

Далее, перейдем к выявлению некоторых специфических лексических и стилистических особенностей перевода художественных произведений с русского на сербский язык и сербского на русский язык.

1. При переводе одной из самых сложных проблем является преодоление культурных барьеров. Это связано с различиями в картинах мира, существующих у русских и сербов.

Особенности бытовой и духовной культуры одного народа не могут быть восприняты в полной мере представителями других культур, возможно лишь приблизительное восприятие и понимание.

Существуют такие культурные реалии, которые только внешне, по признаку наличия устойчивого лексического соответствия аналогичны реалиям других культур, поэтому необходимы усилия переводчика, чтобы помочь разобраться в этих отличиях.

Культурные феномены, не имеющие близких аналогов в других культурах, обычно первыми и бросаются в глаза, когда речь заходит о культурологических барьерах. Однако эти контрастивные реалии, как ни странно могут показаться понятными, и все же нередко приводят к непониманию при контактах и нуждаются в достаточно подробном пояснении.

Например, при переводе на русский язык рассказов известного сербского писателя и поэта Здравко Крстановича встречается реалия *крсна слава* – самый большой и уважаемые сербами праздник. Это реалия, не известная русскому читателю, есть день святого - защитника семьи. Без объяснения в сносках или расширения авторского текста оригинала дополнительными словосочетаниями или даже предложениями адекватный перевод невозможен. Или русские реалии в сербских переводах Пушкина, Чехова, Достоевского и других классиков представляют культурологическую проблему перевода [Раздобудько-Човић, 2001, с. 29-39].

Есть, например, такие реалии, которые сербские читатели понимают без перевода: *пирожки, самовар, мужик*, благодаря популярности русской классики в Сербии. Например, у сербских переводов драм Чехова столетняя история. Еще в конце 80-ых годов XIX в. на сербский язык были переведены его драматические произведения. При жизни Чехова, то есть до 1904 года, в сербской периодике можно было насчитать до 400 наименований его произведений. Чаще всего переводились его юмористические и сатирические рассказы, а также рассказы для детей и о детях. Первое упоминание о Чехове-драматурге появилось в 1894 году, а первые переводы его одноактных пьес - только в последнем году XIX века. При жизни писателя на сербской сцене поставлены *Медведь* в Нови-Саде (в 1901 г.) и в Мостаре (в 1903 г.), а также *Предложение* в Мостаре (в 1904 г.). Премьера *Лебединой песни* в белградском Народном театре состоялась уже после смерти писателя в 1904 г. В 1913 г. в белградском Народном театре прошла премьера *Дяди Вани*,

в постановке Л.И. Андреева. Первые издания на сербском языке пьесы *Дядя Ваня* - плод переводческого труда Зорки Велимирович [Чехов 1921].[2]

Интересен перевод некоторых реалий «русского стола» на сербский язык. В переводе Тарановского слово "водка" везде передается как "ракия", и это, без сомнения, сербизация текста, продиктованная тем, что в начале века водка еще не получила широкого распространения среди сербов. Что касается слова "сыр", переводчик передает его как "сир" /брынза/. Точный переводческий эквивалент продукта, которым Соня кормит ночью доктора Астрова, это "качкаваљ". Бесспорно, в сербской кухне брынза употребляется чаще, чем сыр, но, по нашему мнению, это случай той же сербизация, и ее надо избежать. В первом действии Войницкий жалуется на новый ритм жизни, установленный в имении, и говорит: "За завтраком и обедом ем разные *кабули*, пью вина..." В переводе слово "кабули" пропущено. Для современного читателя, однако, его нужно объяснить в сноске. В двуязычных русско-сербских словарях это слово отсутствует. В "Словаре русского языка в 4-х томах" / Словарь русского языка, 1984/ слово толкуется следующим образом: "острый соус из сои и различных специй, употребляемый как приправа к кушаньям" /по названию г. Кабул в Афганистане/. Очевидно, Чехов использует данное слово, чтобы иллюстрировать предвзятость, необычайность меню, навязываемого семьей Серебряковых, и то, что слово не объясняется, приводит к неясности текста для сербов [Раздобудько-Човић, 2010, с.113-124].

2. Большую сложность могут представлять фразеологизмы. Они используются для придания большей выразительности произведению.

Разное членение явлений внеязыковой действительности, особенности внутренней организации фразеологизмов, что также связано с культурными различиями, затрудняют сопоставление, сравнение идиоматических единиц разных языков, а также нахождение адекватных переводческих соответствий.

Первой проблемой, с которой сталкивается любой переводчик при работе с идиомами, является их опознавание. Типов идиом довольно много, некоторые выявить в тексте сложно. Легко распознаются те, что явно противоречат описываемым условиям, законам природы или логике, такие, которые Ю.Солодуб называет *безэквивалентной соотнесенностью* [Солодуб, 1992, 2, с.40].

Полная эквивалентная соотнесенность ФЕ, предполагающая тождество их семантики в двух анализируемых близкородственных языках, достаточно велика. Определение широты эквивалентной соотнесенности используемых ФЕ - одна из проблем перевода. Это такие ФЕ, как, например, *висеть над головой - висети над главом; спрятать голову в песок - гурнути главу у песак; поднимать голову - дизати главу; не выходит из головы - не излази из главе и тд.* Кроме того, встречается большое количество

[2] [Раздобудько-Човић, 2010, с.102-112].
Хочется отметить особое отношение в Сербии к произведениям Чехова со стороны как режиссеров, так и актеров.Сколько усилий они вкладывают, чтобы донести до зрителя истинного Чехова, филигранно оттачивая все, начиная с идеи, фабулы, кончая актерским мастерством и декорациями!

эквивалентных ФЕ книжной фразеологии. Например, *око за око, зуб за зуб - око за око, зуб за зуб; беречь как зеницу ока - чувати као зеницу ока; в чужом глазу и соринку видишь, а в своем и бревна не замечаешь - видети трун у оку другог, перст судьбы - прст судбине* и т.д.

Выразительный характер этих ФЕ осознается носителями языка независимо од того, мотивированы или нет эти фразеологизмы. В эмоциональном плане они звучат абсолютно идентично и кроме денотативного значения имеют одну и ту же оценку.

Однако следует отметить, что такая широта эквивалентной соотнесенности касается только однозначных ФЕ. При глубинном анализе выявляется их сложная семантическая структура, и сочетаемость в русском и сербском языках будет различна.

Если говорить в целом, то, чем сложнее понять фразеологизм, чем меньший смысл имеет он при дословном переводе в данном контексте, тем больше вероятность того, что переводчик всё же его распознает. При наличии доступа к хорошим словарям и справочникам и, что еще лучше, при возможности консультации с носителем языка источника – вот условия успешного перевода.

Встречаются ФЕ, в которых не совпадают коннотативные компоненты значения, хотя одинаковы денотативные компоненты и грамматические структуры. Это обусловлено различием их парадигматических отношений во фразеологических системах русского и сербского языков*: язык сломаешь –'очень трудный для произношения. О словах, фразах' - ломити језик - 'о иностранном языке: с трудом и с акцентом говорить'.* У русских принято в этом случае говорить: "Он говорит *на ломанном русском языке"*.

В большинстве случаев расхождение образности обусловлено национальными различиями в лексическом составе ФЕ. Естественно, это связано с особенностями формирования сигнификативного аспекта значения анализируемых языков. В таких случаях мы имеем дело с национально-языковыми формами универсальных понятий. Причем, далеко не всегда различная образность, мотивация ФЕ ведет к разному восприятию всей ФЕ в сопоставляемых языках. Чаще всего такие ФЕ различаются номинативным компонентом: *сквозь зубы - преко брка; говорить в нос - рећи у браду; сказать в глаза – причати у у браду; повесить нос - обесити бркове; поглаживать бороду - гладити брк; глаза смеются - брк му се смеши; с головы до ног - од главе до пете* и т.д.

С различными предметно-вещественными ассоциациями связана образная организация некоторых ФЕ: *голова работает – мислити своим главом; не иметь царя в голове - немати даску у глави; лбом стену пробить - ићи главом кроз зид; нос не дорос - још му ври у глави; беречь как зеницу ока – чувати као очи у глави; говорить за глаза - говорити иза леђа, по горло - преко главе; и глазом не успел моргнуть - док дланом о длан; и бровью не шевельнул - ни оком да трепне, ни носом да мрдне и т.д.*

Значение этих фразеологизмов идентичное, однако мотивировка, то есть "картинка", положенная в основу ФЕ, совершенно различна. Следующий тип - это ФЕ с безэквивалентной соотнесенностью, основанной только на сходстве их плана на определенном межъязыковом параллелизме их лексико-грамматической организации при отсутствии даже отдаленного сходства в семантике: *обвести вокруг пальца - 'обмануть' и*

вртети палац око палца - 'бездельничать'. Таких случаев – мало в русском и сербском языках.

Выявление характера связи фразеологического состава языка с мировидением данного народа, определение видов корреспонденции между фразеологической единицей как знаком и эталонами и стереотипами группового опыта народа, то есть установление типов культурных коннотаций единиц фразеологии исключительно важно для перевода художественных произведений. И уже на базе этого знания возможно рассмотрение взаимодействия языка (его фразеологического компонента) и культуры в ее национальной форме [Телия, 1993, с.306], что исключительно важно для переводчика.

3. Нередко писатели прибегают к игре слов, основанной на оттенках значения или звучании - к каламбурам; и передача игры слов также одна из самых сложных задач для переводчика художественных произведений. Ведь в родном языке переводчика эти слова обычно не имеют сходного значения или обладают другой смысловой нагрузкой. Например, переводы Набокова на сербский язык, оригиналы которого испещренные каламбурами, представляют особую трудность для переводчиков [Човић Лариса у коауторству са Бранимиром Човићем и др., 2014. с.5-30, 42-73, 73-86]. В нашем исследовании, посвященном игровым трансформациям и межъязыковым играм Владимира Набокова, где были использованы уникальные материалы автобиографической его прозы, представленной автопереводом «*Другие берега*» [Набоков, 1999] с английского языка мемуаров «*Conclusive Evidence*» [Nabokov, 1951] и переводом Сергея Ильина с английского «*Speak, Memory!*» [Nabokov, 1999] на русский язык - «*Память, говори*» [Набоков, 1999] в фокусе внимания был не только автоперевод, но и переводы на сербский [Набоков, 1995] и хорватский [Nabokov, 2002] языки, выполненные с разных источников: первый – это перевод русской версии мемуаров «*Другие берега*», второй – английской - «*Speak, Memory!*».

Мемуары писателя рассматриваются как литературно-переводческий феномен, представляющий новый «переводной жанр» и своего рода «межъязыковую игру», которую ведут В. Набоков (дважды меняя язык своего единого гипотетического текста), его переводчик на русский язык Сергей Ильин и еще два переводчика на сербский и хорватский языки.

Каламбуры – самое сложное для перевода, особенно, когда игра слов представлена на русском языке, особенно когда каламбурный эффект представлен объединением компонентов ФЕ на основе омонимии. Например: «...карабкаясь, я твержу, как некое истое, красноречивое, утоляющее душу заклинание, простое английское слово «чайльдхуд» (детство); знакомый звук постепенно становится новым, странным, и вконец завораживается, когда другие «худ»'ы к нему присоединяются в моем маленьком, переполненном и кипящем мозгу - “Робин Худ” и «Литль Ред Райдинг Худ» (Красная Шапочка) и бурый куколь («худ») горбуньи-феи.» [Набоков, 1999, с.383-384] (общий компонент-омоним худ). С данным каламбуром наш переводчик справился: «...красноречиву и лековиту магичну формулу енглеску реч childhood (детињство); познати звук постепено постаје нов, чудан, чак чаробњачки када му се моме малом, препуном и

узаврелом мозгу прикључују други «худи» – Robin Hood, Little Rad Riding Hood, (Црвенкапа) и мрка капуљача (hood) грбаве виле» [Набоков, 1995, с.14].

Или пример из романа «Память, говори»: «С другой стороны, я переделал множество мест и попытался как-то исправить запамятливые недостатки оригинала – *белые пятна* <...>. Я обнаружил, что по временам напряжение воли позволяет придать бесцветной кляксе прекрасную резкость очертаний <...>» [Набоков, 1999, с.117]. Каламбур на семантическом уровне во фразеологизме *белые пятна* привела к появлению окказионального фразеологизма *бесцветная клякса*, что не совсем корректно перевела Нада Шолян: «S druge strane, revidirao sam niz odlomaka i pokušao se uhvatiti u koštac s amnezijskim manama izvornika, bijelim mrljama, zamagljenim područjima <...>. Ustanovio sam da se ponekad pomoću intenzivne koncentracije može natjerali neku neutralnu mrlju u prekrasan focus <...>» [Nabokov, 2002, s. 9]. Надо было бы: *bezbojna крмача*. Глагол *попытаться* она перевела общеязыковым фразеологизмом *uhvatiti se u koštac*, а неологизм *запамятливые недостатки* - прилагательным *amnezijski*.

Сам художественный перевод, несомненно, оказывает большое влияние на литературный язык, хотя чаще всего язык художественной литературы не является нормированным в прямом смысле этого слова, поскольку является преломлением общенародного языка с его историко-культурным колоритом, нелитературными вкраплениями сквозь призму авторского видения. И постараться передать это богатство настолько полно, насколько возможно, - одна из задач переводчика.

4. При рассмотрении вопроса о переводе слов, принадлежащих к различным пластам словаря, следует упомянуть и о словах местных диалектов и жаргонизмах. При переводе местных диалектов едва ли следует пользоваться диалектами языка, на который делается перевод, так как это внесло бы совершенно неправильные ассоциации и чуждый национальный колорит. Перевод местных диалектов представляет собой сложную задачу, разрешение которой возможно только при помощи адекватных замен. Следует в основном пользоваться нейтральной лексикой и синтаксическими возможностями языка и прибегать к таким отступлениям от норм литературного языка, которые не имеют ярко выраженной местной и национальной окраски. В качестве примере приведем перевод повести «Зона Замфирова» Стевана Сремаца, где автором было использовано большое количество турцизмов, диалектизмов, просторечных слов и даже вульгаризмов, что вполне оправдывается замыслом писателя. Они являются своеобразными "ключевыми" звеньями, на остриях которых основывается вся композиция повести. Кроме того, это и фон, на котором Сремац, поэтизируя красочный и оригинальный мир, рассказывает историю любви молодого золотых дел мастера Мане и дочери богатого купца Зоны

Для передачи соответствующих понятий, характеристики быта, старых, патриархальных отношений и создания «местного» колорита в повести использовано большое количество диалектизмов и варваризмов: «А тек унутра, у кући, у предсобљу, шта све човек може да види! Ту силни *легени, ибрици, сахани*, сребрни *шавдани*, тепсије и *синије* по метар и по у пречнику, па оне *ћасе, мангали***...** и све то сребрно или бакарно па калајисано. Свакога дана имају доста посла девојке док све то изрибају, па се сија по

чорбаџи-Замфировој *авлији* као да су се сунца спустила и поређала доле по калдрми. А тек по одајама! Какав раскош и какво шаренило! Ћилими пиротски и ћипровачки, ангорски теписи и сандуци седефски стамболски, пуни свиле и *кадифе*; по *дуварима* оружје скупоцено, поклон од *паша* и *бимбаша*. Уза зид са све четири стране ниски *миндерлуци*. У свакој одаји по једно скупоцено сребрно кандило гори уочи недеље и празника пред иконом из Русије, која је сва сребром опточена, а три кандила горе пред оном највећом иконом из Јерусалима што ју је донео још некад отац Замфиров кад је био на *хаџилуку*, куд је повео и свог десетогодишњег сина Замфира, који се данас стога зове још и *хаџи* Замфир» [Сремац 1960, с.15-16].

В переводе Ивана Дорбы практически осталось лишь несколько турцизмов *шандалы, мангалы, паша и хаджа*, что, естественно, уже не столь колоритно, как в оригинале: «Уже в прихожей чего-чего только не увидишь: медные тазы, кувшины, блюда, серебряные *шандалы*, тарелки, подносы (в полтора метра ширины), кубки*, мангалы;* и чего-только тут нет, и все из серебра и луженой меди! Сколько же работы было у девушек, пока они всю утварь не доведут до блеска, так что все сверкает, и, кажется, будто само солнце спустилось и размножилось. А в комнатах! От роскоши в глазах рябит! Всюду пиротские, чипровацкие и ангорские ковры, перламутром отделанные стамбульские лари, битком набитые шелками и бархатом; на стенах оружие - подарки *пашей* и турецких военачальников. Вдоль стен низкие диваны. По субботам и в канун праздников зажигаются дорогие серебряные лампады. Висят они перед русскими иконами в богатых окладах, а а три неугасимые горят перед самой большой иконой – из Иерусалима. Привез ее в свое время отец Замфира из паломничества, куда брал своего десятилетнего сына Замфира, которого поэтому и величают *хаджи* Замфир» [Сремац, 1986, с.562-563].

Из анализа этого отрывка видно, насколько сложно переводчику адекватно передать лексику ограниченного употребления и как важно использовать различного рода трансформации.

5. В основе переводческих трансформаций лежат не только особенности узуального, т. е. общепринятого употребления изоморфных средств выражения, закреплённые нормами анализируемых двух языков, но и особенности обусловленного специфическим контекстом использования этих средств в конкретной функциональной разновидности речи. Разнообразие пластов словаря дает возможность выразить одну и ту же мысль словами разной стилистической окраски, что видоизменяет и характер высказывания и до какой-то степени само его содержание.

Поэтому переводчику необходимо определить, принадлежит ли данное слово к словам с нейтральной стилистической окраской или к книжно-литературным, поэтическим, диалектным или жаргонным. Принадлежность слов к различным пластам словаря ярче всего выступает в художественной литературе, и переводчику приходится с этим считаться, особенно, когда речь идет о различного рода стилизации. Например, перевод исторической повести А.С. Пушкина на сербский язык. В переводе *Капитанской дочки* Божидару Ковачевичу не всегда удавалось передать все пушкинские приемы исторической стилизации. Но он пытался каким-то другими способами воссоздать колорит

эпохи, дать речевую характеристику героям, подбирая к другим словам устаревшие синонимы, заменяя те слова в предложениях, которые имеют архаический аналог, если отсутствует в сербском языке адекватные архаизм или историзм соответствующего слова оригинала. Или то, что принципы стилизации, использованные Стеваном Сремацом, приводят к необычному характерологическому эффекту, вызывая иллюзию полного «правдоподобия» провинциальной и патриархальной жизни Ниша того времени. Замена их в переводе нейтральными словами приводит к обеднению текста, уменьшению эмоционально-экспрессивной окраски текста и совершенно другому восприятию данной повести.

6. И еще об одной специфической трудности при переводе с сербского языка на русский следует сказать, хотя бы коротко – это специфичность орфоэпии и графики, иекавица и экавица. Иекавица и экавица различаются по произношению старославянского «ѣ» - иекавица=ИЙЕ или ЙЕ, экавица=Э. Иекавский диалект употребляют хорваты, бошняки и черногорцы, экавский - только сербы. Читая любое произведение носитель языка, точно может определить по написанию, в какой части Сербии или Боснии происходят события. Переводчик должен каким-то образом показать это эсплицитно, объяснить читателю (в тексте или в сноске), что ясно любому, живущему на территории бывшей Югославии, и не известно носителю русского языка.

Подводя итоги проведенного анализа, можно заключить, что сопоставительный анализ переводов на близкородственные языки может многое дать для теории перевода. Основной задачей становится установление закономерных соответствий между исходным языком и языком перевода.

В последнее время утвердилось новое понимание адекватности, полноценности перевода как понятия функциональной точности. При этом речь обычно ведется об лексико-фразеологической и грамматической адекватности.

Выбор лексико-фразеологических средств имеет решающее значение для адекватной передачи стиля автора в переводе. Поэтому необходимо одновременно учитывать не только смысловую точность, но и стилистическое и экспрессивно-эмоциональное соответствие подлиннику избранных переводчиком средств. Для достижения этого необходимо уметь отличать в подлиннике индивидуальное от стандартного, традиционного. Весьма распространенным недостатком в переводах является сглаживание, нейтрализация, обезличивание индивидуальных особенностей оригинала.

Для достижения полноценного перевода текстов необходимо выработать общие принципы лингвостилистического подхода к переводу, установить определенные соответствия путем сопоставления особенностей словарного состава и грамматического строя, стилистических особенностей языков. Важнейшим положением этой теории является принцип установления таких соответствий на функциональной основе, а не формальные соответствия между средствами различных языков.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.

Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод // Для читателя –современника (Статьи и исследования) / И.А. Кашкин. М.,1977. С. 464–502.

Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведении в освещении зарубежных ученых. Учебное пособие . / В. Н. Комиссаров. – М.: ЧеРо, 1999, с. 27-28.

Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности / А. Ф. Лосев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, т 40, вып. 5, с.131.

Маројевић Р. Лингвистика и поетика превођења: (међусловенски превод). /Радмило Маројевић, Београд : Научна књига, 1988. Београд, 1994.

Набоков В. Друге обале. /Превео са руског Петр Вујичић ./Владимир Набоков, Градац:ALEF, 1995.

Набоков В. Другие берега. / Владимир Набоков, М.: Слово/Slovo,1999, с.377-523.

Набоков В. Память, говори. /Перевод с английского Сергея Ильина /Собрание сочинений американского периода в 5 томах. Том 5, / Владимир Набоков, М.: Симпозиум, 1999.

Попович А. Проблемы художественного перевода. / А. Попович. М.: Высшая школа, 1980.

Раздобудко-Човић Л. Руско-српска лингвокултуролошка- стилистичка и компаративна истраживања. / Лариса Раздобудко-Човић. Novi Sad, STILOS art, 2010.

Раздобудко-Човић Л. Семантико-стилистический анализ перевода фразеологизмов на русский язык (на материале перевода "Рассказов из ада" Здравко Крстановича)// Руско-српска компаративна истраживања / Лариса Раздобудко-Човић, Београд: Vedes, 2001, с.29 -34.

Сдобников В.В. Теория перевода: (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков) / В. В Сдобников, О. В Петрова. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007, с. 409 – 410-

Сибиновић М. Нови оригинал, /Миодраг Сибиновић, Beograd, 1990.

Словарь русского языка в 4-х томах, М.:. "Русский язык", 1984.

Солодуб Ю.П. О двух типах безэквивалентной соотнесенности фразеологизмов различных языков.//Фил. науки. /Солодуб Ю.П М., 1992, №2, с.40.

Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода: учеб. пособие для студ. лингв, фак. высш. учеб. заведений / Ю. П. Солодуб. М.: Издательский центр «Академия», 2005, с. 160.

Сремац С. Зона Замфирова. Приповетке. / Стеван Сремац. Нови Сад - Београд, 1960, с.7-165.

Сремац С. Праздник. Поп Чира и поп Спира. Вукадин. Зона Замфирова. / Стеван Сремац. М.: «Художественная литература». 1986, с. 555-891.

Телия. В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию). В кн.: Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. / В.Н. Телия. М.: Наука, 1993, с.306.

Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения /П.М Топер. М.: Наследие, 2000.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). / А. В. Федоров. – М.: Филология три, 2002.

Чехов А.П. Дядя Ваня. Сцены из деревенской жизни в четырех действиях. / А.П. Чехов. Берлин: Издательство «Слово», 1921, с.3-70.

Čović B. - Poetika knjizevnog prevodjenja/Branimir Čović. Beograd, Naucna knjiga, 1994.

Čović L. u koautorstvu sa Branimirom Čovićem i dr. Dvojezičnost autobiografske proze V.Nabokova: novi "prevodni žanr" i/ili "međujezičke igre" (Prevod u sistemu komparativnog izučavanja nacionalne i strane književnosti), Kosovska Mitrovica:Univerzitet u Prištini sa prevremenim sedištem u Kosovskoj Mitrovici, Filozofski fakultet, 2014. s.:5-30, 42-73, 73-86.

Nabokov V. 1950. Conclusive Evidence, /Vladimir Nabokov. NY: Harper & Brothers Publishers.

Nabokov V. Speak, Memory!, /Vladimir Nabokov, London, Penguin Books,1999.

Nabokov V. 2002/ Govori, sjećanje! /S engleskog prevela Nada Šoljan. /Vladimir Nabokov. Rijeka:"Otokar keršovani" d.o.o.

Чудинов Анатолий Прокопьевич
Никифорова Марина
Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург (Россия)

Chudinov Anatoly Prokopyevich
Nikiforova Marina
Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg (Russia)

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА

RUSSIAN POLITICAL LINGUOPERSONOLOGY: METHODOLOGICAL BASIS AND METHODS OF STUDY

В статье рассматриваются методологические проблемы относительно новой для отечественной науки области языкознания – лингвополитической персонологии, изучающей феномен профессиональной языковой личности в сфере политической коммуникации: специфика базовых терминообозначений и формирующиеся методы сбора и анализа языкового материала. На основании обзора многочисленных публикаций, посвященных изучению речи представителей политической сферы, авторы статьи осуществляют попытку типологизации существующих в рассматриваемой области языкознания исследовательских подходов и приходят к выводу об их преимущественно комплексном, гибридном характере, обеспечивающем многоаспектный анализ изучаемого объекта.

The article deals with some methodology issues of linguopolitical personology, which is quite a new field of linguistics studying the phenomenon of professional linguistic personality in the political shere. The basic terminology and the key methods of language material selection and study are under analysis. The article gives an overview of latest papers devoted to politicians' speech study. The authors characterize research approaches relevant for contemporary linguopolitical personology and conclude that most of them have a complex, hybrid nature, which is to provide a thorough study of the considered subject.

Ключевые слова: лингвополитическая персонология, политическая коммуникация, языковая личность политика, методики анализа.

Key words: linguopolitical personology, political communication, linguistic personality of a politician, methods of study.

Введение

Политическая лингвоперсонология – направление в современной российской политической лингвистике, изучающее специфику проявлений профессиональной языковой личности в политической сфере. Это направление методологически восходит к исследованиям в области теории языковой личности [Богин 1980, 1984; Виноградов 1980; Карасик 1992, 1993; Караулов 1987; Нерознак 1996; Седов 1994, 1998 и др.] и социально-речевого портретирования [Китайгородская, Розанова 1995; Крысин 1989; Николаева 1991; Панов 1970; Чудинов 1997 и др.]. Исследование лингвистических портретов политиков данное помогает раскрыть новые грани феномена человека говорящего и одновременно вносит вклад в исследование политической коммуникации, выявляя ее дискурсивную и национально-культурную специфику.

Цель статьи — на основании аналитического обзора работ по изучению речи политических лидеров и активистов уточнить понятийно-терминологический аппарат лингвополитической персонологии и охарактеризовать методы исследования, характерные для специалистов в рассматриваемой сфере.

Обзор литературы

Ведущий термин современной российской политической лингвоперсонологии – «языковая личность (политика)» [Кричун 2011, Мадалиева 2011; Нахимова, Чудинов 2014; Нехорошева 2012; Цветкова 2013, 2014; Цуциева 2012, 2014 и др.]. В лингвоперсонологии «языковая личность» понимается как «личность, отраженная в созданных ею текстах» [Иванцова 2002: 10]. Специфика языковой личности политика как профессиональной (дискурсивной) личности определяется комбинаторикой индивидуальных и институциональных коммуникативно-речевых проявлений. Характеризуя политика как языковую личность, исследователи подчеркивают синкретичный, многомерный характер данного феномена. В близком и даже аналогичном значении используются термины «речевой / коммуникативный портрет» [Алышева 2012; Асташова 2013; Романова 2009 и др.], «идиостиль» [Кондратьева 2014; Крижановская 2011; Чудинов 1997, 2006; Шустрова 2009 и др.] и «речевой / коммуникативный имидж» [Иссерс 2008; Осетрова 2007, 2012; Почепцов 2001; Романова 2009; Руженцева 2015 и др.].

При рассмотрении методов политической лингвоперсонологии отчетливо разграничиваются следующие ведущие направления: 1) изучение когнитивной составляющей речи политиков, 2) исследования речевого поведения политиков в лингвопрагматическом и лингвостилистическом аспектах, 3) риторическое портретирование, 4) изучение акустических характеристик речи политиков, 5) психолингвистический анализ, 6) лингвосемиотический анализ. В рамках обозначенных направлений применяется широкий репертуар общих и частных методик, учитывающих различные аспекты лингвистической организации политического дискурса.

Исследования в русле когнитивной лингвистики имеют целью выявление базовых доминант ценностной иерархии языковой личности политика, реконструкцию его языковой картины мира. Вербальный облик политика в рамках данного направления изучается с применением методик концептуального анализа [Гаврилова 2006, 2011, 2012; Еремина 2003; Нехорошева 2012 и др.], анализа метафорических моделей и прецедентных феноменов [Нахимова 2007, 2016; Полякова 2012 и др.]. В ряде работ также встречаются методики анализа когнитивных сценариев и фреймовых структур [Беляевская 2012; Мурай 2012 и др.]. В рамках концептуального анализа речи политиков языковеды раскрывают понятийные и ценностные составляющие, а также выделяют компоненты, образующие ядерные и периферийные смыслы. Параллельно анализируют репрезентацию концепта — способы его реализации в речи политика [Гаврилова 2006, 2011, 2012; Еремина 2003; Нехорошева 2012 и др.].

Большую группу исследований в рамках лингвокогнитивного направления составляют работы, в которых особенности речемыслительной деятельности политика

рассматриваются сквозь призму построения метафорических моделей [Вершинина 2002; Дементьева 2009; Кондратьева 2010; Мохова 2009; Нехорошева 2012; Ряпосова 2002; Шустрова 2009 и др.]. Так, О.Н. Кондратьева в статье, посвященной изучению метафорического моделирования политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко, характеризует метафору как средство дискредитации политических оппонентов и одновременно как способ самопрезентации политика [Кондратьева 2010]. Показательна статья М.К. Дементьевой, где метафора рассматривается как одно из языковых средств выражения оценки в речи российских президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева [Дементьева 2009].

В русле лингвопрагматического подхода исследовательский интерес ученых сосредоточен на описании своеобразия речевого поведения политического субъекта в терминах коммуникативных стратегий и тактик [Атьман 2011, 2014; Иссерс 2008; Кобец 2012; Мадалиева 2011; Романова 2009; Осетрова 2007, 2012; Паршина 2005; Седых 2011; Цветкова 2013, 2014 и др.]. Наиболее востребованной при этом оказывается типологическая методика, суть которой состоит в последовательной характеристике стратегии как макроинтенции, репертуара актуализирующих ее тактик как частных интенций и, наконец, языковых средств и речевых приемов как плана выражения интенции. Внимание лингвиста при этом может быть обращено на изучение как всего комплекса применяемых политиком стратегий и тактик, так и отдельных тактико-стратегических реализаций.

Наряду с изучением специфики тактико-стратегических предпочтений, в рамках лингвопрагматического анализа исследуется спектр применяемых политиками коммуникативных ролей, или в иной терминологии — имиджевых ролей [Иссерс 1996], имиджевых амплуа [Осетрова 2012], речевых масок [Чудинов 2006]. Так, например, в статье, посвященной описанию коммуникативного имиджа Б. Немцова, исследователь осуществляет лингвистический анализ текстов мемуаров политика и на основании выявленных языковых маркеров и речевых формул определяет своеобразие актуализируемых политиком коммуникативных ролей — оппозиционера, молодого реформатора, борца за свободу и т.д. [Романова 2009].

Изучение вербального поведения политика часто сопряжено с анализом лексико-грамматических и изобразительно-выразительных средств его речи. При таком подходе лингвостилистический анализ, выступающий как вспомогательный метод при исследовании применяемых политиком стратегий, тактик и коммуникативных ролей, становится ведущим методом, позволяющим выявить своеобразие индивидуального стиля говорящего на уровне отбора и употребления языковых средств и приемов. Так, Е.Б. Цветкова анализирует выступления политических лидеров Германии канцлера А. Меркель и президента Й. Гаука в двух аспектах лингвопрагматическом и лингвостилистическом [Цветкова 2013, 2014]. Автор анализирует лексический состав выступлений политиков, специфику применяемых ими синтаксических конструкций и стилистических приемов, а также характеризует наиболее частотные в речи политиков коммуникативные тактики и средства их вербализации.

Речевое портретирование политических деятелей в риторическом аспекте. Язык в свете риторического подхода рассматривается как инструмент воздействия, соответственно целью данных исследований является определение доминирующих в выступлениях политика средств убеждения и манипулирования, оценка его риторического мастерства. [Вепрева 2007; Макарова 2011, 2012; Михальская 1999; Обвинцева 2012; Чудинов 1997 и др.]. Наиболее востребованными с точки зрения лингвистического анализа при этом оказываются достижения классической риторики, теории аргументации, стилистики и лингвопрагматики.

Изучение артикуляторных, акустических и просодических характеристик речи политиков осуществляется как с позиций нормативного подхода, так и в аспекте оценивания риторического мастерства говорящего [Алышева 2012; Голошумова 2002; Есенова 2012; Ковалев 2006; Петров 2015 и др.]. В последние годы, наряду с применением традиционного описательного метода, при котором исследователь в оценке тех или иных свойств речи говорящего ориентируется исключительно на собственную лингвистическую компетентность и языковое чутье, все большую популярность приобретает использование достижений аппаратной лингвистики. Так, в диссертационном исследовании, посвященном выявлению доминантных характеристик коммуникативных портретов В.В. Путина и Д.А. Медведева, с применением метода инструментальной обработки звучащей речи выявляются свойственные политикам модели синтагматического членения речевого потока, доминирующие интонационные модели, специфика паузации, степень интенсивности звучания речи. Полученные данные в сочетании с результатами анализа лексико-грамматических особенностей выступлений В.В. Путина и Д.А. Медведева позволяют исследователю создать их целостные коммуникативные портреты, а также выявить специфику общего и различного в речи двух президентов [Алышева 2012].

Изучение речи политиков с позиций психолингвистического подхода имеет целью определение свойственных языковой личности политика психологических характеристик — темперамента, психотипа и т.д. — на основании анализа его речевого поведения и применяемых языковых средств. [Седов 2000, 2004, 2010; Кобец 2012; Паршина 2005 и др.].

Исследование образа политика в лингвосемиотическом аспекте также является весьма популярным направлением лингвополитической персонологии. Наиболее востребованными в рамках данного направления являются методика метафорического моделирования образа политика по данным анализа креолизованных текстов [Тихонова 2013; Шустрова 2012, 2014 и др.] и методика анализа поликодовых систем воздействия [Садуов 2010, 2011, 2013 и др.].

Особое место в ряду исследовательских подходов к изучению образа политика занимают **методика семантического моделирования**, разработанная в рамках омской лингвистической школы, и **метод графосемантического моделирования**, предложенный группой оренбургских ученых.

В работах представителей Омской школы лингвоантропоцентристкой семантики предпринято исследование языкового образа политика по данным СМИ [Вагенляйтнер

2013, Вагенляйтнер, Никитина 2014]. Авторы выявляют и анализируют языковые репрезентации человека политического (всевозможные наименования, признаки-характеристики, оценки) и на основе обобщения выявленных репрезентаций моделируют многоуровневое семантическое пространство образа-концепта «политик». Применение метода количественной обработки материала в рамках рассматриваемой методики также позволяет авторам выявить семантические доминанты образа-концепта «политик», представленного в текстах печатных СМИ, и на этой основе создать семантическую модель идеального политика.

Исследование языковой личности политика с применением методики контент-анализа и метода графосемантического моделирования предпринято группой оренбургских лингвистов [Белоусов, Зелянская 2012; Галинская 2013, 2014; Зелянская 2012, 2013] и др. Цель исследователей — реконструировать образ мира политика посредством контент-аналитического изучения корпуса его речей. Для осуществления частотного анализа авторы предложенной методики используют информационную систему «Семограф» (http://семограф.рф; http://new.semograf.com) — компьютерную программу, предназначенную для работы с информационными массивами — выборками текстов, смысловыми компонентами, смысловыми полями и другими, — оформляемыми в виде баз данных. Например, самое частотное в речи Геннадия Зюганова поле *Мы* в содержательном плане функционирует в значениях *Мы-российский народ* (42%), *Мы-государство* (28%), *Мы-КПРФ* (21), *Мы-история* (5%) и *Мы-чиновники* (4%). Выявленные в рамках графосемантической модели отношения частотности и валентности указывают на «ведущее положение в образе мира Г. Зюганова коммуникативной коллегиальности и причастности к коллективу». Соответственно значительно меньшую частотность демонстрирует местоимения *Я* и *мой* [Галинская 2014: 90].

Заключение

Предпринятый аналитический обзор позволяет сделать вывод о том, что политическая лингвоперсонология – это автономная сфера исследований, оформившаяся на пересечении политической лингвистики и лингвистической персонологии. Успешно используя методологический инструментарий обозначенных дисциплин, политическая лингвоперсонология одновременно активно расширяет границы собственных изысканий, что закономерно ведет к углублению ее теоретической базы и формированию собственной понятийно-терминологической базы.

Рассмотрение специальных публикаций позволяет выделить не только широко востребованные и многократно апробированные методики, но и весьма оригинальные, не менее перспективные концепции в изучении языковой личности политика. Выбор конкретной методики обусловлен задачами исследования, характером используемого терминологического аппарата, а также личными предпочтениями самого лингвиста. В то же время необходимо признать, что в практике анализа конкретных идиодискурсов большинство ученых исходят из установки современной гуманитарной науки на интегративность исследовательских подходов, которая обеспечивает разноаспектное,

комплексное описание рассматриваемого явления. В целом можно отметить, что методологические принципы политической лингвоперсонологии находятся в стадии формирования, многие исследовательские задачи еще ждут своего разрешения.

Представленный обзор, разумеется, охватывает далеко не все исследования в области политической лингвоперсонологии. Более полно с этим научным направлением можно познакомиться, обратившись к журналу «Политическая лингвистика», который издается в Екатеринбурге с 2006 года (выходит по 6 номеров в год). Журнал зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629; включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994; включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory; включен в каталог Роспечать. Индекс 81955. Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.

Список литературы

Алышева Ю. С. Речевой портрет современного политического лидера: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Волгоград, 2012. — 21 с.

Асланова М. Г. Структура профессиональной языковой личности политика (на материале американского политического дискурса) // Политическая лингвистика. — 2014. — Вып. 3 (49). — С. 96 — 102.

Асташова О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен: дисс. ... канд.филол.наук: 10.02.01. — Екатеринбург, 2012. — 245 с.

Атьман О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика, 2011. – № 1 (35). – С. 96—102.

Атьман О. В. Экспликация интенциональности в дискурсе субботнего обращения // Политический дискурс в парадигме научных исследований: сборник статей международной научной конференции. — Тюмень, 2014. — С. 5 — 10.

Балашова Л. В. Реализация концептов «свой — чужой» в российском политическом дискурсе начала XXI в. // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1 (47). — С. 40 — 50.

Белоусов К.И., Зелянская, Н.Л. Образ мира политика (по данным частотного анализа лексики) // Политическая лингвистика. - 2012. – № 2 (40). – С. 60—65.

Беляевская Е.Г. Фрейм «политик» в англоязычном биографическом дискурсе (к методике анализа) // Политическая лингвистика. — 2012. – № 2 (40). – С. 21—26.

Богин Г. И. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1984. — 31 с.*

Богин,Г. И. *Современная лингводидактика. — Калинин: Калинин. гос. Ун-т, 1980. — 61 с.*

Болотнов А.В. *Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты исследования: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01– русский язык. — Томск, 2015. — 405 с.*

Будаев Э. В. *Чудинов, А.П. Зарубежная политическая метафорология: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2008. – 248 с.*

Будаев, Э. В.*, Чудинов, А.П. Метафора в политической коммуникации: монография. – М.: Флинта: Наука, 2008а. – 248 с.*

Вагенляйтнер Н.В. *Языковой образ политика по данным современных печатных СМИ: дисс. ... канд. филол.наук : 10.02.01. — Омск, 2013 — 241 с.*

Вагенляйтнер Н. В.*, Никитина Л. Б. Языковой образ политика по данным российских печатных СМИ начала XXI века. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. — 160 с.*

Вершинина Т. С. *Метафорические модели с исходной биологической сферой в современном*

политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2002. – 207 с.
Виноградов, В. В. *Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – С. 53 –175.*
Гаврилова М.В. *Некоторые черты речевого портрета президента России Д. А. Медведева // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». - 2011. - С. 4 — 10.*
Гаврилова М.В. *Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Ельцина // Политическая лингвистика. — 2012. — Вып. 4. — С. 17 — 22.*
Гаврилова М.В. *Ключевые концепты русского политического дискурса «народ», «власть», «Россия» в инаугурационных выступлениях российских президентов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2006. - № 1. - Т.2. - С. 98 — 108.*
Галинская, Т.Н. Контент-аналитическое исследование медийного образа российского политика (на материале комментариев Интернет-пользователей о Б. Немцове) // Политическая лингвистика. — 2013. — Вып. 4 (46). — С. 91 — 98.
Галинская Т.Н. *Контент-анализ корпуса текстов радиоинтервью Г. Зюганова // Вестник ОГУ. - 2014. - №11 (172). - С. 88 — 92 .*
Галинская, Т.Н. *Образ мира как инструмент оценки реальной и позиционируемой языковой личности политика (по данным частотного анализа интервью В. Жириновского) // В мире научных открытий: науч. журн. – 2014а. – № 7.1 (55). – С. 526–538.*
Голошумова, О.И. *Роль интонации и других языковых средств в формировании и оптимизации имиджа политического лидера: На материале публичных выступлений американских политических деятелей: дисс. ... канд.фил.наук: 10.02.04. — М., 2002. — 203 с.*
Данилова М.Б. *Фрейм «происхождение» в сценарии «автобиография женщины-политика» // Политическая лингвистика. — 2009. — № 2 (28). - С. 72—75.*
Дементьева М. К. *Языковые средства выражения оценки в современном Российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. — 2009. — Вып. 4. — С. 82-92.*
Еремина С. А. *Речевой портрет политика / С. А. Еремина // Современная политическая лингвистика: мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, октябрь 2003 г. Екатеринбург: Урал. гос. пед. Ун-т, 2003. - С. 195 — 198.*
Есенова Т. С. *Речевое общение представителей национальной политической элиты // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве: материалы Международной научной конференции (22 – 23 ноября 2012 г.). – Бийск, 2012. - С. 55 — 61.*
Зелянская Н.Л. *Образ мира политика как компонент медиасреды (на материале текстов публичных выступлений Б. Немцова) // Вестник ОГУ. — 2012. — №11 (147). - С. 71 — 77.*
Иванцова Е. В. *Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.*
Иссерс О. С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.*
Карасик В.И. *Язык социального статуса. – Москва: Ин-т языкознания РАН: ВГПУ, 1992. – 330 с.*
Карасик В.И. *Коммуникативная личность как лингвистический концепт // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста. – Волгоград, 1993. – С. 12–13.*
Караулов Ю. Н. *Русский язык и языковая личность. – М.: Просвещение, 1987. – 264 с.*
Китайгородская М.В., *Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995. – 114 с.*
Кобец Е.В. *Коммуникативно-прагматическая специфика политического дискурса (на материале речей А.И. Лебедя): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Абакан, 2012. — 26 с.*
Ковалев Ю.В. *Интонация публичной политической речи: прагматический аспект. — М.: РУДН, 2006. — 204 с.*
Кондратьева О.Н. *Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика. — 2010. — Вып. 4 (34). — С. 101 — 111.*
Крижановская Е.М. *Особенности индивидуального стиля Г.А. Зюганова (на материале новостных текстов официального сайта Коммунистической партии РФ) // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 29.09 — 6.10.2011) / гл. ред. А.П. Чудинов. — Екатеринбург, 2011. — С.155 — 157.*
Кричун Ю.А. *Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики: дисс.*

... канд.филол.наук: 10.02.19. — Краснодар, 2011. — 172 с.

Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989. — 236 с.

Купина Н.А. *Речевой портрет современного уральского политика // Политический дискурс в России: материалы 10 Всерос. юбил. семинара / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. — М., 2007. — С. 129 — 139.*

Лакофф Дж. *, Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал, 2004. – 256 с.*

Мадалиева Е.В. *Прагматикон языковой личности политика в жанре исповеди // Политическая лингвистика. — 2011. — №1 (35). — С. 143 — 146.*

Макарова В.В. *О риторических особенностях выступлений фюрера / В.В. Макарова // Политическая лингвистика. — 2011. — №1 (35). — С. 147 — 151.*

Макарова В.В. *Риторический портрет П.А. Столыпина: образ России в речах 1906-1911 годов // Научный диалог. — 2012. — Вып. 8. — С. 208 — 215.*

Михальская А.К. *Основы риторики: Мысль и слово / А.К. Михальская. — М.: Просвещение, 1996. — 416 с.*

Мохова Е.К. *Метафоры Барака Обамы и Николя Саркози // Политическая коммуникация: Материалы Всероссийской научной школы для молодежи (Екатеринбург, 25 августа – 08 октября 2009). – Екатеринбург, 2009. – Т2. — С. 77 — 78.*

Мурай Е.В. *Фрейм «политик» в англоязычном биографическом и автобиографическом дискурсах // Политическая лингвистика. — 2012. — №1 (39) — С. 132 — 135.*

Нахимова Е.А. *«Прямая линия» с народом»: президентские ответы на детские вопросы // Политическая лингвистика. — 2016. – Вып. 2 (56). – С. 22 — 26.*

Нахимова Е.А., *Чудинов А.П. Современная лингвополитическая персонология // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2. – С.290-293.*

Нерознак В.П. *Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод. – 1996. – С. 112 – 116.*

Нехорошева А.М. *Концептуальная метафора как механизм реализации когнитивной матрицы «свойчужой» в политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) / А.М. Нехорошева // Политическая лингвистика. — 2012. - Вып. 4. — С. 157 — 162.*

Николаева Т.М. *«Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: докл. Всесоюз. науч. конф. — 1991. — Ч. 2. — С. 73—75.*

Обвинцева О.В. *Средства эмоционального воздействия в предвыборных речах жен кандидатов в президенты США М. Обамы и Э. Ромни // Политическая лингвистика. — 2012. — Вып. 4. — С. 163-167.*

Осетрова Е.В. *Губернатор Красноярского края: наброски к речевому портрету // Российский лингвистический ежегодник. — 2007. — Вып. — С. 124–138.*

Осетрова Е.В. *Языковой имидж: структура и содержание [Электронный ресурс] // Онтогенез речи: мультидисциплинарные исследования. — 2012. — № 1. — URL: http://www.es.rae.ru/speech-ontogenesis*

Панов М.В. *История русского литературного произношения XVШ-XX вв. — Изд. 2-е, стереот. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 456 с.*

Паршина О.Н. *Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс.... докт. филол.наук: 10.02.01. – Саратов, 2005. — 325 с.*

Паршина О.Н. *Дискурсивы как средство вербализации речемыслительных процессов в устном политическом тексте // Вестник Московского гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. — 2012. — Вып. № 3. — С. 83 — 90.*

Петров М.В. *Формы и функции ядерных тонов в публичных выступлений Дэвида Кэмерона // Языковое образование сегодня — векторы развития: материалы V международной научно-практической конференции-форума. Екатеринбург, 17 — 18 апреля 2014. - Екатеринбург, 2014. - С. 201 — 210.*

Плахотная Ю.И. *Моделирование политического предвыборного дискурса (когнитивно-прагматический аспект): дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19. — Челябинск, 2016. — 279 с.*

Полякова И.С.*Прецедентные имена в институциональном политическом дискурсе Кондолизы*

Райс и Ирины Хакамады: 2000-2008 гг.: дисс ... канд. филол. наук : 10.02.20. - Екатеринбург, 2012. - 224 с.
Почепцов Г.Г. *Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001. — 656 с.*
Романова Т.В. *Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // Политическая лингвистика. — 2009. — Вып. 1 (27). — С.110 — 118.*
Руженцева Н.Б. *Имиджевое интервью-перформанс В. Жириновского: смена масок, эпатаж, технология примитива // Политическая лингвистика. — 2015. — Вып. 3 (53). — С.50 — 56. Р*
Ряпосова А.Б. *Зооморфные политические портреты // Политический дискурс в России: материалы постоянно действующего семинара, Москва, 7 ноября 2002 г. – Москва : МАКС Пресс, 2002. – С. 82 – 83.*
Садуов Р.Т. *Использование музыкального видеоклипа как специфическая характеристика политического дискурса Барака Обамы // Политическая лингвистика. — 2010. — № 2 (32). — С.135—142.*
Садуов Р.Т. Политический дискурс Барака Х. Обамы в преломлении лингвокультурного и семиотического аспектов // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3 (37). — С. 147—161.
Садуов Р.Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) // Политическая лингвистика. — 2013. — № 4 (46). — С. 221—229.
Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–311.
Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. — М.: Лабиринт, 2004. - 320 с.
Седов К.Ф. *Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2010. — Вып. 10. - С. 183 — 210.*
Седых А.П., *Сопова И.В. Фразеологическая коммуникация как способ актуализации языковой личности политика (на материале дискурса А. Меркель) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2011. — Вып. 12. — Т. 10. — С. 145 -153.*
Сопова И.В. *Фразеология и институциональный дискурс в лингвоперсонологическом аспекте (на материале речевых манифестаций В.В. Путина и А. Меркель): автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.20. — Белгород, 2011. — 22 с.*
Тихонова С.А. *Барак Обама как мишень прецедентности в политической карикатуре // Политическая лингвистика. — 2013. — № 1 (43). — С. 107—115.*
Цветкова Е.Б. *Языковая специфика текстов политических речей Ангелы Меркель // Вестник Белтийского Федерального университета им. И. Канта. — 2013. — Вып. 2. — С. 153 — 160.*
Цветкова Е.Б. *Некоторые аспекты речевого портрета президента Германии Й. Гаука (на материале текстов политических речей) // Вестник Белтийского Федерального университета им. И. Канта. — 2014. — Вып. 2. — С. 162 — 169.*
Цуциева М.Г. *Политический дискурс как интегративный феномен // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2012. — № 2. — Том 1. — С. 174 — 179.*
Цуциева М.Г. *Адаптивность языковой личности политика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2014а. — № 4. — Том 1. — С. 197 — 201.*
Чудинов А.П. *Заметки о риторическом мастерстве И.В. Сталина // Художественный текст: Структура, семантика, прагматика. Екатеринбург : изд-во Урал, ун-та, 1997. — С. 201 — 212.*
Чудинов А.П. *Политическая лингвистика: учеб. пособие.— Москва: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.*
Шустрова Е.В. *Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика. – 2009. — Вып. 2 (32). — С. 77–92.*
Шустрова Е.В. Барак Обама и современная американская карикатура: моногр. / Е.В. Шустрова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014. — 370 с.
Шустрова Е.В. Карикатурные образы Барака Обамы / Е.В. Шустрова // Политическая лингвистика. — 2012. — № 1 (39). — С. 74—84.

Давыдов Андрей Владимирович
Российский новый университет, г. Москва (Россия)

Davydov Andrey
Russian New University, Moscow (Russia)

ПРОСТРАНСТВО МОДУЛЯ ДИСТАНЦИОННОГО ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ПРОЕКТА МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ «ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ. ОБУЧЕНИЕ И МОНИТОРИНГ – ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE SPACE OF THE MODULE OF DISTANCE TRAINING OF TEACHERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM PROJECT OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION, "EDUCATION IN RUSSIAN". SPACE AND MONITORING – TECHNOLOGICAL ASPECT

В статье рассматривается топология и технологические платформы модуля дистанционного повышения квалификации в рамках модели единой системы повышения квалификации преподавателей русского языка для проекта Министерства образования и науки РФ «Образование на русском». Проект финансируется Министерством образования и науки РФ в рамках гранта по Соглашению № 09.742.25.0145 от 02.11. 2016 года.

The article deals with the topology and the technology platform of remote training in the framework of the model of a unified system of training of teachers of the Russian language for the project of the Ministry of education and science of the Russian Federation, "Education in Russian". The project is funded by the Ministry of education and science of the Russian Federation under the grant Agreement No. 09.742.25.0145 from 02.11. 2016.

Ключевые слова: русский язык, дистанционное повышение квалификации, «Образование на русском»

Key words: Russian language, remote training, "Education in Russian"

Введение

Концепция гипотетической модели единой системы повышения квалификации преподавателей русского языка, а также преподавателей иных учебных предметов, ведущих занятия на русском языке в российских и иностранных школах предполагает как пространственную, так и временную разнесённость участников этой системы. Затруднительно представить такую модель в виде единой точки обучения, в которую будут физически попадать все учителя, желающие повысить квалификацию. Следовательно, подразумевается множество распределенных точек, из которых будут обращаться преподаватели, намеренные приобрести дополнительные компетенции, и одна или также множество точек, в которых эти компетенции тем или иным образом можно будет приобрести. Неизбежно модель ассоциируется с сетевой структурой, которую для краткости будем называть «глобальная сеть».

Подобная глобальная сеть, с одной стороны, будет обладать спецификой, связанной с целью её функционирования. С другой стороны, такой модели буду присущи характеристики, общие для всех сетевых структур.

Топология глобальной сети.

Если отвлечься от множества гибридных вариантов, то сетевую структуру, в которой узлы-клиенты обращаются за некой услугой к узлам-серверам, следует формировать одним из двух способов.

Первый способ предполагает наличие множества периферийных (в пространственном смысле) узлов-клиентов, каждый из которых связан с общим для всех центральным (в пространственном смысле) узлом-сервером. Будем называть такую структуру глобальной сети «централизованной».

Второй способ подразумевает наличие множества центральных узлов, с каждым из которых связано произвольное число узлов-клиентов. Такая структура образует единую сеть в том и только в том случае, когда центральные узлы связаны друг с другом, образуя некий «суперузел», единый для всех периферийных узлов. В предельном случае каждый из центральных узлов такой модели должен быть связан со всеми остальными центральными узлами. Будем называть такую структуру глобальной сети «распределенной».

Сравнение «централизованной» и «распределенной» структур.

У каждого из предложенных типов глобальной сети есть как сильные, так и слабые стороны.

У централизованной глобальной сети, где услуги оказывает единый узел-сервер, много преимуществ как экономического, так и организационного плана. Небольшое число связей удешевляют их поддержку. Единый узел-сервер упрощает (и удешевляет) как сопровождение со стороны технического персонала, так и модернизацию со стороны разработчиков.

С другой стороны, у такой структуры есть существенный недостаток - уязвимость. В единственном узле, который оказывает весь комплекс услуг в подобной сети (в нашем случае - услуг по повышению квалификации преподавателей русского языка) может отказать техника, могут психологически устать исполнители, могут измениться приоритеты руководства, наконец, могут возникнуть финансовые затруднения. Любая из этих проблем существенно отразится на качестве работы глобальной сети, если не разрушит её полностью.

У распределенной глобальной сети, в свою очередь, множество недостатков. Те параметры, которые определяли преимущества централизованной модели, превращаются в слабые стороны распределенного типа сети. Множество связей усложняют (и удорожают) их поддержку. Множество центральных узлов создают проблему актуальности и единообразия оказываемых услуг, усложняют сопровождение и модернизацию сервисов.

С другой стороны, у распределенной модели есть важное достоинство. Она более устойчива, более надёжна на длинной временной дистанции за счёт избыточности и делегирования полномочий. Отказ одного и даже нескольких из центральных узлов при надлежащей организации внутренних связей в меньшей степени скажется на качестве её работы или даже пройдёт незамеченным для части узлов-клиентов.

Выбор структуры модели.

Осознавая все преимущества централизованного типа глобальной сети повышения квалификации преподавателей русского языка, а также преподавателей иных учебных предметов, ведущих занятия на русском языке в российских и иностранных школах, примем во внимание, что проекты с такой структурой на высоком уровне реализованы в ряде ведущих российских и мировых центров повышения квалификации учителей. В частности, в Государственном институте Русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, РФ), в Панъевропейском университете «Апейрон» (г.Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина) и ряде других .

Учитывая многолетнюю и плодотворную разработку централизованной модели в указанных исследовательских и учебных центрах, предлагаем для проработки и апробации гипотезу распределённой модели единой системы повышения квалификации преподавателей русского языка. Такая модель, как предполагают разработчики, должна показать б**о**льшую устойчивость на длинном временном отрезке, а также б**о**льшую приспособленность к работе в множественных географических и временн**ы**х зонах.

Гипотеза распределенной глобальной сети предполагает, что курсы повышения квалификации для учителей-русистов создаются на отдельных центральных узлах этой сети. В качестве таких узлов могут выступать университеты, коммерческие организации с соответствующими лицензиями и индивидуальные преподаватели. Узлы-создатели (разработчики) курсов являются и узлами-владельцами, получающими доход от коммерческого использования разработанных куров. Раздельное создание и владение обеспечит заинтересованность всех узлов сети в разработке качественного, современного учебного контента.

В то же время реклама и продвижение всех разработанных курсов (в том числе - возможность зарегистрироваться на выбранный курс) обеспечиваются на интернет-площадках и в рекламных компаниях всех узлов сети, что увеличивает охват потенциальной аудитории слушателей, делает для учителей-русистов все узлы сети равно привлекательными, повышает вес каждого из них, превращая отдельные узлы в портал единой глобальной сети.

Фронт-офис и бэк-офис

Для того, чтобы множество центральных узлов распределенной глобальной сети воспринималось потенциальными слушателями как единый «суперузел», недостаточно разместить на интернет-ресурсах узлов единый набор услуг-курсов. Единообразным должен быть и интерфейс, с помощью которого учителя просматривают, выбирают, сравнивают предлагаемые программы обучения, регистрируются в системе. Единый

интерфейс формирует у потенциальных слушателей узнаваемый образ единой сети, повышает доверие к качеству предлагаемых программ, упрощает навигацию. Единый интерфейс должен быть частью соглашений, которые заключают между собой все центральные узлы распределенной сети. Это фронт-офис распределенной сети, который встречает будущих слушателей независимо от того, на какой из узлов сети привёл их поисковый запрос.

Другая и большая часть взаимных соглашений между центральными узлами должна обеспечиваться в рамках бэк-офиса, который, оставаясь невидимым для обучающегося, обеспечивает внутреннее единство и устойчивую работу глобальной сети. Набор таких соглашений в первом приближении должен включать:

- единый механизм регистрации участников-слушателей и, как следствие, единый для всех узлов механизм авторизации (список логинов-паролей курсантов), одинаково действующий независимо от точки входа в сеть;
- единую актуальную базу описаний курсов, которая обеспечивает представление всех курсов на всех узлах сети и возможность зарегистрироваться на любой курс независимо от точки входа в глобальную сеть;
- единую платформу обучения, не требующую от слушателя новых навыков при переходе от курса к курсу и обеспечивающую сравнимость курсов для целей внутреннего мониторинга;
- близкую структуру всех курсов, знакомую и понятную тем, кто продолжает обучение, и удобную для общего пула разработчиков в глобальной сети.

Необходимость заключать и поддерживать указанные соглашения между всеми центральными узлами на административном, научно-методическом и технологическом уровнях как раз и составляет ту сложность и те обременения, которые присущи распределенной сетевой структуре.

Выбор платформы фронт-офиса

Что из себя представляет (должен представлять) фронт-офис глобальной сети повышения квалификации преподавателей русского языка? Если отвлечься от высокой гуманитарной миссии проекта, то можно определить фронт-офис как своеобразного «зазывалу», рекрутирующего в ряды слушателей глобальных курсов ищущих, колеблющихся, сомневающихся преподавателей, которые к тому же донельзя заняты.

Соответственно, фронт-офис должен создавать впечатление уверенного в своих силах, стильного, современного, эффективного сетевого сервиса и при этом быть недорогим и гибким, чтобы успевать за меняющимися потребностями слушателей.

Поскольку мы говорим о виртуальной структуре, физически фронт-офис глобальной сети будет реализован как множество интернет-сайтов (в будущем, возможно, и интернет-издание). Эти сайты будут разрабатывать и поддерживать центральные узлы глобальной сети.

Функции рекрутинга слушателей курсов и, одновременно, продвижения высокой гуманитарной миссии сервиса наиболее успешно, с нашей точки зрения, обеспечит тип одностраничных сайтов, называемый лендингами. По двум причинам. Эти сайты

узконаправленные, броские, хорошо ориентируют и, при должном исполнении, мотивируют посетителей. Их разработка и модификация обходятся дешевле и занимают меньшие сроки.

В качестве платформы для разработки лендингов для всех центральных узлов глобальной сети мы предлагаем рассмотреть сервис Mobirise. Это предложение основывается на следующих обстоятельствах:

- сервис аккумулирует современные приёмы и функционал для создания лендинг-страниц, включая адаптивный дизайн;
- сервис является облачным и в этом смысле равно доступен всем разработчикам лендингов глобальной сети;
- сервис является популярной платформой, состоятельность которой подтверждена временем и числом подписчиков;
- сервис является бесплатным в своей базовой комплектации, не требует высокой квалификации, а также обеспечивает перенос разработанных лендингов на собственные интернет-ресурсы подписчиков.

Выбор платформы бэк-офиса

Всякие границы условны. Вероятно, отнесение обучающей платформы к бэк-офису не вполне корректно: интерфейсом пользуются в том числе и студенты курсов. С другой стороны, курсанты на время обучения становятся как бы частью глобальной сети, а функционал загрузки и оформления курсов, работы преподавателей и тьюторов, автоматического тестирования и сбора статистики,- подводная и большая часть этого обучающего айсберга,- целиком относятся к «внутренней кухне» глобальной сети.

Какие требования предъявляются к этому инструменту в рамках проекта? Обучающая платформа глобальной сети курсов повышения квалификации учителей русского языка должна, на наш взгляд, обеспечивать:

- понятный и дружественный интерфейс;
- поддержку определённого набора функций (авторизация, загрузка учебных материалов, автоматическое тестирование и оценивание, вебинары, статистика);
- развитые средства обратной связи от студента к преподавателю;
- механизм мониторинга качества обучения;
- устойчивость при работе с большим количеством обучающихся и в течение длительного времени;
- малую стоимость владения;
- гарантированную поддержку со стороны разработчика платформы.

Большинству этих требований отвечает, как нам представляется, LMS «Moodle», с которой участники проекта работают последние два года. Недостающие инструменты надеемся разработать в рамках текущего проекта.

Такой выбор платформы сложно назвать новаторским: первая версия Moodle была разработана и представлена в 2002 г. С другой стороны, жизнеспособность платформы (более 70 тысяч зарегистрированных инсталляций в 215 странах) как нельзя более отвечает интересам долгосрочного проекта. Повсеместное распространение платформы упрощает

внедрение решений на её основе в глобальной сети. Лицензия с открытым исходным кодом открывает для творческого коллектива разработчиков возможность создать уникальное и оригинальное решение. Отсутствие лицензионных платежей - существенный аргумент для выбора платформы в университетской среде.

Оргкомитет проекта следит за успехами таких международных образовательных онлайн платформ, как Coursera, Udacity, EdX, а также за амбициозным отечественным проектом - «Национальной платформой системы онлайн-образования», но полагает, что 10-летняя фора Moodle и появившаяся за это время практика внедрения и поддержки платформы делают её на данном этапе предпочтительной.

Бэк-офис, второй уровень.

Было бы удобно ограничить технологический бэк-офис глобальной сети одной образовательной платформой: задач и для неё хватает. К сожалению, это невозможно: необходима по крайней мере платформа для развёртывания самой обучающей платформы.

Это собственный или арендуемый сервер с определёнными минимальными параметрами. Это система виртуализации, обеспечивающая развёртывание на одном физическом сервере как обучающей платформы, так и сервиса видеоконференцсвязи для проведения онлайн занятий. Это операционная система виртуальной машины, под управлением которой будет работать, например, LMS «Moodle».

Не вдаваясь в IT-детали выбора соответствующих средств, заметим, что важным фактором на первом этапе являются полный контроль над физическим сервером и минимальная стоимость программных решений. Второе экономит как средства проекта, так и затраты на будущее развёртывание глобальной сети. Первое обеспечивает точный учёт нагрузки и, как следствие, оптимизацию затрат при масштабировании платформы.

В результате предлагается установка собственного физического сервера, бесплатной системы виртуализации VMware vSphere Hypervisor (ESXi), бесплатной ОС Linux в качестве операционной системы для виртуальных машин.

Связкой ESXi-Linux-Moodle второй уровень бэк-офиса не ограничивается. Нужны средства синхронизации между центральными узлами глобальной сети для поддержки актуальности пула курсов, глобальной аутентификации зарегистрированных слушателей, единой базы преподавателей, тьюторов, экспертов.

Чтобы распределить силы для решения всех технических задач, предлагается на первом этапе задачи автоматической синхронизации не решать, а сосредоточится на разработке контента, удобной обучающей платформы и средств мониторинга качества образования.

В этом случае центральные узлы, которые примут участие в планируемой апробации модели глобальной сети, будут загружать учебные материалы и проводить занятия на одной развёрнутой в Российском новом университете платформе. После того, как механизмы синхронизации между центральными узлами будут разработаны и протестированы, мы вернёмся к полностью распределенной модели дистанционного обучения, рассмотренной ранее.

Координационный совет

Итак, для развёртывания проекта следует не только правильно выбрать техническую платформу (для фронт и бэк-офиса глобальной сети), но и отработать механизмы формального и неформального (основанного на общем интересе) взаимодействия центральных узлов-организаций. Одним из таких механизмов, по-видимому, будет координационный совет глобальной сети, формируемый из представителей всех узлов (или, в перспективе, групп узлов), который должен:

- осуществлять приём новых центральных узлов в глобальную сеть;
- устанавливать регламент (способы и порядок) взаимодействия центральных узлов;
- развивать и обновлять способы взаимодействия центральных узлов;
- следить за выполнением заключённых соглашений.

Аналоги такого координирующего механизма есть во всех крупных сетевых проектах. Регламенты, которые будет разрабатывать координационный совет, на наш взгляд, должны охватывать три области взаимодействия: административную, техническую и научно-методическую.

Способы технического взаимодействия

Техническое взаимодействие, в первую очередь, сводится к поддержанию на одном уровне и своевременному обновлению всех технических средств: средств виртуализации, версий операционных систем, платформы обучения и разработанных к ней дополнений. В эту сферу включаются также технические средства для разработки фронт-офиса и механизмы мониторинга качества обучения.

Вероятно, техническая группа координационного совета будет выпускать обязательный к исполнению список обновлений и собирать данные об ошибках технических средств, а в перспективе - планировать переход на новые технологические платформы.

Способы административного взаимодействия

Этот важнейший канал взаимодействия охватывает механизмы синхронизации списка доступных курсов на всех узлах сети, глобальной аутентификации зарегистрировавшихся на любом из узлов слушателей, оговорённого единообразия лендинговых страниц центральных узлов. Другими словами, - способы объединения центральных узлов в физически распределённый, но логически единый портал глобальной сети.

Реализация таких механизмов, безусловно, также будет опираться на сетевые технологии. Но, поскольку решаемые в рамках взаимодействия вопросы напрямую относятся к управлению единой сетью курсов повышения квалификации и затрагивают жизненные интересы, в том числе финансовые, центральных узлов сети, мы относим их к административной сфере.

Конкретные способы решения административных задач формулировать, на наш взгляд, преждевременно. Возможно, будут задействованы программы автоматического

тестирования, которые с заданной периодичностью станут проверять определённые параметры глобальной инфраструктуры.

Способы научно-методического взаимодействия

Успех любого проекта дистанционного образования определяется не столько способами доставки контента до обучающихся, сколько его содержанием и организацией самого процесса обучения.

Научно-методическая группа координационного совета, как нам представляется, должна определять единые минимальные стандарты для:

- содержания разрабатываемых в центральных узлах учебных материалов (что должно быть);
- их структуры (как и в какой последовательности должно быть представлено);
- соответствующей этой структуре методики обучения (как и в какой последовательности должен изучать курс слушатель, насколько он должен быть активен, и насколько должен быть активен преподаватель во время обучения).

Для распространения и обсуждения этих материалов вполне подходит публикация на внутреннем сайте глобальной сети, но этого совершенно недостаточно для контроля за выполнением принятых рекомендаций.

Для этих целей, как и предусмотрено техническим заданием для проекта, необходимо разработать средства мониторинга качества обучения в глобальной сети.

Процедуры внутреннего мониторинга

Механизм внутреннего мониторинга качества обучения в глобальной сети прежде всего - механизмы сравнения. Для корректного сравнения объекты мониторинга должны быть сравнимы между собой. В том числе и с этой целью мы предлагаем единую аппаратно-программную образовательную платформу для узлов глобальной сети и единые минимальные стандарты учебных материалов и методики обучения.

Модель мониторинга, на наш взгляд, может быть реализована на нескольких уровнях с разной степенью автоматизации для каждого уровня.

Одним из уровней мониторинга может быть выборочная проверка разрабатываемых курсов экспертным сообществом сети и/или экспертами научно-методической группы координационного совета. Для этого подобные курсы (как новые статьи в википедии) следует помечать особым образом, чтобы эксперты при просмотре учебных материалов на узлах сети могли отделить их от уже проверенных. Вероятно, как и в википедии, потребуется хранить электронную визу проверяющего во избежание возможных недоразумений.

Следующим важным уровнем проверки качества может стать анкетирование слушателей перед итоговым тестированием. Заполнение анкеты в этом случае может быть условием допуска к итоговому тестированию, либо может гарантировать определённый бонус для слушателя. Автоматическая обработка правильным образом составленных анкет обеспечит обратную связь от слушателей к разработчикам курсов, преподавателям и координационному совету сети по всем включённым в анкету параметрам обучения.

Третий уровень мониторинга может базироваться на статистике, собираемой платформой обучения (платформой, единой для всех узлов сети). Статистика обеспечивает сбор следующих данных

- число и частоту посещений платформы слушателями;
- число и частоту посещений платформы преподавателями и тьюторами;
- сроки размещения учебных материалов и тестовых заданий;
- сроки и результаты прохождения итогового контроля;
- интенсивность переписки студентов и тьюторов;
- обязательность и скорость ответов на вопросы слушателей курсов;
- время оповещения о вебинарах и число посетителей вебинаров.

Косвенно результаты автоматизированной обработки этих статистических данных могут дать представление об активности преподавателей и студентов, мотивированности слушателей на продолжение обучения, эффективности преподавания. Совпадение или несовпадение результатов статистики и анкетирования слушателей станет дополнительным стимулом к совершенствованию механизмов внутреннего мониторинга.

Этапы апробации модели глобальной сети

Разрабатывать и опробовать способы взаимодействия центральных узлов распределенной глобальной сети дешевле и быстрее в конфигурации с минимальным количеством узлов: 2-3. Именно такая конфигурация предлагается на начальной стадии формирования модели глобальной сети. На первом этапе техническая платформа будет располагаться в одном из узлов сети, что упростит её наладку.

После отработки технического, научно-методического, организационного взаимодействия, создания прототипа координационного совета, выбора и унификации технических средств, разработки механизмов внутреннего мониторинга и апробации модели на стартовом пуле курсов повышения квалификации и последующем анализе и коррекции модели появится основание для формирования распределённой по нескольким узлам аппаратно-программной платформы и постепенного расширения глобальной сети за счёт добавления новых центральных узлов.

Выводы

Предложена распределенная топология модели глобальной сети повышения квалификации преподавателей русского языка, а также преподавателей иных учебных предметов, ведущих занятия на русском языке с несколькими центральными узлами обучения.

Технические средства для апробации модели глобальной сети повышения квалификации представлены в виде двух компонент: фронт-офиса и бэк-офиса, проанализирован возможный состав технических средств и критерии выбора.

Рассмотрены три основных уровня взаимодействия между центральными узлами глобальной сети в рамках предложенной модели, сделан вывод о необходимости координационного совета и определены его функции.

Предложена трехуровневая модель мониторинга качества обучения в глобальной сети как механизм обратной связи для разработчиков, преподавателей и координационного совета глобальной сети, рассмотрены средства реализации и возможность автоматизации для каждого уровня модели мониторинга.

Предложена поэтапная схема развёртывания глобальной сети, определены организационно-технические рамки каждого этапа и условия перехода между ними.

Ђукић Славен
Паневропски универзитет Апеирон, Бања Лука, Босна и Херцеговина

Djukic Slaven
Pan-European University Apeiron, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

ЕМОЦИОНАЛО-ЕКСПРЕСИВНА ЛЕКСИКА У ДОКУМЕНТАРОЈ ПРИПОВИЈЕТЦИ ВЛАДИМИРА СОЛОУХИНА *ЦРНЕ ДАСКЕ*

EMOTIONALLY-EXPRESSIVE LEXIS IN VLADIMIR SOLOUHIN'S SHORT DOCUMENTARY STORY ''CHORNIE DOSKI''

Циљ датог рада је опис и карактеристика експресивне лексике и њене функције у документарној приповијетци "Црне даске" Владимира Солоухина. На основу скрупулозно проведене анализе, са лексичко-семанитичких и когнитивних аспеката, аутор је закључио да управо емоционално-експресивна лексика ствара сликовитост и кинематографичност ове документарне приповијетке. Треба да нагласимо да су емоционално-експресивна лексика и фразеологија код Солоухина представљена у ријечи наратора ове повијести, као и у дијалозима хероја. Фразеологизми имају посебно мјесто у структури повијести, а у највећем броју имају функцију карактеристике јунака. Од свих анализираних јединица, закључили смо да управо фразеологизми имају најјаче изражену експресију. Од свих анализираних лексема, и фразеологизама 53% њих аутор је употријебио за опис хероја, њихових поступака и емоција, а 47% за користи за опис околине, предмета и појава. Оваквом односу највише доприноси трећа група подјеле према мишљењу Голубове, будући да се 70% анализираних лексема односи на опис околине, предмета и појава.

The aim of the given work is description and characteristics of expressive lexic and its functions in the short documentary story "Chornie doski" of Vladimir Solouhin. Based on the detailed analysis from lexic and cognitive aspects, the author concludes that emotionally-expressive vocabulary creates a picturesquely of this documentary story.Emotionally-expressive lexic is presented in the words of the narrator of this story, as well as in the dialogues betwean heroes. Phraseologisms have a special place in structure of this story, and in most of the cases they give us carestiristics of heroes. Of all the units of analysis, we concluded that phraseologisms have the most pronounced expression.Of all the analyzed lexemes and phraseologiusms, 53% of them the author has used to describe the heroes, their actions and emotions, and 47% he used to describe the environment, objects. This relationship contributes most to the third group division according to Golubova, since 70% of the analyzed lexemes is referred to the description of the environment and objects.

Кључне ријечи: лексема, фразеологизам, емоционало-експресивна лексика, ријечи са јаким оцјеночним значењем.

Key words: lexems, phraseologisms, of emotional-expressive vocabulary, words with strong pronounced expression and emotions.

Циљ датог рада је опис и карактеристика експресивне лексике и њене функције у документарној приповијетци "Црне даске" Владимира Солоухина [Солоухин, 2011.].

Материјал за истраживање је документарна приповијетка "Црне даске".

Теоретски и практични значај овог истраживања, је што његов садржај може бити искориштен у даљем истраживању експресивне лексике руског језика за српскојезично подручије, како у дјелима В. А. Солоухина тако и у радовима других писаца.

"Црне даске" нису само аламанах о колекционирању икона, него имају много дубљи смисао. Солоухин пише о пљачци цркве у родном селу, о губитку безцијених књига,

прављењу кутија за кромпир од икона. Да, она жали за изгубљеним, запаљеним, разрушеним црквама, али у исто вријеме говори о могућности васкрсавања прошлости.

Црне даске су иконе, древне иконе. Иконе и духовно стање у Русији XX вијека су главни предмет приче. Иконе су црне јер су поцрњеле од лаженог уља, и сакриле своје изображење од наших очију. Али треба само направити раствор, поиграти се над даском и отвара се прозор у прошлост. У "Црним даскама" цијела једна глава је посвећена историји руске иконе, иконописању, изградњи иконостаса у православним црквама те су обијашњени многи термини овог заната. Кроз цијелу причу, Солоухин је одлучан да читаоцима докаже и одбрани сваки свој став и мишљење, иако напомиње да није стручњак за живопис. Аутор савременике дијели у четири категорије по њиховом односу према иконама: ходочасници и богомољци, иконоборци, они који никад нису размишљали о иконама, и колекционари. Најчешћи су ови из треће категорије, они за које је икона била незаконита, заранијe непостојећа. Али је и њих најлакше заинтересовати за иконе, за само 15 минута или пола сата, они могу промијенити своје мишљење. Писац је убјеђен да са губитком историјских споменика губимо људски облик.

Сваки језик располаже својом групом изражајних стилистичких средстава, чија употреба у тексту изазива емоционално-експресивни ефекат. Упоредо са стилистичким средствима, језик посједује и лекичке могућности, који такође омогућавају стварање експресивног карактера умјетничког текста. Управо томе је посвећен овај рад.

Питањима емоционало-експресивне лексике и ријечи бавили су се многи лингвисти као што су И.В. Арнољд, В.В. Виноградов, И.Р. Гаљперин, Р.З. Гинзбург, М.А. Кронгауз и често се њихове анализе нису поклапале у класификацији стилова и лексике.[1]

Према истраживању Јурија Дерениковича Апресјана [Апресян, 1995.] емоционало-експресивну лексику можемо подијелити у двије групе:

- лексику која изражава субјективни однос говорника према предмету ријечи, а која улази у личну сферу сабесједника и

- лексику која изражава емоције, расположење и субјективни однос према предмету ријечи, а која улази у личну сферу сабесједника.

Ирина Борисновна Голуб [Голуб, 2001.] наводи да је посебност лексике која даје оцјену у томе, што се она „лијепи" на лексичко значење ријечи, али није једнака са њим, тј. номинативна фукција постаје сложенија са додатком оцјене. Голуб издваја три групе у саставу емоционало-експресивне лексике:

Ријечи са јаким оцјеночним значењем, по правилу једнозначне; значење њихове оцјене је јако изражено, тако да је није могуће употријебити у другим значењима. Овдје спадају ријечи које имају карактеролошку функцију: *предтеча, провозвестник, брюзга, пустомеля, подхалим, разгильдяй и др.* А такође и ријечи које садрже оцјену чињеница, појава, знака или дејстава: *предназначение, предначертание, делячество,*

[1]Експресивна лексика је предмет изучавања и славистике, коју су на материјалима српског језика , проучавали: Стана Ристић [Ристић, 2004], Бранко Тошовић [Тошић, 2002], Вуковић Ново [Вуковић, 2000], Даринка Гортан Премк [Премк, 2004], Симић Радоје, Јовановић Јелена [Симић, Јовановић, 2013.

.

очковтирательство, дивный, нерукотворный, безответственный, допотопный, дерзать, вдохновить, опорочить, напакостить.

Многозначне ријечи, обично неутралне у основном значењу, које добијају емотивне карактеристике при употреби у пренесеном значењу – као метафора. Тако о човјеку говоримо: *шляпа, тряпка, тюфяк, дуб, слон, медведь, змея, орел, ворона*; у преносном значењу користе се глаголи: *петь, шипеть, пилить, грызть, копать, зевать, моргать и др*.

Ријечи које емотивну компоненту добијају додавањем суфикса и предају различите емоције; позитивне *(сыночек, солнышко, бабуля, аккуратненько, близехонько)* и негативне (*бородища, детина, казенщина*). Како се ове ријечи добијају додавањем суфикса, њихово експресивно значење није у њиховој номинативној функцији, него у морфолошкој.

Поред три наведене групе Маргарита Николаевна Кожина [Кожина, 2008.] издваја и четврту групу. То су такве лексичке јединице чија експресивност и емоционалност, није само у самом значењу тих ријечи, колико је њихова употреба везана за традицију. Међутим, ми сматрамо да је то подргрупа прве горе наведене групе.

Издвојене су емоционало-експресивне јединице (лексеме и фразеологизми) из приповијетке "Црне даске" смо класификовали у групе у зависности од структуре емоционално-експресивне лексике.

Групе смо распоредили према фреквентности употребе у повијести. Примјере смо навели по редослиједу како смо их налазили у повијести.

Лексеме

У нашој анализи прво су анализиране лексеме као основне јединице лексичког састава сваког језика. Прво смо анализирали најфреквентинију прву групу – ријечи са јаким значењем оцјене и ријечи карактеристике. Друга најфреквентије група је трећа по подјели Голубове, док је друга група подјеле трећа по фреквентности.

- I Група

Ријечи са јаким оцјеночним значењем и ријечи које имају карактеролошку функцију

Лексема	Примјер
1. Страстный	"Остались у вдовы - старушки после мужа – *страстного* собирателя. " - стр. 107. "Я знаю в Москве одного *страстного, неутомимого* собирателя." - стр. 109.

Лексема *страстный* у самој сржи значења има емоционално-експресивну компоненту, која доминира у датој ријечи, и садрже оцјену човјека који се бави колекционирањем. У *Рјечнику тумачења ријечи* Ушакова [Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова][2] ова лексема има три значења:

- ‘проникнутый страстью, чувством любви, чувственный*’ страстный взгляд, страстный поцелуй;*

[2] У даљем тексту је *Ријечник* Ушакова

- ‘проникнутый сильным чувством: *страстная речь’;*
- ‘увлеченный чем-нибудь, целиком отдающийся какому-нибудь занятию’ *страстный шахматист.*

У датом примеру ова лексема је искоришћена у трећем значењу ‘увлеченный чем-нибудь, *целиком* отдающийся какому-нибудь занятию’, која има конотацију позитивне оцјене.

У другом примјеру ова лексема је добила појачину експресију захваљујући придеву -многозначној лексеми *неутомимый* у значењу "издржљивог, неуморног", у овом случају, колекционара. У *Рјечнику* Ушакова тумачење ове ријечи је следеће: *Неутоми́мый* - ‘выносливый, не знающий утомления, усталости’: *Неутомимый работник*. *Неутомимый ходок*.’

2. Забитый 3. Развал 4. Барахолка 5. Барахло	"Вся квартира была *забита* разными интересными вещами и походила больше на антикварный магазин или, еще вернее, на *развал*, на *барахолку*, но только с уникальным и ценным *барахлом.*"- стр. 109.

У датом примјеру треба да анализирамо чак 4 лексеме.

Лексема *забить* са значењем ‘наполнить до последнего предела’: *все сараи забиты дровами.* за разлику от глагола *наполнить* има појачену експресију и негативну оцјену.

Лексема *развал* је многозначна, у *Рјечнику* Ушакова су дата следећа значења ријечи *развал*[3] *:*

- ‘мјесто гдје се тргује половним стварима, које су сложене на земљи’,
- ‘комплетан поремећај, пропаст’.

Иако двозначна, ову лексему свртавамо у прву групу јер управо у првобитном значењу ова ријеч има јако значење оцјене.

Лексема *барахолка* са значењем "мања пијаца гдје се продају старе, половне ствари" је једна од лексема са израженим значењем оцјене. У синонимском низу налазимо на семантичке синониме *базар, рынок* са мање израженим негативне значењем оцјене. Али Солоухин је управо због тога искористио лексему *барахолка*.

Лексема *барахолка* припада и трећој групи јер емотивну компоненту добија и додавањем суфикса. Лексема *барахолка* је од ријечи *барахло* која је у *Рјечнику* Ушакова има два значења:

- ‘Подержанные старые вещи, домашний скарб.’ Торговать барахлом. Забрал всё свое барахло и уехал.
- ‘Негодная вещь, хлам, дрянь.’ Пальто мне попалось - настоящее барахло.

Осим тога, ова ријеч *барахолка* преноси негативну емоцију јер у контексту стан личи на ту пијацу. У нашем анализираном примјеру доминира прво значење. Ова лексема припада првој групи јер има изражено значење негативне оцјене.

[3] Толковый словарь Ушакова: 1. "РАЗВА́Л, Место, где торгуют держанными вещами, сложенными прямо на земле (прост. устар.). Купил на развале редкую книжку." 2. Полное расстройство, разруха. Во время мировой войны начался развал на транспорте. Дома у них полный развал.www.dic.academic.ru

Лексема *развал* и *барахолк*а у датом контексту представљају не само стилске синониме већ и контекстуалне и имају функцију појачања, изражајности, емоционалности и субјективне оцјене.

6. Бережно 7. Вдавить 8. Трухлявый	"Одно я *бережно* взял, поставил крышу на место, вдавив ржавый гвоздь в трухлявую дощечку глубже, чем он был, и стал спускаться на землю." Стр. 111.

Лексема бережный у Рјечнику Ушакова има два значења:

- ‘Осторожный.’ Бережное обращение с оружием,
- ‘Заботливый.’ Мать бережно взяла ребенка ни руки.

У нашем примјеру доминира друго значење и ова лексема припада првој групи јер је у номинативном значењу емоционално је обојена. У синонимском низу наилазимо на лексеме са мање емоционално-експресивних особина.

Лексеме *вдавить и трухлявый* такође припадају првој групи на основу постојећих експресивно-емоционалних компонената у првобитном значењу.

9. Головотяпство	"Я думаю, что в обоих случаях это был вопрос *головотяпства* двух начальников." Стр. 116.

Лексема *головотяпство* у *Енциклопедијском рјечнику* има значење ‘Крайняя небрежность и бестолковость в ведении какого-либо дела: *поведение головотяпа*’.

Ова лексема управо због своје једнозначности и изражене негативне оцјене те јаке експресије коју носи припада првој групи подјеле.

Према томе, на основу извршене анализе дошли смо до закључка да у повијести *Црне даски* Солоухин користи велики број ријечи с емоционално-експресивном обојеношћу у номинативном значењу ријечи како за појачавања интензитета, тако и описа понашења јунака, понекад и његових карактеристика. Друга по броју емоционално обојене лексике је трећа група према класификације Голубове. Одлучили смо ипак да је ставимо је на друго мјесто према фреквентности појављивања у тексту повијести Солоухина.

- II Група

Ријечи које емотивну компоненту добијају додавањем суфикса

1. Мальчишка 2. Дяденька	"Для *мальчишек*, бегающих с криком: «*Дяденька*, покажи спичечный коробок», это все еще забава, временное увлечение, которое может смениться интересом к аквариуму, к футболу, к собиранию книг или просто сойти на нет." Стр. 105.

Већ у трећем пасусу наше документарне приповијетке наилазимо на два примјера из треће групе. Ради се о именицама *мальчишка*[4] (ријеч из разговорног стила, настала је од ријечи *мальчик)* и *дяденька*[5]*(*такође из разговорног стила, настала је од ријечи *дядя* које може да се користи као обраћање непознатом човјеку). Своје емоционало-експресивне особине ове ријечи су добили морфолошким путем додавањем суфикса и зато припадају трећој групи.

3. Старушка	"Остались у вдовы - *старушки* после мужа – страстного собирателя." Стр. 107.

У другом примјеру изабраном из приповијетке "Црне даске" наилазимо на ријеч *старушка,* која има позитивну конотацију. У синонимском низу ове ријечи други лексеми имају мању експресију – *бабушка,* или већу експресивност супстандардна ријеч – *бабка* или у деминутиву - *бабуля*. Аутор није случајно изабрао *старушка* јер је у контексту најадекватија.

4. Гвоздик 5. Дырочка	Там, где были *гвоздики*, прикреплявшие медный оклад, оказались теперь белые выкрошившиеся *дырочки*. Стр. 120.

Гвоздик деминутив од гвозд и дырочка деминутив од дырка су лексеме које сврставамо у трећу групу наше подјеле, будући да су емоционало-експресивини карактер добиле додавањем суфикса, односно морфолошким путем. Треба напоменути да не мора обавезно бити ријеч о малим "ексерима" и "рупицама" будући да се деминутив у руском језику користи и као средство разговорног језика без изражавања субјективне оцјене.

6. Занавеска 7. Окошко	"Сейчас мы в этой *занавеске* прорежем маленькое *окошко*." Стр. 121

Занавеска[6] припада трећој групи подјеле, будући да се ради о деминутиву од ријечи занавесу значењу "завјеса која одваја позорницу од публике" овдје у преносном значењу. Окошко такође припада трећој групи будући да је ријеч о деминутиву од именице окно.

8. Иконка	"Это молодежь теперь Бога не чтит, это ее уж дело, а мы старые, мы с *иконками*." Стр. 133

[4]*Толковый словарь* Ушакова: "МАЛЬЧИ́ШКА, мальчишки, муж. (разг.). унич. к мальчик. Уличный мальчишка." www.dic.academic.ru
[5]*Толковый словарь* Ушакова: "ДЯ́ДЕНЬКА, дяденьки, муж. 1. ласк. к дядя (разг. фам.). Дорогой мой дяденька! 2. Обращение к незнакомому (не старому) мужчине (прост.).www.dic.academic.ru
[6]Толковый словарь Ожегова: "ЗА́НАВЕС, -а, муж. Несколько соединённых полотнищ, закрывающих сцену от зрительного зала." www.dic.academic.ru

Код лексеме *иконка* имамо примјер из треће групе, која своје емоционално-експресивне карактеристике добија морфолошким путем, додавањем, у овом случају, суфикса *ка.* Иако је ријеч о деминутиву, овдје не мора да се ради о умањеници од именице *икона,* из контекста можемо закључити да је *иконками* овдје употријебљено "од миља" и зато има изражајнију експресију. У приповијеци наилазимо три пута ову лексему.

9. Бабка	"Сергей Васильевич был независим от *бабки*, был не связан с архангелом Михаилом, стоящим на окне, и чувствовал себя более свободно." Стр. 204.

Лексема *бабка* –деминутив од *баба,*[7] стилски снижено од *бабушка*.[8] Осим ових има и значења "акушерка"[9]. У жаргонској употреби ова ријеч у множини има значење новца (*деньги*). Евидентно је да је у датом примјеру *бабки* има значење *бабушка,* са негативном конотацијом. У синонимском низу постоје синонимима са појаченом позитивном оцјеном: *бабуленька, бабулька*. У приповијеци "Црне даске" имамо седам примјера употребе ове лексеме.

- III Група

III Група (према класификације Голубове је *II Група*) се састоји од ријечи с пренесеним метафоричким значењем. Навешћемо неколико примјера:

1. Гореть,	"Хочу еще раз подчеркнуть, что это всего лишь сухая *схема*, ибо каждая икона – «умиление», «одигитрия», или «оранта» – блещут, сияют, горят яркими чистыми красками, отличаются своеобразием, полны выразительности и очарования." Стр. 116.

У другом примјеру у овој реченици имамо глагол *гореть* који је употријебљен у пренесеном значењу, јер боје не горе, него су боје јако изражене. Из контакста закључујемо да се овом лексемом појачава експресија и доприноси емоционалности цијеле синтагме.

2. Глухой	"Сейчас мы ее уберем и проломим в этой глухой стене еще одно окошко, надо полагать, в шестнадцатый век." Стр. 125.

У *Рјечнику тумачења ријечи* Ушакова наилазимо на седам значења придјева *глухой*, међутим ми ћемо навести само оно у коме је ова лексема употријебљена у нашем примјеру, тј. у пренесеном значењу:

[7]Толковый словарь Ушакова:"Бабки, жен. (разг.). уменьш. к баба" www.dic.academic.ru
[8]Толковый словарь Ушакова: "То же, что бабушка (прост.)."www.dic.academic.ru
[9]Толковый словарь Ушакова: "Повивальная бабка (офиц. дорев.) - акушерка.." www.dic.academic.ru

- ‘Смутный, неясный, не выраженный резко, определенно.’ *Глухой ропот. Глухое недовольство. Глухая молва*.

Има јако изражену експресивну конотацију, занимљиво је да се ова лексема три пута појављује у нашој приповијеци, и сваки пут у истом, пренесеном значењу са негативном конотацијом, зато је и сврставамо у другу групу подјеле према мишљењу Голубове.

3. Намертво	"Он скользил, мой взгляд, десятки и сотни раз в течение двадцати с лишним лет и ни разу не останавливался, а теперь, словно споткнувшись, остановился и вцепился *намертво*." Стр 130.

Лексема *намертво* у нашем примјеру није у буквалном значењу него у пренесеном, метафоричком. У *Малом академском рјечнику аутора* Евгењева А. П.. 1957—1984. (www.dic.academic.ru) ова лексема има два значења:

- ‘Насмерть, до смерти. Лишая жизни, жизнеспособности.’
- ‘Так, что нельзя разъединить; очень прочно, накрепко.*’ Намертво закрепить узел.*

Управо у другом пренесеном значењу употријебљена је и у нашем примјеру, посједује јаку емоционално-експресивну компоненту.

4. Ударить	"Из-под размокшей в растворителе охры *ударило* нам в глаза нестерпимым блеском плотное, полнозвучное золото." Стр. 189.

Према *Рјечнику тумачења ријечи* Ушакова глагол *ударить* овдје је употријебљен у пренесеном значењу, а тумачи се:

‘Подействовать на что-нибудь.’ «*Выпил полстакана вина и уже капельку в голову ударило.*» - Достоевский. «*Множество одуряющих запахов резко ударило в нос*.» В.Катаев.

У нашем примјеру има јаку експресивну функцију са позитивном конотацијом, што закључујемо из контекста.

Према томе, трећа група је малобројна али је веома значајна за идеостил Солоухина: метафоричко пренесено значење ријечи даје посебно изражајност тексту, појачавају га и прецизира. Метафоре код Солоухина имају своју специфику, индивидуалност и сликовитост.

Након завршене анализе лексема дошли смо до следећих закључака:

Од укупно анализиране 52 лексеме, првој групи по подјели Голупове припада 50% лексике, и то је лексика која се најчешће среће у приповијеци.

Од тога аутор већину лексема њих 60% користи за емоционално-експресивни опис хероја и њихових поступака и емоција, а 40% користи за опис околине, предмета и појава. Већина лексике 54% има негативну оцјену, док позитивну субјективну оцјену носи 46% лексема анализираних у првој групи.

Другу групу чини лексика која емоционално-експресивно обојена уз помоћ морфолошких средстава. Укупно има 38,5% анализиране лексике. Од броја анализираних лексема ове групе 50% има позитивну субјективну оцјену, 40% неутралну и 10 негативну оцјену. 30% лексике се односи на хероје, а 70% на околину.

Трећој групи, лексеме које су коришћене у пренесеном значењу, припада 11,5 од укупног броја анализираних лексема. Ова група је најмање присутна у нашој приповијеци. Док 67% анализираних лексема аутор користи за опис околине, предмета и појава, 33% за опис хероја и њихових поступака и емоција.

Фразеологизми

Стилистичке карактеристике фразеологизама, као и ријечи, условљене су њиховом припадношћу одређеном стилу. Притом у саставу фразеологизама издвајамо двије групе: 1) општи фразеологизми, који немају сталну везу са неким функционалним стилом и 2) функционално ограничени фразеологизми. У прве припадају, на примјер: *сдержать слово, иметь в виду, время от времени, имеет значение* итд. Они се употребљавају како у књижевној, тако и у разговорној ријечи. За разлику од опште лексике, која чини већи дио руског рјечника, општа фразеологија заузима сасвим скромно мјесту у огромној количини руских фразеологизама. Функционално ограничени фразеологизми имају експресивне и изражајнне особине.

Посебну пажњу заслужује стилистичка карактеристика фразеологизама са емоционално-експресивног аспекта. Сва фразеологија се дијели на двије групе: неутрална, која нема конотативно значење и на оне са експресивном обојеношћу.

Неутралних фразеологизама је јако мало: *компостировать билет, железная дорога, открытое собрание, повестка дня, Новый год, друг друга и под*. Они улазе у састав опште фразеологије, функционално неограничене. Осим тога, специјални фразеологизми (научни, службени) имају јасно изражену функционалну ограниченост, такође немају додатних конотативних значења: *знаки препинания, адамово яблоко, вирусный грипп, магнитная стрелка, трудовой стаж, выслуга лет, очная ставка*.

Фразеологизми разговорног стила имају компоненте породичног, шаљивог, ироничног, омаловажавајућег тона: *ни рыба ни мясо, сесть в лужу, только пятки засверкали, как снег на голову, как корове седло, мокрая курица;* док код књижевних постоји елемент свечаности*: уйти из жизни, сжечь мосты, возводить в перл создания итд*.

Сви фразеологизми са емоционалном обојеношћу присутни су у повијести Владимира Солоухина.

Као примјере навешћемо неколико фразеологизама из повијести са емоционално-експресивним карактеристикама:

Фразеологизам	Примјер
1. Замирание сердца	"Утра я ждал *с замиранием сердца*, с волнующим сладким нетерпением." Стр. 112.

Дати примјер се употребљава у значењу *‘испытывая сильное волнение*, *в тревожном ожидании’*. У нашем примјеру фразеологизам има експресивну фунцију са позитивном конотацијом и односи се на разговорни стил.

2. Достичь апогея	"Он зарождается в левом нижнем углу и, нарастая, в убыстряющемся ритме распространяется по доске, чтобы *достигнуть своего апогея* в одеждах Спасителя." Стр. 118

Фразеологизм *достичь апогея* има значење: *"Достигнуть высшей степени какого-л. состояния (славы, популярности, власти и т. п.)*." И у нашем примјеру употријебљен је у овом значењу, са јаком експресивношћу и позитивном оцјеном.

3. Рука не поднимается	"Конечно, если бы она выглядела как сейчас, то, может быть, не *поднялась бы рука* накрывать кадушку." Стр. 120.

У *Великом фразеолошком рјечнику руског језика* аутора Е.Н. Телија (www.dic.academic.ru) овај фразеологизм се тумачи на два начина:

- ‘Испытывая чувство сомнения, опасения, сострадания, жалости к кому-либо, боится причинить вред своими действиями.’

У датом примјеру овај фразеологизам употријебљен је у значењу *‘не хватает решимости, желания’* и има јако иражену експресију, те се припада разговорном стилу.

4. Батюшки светы!	"Когда церковь закрыли, этих икон валялось – *батюшки мои светы*!" Стр. 130.

У *Фразеолошком рјечнику руског литературног језика* аутора Фјодорова (www.dic.academic.ru) овај фразеологизам се тумачи као

- ‘Выражение недоумения, удивления, изумления: Батюшки светы, что тут делается! Народу полна изба’

Има појачану експресију и припада разговорном стилу. Управо у том значењу потријебљен је и у нашем примјеру.

5. Напасть на след 6. В конце концов,	"Вот если бы она сохранилась, если бы *напасть на след*, если бы *в конце концов* отыскать!" Стр. 136.

У *Фразеолошком рјечнику руског језика* (www.dic.academic.ru) овај фразеологизм има следећа значења:

- 'Обнаруживать признаки присутствия чего-либо, влияния кого-либо’ становилось совершенно очевидным, что листовки-прокламации и эти подмётные письма.

Управо у том значењу је и употријебљен у нашем примјеру. Овим фразеологизмом појачана је експресија цијеле реченице. Овдје имамо чак два фразеологизма, поред горе објашњеног имамо и фразеологизам *в конце канцов* са значењем:

- ‘В результате всего, после всего.’
- ’В конечном счете, в итоге.’
- ’Употребляется как вводное словосочетание, заключая или обобщая сказанное.’

Присуством овог фразеологизма повећана је експресија цијеле реченице, који је употријебљен чак једанаест пута у овој приповијеци. Јаку улогу има вријеме, које је лајт мотив оба фразеологизм.

7. Как гром среди ясного неба	"Для нас е она была как выстрел, как взрыв*, как гром среди ясного неба.*" Стр. 154.

"Као гром из ведра неба" је фразеологизм јако добро познат и у српском језику, има значење *"неожиданно, вдруг*." То јесте да се нешто дешава изненада, одједном, непланирано, обично нарушава нормалан ток дешавања. Има негативну оцјену ако не иде у корист тога о коме се говори, а позитивну ако иде у корист. Припада разговорном стилу и има изражену експресивну функцију, а из контекста видимо да овдје има позитивну конотацију.

Фразеологизми имају посебно мјесто у структури повијести, а у највећем броју имају функцију карактеристике јунака. Од свих анализираних јединица, закључили смо да управо фразеологизми имају најјаче изражену експресију.

Од свих анализираних лексема, и фразеологизама 53% њих аутор је употријебио за опис хероја, њихових поступака и емоција, а 47% за користи за опис околине, предмета и појава. Оваквом односу највише доприноси трећа група подјеле према мишљењу Голубове, будући да се 70% анализираних лексема треће групе односи на опис околине, предмета и појава.

На крају, можемо само закључити да без емоционално-експресивне лексике аутор ове документарне приповијетке вјероватно не би могао пренијети сликовитост и кинематографичност радње.

Списак литературе

Gortan-Premk D. Polisemija i organizacija leksičkog sistema u srpskome jeziku / D. Gortan-Premk. Beograd.: Institut za srpski jezik, 2004.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка Апресян / Ю.Д. Апресян. М.: РАН, Издательская фирма «Восточная литература», 1995.

Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

Большой фразеологический словарь русского языка. / Е.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс, 2006.

Виноградов В.В. Стилистика теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. М.: Издательство АН СССР, 1963.

Вуковић Н. Путеви стилистичке идеје / Н. Вуковић. Подгорица-Никшић: Јасен, 2000. 15-60 с.

Гальперин И. Р. О понятиях "стиль" и "стилистика". Вопросы языкознания. / И. Р. Гальперин. М.: № 3, 1973. 14-25 с.

Гинзбург Р.З. Лексикология английского языка / Р.З. Гинзбург, С.С. Хидикель. М.: Высшая школа, 1979.

Голуб И. Б. Стилистика русского языка. / И. Б. Голуб. М.: Рольф, 2001.
Кожина М.Н. Стилистика русского языка [Электронный ресурс] / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. М: Флинта, 2008.
Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студ. лингв., фак. высш. учеб. заведений / М. А. Кронгауз. М.: Издательский центр, 1992.
Крылова О.А. Основы функциональной стилистики русского языка / О.А. Крылова. М. 1979. 101-207 с.
Малый академический словарь / А.П. Евгеньева. М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957—1984.
Ристић С. Експресивна лексика у српском језику: теоријске основе и нормативно-културолошки аспекти / С. Ристић. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2004.
Симић Р. Основи теорије функционалних стилова / Р. Симић, Ј. Јовановић. Београд: Јасне, 2003. 91-263 с.
Славянская мифология. Словарь-справочник – Режим доступа: www.dic.academic.ru.
Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М.: Просвещение, 1997.
Солоухин А.В. Собрание сочинений в 4-х томах / А.В. Солоухин. М.: Художественная литература, 1983.
Солоухин А.В. Черные доски: собрание сочинений в пяти томах / А.В. Солоухин. М.: Руский Мир, 2011.
Справочник по фразеологии, 2013. – Режим доступа: www.dic.academic.ru.
Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1949-1992. – Режим доступа: www.dic.academic.ru.
Универсальный дополнительный практический толковый словарь [Электронный ресурс] / И. Мостицкийю М., 2005–2012. – Режим доступа: www.dic.academic.ru.
Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.Серов. Москва: Локид-Пресс, 2003.

Есакова Мария Николаевна
Кольцова Юлия Николаевна
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

Esakova Mariya
Koltsova Yuliya
Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

THE SELF AND THE OTHER IN MODERN RUSSIAN SPEECH

Оппозиция «свое» и «чужое» является одной из центральных в науке о переводе. С подобной оппозицией можно столкнуться и на уровне одного языка. Анализируя те процессы, которые происходят в современном русском языке, мы видим, что оппозиция «свое» - «чужое» возникает на уровне отношения между исконной лексикой и заимствованной, на уровне иностилевых вкраплений в нормативную речь и на уровне эволюции языка. Таким образом, закономерен вопрос: к каким речевым моделям обращаться при обучении будущих переводчиков – носителей языка и тех, для кого русский язык является иностранным – современному русскому языку?
Разумеется, неумеренное и неуместное употребление большого количества иноязычных слов, использование жаргонных выражений, а также бессмысленное следование нововведенным нормам недопустимо, но не обращать внимание на эти процессы, происходящие в современном языке, тоже нельзя. Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительная работа, конечная цель которой – воспитание хорошего языкового вкуса. А хороший вкус – главное условие правильного и уместного использования языковых средств, как чужих, заимствованных, так и своих, исконных. Еще Сократ более двух тысяч лет назад говорил: «Заговори, чтобы я тебя увидел». Таким образом, человеку самому необходимо следить за своей речью. Качество речи является визитной карточкой человека, мерой его профессионализма и критерием интеллекта.

The opposition of *the self* and *the other* is one of the central in translation studies. One can come across this kind of opposition even in the mother tongue. When analysing the processes taking place in the modern Russian language one can see that the juxtaposition of *the self* and *the other* appears on the of level the original and the borrowed vocabulary, on the level of inclusions into of normative speech, as well as on the level of language evolution. Thus, a question arises: which speech models should we address to in teaching the budding translators and interpreters the Russian language – native or non-native speakers. It goes without saying, that excessive and inappropriate use of loan words, using jargon, or senseless following new-fangled norms is unacceptable. However ignoring the processes taking place in modern language is also out of place. What needs to be done is regular and painstaking work, the ultimate goal of which is creating the good ‘taste’ of a language. A taste of a language is the key condition for the correct and proper use of linguistic means, both borrowed and native. More than 2,000 years ago Socrates said, “Speak that I can see you.” Therefore, a person should him/herself follow what they say. The “quality” of speech is sort of a ‘business card’ of a person, showing his professionalism and intellect levels.

Ключевые слова: оппозиция «свое» - «чужое», современный русский язык, культура речи, обучение переводчиков русскому языку.

***Key words*:** opposition of the self and the other, modern Russian language, standard of speech, training translators and interpreters the Russian language.

Оппозиция «свое» и «чужое» является одной из центральных в науке о переводе. Переводчик, создавая текст, должен выбрать один из двух возможных путей: либо сделать текст перевода легким и удобным для чтения, то есть сделать «своим», либо представить его как «чужое», инородное явление, понимание которого требует от читателя

определенных мыслительных усилий. Каким образом поступить – это извечный вопрос науки о переводе.

Однако подобная оппозиция «свое» и чужое» возникает не только в переводе. Мы можем столкнуться с ней и на уровне одного языка.

Анализируя те процессы, которые происходят в современном русском языке, мы видим, что подобная оппозиция возникает на уровне отношения между исконной лексикой и заимствованной, на уровне иностилевых вкраплений в нормативную речь и на уровне эволюции языка.

Рассмотрим все эти оппозиции и попытаемся выяснить, что же для современного человека в родном (русском) языке является «своим», а что становится или стало «чужим»? Решение этого вопроса особенно важно при подготовке переводчиков, так как в их профессиональной деятельности грамотная, хорошо поставленная речь занимает особое место. «История учит, что общество не прощает переводчикам речевых ошибок. Кто в истории перевода зарекомендовал себя как лучший? Только тот, кто смог представить свой перевод в изящной форме и тем «прославить» переводящий язык. А неспособных к тому назвали предателями, вспоминая старую итальянскую поговорку «traduttore – traditore» - «предатель – перелагатель» [Гарбовский, 2015, с. 10]

Итак, рассмотрим первую оппозицию: «свое» и «чужое» на уровне отношения к заимствованиям.

Язык подобен живому организму, он живёт, постоянно меняясь и развиваясь, его эволюция не прекращается, а напротив, набирает всё больший темп. Однако возникает вопрос: те изменения, которые происходят в языке на современном этапе, обогащают наш язык или, напротив, упрощая его, ведут к деградации?

Актуальность этого вопроса не вызывает сомнения. Им задаются не только лингвисты, учителя, преподаватели, переводчики, но и политики, бизнесмены, а также все те, кому небезразлична судьба родного языка.

Существует точка зрения, что современный русский язык упрощается, на смену сложным русским словам приходят лаконичные слова из иностранных языков. И, может быть, это неплохо, чем проще – тем лучше! Могла же Эллочка Людоедка выражать свои мысли короткими односложными словами! Но существует и другая точка зрения: русский язык может погибнуть под натиском жаргона, просторечий и заимствований. В одной из своих работ Ю.Н. Караулов писал, что «внедрение иноязычных слов идет от лености ума, консерватизма мышления говорящего и пишущего, от нежелания «растормошить» ресурсы родного языка и заглянуть в его запасники, а иногда, правда, от стремления к элитарности в тексте, от гордыни знающего иностранные языки перед незнающими их. Все это мелкие человеческие слабости, которые поддаются воспитательному и разъяснительному воздействию» [Караулов, 1995, с. 20].

И действительно, неужели в русском языке не хватает слов, чтобы выразить мысли современного человека? Известный русский писатель К. Паустовский, писал, что «для всего в русском языке есть великое множество хороших слов». С этим нельзя не согласиться. Однако в век Интернета и нанотехнологий процесс обогащения русского

языка за счет иностранных заимствований вполне закономерен. Вопрос состоит лишь в том: насколько эти заимствования необходимы и уместны.

Причины процесса заимствования могут быть внутренними и внешними. Внутренние (или лингвистические) причины непосредственно связаны с языком, а внешние являются экстралингвистическими, и образуют благоприятный «климат» для перехода слов из одного языка в другой.

Внутренние причины процесса заимствования объясняются, во-первых, потребностью в наименовании новой вещи или явления при отсутствии синонимичного наименования в своём языке. Если речь идет о номинации нового предмета или явления действительности, появление которого произошло в инокультурной среде, то данное заимствование вполне естественно. Например: *керлинг, серфинг, дисплей, драйвер, ноутбук, провайдер, айпод* и т.д. Процесс глобализации обуславливает появление именно англицизмов не только в русском языке, но и в других языках мира. Об этом свидетельствует «распространение «американизмов», которые находятся по существу на положении интернациональной лексики, поскольку они употребляются во многих языках, хотя и ощущаются иногда как нечто чужеродное (буклет, стриптиз, гёрлз, бестселлер, комикс и т. п.)» [Крысин, 2004, с. 27].

Во-вторых, в потребности уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам. Например, *геймер* – это не просто игрок, а человек, увлекающийся компьютерными играми, *брифинг* – это не просто конференция, а краткая конференция, посвященная, как правило, одному вопросу. Таким образом, уже существующее в языке слово и вновь заимствуемое как бы делят сферы своего семантического влияния, причем эти сферы не совпадают, но могут пересекаться.

В-третьих, закон экономии языковых средств диктует появление тенденции, заключающейся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект должен обозначаться «цельно», а не сочетанием слов, поэтому предпочтение отдаётся иноязычному слову, а не описательному обороту. Например, *круиз* – вместо «морское путешествие», *мотель* – вместо «гостиница для автотуристов», *снайпер* – вместо «меткий стрелок».

Среди внешних причин, способствующих проникновению заимствованной лексики в русский язык, выделяются так называемые социально-психологические причины [Крысин, 2004, с. 26].

По мнению М.А. Брейтера, «среди носителей русского языка распространено представление о том, что иностранные технологии являются более прогрессивными по сравнению с российскими, иностранные банки более надежны, иностранные товары – более высокого качества» [Брейтер, 1995]. Аналогичной точки зрения придерживается и писательница Зоя Журавлева. По ее мнению, иностранные слова «загадочны и свежи, каким-то иррациональным образом только одним среди нас своим присутствием уже приобщают нас «ко всему цивилизованному сообществу» и, самое главное, не имеют корней в отечественной культуре» [Журавлева, 1998, с. 163].

И действительно, некоторые носители языка предпочитают употреблять иностранные слова вместо исконных синонимичных наименований из родного языка, так как считают заимствование более «престижным». Заимствованным словам отдаётся большее предпочтение, и вследствие этого они укореняются в языке. Например, слово *эксклюзивный* считается «престижнее» слова *исключительный*, *презентация* выглядит респектабельнее, чем привычное русское *представление*, *топ-модели* шикарнее, чем презентация выглядит более респектабельно, чем привычное русское представление, эксклюзивный лучше, чем исключительный, топ-модели шикарнее, чем *лучшие модели*, *маркетолог* в сознании некоторых людей имеет больший престиж по сравнению с русским словом *товаровед*. Русское слово уборщица звучит менее привлекательно, чем *сотрудник клининговой компании.*

Такого рода заимствования вряд ли можно назвать оправданными. Они засоряют русскую речь, делая ее малопонятной, а иногда даже абсурдной.

«Хотите примерить стиль преппи? Тогда все, что вам нужно делать, – это начать культивировать классический ***лук*** *и обзавестись несколькими ключевыми аксессуарами, объединяющими гардероб».* Употребление заимствованного из английского языка слово *look*, означающего «образ» вряд ли можно назвать оправданным, так как, во-первых, это слово может быть неизвестно широкому кругу читателей, а также имеет вполне устойчивую семантическую закрепленность за значением *«овощ».*

Таким образом, в языке намечается тенденция делать «своими» иностранные слова, пришедшие в русский язык, прежде всего, из английского, а «чужими» в подавляющем большинстве случаев становятся слова либо исконные, либо заимствованные уже давно и адаптированные языком. Не обращать на это внимание при обучении будущих переводчиков нельзя. Однако нужно планомерно проводить мысль о том, что не всегда заимствованное слово будет уместно.

Оппозиция «свое» и чужое» возникает и тогда, когда речь заходит о иностилевых вкраплениях в нормативную речь.

Для нашего времени, начала XXI века, характерно вхождение в публичную речь разного рода жаргонов и других формам нелитературного языка. Это своего рода следствие тех социальных процессов, которые происходили в 90-е годы XX века. Как отмечал Л.П. Крысин, для того периода был очевиден «отход в области социальной жизни общества от канонов и норм тоталитарного государства, провозглашение свободы как в общественно-политической и экономической сфере, так и в человеческих отношениях сказываются, в частности, на оценках некоторых языковых фактов и процессов: то, что раньше считалось принадлежностью социально непрестижной среды (преступной, мафиозной, просто малокультурной), начинает приобретать «права гражданства» наряду с традиционными средствами литературного языка. «Мы не замечаем, как криминал входит в быт, в лексикон, как языком зэков и урок заговорили телевидение и радио, как поменялись местами минусы и плюсы общественного поведения, как отмененными оказались вековые заповеди и табу, выработанные человечеством для самозащиты» (Известия, 11 ноября 1997 г.)» [Крысин, 2000, с. 64]

Вследствие этого в литературную речь вошли некоторые элементы, которые «до недавнего времени считались принадлежностью некодифицированных подсистем русского национального языка» [Крысин, 2000, с. 65]. Интересно заметить, что примеры, приведенные Л.П. Крысиным в статье «О некоторых изменениях в русском языке конца XX века», которые рассматривались исследователем как стилистически маркированные единицы, только входящие в язык, в современном языке воспринимаются как вполне естественные для употребления в широких кругах. Например, *крутой*, *тусовка*, *разборка*, *заложить*, *лимон, кинуть*, *вешать лапшу на уши*, *крыша едет (поехала), заказать (кого-то) и т.д.* [Крысин, 2000].

В настоящее время, на наш взгляд, на современный язык в большей степени влияет не язык деклассированных элементов, а язык, используемый в различных профессиональных сферах (профессионализмы). Это происходит, по-видимому, потому, что подобные слова мы слышим в основном в сфере профессиональной коммуникации и нормативный вариант произношения выглядит неестественным. Примером может служить нормативное произношение слов *прикУс, шпрИцы, рожЕница, коклЮш, новорождЕнный, квартАл, договОр* и др. Данные слова в основном можно услышать в стенах поликлиник и больниц в речи медицинского персонала в вариантах *прИкус, шприцЫ, рОженица, кОклюш, новорОжденный* и в речи бухгалтеров *квАртал, дОговор, договорОв.* Интересно отметить, что в словаре ударений русского языка, изданном в 2014 году, к нормативным формам *договОр* и *договОров* добавляются и формы *дОговор, договорОв* уже с пометой разговорное, что свидетельствует о постепенном вхождении профессионализма в литературный язык, тогда как в словаре ударений русского языка 1984 г. формы *договОр, договОров* были единственно верными.

Таким образом, профессионализмы и жаргонизмы постепенно становятся «своими» в речи современных молодых людей, а нормативный вариант воспринимается как «чужой». Многие исследователи восклицают, что ограниченность, косноязычие нового поколения может "похоронить" то, что создавалось Жуковским, Карамзиным, Пушкиным... В связи с этим возникает еще одна оппозиция: язык, Пушкина, Лермонтова, Гоголя и современный язык. Можно ли язык литературных произведений А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина, Н.В. Гоголя и других русских классиков использовать в качестве абсолютного образца и говорить тем языком, на котором говорили герои литературных произведений XIX века? Чтение классиков, безусловно, обогащает нашу речь, однако всем понятно, что язык, представленный в произведениях русской классики XIX – начала XX вв., к которым призывают обращаться многие лингвисты, морально устарел: на таком языке уже не общаются в современном обществе. В результате чего, например, нередко иностранные учащиеся, читая тексты русских классиков и не имея возможности погружения в среду, изучают несколько «искусственный» язык, достаточно далекий от реального языка.

Приведем уже хорошо известный пример эксперимента, который был проведен среди школьников младших классов, которым было предложено интерпретировать фрагмент из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

Бразды пушистые взрывая,

Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.

«Кибитка в представлении большинства первоклашек оказалась летательным аппаратом. У некоторых она была ещё и похожей на кубик (КУБитка). Летающая удалая ки(у)битка взрывает "Бразды пушистые". Это зверьки такие (пушистые же!), помесь бобра с дроздом. То, что по правилам тогда должно было быть "браздов", детей не смутило - и на бедных пушистых браздов посыпались с кибитки гранаты и бомбы (ведь в тексте Пушкина написано: «бразды пушистые взрывая») При этом за геноцидом браздов наблюдает некая зловещая личность в тулупе и красном кушаке и с лопатой. Это ямщик. Самым трудным словом оказалось «облучок». Часть детей вообще не поняла, что это такое. В результате ямщик с лопатой (а чем ему еще ямы копать, он же ЯМщик!) оказался сидящим на никому не понятном предмете. То есть - нет несущейся в облаке искрящегося под солнцем снега кибитки с весёлым бородатым дядькой в тулупе, подвязанным кушаком. Вместо этого над землей несется кубическая летающая хреновина, под ее смертоносными ударами летят кровавые ошмётки несчастных пушистых браздов, а за всем этим, балансируя на некоем предмете на краю вырытой ямы (могилы для останков несчастных разорванных браздов), наблюдает люмпенская личность в тулупе, с лопатой и красным кушаком на голове» [А. Кучин, http://www.nakanune.ru/articles/russkii%20yazik].

Из данного примера видно, что для современного поколения язык XIX века, безусловно, становится «чужим» и отталкивает современную молодежь от чтения классических литературных произведений. А. Голубева, главный редактор издательства «Златоуст» в одном из своих выступлений совершенно верно замечает, что «в большинстве программных школьных сочинений описываются не детские, а взрослые проблемы, несмотря на то что Наташа Ростова или Татьяна Ларина – ровесники старшеклассников. Понять противоборство Наполеона с Кутузовым или духовные поиски Онегина с Печориным им сложно, а значит – неинтересно. К тому же каждое пятое слово даже в стихах Пушкина непонятно: *межа, ямщик, кушак*: все приходится расшифровывать, и почувствовать красоту русского слова, приобщиться к высокой поэзии не получается, ведь надо разгадывать ребус, буквально переводить текст на современный русский язык» [Голубева, http://slovari21.ru/analytics/1037].

Так что же делать преподавателям русского языка, призванным научить будущих переводчиков грамотному современному языку?

При обучении русскому языку и культуре речи, особенно в отрыве от языковой среды, преподаватели должны ориентироваться на определенные образцы русской речи. Однако на современном этапе развития языка центральным становится вопрос, какие модели можно принять за образец. Всем понятно, что язык, представленный в произведениях русской классики XIX – начала XX вв., к которым призывают обращаться многие лингвисты, некоторым образом устарел: на таком языке уже не общаются в современном обществе. В результате чего нередко иностранные учащиеся – будущие переводчики, не имея возможности погружения в среду, изучают «искусственный» язык.

Действительно, в процесс обучения необходимо включать и речевые произведения современной России (СМИ, интернет, современная литература и т.д.). Однако здесь кроется «ловушка» для преподавателя, поскольку обучение любому иностранному языку предполагает опору на определенные речевые модели, представляющие характерные для современной речи схемы высказываний, наборы лексики, правила орфоэпии, орфографии, пунктуации, которые претерпевают изменения. А в настоящее время, как мы уже говорили, в России наметилась тенденция к толерантности в признании правильными тех или иных речевых форм.

Например, в последнее время на страницах газет, журналов и в интернете развернулась активная дискуссия по поводу новых словарных норм, включающих в русский язык, такие слова, как «файф-о-клок», «горячее кофе», «дорожная карта». Был даже предложен перечень (он вступил в силу с 1 сентября 2009 года) из четырех словарей («Орфографический словарь русского языка» Брониславы Букчиной, Инны Сазоновой и Людмилы Чельцовой, «Грамматический словарь русского языка» под редакцией Андрея Зализняка, «Словарь ударений русского языка» Ирины Резниченко и «Большой фразеологический словарь русского языка» с культурологическим комментарием Вероники Телия. Все издания выпущены издательством «АСТ-Пресс»), содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного. В то же время в перечне не оказалось таких эталонных изданий, как справочники русского языка Дитмара Розенталя и Владимира Лопатина, что вызвало бурную дискуссию.

Отныне, например, пригласить на «файф-о-клок», выпить «крепкого кофе» и написать «чао» вместо «пока» – норма. Допускаются и варианты с ударениями в тех словах, которые, казалось бы, имеют однозначное произношение: «договОр» и «дОговор», «йОгурт» и «йогУрт».

Вместе с тем, как считают эксперты, новые словарные нормы вряд ли существенно изменят языковую действительность: лингвисты напоминают, что они вариативны, а дикторы радио и телевидения обещают следовать «классическому» произношению слов.

«Поскольку имевшаяся до настоящего дня («старая») норма произношения ошибкой не является, ведущие будут говорить так, как говорили», – прокомментировали сложившуюся ситуацию РИА Новости в пресс-службе телеканала «Россия». В пресс-службе Первого канала также сообщили, что «ведущие информационных программ придерживаются классических норм русского языка».

Заместитель директора по научной работе Института русского языка имени Виноградова Мария Каленчук считает, что изменение норм русского языка обусловлено внутренними закономерностями, а словари только лишь зафиксировали сам факт этих изменений. «Еще десять лет назад в слове «договор» ударение ставили на первом слоге, а сегодня этот факт всего лишь зафиксировали словари», – сказала Каленчук. Она привела в пример и слово «кофе» – еще в 1997 году в «Кратком словаре грамматических трудностей» Натальи Еськовой оно было зафиксировано в среднем роде.

Итак, оппозиция «свое» – «чужое» в современной языковой ситуации проявляется в том, что официально начинают признавать упрощение русского языка, на смену сложным русским словам приходят лаконичные слова из иностранных языков. Интернет наводнен фонетическим письмом и сленговыми словечками, которые, к сожалению, использует уже не только молодежь, но и люди среднего поколения, что способствует проникновению подобных слов в литературный язык, уходят в прошлое языковые образцы, данные произведениями классической литературы.

Таким образом, закономерен вопрос: к каким речевым моделям обращаться при обучении будущих переводчиков – носителей языка и тех, для кого русский язык является иностранным – современному русскому языку?

Разумеется, неумеренное и неуместное употребление большого количества иноязычных слов, использование жаргонных выражений, а также бессмысленное следование нововведенным нормам недопустимо, но не обращать внимание на эти процессы, происходящие в современном языке, тоже нельзя. Нужна планомерная и кропотливая научно-просветительная работа, конечная цель которой – воспитание хорошего языкового вкуса. А хороший вкус – главное условие правильного и уместного использования языковых средств, как чужих, заимствованных, так и своих, исконных. Еще Сократ более двух тысяч лет назад говорил: «Заговори, чтобы я тебя увидел». Таким образом, человеку самому необходимо следить за свой речью. Качество речи является визитной карточкой человека, мерой его профессионализма и критерием интеллекта.

Список литературы:

Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов / М.А. Бейтер. М.: Просвещение, 1981.

Гарбовский Н.К. Вступительная статья к учебному пособию «Русский язык и культура речи. Нормы современного русского литературного языка» (Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М.). / Н.К. Гарбовский. М.: МАКС Пресс. 2015.

Голубева А.В. Лекция на международной конференции «Русский язык и книжная культура Балтия — 2012», [Электронный ресурс] / А.В. Голубева– 2012 – Режим доступа: http://slovari21.ru/analytics/1037

Журавлева З. Горит во лбу менталитет // З. Журавлева. И услышал я голос иной. – М., 1998.

Караулов Ю.Н. О некоторых особенностях состояния современного русского языка и науки о нем // Русистика сегодня. М., 1995. № 1.

Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. М., 2000. № 5.

Кучин А. электронный ресурс – Режим доступа: http://www.nakanune.ru/articles/russkii%20yazik

Н.К. Гарбовский,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

Nikolai K. Garbovsky
Lomonosov Moscow State University, Moscow(Russia)

TOUT EST SIGNE. СЕМИОЗИС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

TOUT EST SIGNE. THE SEMIOSIS OF LITERARY TRANSLATION

Художественный перевод не есть зеркальное отражение оригинала. Переводчик же не есть «прозрачное стекло». При всем уважении к автору, относясь со всей скрупулёзностью к мельчайшим деталям смысловой и формальной организации оригинала, переводчик создаёт новое произведение на основе собственных представлений о мире, частью которого является и переводимый им текст. Перевод предстает как «интерпретация интерпретированного». На уровне этой вторичной, т.е. переводческой, интерпретации текста особенно отчётливо проступает индивидуальная сущность переводного художественного текста.

,

Literary translation is not a mirror reflection of the original text. The translator is not a “transparent window pane”. With all due respect to the author, the translator, though painstakingly trying to preserve the niceties of the original text, creates a new work, guided by his/her own outlook on the world which the target text is a part of. Translation becomes “interpretation of the interpreted”. It is at the level of this secondary, i.e. translational, interpretation that the individual essence of the literary text shines through.

Ключевые слова: семиозис, художественный перевод, категория отражения, верность, точность и полнота перевода

Key words: semiosis, literary translation, reflection, adequacy, equivalency

В романе французского писателя лауреата Гонкуровской премии 1970 г. Мишеля Турнье «Лесной царь»[1] есть фраза: « Tout est signe. Mais il faut une lumière ou un cri éclatants pour percer notre myopie ou notre surdité » – *Все есть знак. Но лишь ослепительный свет и оглушительный крик способны пронзить нашу слепоту и глухоту.* Для переводчика, который в своей деятельности оперирует только знаками, эта фраза оказывается ключевой.

Семиотическая сущность перевода очевидна. В самом деле, какую бы сложную проблему теории и методологии перевода мы не рассматривали, мы наталкиваемся на знак и строим систему операций, направленных на его интерпретацию: проблема эквивалентности – это прежде всего проблема эквивалентности семантической составляющей знаков текста оригинала и языка перевода; проблема адекватности перевода – это проблема прагматических отношений знаков оригинального и переведенного текста; проблема непереводимости – одна из извечных проблем художественного перевода – это проблема невосполнимости асимметрии знаков и обозначаемых знаками объектов.

Перевод художественного перевода предстает как *семиозис*, т.е. как процесс интерпретации знаков и порождения новых значений.

Знак же, будь то некая элементарная значащая единица, подобная красному цвету светофора, или текст литературного произведения в целом несет информацию, которую и предстоит расшифровать переводчику и зашифровать в новой системе знаков.

[1] Michel Tournier. Le Roi des Aulnes, Éditions Gallimard, Paris, 1970.

Информативность текста художественного произведения существенно отличается от информативности всех других функциональных разновидностей речевых произведений. Нельзя не согласиться с мнением уважаемого коллеги Бранимира Човича о том, что «структура художественного текста стремится к максимальной информационной насыщенности» [Чович: 259].

Художественный текст оказывается знаком сложной системной организации.

Насколько свободна переводческая интерпретация подобного сложного и многопланового знака, есть ли границы полета воображения переводчика? Как текст оригинала, отражается в тексте перевода? Прямое ли это отражение, напоминающее зеркальное отражение объекта, или многоступенчатое, скорее похожее на систему зеркал в перископе? Насколько отражение соответствует оригиналу, не напоминает ли текст в переводе путешествие в страну кривых зеркал»? Возможно ли отражение того, что содержится неявно в отражаемом тексте?

Являясь системной деятельностью, то есть функциональной системой, обладающей всеми признаками системы, перевод постоянно взаимодействует с другими системами прежде всего с системами языков, сталкивающимися в переводе, а также с системой смыслов, заключенной в исходном речевом произведении, которую ему и предстоит интерпретировать. Мы определили перевод как сложную интерпретирующую систему, то есть системную деятельность, способную интерпретировать знаки одной семиотической системы знаками другой. Тем самым мы располагаем перевод всецело в русле семиотики. "Вообще, - писал Ю.С. Степанов, - «перевод» можно сделать основным, неопределяемым понятием семиотики, а «переводимость» отождествлять со «смыслом»"[Степанов: 260].

Семиотика как общее научное направление включает такой важный для нас аспект, как *интерпретация* существующих знаковых систем.

Э. Бенвенист, отмечал, что отношения, устанавливаемые между различными семиотическими системами должны сами носить семиотический характер, а "семиотическое отношение проявляется как соотношение между *системой интерпретирующей* и *системой интерпретируемой*" [Бенвенист: 78]. Иначе говоря, одни системы должны быть способны интерпретировать другие.

Семиозис художественного перевода начинается с восприятия текста оригинального произведения, его «переводческого прочтения». В отличие от обычного читателя, переводчик не может позволить себе читать «по диагонали», получая некоторое впечатление от текста и удовольствие от чтения. Он не может пропустить ни одной мельчайшей детали, не разобраться в хитросплетениях сюжетных линий, во взаимодействии персонажей и окружающих их предметов, размещённых в определённых пространственных и временных рамках. Только в результате такого прочтения может быть сформирована переводческая интерпретанта.

Особая ответственность ложится на переводчика, берущего смелость предложить читателям новую интерпретанту уже известных и интерпретированных объектов. Переводчик принимающийся за новый перевод классических произведений, отделенных от него временным промежутком иногда в несколько столетий, задумывается над тем, так

ли он понимает значения слов, как понимал их автор и его современники, как преобразились за пару столетий предметы, описанные автором оригинала, и представления о них современных людей, насколько изменился мир, в котором жил и творил автор.

Некоторые вопросы при поверхностном взгляде могут быть отнесены исключительно к области языка, его эволюции. На самом деле они далеко выходят за пределы собственно лингвистики.

Разумеется, можно говорить о лингвистической обусловленности «обновления» перевода. Дескать, язык изменился настолько, что современники его уже плохо воспринимают и постоянно наталкиваются на шероховатости «ретро». Но пятьдесят и даже сто лет еще не срок для устаревания форм выражения. Ведь, утверждая, что современный русский язык начинается с Пушкина, мы и сегодня, в XXI в. без затруднений и с наслаждением читаем созданные им произведения. Пушкин написал свои произведения один раз и навсегда, а вот переводить их можно бесконечное число раз. И в этом одно их коренных отличий перевода именно как **семиозиса** от оригинального литературного творчества.

Нельзя не принимать во внимание тот факт, что человеческое общество развивается и меняется значительно быстрее, чем язык, на котором оно говорит. Более того, общественная жизнь может претерпевать революционные изменения, в результате которых резко меняются моральные ценности, на смену одной идеологии приходит другая. такие перемены могут повлиять на перевод, равно как и на всё литературное творчество, и на искусство в целом.

Следовательно, причины появления новых переводов нужно искать главным образом в социальной сфере, а не в лингвистической.

Владея в необходимой степени языком оригинала, хорошо зная современный ему чужой мир оригинала, переводчик погружается в глубину столетий и представляет себе, *воображает*, тот мир, где создавалось оригинальное произведение, вооружаясь для этого необходимой информацией из самых различных областей знаний.

Интерпретирую текст оригинала, переводчик оказывается в положении этнографа и культуролога, историка, и социолога, специалиста по истории языка и критика перевода.

Что же касается вопросов об информационной структуре и плотности исходного текста, а также о коммуникативной интенции автора, то именно они решаются постепенно по мере глубокого профессионального переводческого прочтения текста и одновременно с переводом. Переводчики не пренебрегают никакими комментариями, сопровождавшими разные издания оригинала, обращаясь к ним по мере движения по тексту. Комментарии оказывают неоценимую помощь в понимании наиболее «тёмных» мест оригинала. Они уточняют исторический и культурный контекст, иногда помогают решить и «лингвистические загадки».

В художественном переводе тесно переплетаются субъективное индивидуальное начало переводчика, предполагающее творческие решения, и объективная ограниченность выбора, предопределённая самим текстом оригинала, некими заранее заданными параметрами, наиболее очевидные среди которых, система смыслов оригинала, его форма

и функция, с одной стороны, и возможности переводящего языка, его нормы и узус, с другой. Переводчик воспринимает художественную действительность, созданную автором оригинального произведения с позиций иной культуры, а случае перевода классических произведений и с позиций другой эпохи, отделённой от времени создания оригинала многими годами.

Сознательное отношение к возможностям перевода, к выбору средств выражения, соответствующих замыслу переводчика, его представлению о потенциальном читателе оказывается совершенно необходимым. Именно поэтому еще один из основных принципов, положенных в основу стратегии нового перевода, – не основываться лишь на переводческой интуиции, но постараться принимать главным образом рациональные решения. Стратегия рационального перевода не отвергает интуицию переводчика, его языковое «чутье», но в большей степени она строится на знании принципов и закономерностей перевода, на понимании того, что перевод – это не зеркальное отражение оригинала, но и не произвол переводчика.

Разумеется, отсутствие интуиции и языкового «чутья» никоем образом не способствуют успеху перевода. Более того, если этих качеств у переводчика нет, то лучше не браться за перевод литературных произведений, а заняться чем-нибудь другим. Но опора исключительно на интуицию и языковое «чутьё» даёт простор абсолютному произволу переводчика. Рациональный перевод, т.е. рациональная интерпретанта, предполагает использование некоторых операционных моделей современной теоретической методологии перевода и ориентирование на современного читателя, на его возможности восприятия чужой действительности, отделённой от него почти двухсотлетней историей.

Одним из вопросов, которыми не могут не задаваться переводчики, выбирая стратегию работы над произведениями, уже неоднократно переводившимися, является вопрос о том, следует ли для сравнения обращаться к переводам предшественников?

Ответ на этот вопрос зависит от того, в чем переводчик видит цель своего творчества. Если он хочет сделать перевод **лучше**, чем у предшественников, исправить то, что представляется ему ошибочным, изменить стилистику, модернизировать язык и т.п., обращение к работам предшественников неизбежно. Однако в этом случае работа переводчика может свестись к редактированию ранее созданного чужого текста, или же, что еще хуже, превратиться в никчёмное соперничество. Но цель нового перевода может состоять и том, чтобы создать новую, индивидуальную интерпретанту, решая все переводческие задачи самостоятельно и независимо от предшественников с позиций своего индивидуального представления о возможностях перевода, собственного понимания всей системы смыслов, заключенной в оригинале, собственного выбора средств выражения из доступных переводчику ресурсов языка. В этом случае до окончательного завершения работы над собственной версией, любые обращения к существующим переводам нежелательны, даже в тех случаях, когда текст оригинала, задает трудно решаемые задачи, и велик соблазн подсмотреть, как из затруднительной ситуации

выбрался твой предшественник. Всякое обращение к уже существующим версиям сковывает свободу выбора.

Признанный мэтр художественного перевода М. Л. Лозинский руководствовался в своей работе именно таким принципом. А.А. Ахматова вспоминала: «В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский был для двадцатого века тем же, чем был Жуковский для века девятнадцатого… Из советов Лозинского-переводчика мне хочется привести еще один, очень для него характерный. Он сказал мне: «Если вы не первая переводите что-нибудь, не читайте работу своего предшественника, пока вы не закончите свою, а то память может сыграть с вами злую шутку».

И, наконец, важнейший вопрос для всякого перевода художественного перевода – это вопрос о методе интерпретации оригинального произведения. «Канонической», принятый в художественном переводе метод предполагает предварительное прочтение всего текста оригинального произведения, охват всей заключенной в нём системы смыслов ещё до начала перевода. Эта операция в методологии перевода получила наименование *предпереводческого анализа* текста оригинала. При этом функция переводчика-читателя и функция переводчика-писателя оказываются разнесёнными во времени иногда значительным периодом. Переводчик овладевает текстом оригинала и далее ведёт себя с ним согласно избранной стратегии перевода. Надев на себя одежды автора, он либо переносит автора оригинала в мир своего читателя, либо, напротив, уводит своего читателя в иную культурную среду. Обе стратегии хорошо известны в истории и методологии перевода.

Но возможен и иной, «неканонический» метод, который можно определить как «синхронный», ввиду его технологической схожести с устным синхронным переводом. Этот метод состоит в том, чтобы, переводить текст непосредственно по мере его чтения, не забегая вперёд и не стараясь составить себе полное представление о тексте ещё до его перевода. В самом деле, такой метод отличается от канонического подобно тому, как устный синхронный перевод отличается от устного последовательного перевода. Приверженцы традиционного подхода к переводу могли бы обвинить переводчиков, выбравших такой метод, в отсутствии профессионализма, в пренебрежении к оригиналу, возможно, предположили бы, что у переводчиков было слишком мало времени для предварительного прочтения оригинала и т.п. Однако в отличие от ситуации устного перевода, в данном случае «синхронный» подход не исключал возможности дорабатывать текст в случае необходимости, возвращаясь к уже переведенным фрагментам.

В действительности, в данном случае в основу переводческой стратегии было положено представление о переводчике, прежде всего, как о читателе оригинального текста, точнее, как об одном из возможных, но при этом самом внимательном и достаточно подготовленном читателе, который не упускает ни одной детали. Текст оригинала понимается не как застывшая данность, постоянно равная самой себе, а как некая живая материя. Эта материя живёт в сознании каждого читателя. «Смерть автора» (термин Р.Барта [Барт]) даёт тексту множественную и вечную жизнь в каждом из его читателей, одним из которых и оказывается переводчик.

Переводчик, исповедующий такой «неканонический» метод перевода художественных произведений, действительно уподобляется читателю. Он последовательно «вживается» в текст оригинала и последовательно переносит своё «динамическое впечатление» от него в текст перевода. Переводчик не пытается «клонировать» автора оригинала и поставить себя на его место, он не старается писать, так, «как написал бы сам автор, если бы говорил на языке перевода» [Гумилев][2]. Он твёрдо стоит на позиции читателя оригинала. Его впечатление от текста меняется по мере его прочтения. Характеры персонажей, фабула, языковые хитросплетения, аллюзии и др. предстают в их развитии. Как читателю, переводчику интересно читать, он, как читатель, получает удовольствие от текста и этим своим ощущением делится со своим читателем. Прочитав текст оригинала до конца, переводчик умирает как читатель. У него пропадает живой интерес к тексту. Он волей-неволей возносится и над автором оригинала, и над своим читателем, занимая позицию некого третейского судьи. Пропадает не только непосредственность восприятия текста, но и динамичность в выборе форм выражения. Знание развязки подсказывает не те слова, что были нужны для постепенного и замысловатого раскрытия перед потенциальным читателем таинств человеческой души. Текст, рождающийся в результате такой интерпретации, лишается живой энергии познания неизвестного и динамики сопереживания, которые стремился вызвать автор оригинала у своего читателя.

Разумеется, наивно было бы утверждать, что работе над переводом не должно предшествовать знакомства с автором и оригиналом. Переводчику следует обладать достаточным общекультурным фоновым знанием в области истории и литературы.

И наконец, чрезвычайно важный вопрос переводческого семиозиса – вопрос о необходимости понимания и толкования переводчиком всей системы смыслов оригинала. Этот вопрос встает особо остро, когда переводчик принимается за перевод классических произведений.

Для теории художественного перевода наиболее значимым является взгляд на мировую литературу как на некую общность тенденций, направлений, стилей и жанров, при всём своеобразии литературных процессов в национальных культурах. Именно такой взгляд на мировую литературу позволяет вывести на первый план творчество переводчика как необходимую составляющую мирового литературного процесса. Именно переводчик в условиях многообразия культур и отсутствия единого мирового языка оказывается перед необходимостью освоить «чужое» для принимающей культуры и привести в единую систему *универсальное*, *своё* и *чужое*.

Перевод классического произведения, от автора которого переводчика отделяют порой несколько веков, ставит немало вопросов. Разумеется, психологическая и

[2] Ср.: «Существуют три способа переводить стихи: при первом переводчик пользуется случайно пришедшим ему в голову размером и сочетанием рифм, своим собственным словарем, часто чуждым автору, по личному усмотрению то удлиняет, то сокращает подлинник; ясно, что такой перевод можно назвать только любительским.
При втором способе переводчик поступает в общем так же, только приводя теоретическое оправдание своему поступку, он уверяет, что, если бы переводимый поэт писал по-русски, он писал бы именно так» [Гумилёв].

философская составляющие литературного произведения не подвержены течению времени. Но этнографическая канва текста и его историческая обусловленность с течением времени становятся всё более туманными, даже для людей той культуры, где было создано литературное произведение. Для представителей иной, принимающей, культуры, к числу которых чаще всего относится и переводчик, эти важнейшие составляющие литературного текста, во многом определяющие его поэтику, оказываются ещё более загадочными.

Загадки начинаются с самих заглавий литературных произведений.

Обратимся к некоторым примерам. Название повести Н.С. Лескова «Павлин» скрывает в себе очевидную игру слов, заключённую во внутренней форме имени собственного, совпадающего с названием яркой красивой птицы. На эту игру указывает сам автор повести: «В расшитом галунами длинном ярко-синем сюртуке с капюшоном, в широкой, убранной галуном перевязи, в трехугольной шляпе и с блестящею вызолоченною булавою в руках, Павлин был настоящий павлин, и притом самый нарядный павлин, способный поспорить с наилучшим экземпляром щеголеватой птицы, переделанной Юноною из Аргуса» [Лесков]. Что в названии повести Лескова: Имя собственное или название птицы? Автор оставляет читателю самому сделать свой выбор. Такой же выбор должен сделать и переводчик, с той лишь разницей, что читатель делает этот выбор для себя, а переводчик – для других, что накладывает на него определённую ответственность.

Во французском языке совпадения имени собственного человека и названия птицы подобного тому, что мы видим в русском языке, нет, и переводчик должен сделать выбор между двумя разными по значению и по фонетической оболочке формами: *Le paon* (павлин) и *Pavline*. Но в определённый момент возникает приведённый выше метатекст, и переводчик вынужден строить свой метатекст, исходя из выразительных возможностей переводящего языка [см. Гарбовский : 476]. Он даёт примечание, где объясняет игру слов: « Pavline : en russe est aussi bien le « paon » qu'une variante du prénon Pavel, c'est-à-dire Paul »[3].

Конечно, такое решение приводит к переводческой потере. Пропадает двусмысленность, заключённая в игре слов, происходит очевидное обеднение поэтики художественного текста. Но данный выбор неизбежен, и переводчик сознательно принимает его, сетуя в очередной раз на межъязыковую асимметрию и успокаивая совесть аргументом о том, что переводимость – явление не абсолютное, а относительное.

Итак, подводя итог, следует отметить, что семиозис художественного перевода есть бесконечный во времени и в пространстве процесс. Переводчики разных поколений, обращаясь к классическим произведениям, сталкиваются, в основном с одними и теми же проблемами, одни и те же единицы перевода вызывают необходимость принимать непростые решения, и решения эти могут быть весьма различными. Различны и переводческие стратегии. Разумеется, «неклассический» подход, построенный на стремлении передать читателю перевода «динамическое», постоянно меняющееся, впечатление от текста, возникающее у переводчика как у одного из читателей оригинала само по себе не является залогом успеха и сочетается с постоянной и кропотливой

[3] Павлин по-русски это «павлин» и вариант имени Павел, т.е. Поль

поисковой работой. Разумеется, изменяются способы поиска информации, необходимой каждому переводчику для преодоления «культурно-исторического невежества», обусловленного значительной пространственной и временной отдалённостью мира оригинала от мира, в котором живёт и творит переводчик. Современные информационные технологии позволяют переводчику быстро найти сведения, на поиск которых его коллегам предшествующего века понадобилось бы немало усилий. В результате некоторые единицы перевода могут в новых переводах получить более точные эквиваленты.

Во всех случаях поиск необходимой информации о предметах, нравах, словах и их изменчивых значениях остаётся одной из главных задач переводчика, обеспечивающей понимание оригинального текста. Но понимание – это только половина дела. Продвигаясь по тексту, «вживаясь» в него, переводчик постоянно находится в поиске форм для того, чтобы создать на переводящем языке новое литературное произведение.

Список литературы

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. 2002.
Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. 2004.
Гумилев Н.С. О стихотворных переводах. // Принципы художественного перевода. Петроград. 1920
Човић Б. Поєтика књижєвног прєвођєња. 1994.
Степанов Ю.С. Французская стилистика. М. 1965.

Голушин Иван
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь (Россия)

Ivan Golusin
Perm National Research Polytechnic University, Perm (Russia)

О СПОСОБАХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ДИМИНУТИВОВ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М. ШИШКИНА «ПИСЬМОВНИК»)

ON THE METHODS OF TRANSLATION RUSSIAN DIMINUTIVES INTO SERBIAN LANGUAGE (BASED ON THE NOVEL M. SHISHKIN „PISMOVNIK“)

Статья посвящена проблеме перевода диминутивов с русского на сербский язык. Проведенный анализ позволил выявить как способы перевода русских диминутивных форм, так и трудности, возникающие при переводе. Материалом исследования является роман М. Шишкина «Письмовник» и его сербский перевод, выполненный Любинкой Милинчич.

The article is devoted to the problem of translation Russian diminutive forms into Serbian language. The analysis revealed the typical methods of translation of these lexical units and difficulties arising in the translation process. The material of the study is the novel "Pismovnik" by M. Shishkin and its Serbian translation made by Lyubinka Milinchich.

***Ключевые слова*:** диминутив, перевод, суффикс, русский язык, сербский язык

***Key words*:** diminutive, translation, suffix, Russian language, Serbian language

Как отмечает В.И. Шаховский, «эмотивный смысл как единица перевода может быть «упакован» в эмотивном аффиксе, в эмотиве, в свободном или устойчивом эмотивном словосочетании, в предложении, фрагменте текста или в целом тексте» [Шаховский, 1997, с. 139]. В связи с этим он предлагает следующую иерархию эмотивных единиц перевода (переводем): микропереводемы (эмотивные аффиксы), простые переводемы (слова-эмотивы), сложные переводемы (эмотивные словосочетания), макропереводемы (предложения) и гиперпереводемы (структурные образования большие, чем предложение с определенной эмоциональной доминантой). В настоящей работе мы сосредоточимся только на первой единице, т.е. на микропереводемы, а именно уменьшительно-ласкательные суффиксы, благодаря которым образуется эмотивная лексика.

Номинации с суффиксами субъективной оценки в зависимости от семантики распределяются по двум группам: *диминутивы* (имеют уменьшительное значение) и *аугментативы* (имеют увеличительное значение). Значение размера в чистом виде они выражают очень редко. Чаще указанное значение осложнено значением субъективной оценки, положительной или отрицательной. Причем, как правило, положительная оценка ассоциируется с уменьшительными суффиксами, отрицательная — с увеличительными.

Диминутивы, так же как и аугментативы, по значению делятся на размерные (это слова, основной функцией которых является подчёркивание внушительных размеров явления, без оценочной характеристики: «*Мы несколько минут топтались в тесном* ***коридорчике****, Людмила путалась в рукавах пальто, я совал ей конверт…*» [А. Волос. Недвижимость, 2000]), размерно–оценочные (под ними подразумевают слова, сочетающие

в себе и оценочные, и размерные характеристики: «*И маленькая Агния всегда была расположена за* ***зайчика****, чтобы в него не попали, за лошадь, чтобы ее не секли*.» [А. Солженицын. В круге первом. Т. 1, т. 1, гл. 1–25, 1968]), оценочные (состоят целиком из оценки: «*Но* ***материальчик*** *на тебя у меня так и лежит — в сейфе лежит, в укромной папочке, ждет своего часа.*» [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша, 2004]).

В данной работе мы рассматриваем диминутивы в русском и сербском языках и с позиции размера, и с позиции субъективной оценки, т. е. с позиции эмотивности, так как для переводчика это очень важно. Переводчик должен полностью погрузиться в исходный текст, чтобы точно понять какую роль здесь играет данный диминутив - размерный или субъективный, так как в языке перевода правильно передал значение слова. Для анализа был выбран роман Михаила Шишкина «Письмовник».

Почему именно «Письмовник»? Творчество Михаила Шишкина стало заметным явлением в русской литературе сразу же после публикации в журнале «Знамя» в 1993 году первых произведений автора. Уже эти первые произведения прозаика были отмечены премией журнала за лучший литературный дебют. В течение последующих лет были опубликованы романы «Взятие Измаила» (1999), «Венерин волос» (2005), «Письмовник» (2010), принесшие их автору не только российскую, но и мировую известность (роман «Письмовник» переведён на 15 языков мира, в настоящее время переводится на ещё 20 языков мира). М. Шишкин стал лауреатом самых престижных литературных премий России («Русский Букер» – 2000, «Национальный бестселлер» – 2005, «Большая книга» – 2006). В ноябре 2011 года роман «Письмовник» стал победителем национальной литературной премии «Большая книга». В 2012 г. роман «Письмовник» стал известен и сербскому читателю благодаря переводчице Любинке Милинчич, которая получает награду им. «Милоша Н. Джурича» Ассоциации литературных переводчиков Сербии за лучший перевод в области прозы. Сам роман представляет собой письма двух влюблённых, по роману очень близких людей. Сами письма эмотивно насыщены, очень теплые с одной стороны, а с другой стороны очень грустные, так как герои разведены во времени и пространстве.

Как известно, сербский и русский языки принадлежат славянской группе языков. Структуры обоих языков во многом аналогичные, и в них имеются диминутивные формы как регулярные семантические и словообразовательные категории. Но тем не менее, похожая структура образования диминутивов, при переводе текстов с русского на сербский, вызывают некоторые трудности. В связи с этим появляется вопрос: теряются ли смысловые значения при переводе?

Поскольку данный роман насыщен эмотивами, в том числе в форме диминутива, в этой статье мы рассмотрим наиболее яркие примеры, выявленные нами в первых пяти письмах[1].

[1] См. также: Голушин, 2016

Сашенька моя хорошая!	***Sašenjka*** moja, draga!
Сашенька моя!	Sašenjka moja!
А сортир здешний, далекая моя ***Сашка***, это нужно объяснить.	A ovdašnji klozet, draga moja ***Saška***, to treba da ti objasnim.
Володенька!	Volođa!

Первое, что бросается в глаза, это обращение к адресату писем. В трех из четырех случаев выявлен прием транслитерации, передающий в двух случаях отсутствующий в сербском языке русский суффикс -еньк-, в то время как в четвертом случае («Володенька» - «Volođa») этот суффикс остается немаркированным. Само значение данных диминутивов не является ни размерным, ни явно оценочным. В данном случае это именно уменьшительно-ласкательные суффиксы, используемые для ласкового обращения.

А пока в школах еще по ***старинке*** талдычат, что сперва был большой взрыв и все сущее разлетелось.	A u školama i dalje, uporno, po ***starom***, ponavljaju da je najpre bio veliki prasak, i da se razletelo sve što je postojalo.

Здесь предложно-падежная конструкция «*по старинке*» переведена предложно-падежной конструкцией «*po starom*». Диминутив в сербском варианте не сохранился. Положительная субъективно-эмоциональная оценка давнего времени (оттуда и оценочное значение диминутива) по нашему мнению не совсем передана в сербском варианте. Считаем, что более удачным вариантом перевода была бы конструкция *kao nekad*, несмотря на то, что в ней тоже теряется уменьшительно-ласкательный суффикс.

Так в песке уже живет будущее стекло, и ***песчинки*** — *семена* вот этого окна, за которым как раз пробежал ***мальчишка*** с мячом, засунутым под футболку.	Tako u pesku već živi buduće staklo, i ***zrna peska*** su *semenke* ovog prozora kroz koji vidim ***dečaka*** što je upravo projurio s loptom zavučenom pod majicu.

В данном случае выявлены два диминутива. Первый диминутив «*песчинки*» с размерным значением переведен описательным способом - «*zrna peska*». Уменьшительно-ласкательный суффикс *-инк-* со значением *маленькой части какой-либо массы* (песок-песчинка) не передан в переводе, несмотря на то, что можно было использовать суффикс *-c-*, с помощью которого получился бы полный (и конотативный и словообразовательный) эквивалент (*zrnca peska*). Сразу за этой конструкцией в сербском варианте появляется диминутив *semenke* (русс. *семечки*), который не соответствует русскому варианту *семена*. Считаем, что переводчица, может быть, таким способом хотела передать субъективную оценочность, но ей это, по нашему мнению, не совсем удалось. В переводе второго,

размерно-оценочного диминутива «*мальчишка*» на сербский язык «*dečak*», оценочное значение теряется. Суффикс *-ишк-* мог быть передан, по нашему мнению, суффиксом *-ić-* (*dečačić*) и таким способом в переводе была бы сохранена субъективная оценочность, даже получился бы диминутивный эквивалент. Следовательно, более корректным переводом на сербский язык данного предложения мы считаем следующий вариант: *Tako u pesku već živi buduće staklo i zrnca peska - semena baš tog prozora, iza kojeg je upravo projurio dečačić s loptom zavučenom pod majicu*.

А мы в нем были ***семечками***.	A mi smo u njoj bili ***semenke***.
Одно ***семечко*** пустило росток и стало нашим деревом, вот тень его ветки елозит по подоконнику.	Jedna ***semenka*** je proklijala i postala naše drvo, evo, senka njegove grane puzi po zidu.
Третье ***семечко*** проклюнулось много лет назад и стало юношей, который любил, когда я чесала ему ***спинку***, и ненавидел ложь, особенно когда начинали уверять со всех трибун, что смерти нет, что записанные слова — это что-то вроде трамвая, увозящего в бессмертие.	Treća ***semenka*** je iznikla pre mnogo godina i postala mladić koji je uživao kad sam mu ***češkala leđa***, i mrzeo je laž, posebno kada su počinjali sa svih tribina da govore da smrti nema, da su zapisane reče nešto kao tramvaj koji vozi u besmrtnost.

Здесь у нас два ярких примера перевода - один из них полный эквивалент - размерный диминутив «*семечко*», который переведен на сербский размерным диминутивом «*semenka*», а второй «спинка», который весьма удачно переведен на сербский. Коннотативное значение этого оценочного диминутива передано с помощью трансформации: уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-* добавлен к глаголу *češati* (получился глагол *češkati* с субъективно-оценочным значением), а не к существительному. Таким способом решена проблема передачи эмотива оригинала.

По гороскопу друидов он был ***Морковка***.	Po horoskopu druida, on je bio ***mrkva***.
Вовка-морковка, где ты сейчас?	Vladice-šargarepice, gde si ti sad?
Перед тем как сжечь дневник и все свои рукописи, он написал последнюю фразу, ужасно смешную: «Дар оставил меня» — я успела прочитать до того, как ты вырвал из моих рук ту ***тетрадку***.	Pre nego što će spaliti dnevnik i sve svoje rukopise, on je napisao poslednju rečenicu, užasno smešnu: „Talenat me je napustio“ - to sam uspela da pročitam pre nego što si mi ti istrgao iz ruku tu ***svesku***.

Размерно-оценочный диминутив «*Морковка*» не получил своего соответствия в сербском переводе («*mrkva*»). Сам выбор сербского варианта слова не дал никакой субъективной оценочности. Во-первых, из-за написания маленькой буквы в начале слова, а во-вторых из-за стилистической маркированности самого слова, обусловленной географическим фактором - по нашему мнению лучшим вариантом здесь было бы слово

«Šargarepa». Если бы добавили к этому слову уменьшительно-ласкательный суффикс *-ic-*, получилась бы форма, соответствующая форме русского размерно-оценочного диминутива («*Šargarepica»*). Пример «Вовка-морковка» можем считать весьма успешным способом передачи диминутива с русского на сербский язык. Первый диминутив («Владица») является переносом коннотативного смысла, учитывая реалии (сербский вариант *Vladica* можно считать вариантом уменьшительно-ласкательного имени *Вовка, Володя*). Второй диминутив является полным эквивалентом, но здесь выявляется непоследовательность в переводе именно по отношению к предыдущему примеру. Сербский уменьшительно-ласкательный суффикс *-ic-* соответствует, в обоих случаях, значению русского суффикса *-к-*.

Русский оценочный диминутив «*тетрадка*», образованный с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-*, в сербском варианте не получил диминутивного соответствия в слове «*sveska*». Как и в предыдущих примерах, переводчица могла использовать вариант с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ic-* («*sveščica*»).

Считаем также необходимым отметить, что в ходе анализа диминутивных форм и их переводов на сербский язык, были выявлены случаи некорректного перевода, вызванных, на наш взгляд, непониманием формы диминутивов. Одним из ярчайших примеров такого перевода встречаем в предложении: «*Эти рифмы связывают мир, сбивают его, как гвозди, загнанные* ***по шляпки****, чтобы он не рассыпался.»* Из сербского вариант «*Te rime povezuju svet, kao ekseri zakucani* ***da se o njih okače kape****, zbijaju ga da se ne bi rasuo.*» становится очевидным, что переводчицей неправильно было истолковано значение слова ***шляпка***. В данном случае речь идет о верхней части гвоздя, а не о головном уборе. Таким образом, вместо данного перевода можно предложить следующий вариант: «*Te rime povezuju svet, sjedinjuju ga tako kao što to biva kad su ekseri zakucani u nešto* ***do kraja****, da se to nešto ne bi rasulo.»*

Итак, из первых пяти писем романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский сопоставительный анализ русских диминутивных форм позволил нам выявить способы передачи диминутивных форм с русского на сербский язык и также понять, что не всегда полностью передается значение при переводе, несмотря на близость русского и сербского языков. Приведённые примеры свидетельствуют о том, что диминутивы не всегда переводятся диминутивами даже в близкородственных языках. [Голушин, 2016, с. 72] Данные примеры указывают и на то, что кроме перевода диминутивами языка перевода, способами их перевода являются ещё и транслитерация, описательный перевод, различные виды трансформации (в том числе и такие, где значение диминутива не получает своего отражения в переводе).

Список литературы

Акиль А.Х. Категория диминутивности в русском языке [Электрон. ресурс] / А.Х. Акиль. Режим доступа: http://www.iasj.net/iasj?aId=47333&func=fulltext.

Голушин И. К вопросу о способах перевода русских диминутивов на близкородственные языки (на примере перевода с русского на сербский язык) / Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы V Междун. научно-методической конф. / отв. ред. Н.П. Пешова. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 68-73.

Лингвистический энциклоклопедический словарь / под редакцией В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
Национальный корпус русского языка [Электрон. ресурс] / Режим доступа: http://ruscorpora.ru/search-main.html.
Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным Тихонов, Александр Николаевич, / А.Н. Тихонов. - Москва: АСТ, 2014. - 639, [1] с.
Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://slovar.cc/rus/efremova-slovo.html.
Письмовник : [роман] / Михаил Шишкин. - Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. - 416 с. - (Эксклюзивная новая классика).
Русская грамматика: в 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова [и др.]. — М., 1980. — Т.1: Фонетика. Словообразование. Морфология.
Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка : монография / В.И. Шаховский. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 208 с.
Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В.И. Шаховский. М. : Гнозис, 2008. 416 с.
Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста / В.И. Шаховский. Перевод и коммуникация. М. : Иязр РАН. 1997. С. 138-152.
Pismovnik / Mihail Šiškin; prevela sa ruskog Ljubinka Milinčić. - Beograd : Paideia, 2011 (Valjevo : Topalović). - 252 str. ; 22 cm. - (Biblioteka Maštarije / [Paideia]).

Хазанова Маргарита Игоревна
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва (Россия)

Khazanova Margarita Igorevna
Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯПОНСКИХ КОМИКСОВ МАНГА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: О ПРОДУКТИВНОСТИ ОДНОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

SOME SPECIFIC FEATURES OF JAPANESE MANGA COMICS TRANSLATION INTO RUSSIAN LANGUAGE: ON ONE WORD FORMATION MODEL PRODUCTIVITY

Настоящая статья посвящена любительским переводам японских комиксов манга на русский язык. Разбирается примерная структура изображения. Предпринимается попытка описать типы вспомогательного текста («метатекста»), который сопровождает изображения физических действий или изменений в состояниях персонажей, а также выявляется связь между разными типами метатекста и предпочтительными грамматическими формами, выполняющими данные функции. Особое внимание уделяется механизму перевода с помощью аналитических глаголов, разбирается словообразовательный механизм и выявляются новые тенденции в образовании этих форм. Предпринимается попытка объяснения актуализации данной морфологической категории, прежде считавшейся непродуктивной.

The present article deals with amateur Russian translations of Japanese manga graphic novels. The article attempts to describe the structure of a typical manga page. This work attempts to systematize types of auxiliary text (metatext) that accompanies depictions of physical acts or state changes in Japanese manga graphic novels. Also the connection between different types of metatext and preferred grammatical forms and their functions is derived. Special attention is paid to the translation mechanism utilizing analytical verbs; word formation mechanism is analyzed as well as its new trends. This article attempts to explain re-introduction of this morphological category, which has been considered unproductive.

Ключевые слова: метатекст, словообразовательная модель, аналитические глаголы, перевод

***Key words*:** auxiliary text (metatext), grammatical forms, analytical verbs, translation

Растущая популярность японских комиксов манга среди русскоязычной аудитории не может не вызывать интереса у исследователя. Одновременно приходится констатировать, что исследование комиксов манга не характеризуется полнотой, особенно в русскоязычной их части.

Понятие комиксов манга

Манга (яп. 漫画) представляет собой особый тип комиксов, которые, как принято считать, начали активно развиваться после Второй мировой войны, возможно, под определенным влиянием американской массовой визуальной культуры, хотя само явление повествования через изображения имеет в Японии давнюю историю [Kinsella, 2000].

Преимущественно манга представляет собой особым образом структурированную систему черно-белых изображений («раскадровку») (хотя встречаются и отдельные цветные изображения).

На российском рынке лицензированной продукции японская манга представлена слабо, что, вероятно, отчасти связано с тем, что целевой аудиторией комикса принято считать детей, тогда как в реальности манга охватывает множество жанров, в том числе – рассчитанных на взрослую аудиторию [Васильева, Гончарова, 2007]. Таким образом, основной массив комиксов манга на русском языке составляют любительские переводы.

Структура изображения в комиксах манга

Принцип распределения изображения на странице связан со спецификой представления событий в комиксах манга. Изображаемые объекты представлены, как правило, контуром либо контуром с легким затенением. Изображение людей может варьироваться, хотя наиболее узнаваемым элементом является схематическое изображение лица с крупными (часто – непропорционально относительно размеров головы) глазами. Физиологические особенности персонажа часто определяются принятым каноном изображения и призваны типизировать персонажа, а не придать ему индивидуальность. Так, у персонажей более юного возраста часто глаза крупнее, чем у более взрослых, у женщин, как правило, глаза крупнее, чем у мужчин. Существует целый «метаязык» (система схематических изображений), говорящий об эмоциональном состоянии героя [Brenner, 2007]. Таким образом, важно подчеркнуть, что основной динамизм в изображении передается именно за счет элементов рисунка. Текст – это преимущественно диалоги – играют значительно меньшую роль, чем, например, в американских комиксах.

Страница манги делится на несколько участков (кадров), графически отделенных друг от друга чертой. В каждом кадре свое изображение, прочитываются они с крайнего правого верхнего угла по горизонтали и затем по вертикали до крайнего нижнего левого угла. Смена кадров создает динамизм изображения. Общие планы изображаются в кадрах обычно мелко, выражение лица персонажа – довольно крупно, особенно, если в эмоциональном состоянии героя произошли резкие изменения.

Чтобы подчеркнуть динамику, в манге используются сопровождающие пометы, так называемые «звуковые эффекты» (подробнее о них ниже). Таким образом, весь текст на страницах манги можно поделить на три категории: первую составляют реплики персонажей, чаще – в овалах, на белом фоне; вторую категорию составляет сплошной текст, обычно – предисловие или экспозиция, чаще – от первого лица центрального персонажа; третью категорию составляет «метатекст» – дополнительные пометы, сопровождающие действия героев.

Проблема переводов комиксов манга на русский язык

Хотя в России постепенно появляются комиксы, стилизованные под мангу, тем не менее основную массу этих комиксов составляют именно переводы. Активная переводческая деятельность начинается с 2000-х, причем большую часть манги переводят не непосредственно с японского, а с английского перевода (среди англоязычной аудитории феномен любительского перевода комиксов манга также чрезвычайно распространен). Таким образом, в дальнейшем речь пойдет о переводах, сделанных нередко через язык-

посредник. Хотя в настоящее время много манги переводится уже с японского оригинала, сами принципы таких переводов подверглись сильному влиянию английского языка[1].

Типы метатекста в комиксах манга

Как уже было сказано, под «метатекстом» мы условно будем понимать короткие (слова или словосочетания, крайне редко – законченные предложения) пометы, подчеркивающие динамизм сюжета и сопровождающие действия или изменившиеся состояния персонажей.

В структуре изображения такие пометы, как правило, помещаются очень близко к персонажу или иному объекту, на действиях или состоянии которого делается акцент.

В англоязычной традиции такие пометы обычно называются *sound effects*, «звуковые эффекты», или *sfx*. Тем не менее, такое название не отражает всех вариантов значений и функций, фокусируясь только на звуковой составляющей – т.е. сопутствующих движениям/состояниям звуках[2].

В действительности можно выделить несколько крупных групп таких помет:

1. звуки через звукоподражания («гррр», «вщух»),
2. называние однократного физического действия («вздох», «зырк»),
3. называние протяженного действия («тащится», «дрожь»),
4. называние эмоционального состояния («потрясен», «испуг», «бесячка»),
5. общее описание ситуации или обстановки («тишина», «на ручки»).

Как видно из приведенной классификации, далеко не все эти единицы являются звукоподражаниями, так как часто не выражают звук, а описывают действие или изменение в состоянии. С точки зрения японского языка, подобные единицы составляют единый большой класс ономатопоэтических слов, характеризующих не только разговорный, но и литературный язык и регулярно фиксирующихся в словарях, и служащих целям звукового символизма [Румак, 2007]. В японской лингвистической традиции, «семантические определения очерчивают область значений ономатопоэтических единиц и определяют *гисэйго* (звукоподражания) как слова, изображающие звуки или голоса, а *гитайго* (образоподражательные, звукоизобразительные слова) – как слова, описывающие состояние вещей, не имеющее непосредственного отношение к звукам» [Румак, 2007, с.12]. Ономатопоэтические единицы замещают глагол, лаконично и образно описывая ситуацию. Таким образом, в японском оригинале комиксов манга ономатопоэтические слова служат для создания большего динамизма в изображаемой ситуации, создают своеобразный

[1] Косвенным свидетельством того, что язык – источник перевода в настоящее время изменился, могут служить рекрутинговые объявления на сайтах/в интернет-сообществах переводчиков. Поскольку переводы делаются любителями, в такой работе отсутствует очевидная коммерческая составляющая, а значит – группы переводчиков все время ищут новых потенциальных участников. В начале 2000-х заявлялась потребность в переводчиках с английского; в настоящее время – в первую очередь с японского, хотя другие языки также востребованы.

[2] Интересно отметить, что первоначально переводить такого рода пометы было не принято – это было, отчасти, связано с самим изображением: такие пометы вписаны в рисунок, следовательно, работа с ними требует определенного знакомства с графическими редакторами. В настоящее время качество переводческой работы резко возросло, увеличилось количество групп, занимающихся подобными переводами, к работе над переводами стали привлекаться корректоры, и как следствие – переводить стали весь текст без исключений.

эффект «живого присутствия», поскольку не называют действия, а описывают сопутствующие ему обстоятельства. «Ономатопоэтические слова не только изображают звуки либо состояние вещей, но и выражают чувства носителя языка, передают его ощущения и эмоции. При этом важную роль играет непосредственная передача чувств, эмоций и ощущений (благодаря явлению синестезии) в отличие от описания, создаваемого при употреблении других единиц лексики» [Румак, 2007, с.15].

Таким образом, перед переводчиком стоит серьезная проблема. С одной стороны, многообразие ономатопоэтических слов радикально отличает японский язык от русского, с чем связана сложность их перевода. С другой стороны, им приходится искать эквиваленты близкой структуры (слово или словосочетание), поскольку это задано структурой самого изображения комикса: ономатопоэтическое слово невозможно опустить при переводе – теряется динамизм, следовательно, переводчики вынуждены искать адекватные пути решения данной проблемы; наоборот, чересчур длинный эквивалент, во-первых, отрицательно сказывается на том же динамизме, во-вторых, может не вписаться в раскадровку изображения.

Как было видно в предложенной выше классификации, в русском переводе в качестве эквивалентов выступают единицы из разных частей речи.

К первой группе – звукоподражаний – относятся всевозможные междометия, представляющие собой как русские аналоги (*кап-кап, эм, хе-хе, чирик* и т.д.) так и заимствованные из японского языка (*кья, гяа* как выражение сильных эмоций – изумления, радости и т.д.).

Ко второй группе относятся слова, называющие преимущественно однократные законченные действия: *рухнул, пинок, трог, трясь, хлобысь* и т.д. Как видно из приведенных примеров, большая часть помет данной группы представлена так называемыми аналитическими глаголами (в понимании Е.В. Клобукова (Клобуков 2001), хотя в отдельных случаях это могут быть и синтетические глагольные формы (*рванул, притянул, коснулся*) и существительные (*рывок, вздох*).

К третьей группе относятся наименования длительного действия. Таких случаев относительно немного, поскольку в основном пометы используются для описания и передачи разового действия или изменения в состоянии. Однако можно привести некоторые примеры: *дрожит, копается* и т.д. Такие пометы выражаются преимущественно спрягаемыми глагольными формами (синтетическими), которые выражают, как правило, настоящее время НСВ третьего лица, реже – существительными. Эта группа интересна тем, что русский язык – в отличие от японского и отчасти, английского – жестко маркирует лицо в глаголах настоящего времени, таким образом переводя в повествование в третье лицо. Вообще, вопрос лица повествования в манге чрезвычайно сложен. Третье лицо в этих пометах вовлекает в действие наблюдателя – читателя, – ведь представляет изображаемые события как разворачивающееся перед наблюдателем повествование[3].

[3] В данном случае эти пометы можно противопоставить той части текста, которая представляет собой экспозицию – где центральный персонаж от первого лица рассказывает о себе.

Четвертая группа, которая также в японском языке представлена ономатопоэтической лексикой, выражает эмоциональное состояние персонажа. В русском переводе оно передается кратким прилагательными в роде, соответствующем полу персонажа: *раздражен, удивлен, смущен* и т.д.

И наконец, пятая группа помет описывает ситуацию в целом или обстоятельства, сопутствующие действию/состоянию: *дьявольский оскал, тишина, ноль эффекта* и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что существует определенная (нестрогая) корреляция между функцией ономатопоэтической японской лексики в комиксах манга и формой русских эквивалентов (часть речи, морфологические характеристики).

Аналитические глаголы в переводе помет со значением однократного законченного действия и их образование

Как уже отмечалось выше, пометы со значением однократного законченного действия передаются аналитическим глаголом либо синтетической глагольной формой со значением СВ прошедшего времени. Особенно хотелось бы остановиться на аналитических глаголах.

Глагольная природа форм, вроде *трог, хрусь, хвать, лизь, глядь* и т.д., не вызывает сомнения. Такие формы существуют для описания той же группы значений, что и спрягаемые синтетические глагольные формы, даже иногда употребляясь параллельно: *глоть – сглотнул*.

Поскольку такие единицы описывают однократное законченное действие, то их можно отнести к глаголам СВ. Другим подтверждением данного тезиса служит механизм их образования: есть основания считать, что единицы, вроде *прыг, лизь, толк* и под., являются дериватами от синтетических глаголов СВ, типа *прыгнул, лизнул, толкнул*, большинство из которых представлены глаголами с суффиксом *-ну-*.

Отдельно стоит остановиться на лексемах, типа *хвать, глядь, краснь, глоть* и под. Поскольку их связь с глаголами НСВ, типа *краснеть, глядеть, хватать, глотать*, является более непосредственной, чем с глаголами СВ, типа *схватить, поглядеть, покраснеть, сглотнуть*, то их можно считать вторичными видовыми парами для глаголов НСВ, образованных по механизму, сходному с тем, как аналогичные единицы образуются от глаголов СВ (*прыг – прыгнуть*).

Еще более сложные случаи иллюстрируются примером *сось*. В данном случае это видовая пара к глаголу *сосать*, при этом неочевиден глагол СВ, от которого *сось* можно было бы считать дериватом[4]. Таким образом, можно сделать вывод, что механизм деривации аналитических единиц работает как с глаголами СВ, так и НСВ, в том числе и в тех случаях, когда первичная единица СВ вообще отсутствует.

По своей структуре подобные единицы представляют собой усеченную прикрытую основу. В тех случаях, когда аналитический глагол образуется от синтетического глагола СВ (*лизнуть – лизь*), то происходит выпадение суффикса, а сама основа может в некоторых

[4] Ограниченный в употреблении глагол *соснуть* вряд ли можно считать безусловной видовой парой: это связано, во-первых, с его стилистической маркированностью, которая отсутствует у глагола сосать, во-вторых, с его низкой частотой употребления.

случаях получать чередование твердого согласного с мягким парным (если конечный согласный зубной, ср. *скользнуть – скользь*, но *прыгнуть – прыг*). Аналогичный механизм действует в случае, когда аналитические глаголы образуются от глаголов НСВ: *гладит – гладь*, *краснеть – краснь*, *вертеть – верть*.

Вместе с тем, важно отметить, что на подобные образование действуют определенные ограничения. Этим, вероятно, объясняется употребление аналитических глаголов СВ наравне с формами, типа *содрогнулся, притянул, рухнул, обнял, поймал* и т.д. Как видно из приведенных примеров, ограничения в данном случае могут работать разные. Так, глагол *содрогнуться* не допускает аналитического деривата, поскольку является возвратным (ср. отсутствие ограничений для пары *дрогнуть – дрог, вздрогнуть - вздрог*). Глаголы типа *притянуть* не допускают аналитических дериватов, вероятно, в силу неприкрытой основы при усечении суффикса (ср. также *обнять*), хотя возникает вопрос, почему производящей не становится в таком случае пара НСВ. Возможно, тут действуют еще какие-то закономерности, связанные с благозвучием, этим же, по всей видимости, должно объясняться отсутствие аналитической пары у глаголов типа *рухнуть*. И последний тип глаголов, не образующий аналитическую пару, составляет *поймать*. Можно предположить, что ограничения в его случае связаны с супплетивной видовой парой, т.е. механизмы как *прыгнуть – прыг,* так и *хватать – хвать* здесь не срабатывает, нарушается привычная аналогия[5].

Заключение

Как было показано в настоящей статье, работа с японскими комиксами манга ставит перед переводчиком ряд сложных задач. Поскольку практика таких переводов (осуществляющихся любителями) еще не устоялась, переводчику приходится самому вырабатывать адекватные механизмы перевода, в том числе и тех единиц, которые специфичны для японского языка. Большую и чрезвычайно значимую группу составляет ономатопоэтическая лексика, подчеркивающая динамизм событий сюжета. Аналитическая природа таких образований в японском языке, дополненная глагольным аналитизмом в английском языке, который сильно повлиял на переводческую практику, поскольку первоначально переводы осуществлялись не непосредственно с японского языка, а через английский как посредник, подвигла переводчиков искать аналогичный механизм в русском языке. Именно это сделало вновь продуктивной (по крайней мере, в рамках данных типов нарративов) модель образования аналитических русских глаголов для передачи ономатопоэтических единиц, связанных с однократным законченным действием, и позволило выработать относительно устойчивый механизм образования аналитических единиц как от глаголов СВ, так и от глаголов НСВ.

[5] Тем не менее нельзя исключить возможность возникновения таких единиц при должной продуктивности словообразовательной модели.

Список литературы

Brenner R. E. Understanding Manga and Anime. Greenwood Publishing Group, 2007. 356 p.

Kinsella Sh. Adult Manga: Culture and Power in Contemporary Japanese Society. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2000. 244 p.

Бузанова Т. В. Фоносимволизм в реэтимологизации. Тезисы доклада. Казань, 1999. С. 55–60.

Васильева А. Гончарова О. Приключения манга в России // «РБК daily», 13 марта 2007.

Иванов Б.А. Введение в японскую анимацию. 2-е изд. М.: Фонд развития кинематографии; РОФ «Эйзенштейновский центр исследований кинокультуры», 2001. 336 с.

Клобуков Е.В. Аналитические глаголы в русском языке // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С.77–87.

Манга в Японии и России. Субкультура отаку, история и анатомия японского комикса. Comics Factory, 2015. 352 с.

Румак Н.Г. Теоретические и практические проблемы межъязыковых соответствий (на примере перевода ономатопоэтической лексики в японском языке): диссертация… к.ф.н.: 10.02.22/Румак Н.Г. М, 2007. 155 с.

Иванова Ольга Юрьевна
Российский новый университет, г. Москва (Россия)

Ivanova Olga
Russian New University, Moscow (Russia)

«ЛАБОРАТОРИЯ» ПЕРЕВОДА, ИЛИ НОВЫЙ ПРИМЕР СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ

"LABORATORY" TRANSLATION, OR A NEW EXAMPLE OF COMPARATIVE ANALYSIS

В статье представлена попытка сравнительно-сопоставительного анализа трех переводов одного фрагмента драмы Еврипида «Вакханки». Авторами параллельных переводов являются И. Анненский, Ф. Зелинский и Ш. Леконт де Лиль. Допуская возможность сопоставления прозаического и поэтического переводов поэтического текста и определяя условия такого сопоставления, автор статьи пытается средствами сравнительно-сопоставительного анализа определить меру эквивалентности представленных переводов оригиналу, а в контексте их сопоставления определить место и значение переводов И.Ф. Анненского.

The article presents an attempt of comparative analysis of three translations of a single fragment of the drama of Euripides " Bacchantes". The authors of the parallel translations are by I. Annensky, F. Zelinsky and S. Leconte de Lisle. Allowing the ability to compare prose and poetic translations of the poetic text and determine the conditions of this comparison, the author tries by means of comparative analysis to determine the equivalency of submitted translations to the original, but in the context of comparing them to determine the place and importance of translation to I. F. Annensky.

Ключевые слова: Еврипид, перевод, сравнительный анализ, Ш. Леконт де Лиль, И. Анненский, Ф. Зелинский

Key words: Euripides, translation, comparative analysis, Charles Leconte de Lisle, I. Annenskii, F. Zelinsky

Вполне очевидно, что сравнительно-сопоставительный анализ переводов как метод в литературоведении и переводоведении представляет собой явление достаточно частотное и хорошо известное. В нашем случае его применение является неизбежным, поскольку мы ставим своей целью, руководствуясь, в определенной степени, рекомендациями М.Л. Гаспарова, приступить к сравнительному изучению параллельных переводов Еврипида, предпринятых И.Ф. Анненским и Ш. Леконтом де Лилем, добавив к ним в качестве дополнительного источника, там, где это окажется возможным, переводы Ф.Ф. Зелинского.

В свое время М.Л. Гаспаров написал блестящую статью, ставшую комментарием к изданию трагедий Еврипида в переводе И.Ф. Анненского. Сама по себе эта статья – уникальное явление, поскольку в ней в тезисной и концентрированной форме дана исчерпывающая и объективная оценка поэтической и переводческой деятельности И.Ф. Анненского, а также намечены новые направления в исследовании его творчества в целом. В определенной мере, можно говорить о том, что эта статья М.Л. Гаспарова представляет собой проекцию всего комплекса исследований, посвященных И.Ф. Анненскому, и в свою очередь могла бы дать повод для размышлений на тему «М.Л.

Гаспаров и современное анненсковедение». Главным стимулом к нашему собственному исследованию стали следующие тезисы М.Л. Гаспарова:

- «…исследователи поэзии Анненского мало читают по-гречески, а филологи-классики мало интересуются стихами Анненского. Между тем Еврипид Анненского едва ли не важнее для понимания Анненского, чем для понимания Еврипида. Если лирика - это парадный вход в его творческий мир (парадный, но трудный), то Еврипид - это черный ход в его творческую лабораторию» [Гаспаров, 1999, с.591].
- «Но себя он выковал - и новый поэтический язык тоже. В работе над этим новым языком у него было два ряда упражнений - более легкие и более трудные. Более легкими были переводы из французских поэтов: здесь нужно было преодолевать сопротивление материала в себе, изламывать привычный надсоновский (в лучшем случае фетовский) язык по чужим образцам. Более трудными были переводы из Еврипида: здесь нужно было преодолевать сопротивление материала перед собой, переделывать по тем же новейшим западным образцам язык античной трагедии, еще гораздо менее податливый. (Каким подспорьем для Анненского при этом был леконтовский прозаический перевод Еврипида, тогда знаменитый, а теперь забытый, - этого пока еще никто не исследовал.) [Гаспаров, 1999, с.592].

Таким образом, как объект исследования нас интересуют тексты переводов Еврипида И.Ф. Анненского и Ш. Леконта де Лиля в сопоставлении с оригиналом, а в качестве предмета мы попробуем хотя бы в первом приближении наметить, как эти тексты соотносятся между собой и в чем состоит их специфика. В качестве третьего звена в этом тандеме текстов мы выбрали переводы Ф.Ф. Зелинского, также упомянутого в статье М.Л. Гаспарова и являвшегося одновременно коллегой, искренним почитателем таланта и активным оппонентом Анненского в связи с его интерпретацией текста Еврипида. Настолько активным, что именно в его, Ф.Ф. Зелинского, редакции уже после смерти Анненского вышло «подправленное» издание его переводов Еврипида, вызвавшее бурю негодования, прежде всего, со стороны родственников поэта.

Прежде, чем мы обратимся к текстам, необходимо сказать несколько слов по поводу их авторов (переводчиков):

Иннокентий Федорович Анненский – филолог-классик, педагог, литературный критик, поэт и переводчик; одна из знаковых фигур русской поэзии эпохи Серебряного века; находился под большим влиянием французской поэзии периода fin de siècle, включая «парнасцев».

Шарль-Мари-Рене Леконт де Лиль – филолог-классик, педагог, поэт и переводчик, основатель французской «парнасской» школы.

Фаддей Францевич Зелинский – филолог-классик, педагог, культуролог, переводчик, общественный деятель, коллега И.Ф. Анненского.

И если в этой триаде Леконт де Лиль, с позиции Анненского и Зелинского, скорее должен быть включен в то же пространство, что и Еврипид, т.е. он является одновременно объектом и источником стихотворно-словесных «штудий», то два последних персонажа

находились в теснейшем взаимодействии как в профессиональном (оба являлись сотрудниками Санкт-Петербургского отделения Общества классической филологии и педагогики и профессорами Историко-литературных и юридических высших курсов Н. П. Раева), так и в творческом. В число их публикаций вошли статьи и рецензии, посвященные творчеству друг друга. С позиции Ф.Ф. Зелинского, в частности, в качестве примера можно назвать его прижизненные рецензии на переводы И.Ф. Анненского, его известный некролог «Иннокентий Федорович Анненский как филолог-классик» и, наконец, уже упомянутый труд «Театр Еврипида: Драмы / Перевод со введ. и послесл. И. Ф. Анненского; Под ред. и с коммент. Ф. Ф. Зелинского. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916-1921. Т. 1-3», при работе над которым в полной мере проявилось его несогласие с концепцией перевода Еврипида, предложенной И.Ф. Анненским. Среди материалов И.Ф. Анненского, посвященных Ф.Ф. Зелинскому, следует указать его рецензии на книгу «Из жизни идей» и отзывы о Зелинском, разбросанные в его комментариях к переводам трагедий Еврипида.

Примечательным является тот факт, что все участники нашего тандема – профессиональные эллинисты и педагоги. При этом Ф.Ф. Зелинский, оставивший след в истории перевода своими переводами пьес Софокла, не может быть в отличие от Леконта де Лиля и И.Ф. Анненского (выдающихся поэтов) отнесен, при всем уважении к его вкладу в историю европейской культуры, к знаковым фигурам истории художественного перевода и истории европейской поэзии.

Об интересе, проявленном И.Ф. Анненским к творчеству Ш. Леконта де Лиля (в том числе, с позиции обнаруженного им в его творчестве «неоэллинизма»), свидетельствуют как работы Анненского, посвященные Леконту де Лилю[1], так и его переводы стихотворений знаменитого лидера «парнасцев». Этот интерес нашел в свою очередь отражение в многочисленных научных публикациях и может считаться проблемой, в достаточной мере изученной[2] и для творчества Анненского очевидной. Поэтому наша гипотеза, поддержанная тезисом М.Л. Гаспарова (см. выше), не только имеет право на существование, но нуждается в подтверждении, которое, безусловно, может дать только скрупулезная работа с текстом.

Не менее интересным, с точки зрения представления об «истине» в науке, может стать и сравнительный анализ параллельных переводов, сделанных Анненским и Зелинским. Такая возможность нам предоставляется благодаря наличию прозаического перевода «Вакханок» Еврипида», опубликованного в качестве приложения к переводам Анненского [Еврипид, 1999, т.2].

---

[1] Статьи «О современном лиризме. Они»; «Античная трагедия», «О поэтической концепции «Алкесты» Еврипида», «Леконт де Лиль и его «Эринии», «Античный миф в современной французской поэзии»; многочисленные ссылки в комментариях к переводам трагедий Еврипида и др.

[2] См., например, последние работы: Островская Е.С. «Французские поэты в рецепции И. Анненского. Ш. Леконт де Лиль» /*:* Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2005, № 5. С. 22-36. Алехина Н.М. Переводы Иннокентия Анненского из Леконта де Лиля: русское возрождение античного мифа./ Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 10–16. Алехина Н.М. Французский символизм в художественной и критической рецепции И.Ф. Анненского/ Дисс. на соискание уч. степени к. филол. наук – Томск: ТГУ, 2014.

В данной статье мы предполагаем остановиться на характеристике небольшого фрагмента из драматической части «Вакханок» Еврипида. В качестве такового мы выбрали Пролог трагедии, представленный как монолог Диониса. По остроумному замечанию М.Л. Гаспарова, парафразирующего В.А. Жуковского, в драматических частях трагедий «Анненский – соперник Еврипида» [Гаспаров, 1999, с. 594]. Анализ фрагментов перевода партий хора, т.е. лирических частей трагедии, в которых Анненский, по словам Гаспарова, ведет себя «как хозяин» [там же], мы намерены сделать предметом следующего исследования.

Очевидным кажется нам вопрос о том, имеем ли мы право сравнивать поэтический и прозаический тексты, поскольку перевод Анненского представляет собой поэтический перевод Еврипида, а переводы Леконта де Лиля и Ф.Ф. Зелинского являются прозаическими. Нам кажется, что в ответе на этот вопрос главным является определение прагматики и функций переводного текста. Вряд ли можно однозначно согласиться с тем, что переводы Зелинского и Леконта де Лиля делались как подстрочник. Даже поверхностное знакомство с их текстами убеждает в том, что переводчики стремились передать не только греческое слово «как оно есть», но, прежде всего, эстетическую функцию греческой трагедии. А если это действительно так, то возможно, учитывая особенности рецепции современного читателя (не слушателя-зрителя как в античности), выбор именно прозы в качестве способа передачи текста позволяет сконцентрировать внимание читателя на смысле и способах вербального отражения этого смысла (художественном в смысле оформления письменного не-поэтического текста). Достаточно распространена в западноевропейской традиции точка зрения, состоящая в том, что поэтический текст, в принципе, непереводим. Академичность античности усиливает эту позицию. Именно поэтому, в том числе и во французской традиции XIX-XX, присутствуют по преимуществу прозаические переводы античного поэтического текста[3]. Так или иначе, но мы считаем, что во всех трех переводах просматривается одинаковая функция – создать художественное впечатление. Однако, они разнятся своей прагматикой. Перед И.Ф. Анненским со всей очевидностью стояла задача, принципиально отличная от целей, поставленных перед собой Ш. Леконтом де Лилем и Ф.Ф. Зелинским. Об этой задаче также упомянул М.Л. Гаспаров. Экспериментатор Анненский на примере перевода созвучного ему, как он считал, Еврипида создавал новый язык (поэтический, т.е., согласно его точке зрения, единственно возможный при переводе поэтического текста, поскольку до него этот поэтический язык в практике русского поэтического перевода отсутствовал) для перевода античной трагедии. Мы уже писали об особом «синтетическом» мироощущении и «синтетическом» принципе перевода, характерных для Анненского [Иванова, 2007]. Этот синтетизм восприятия переводного текста не позволяет поэту Анненскому переводить поэтический текст прозой. Исходный поэтический текст Еврипида им присвоен, сделан «своим» и может быть перевыражен только в поэтической форме. Свой подход он задает

[3] Кстати, в Великобритании благодаря великолепным переводам М. Хобсон давно развеян миф (утверждению которого, в частности, так способствовал В.Набоков) о том, что Пушкина нельзя переводить на английский язык стихами.

как пресуппозицию всей работы над Еврипидом: «Центром этой книги является стихотворный перевод одной из самых интересных драм древности «Вакханок» Еврипида. При переводе я более всего заботился о точности; разумею не только грубую точность – словесную и стилистическую, но и точную передачу художественного впечатления. Для этого понадобились стихи, и я заменил мой первоначальный прозаический перевод новым, который здесь печатается» [Эврипид, 2012, с.VII]. Разумеется, мы учитываем при анализе те условия и условности, которые создает поэтическая форма, но вместе с тем, настаиваем на том, что в выборе слова поэт такого уровня как И.Ф. Анненский не подстраивается под то, что помогает ему в соблюдении ритма; он достаточно свободен и умел в выборе средств выражения необходимых мыслей и образов в поэтическом тексте перевода.

Итак, обратимся к текстам[4]:

Фрагмент 1:

Еврипид: Пришел я, дитя Зевса, в эту страну фиванцев / Дионис, которого родила некогда дочь Кадма/ Семела, освобожденная от бремени молниеносным огнем. / Сменив облик с божественного на человеческий,/ Я прихожу сюда, к истокам Дирки и водам Исмена./ Я вижу могилу матери, пораженной молнией, / а рядом - руины дома и хозяйственных построек,/тлеющие всё еще живым пламенем Зевсова огня,/бессмертной ненавистью Геры к моей матери. / Хвалю Кадма за то, что он сделал недоступным местом это святилище дочери; а я виноградными /вокруг укрыл его обильными молодыми побегами.

Следует учесть, что в греческом тексте уничтоживший Семелу огонь назван буквально «молниеносным» (αστραπηφορον). В соответствии с логикой словаря М. Фасмера это слов, скорее всего, как и многие другие сложные прилагательные, пришло в русский язык в процессе калькирования греческих сложных прилагательных. В контексте русского языка оно утратило свое буквальное значение, сменив его на метафорическое – очень быстрый, быстрый как молния. Хотя, как мы видим в греческом тексте, оно представлено именно в буквальном значении – «молниеносный огонь», огонь, принесенный молнией. Дирка и Исмен – мифологизированные топонимы окрестностей Фив. Для текста Еврипида они являются географическими указателями, конкретизирующими местоположение Диониса в момент его речи и одновременно топосами темы. В тексте Еврипида «источник Дирки» и «воды Исмена» представлены дифференцировано. Кстати, версию о том, что Дирка превратилась в источник, мы находим именно у Еврипида и, скорее всего, только у него. Более того, для Еврипида она не столько жестокая гонительница Антиопы, сколько, прежде всего, вакханка, менада. Она присутствует как одно из действующих лиц в трагедии Еврипида «Антиопа». Для контекста «Вакханок» упоминание об источнике Дирки имеет не столько географическое, сколько функциональное, сущностное значение. Источник Дирки входит в систему дионисийской топики трагедии.

[4] Текст Еврипида представлен в виде подстрочника на русском языке, чтобы не перегружать статью текстом на древнегреческом языке, знакомым далеко не всем потенциальным читателям . Принципиально важные для рассуждений моменты переданы греческими словами в греческой графике.

Ф.Ф. Зелинский: «Я пришел сюда, в фиванскую страну - я, Дионис, сын Зевса, которого родила некогда Кадмова дочь Семела, пламенем молнии освобожденная от бремени; променяв свой божественный образ на вид человека, я пришел к струям Дирки и к волнам Исмена. И вот передо мною, вблизи дворца, могила моей пораженной перуном матери, дымящиеся развалины ее терема, живое еще пламя Зевсова огня - это вечное клеймо позора, наложенное Герой на память моей матери. Я благодарен Кадму за то, что он объявил недоступным это место, сделав его святыней своей дочери; сам же я отовсюду окружил его плодоносной зеленью виноградной лозы».

В варианте Зелинского обращает на себя внимание явно отличающееся от «бессмертной ненависти» «вечное клеймо позора», которое вместо нейтрального включает в контекст оценочный характер, причем отражающий сторону фиванской родни Диониса. В тексте Еврипида идет речь о разрушенных жилых постройках (внутри и снаружи), у Ф.Ф. Зелинского есть дворец и отдельно – терем Семелы, больше подходящий как словоформа, несмотря на свою греческую этимологию, контексту русского фольклора, а не греческой драмы. В экспозиции монолога Диониса в тексте Зелинского упомянут терем Агавы и разрушенный терем Семелы, ранее расположенный симметрично терему Агавы. При такой рекогносцировке тем более непонятно, что имеется в виду под «дворцом», вблизи которого расположена могила Семелы, и как соотносится с этим дворцом ее разрушенный «терем».

В переводе Зелинского, как мы видим, текст Еврипида осмыслен достаточно пышно и витиевато – «И вот передо мною, вблизи дворца, могила моей пораженной перуном матери, дымящиеся развалины ее терема, живое еще пламя Зевсова огня - это вечное клеймо позора, наложенное Герой на память моей матери». На наш взгляд, в тексте Зелинского в сравнении с оригиналом очень многое сказано «от себя». В тексте Еврипида, например, нет и не могло быть «вечного клейма позора».

. Нарушает логику и словосочетание «объявил недоступным». Кадм забросил это место, постарался сделать так, чтобы о нем забыли, чтобы окрестности стали непроходимыми: он сделал, но не объявил.

Явно не к месту употребленное Ф.Ф. Зелинским выражение «променяв свой божественный образ». Оно диссонирует с общим контекстом. Глагол «променять», безусловно, указывает на то, что божественный облик лучше человеческого, но этот глагол чаще встречается в структуре фразеологизмов, поговорок (ср. променять кукушку на ястреба). Имея возможность использовать широкий синонимический ряд, переводчик должен был бы подобрать глагол с более нейтральным значением - «изменить».

Ш. Леконт де Лиль: Je suis venu sur cette terre Thebaienne, moi, le fils de Zeus, Dionysos, qu'enfanta autrefois la fille de Kadmos, Semele, accouchee par le feu de la foudre. Ayant change la forme en celle d'un homme, me voici aupres des sources de Dirke et des eux de l'Ismenos. Et je vois, non loin de cette maison, le tombeau de ma mere frappe de la foudre, et les ruines de ses demeures qui exhalent encore la vive flame du Feu divin, eternell venguence de Hera sur ma mere! Je loue Kadmos d'avoire consacre a sa fille ce lieu inaccessible, et, moi-meme, je l'ai ombrage de tous cotes des pampres feuillus de la vigne.

Текст Леконта де Лиля абсолютно прозрачен, строен и прекрасен своей естественной простотой. Переводчик точно следует греческому источнику за исключением противопоставления «дома» (maison), рядом с которым находится могила, и «руин ее жилища» (les ruines de ses demeures). Сравнение этого пассажа в переводе Леконта де Лиля с переводом Зелинского наводит на мысль, что Фаддей Францевич, возможно, позаимствовал свое представление о рекогносцировке ситуации на сцене именно у него. В оригинале даны οίκων καί δόμων ερείπια (развалины хозяйственных построек и собственно жилища), где οίκων имеет в числе возможных контекстуальных значений значение «имущество» (хозяйство), а δόμων - именно жилище, жилые помещения, семья.

И.Ф. Анненский: Сын Зевса, Дионис, я – у Фиванцев./ Здесь некогда Семела, Кадма дочь, / Меня на свет безвременно явила, / Огнем Зевесовой грозы поражена. / Из бога став по виду человеком, / Я подхожу к струям родимых рек. (видит обломки, увитые виноградом) / Вот матери моей сожженой память: У самого дворца обломки дома / Еще курятся, - в них еще живет/ Огонь небесный, Геры горделивой / На мать мою неугасимый гнев…./ Как хорошо, что сделал неприступным/ Кадм дочери святилище; его/ Со всех сторон я скрыл и винограда/ Кистями нежной зелени обвил.

Ритм заставляет Анненского строить более короткие фразы. С точки зрения содержания в его тексте появляются очевидные комментарии (экспликации), которых нет в оригинальном тексте: «здесь», «безвременно явила», «огнем Зевесовой грозы поражена» (в оригинальном тексте как очевидное не разъясняется, чьим «молниеносным огнем» была поражена Семела). С другой стороны, Анненский считает возможным, вероятно, как избыточное убрать «потоки Дирки и Исмена», объединив их в «струи родимых рек», уточняя тем самым лишь ту функцию, ради которой эти топонимы употреблены в тексте (географическая конкретизация), и не допуская дальнейшего (по ассоциации) хода размышлений на предмет того, что такое Дирка и Исмен. Для Анненского важна линия сюжета, а не мифологические изыскания.

У Анненского так же, как и у Зелинского, (возможно, вслед за Леконтом де Лилем,) появляется противопоставление «дворца» и «обломков дома». Очевидной поэтической находкой И.Ф. Анненского в переводе этого фрагмента следует признать вводимые им аллитерации - «Геры горделивой», «неугасимый гнев» и метафору «гнев - огонь», гнев как огонь.

Фрагмент 2:

Еврипид: Оставив лидийцев, богатых золотом, земли (пашни) / И фригийцев; персов обожженные солнцем плоскогорья/ Бактрийские крепости и суровые земли/ Мидян, я прошел и Аравию счастливую, /и Азию всю целиком, которая возле соленого моря / лежит, и, смешавшись, греки и варвары вместе / живут в ее хорошо защищенных городах с прекрасными башнями; / Я в эту страну эллинов первую пришел/ и там завел хороводы и стал вводить свои / таинства, чтобы бог явился смертным, /А в Элладе первыми Фивы /я привел в вакхический восторг, надев небриду,/ дав в руки тирс, оружие из плюща (досл.),/ поскольку сестры матери, вопреки тому, как им полагается себя вести, / отрицали, что Диониса породил Зевс, / а Семела, говорили, вступив в брак с каким-то смертным,/ на Зевса

перенесла вину другого ложа,/ что это выдумки Кадма, из-за которых ее убил/ Зевс, бахвалились - мол, за то, что выдумала этот брак.

Обратим внимание на то, что небриду (одну!) Дионис надевает на себя (νεβριδ'εξαψας), а тирс отдает в руки (кому-то). Оружием из плюща, или оружием, увитым плющем, он называет сам тирс и не предполагает заменить тирс на реальное оружие. В перечне стран, которые посетил Дионис, Еврипид упоминает Аравию, которая в этот период присутствовала в числе стран, известных грекам.

Ф.Ф. Зелинский: Оставив золотые земли лидийцев и фригийцев, облитые лучами солнца плоскогорья персов, твердыни Бактрии, проследовав через суровую страну мидян, через счастливую Аравию и всю Азию, омываемую солеными волнами моря, в укрепленных городах которой ютится смешанное, полуэллинское-полуварварское племя, я этот город навестил первым между эллинскими, установив там свои хороводы и учредив свои таинства, чтобы засвидетельствовать перед смертными свою божественность. А потому огласил я Фивы раньше прочей Эллады звуками моих песен, облачив жителей в небриды и дав им в руки тирс, обвитое плющом оружие – что сестры моей матери, которым это менее всех приличествовало, не признавали меня, Диониса, сыном Зевса, утверждая, что Семела, отдавшись смертному, прикрывала именем Зевса свою грешную любовь, согласно придуманной Кадмом уловке; вследствие этого, клеветали они, Зевс и убил ее - в наказание за лживую похвальбу о браке с ним.

Непонятно, что мотивировало Зелинского написать, что в городах Азии «ютится» «смешанное, полуэллинское-полуварваское племя». Еврипид сообщает, что в городах Азии живут вместе, смешавшись, греки и варвары, а Азия имеет хорошо защищенные города (πλήρεις πολεις) с прекрасными башнями. Кроме того, в отличие от Еврипида, который сообщает словами Диониса, что он оставил земли «богатых золотом» лидийцев и фригийцев, Ф.Ф. Зелинский пишет про Диониса, что он оставил «золотые земли лидийцев и фригийцев». Богатые золотом люди и богатые золотом земли - это не одно и то же. Историко-культурологической ошибкой воспринимается и «грешная любовь» Семелы.

Леконт де Лиль: Et j'ai quitte les champs riches en or des Lydiens et des Phryges, et les plaines ardentes des Perses, et les villes Baktriennes, et l'apre terre des Medes, et l'Arabia heureuse, et toute l'Asia qui se baigne dans la mer sale et qui possede d'innombrables villes bien peuplees et fortifies de tours, ou habitant, confodus, Hellenes et Barbares. Et celle-ci est la premiere ville de Hellas ou je sois entre, apres avoir conduit la-bas mes choeurs et celebre mes rites sacres, afin de render manifeste aux hommes que j'etais un Dieu. Theba est la premiere ville de la Hellas ou j,ai fait retenir le hurlement des Bakkhantes, ayant enveloppee leurs corps de la nebride et mis en leurs mains le thyrse entoure de lierre…

Именно у Леконта де Лиля мы находим «богатые золотом поля» (les champs riches en or) лидийцев и фригийцев, и именно он переводит греческое прилагательное πλήρεις как «густонаселенные» (bien peuplees), хотя дословно в греческом тексте фраза выглядит следующим образом: «(Азия)... имеющая полные (наполненные или др.) прекраснобашенные города». Прилагательное πλήρης имеет несколько значений: полный, наполненный, вполне вооруженный (т. е. укомплектованный, с полным экипажем),

насыщенный, удовлетворенный. С трудом можно предположить, что Еврипид сетует на перенаселенность городов Азии, скорее он подчеркивает, что эти «прекраснобашенные» города полностью укомплектованы, т.е. обустроены, а их жители, живущие вместе греки и варвары, всем довольны.

Кстати, именно в тексте его перевода Дионис надевает небриды на тела вакханок-новобранцев из числа жительниц Фив.

И.Ф. Анненский: Богатой Лидии равнины я покинул/ И Фригию, и Персии поля, сожженные полдневными лучами,/ И стены Бактрии, и у мидян/ Изведав холод зимний, я арабов/ Счастливых посетил, и обошел Всю Азию, что по прибрежью моря соленого простерлась: в городах/Красиво высятся стенные башни,/ И вместе там грек с варваром живет./Я в Азии ввел праздники и пляски/ и от людей, как бог, везде почтен./ Здесь почву Греции впервые попираю./ Из городов Эллады раньше всех/ Вас, Фивы, я наполню ликованьем, / Небриды на плечи накину и, взамен/ Копья, вручу вам тирс, плющем увитый: /Здесь сестры матери – кто мог бы ожидать?/ Во мне Зевеса сына не признали, И утверждали, будто, согрешив / Со смертным, мать Зевесу приписала/ Свой женский грех, что ловко сочинил ту басню Кадм, и будто Зевс Семелу/ Убил за дерзко выдуманный брак.

Любопытно, что Анненский выбирает значение прилагательного δυσχιμον (страшный, ужасный), этимологически связывающее его с корнем χειμα – зима (ср. лат.hiems), что дает ему основание предполагать, что Еврипид имеет в виду плохую погоду (зимний холод) как отличительную черту Мидии. Исторической ошибкой у Анненского выглядит упоминание в тексте перевода из Еврипида «арабов». Примечательно, что той части монолога Диониса, где заходит речь о Фивах, все глаголы употреблены в будущем времени, что противоречит рассказу о наведении безумия на женскую часть рода Кадма как свершившемся факте. С другой стороны, торжество Диониса, действительно, еще не наступило. Он лишь в предвкушении отмщения. Скорее всего, Анненский пытается исправить логическую ошибку, допущенную, по его мнению, Еврипидом, в тексте которого монолог Диониса в этой части содержит глаголы в прошедшем времени.

Как и в тексте Ф.Ф. Зелинского очевидным диссонансом у Анненского, переводящего текст античного трагика, звучат рассуждения о грехе и грешности.

Следует указать также, что в переводах И.Ф. Анненского и Ф.Ф. Зелинского в отличие от оригинала присутствуют комментарии сценографического порядка. Оба переводчика стремятся подробно описать, что должно быть представлено на сцене, как выглядят герои и хор. Например, у Анненского Дионис представлен изнеженным красавцем с глазами с поволокой, а у Зелинского глаза Диониса названы томными. Оба автора подробно описывают позу Диониса, его волосы, одежду, дают представление о том, на фоне чего разворачивается действие. Безусловно, эти ремарки, ориентированные на современного читателя (вспомним, что древнегреческие трагедии создавались для сцены, их не предполагалось читать как текст), придают тексту большую наглядность и вполне оправданы с точки зрения его прагматической адаптации.

Поскольку в контексте проведенного небольшого анализа нас, прежде всего, интересует характеристика перевода И.Ф. Анненского, то применительно к его переводу

можно сделать вывод о том, что переводчик достаточно четко следует за оригиналом и находит, например, в сравнении с переводом Ф.Ф. Зелинского, иногда более удачные формы и выражения (несмотря на свою привязанность к заданному ритму), практически не отступая от текста. Присутствующие в тексте Анненского добавления выполняют роль конкретизирующих экспликаций в целях прагматической адаптации и позволяют уточнить неизвестные современному читателю моменты, связанные с перипетиями мифа (что Семелу убила молния Зевса - «Зевесова гроза»; что она родила раньше срока – «безвременно явила», что Дионис вернулся на родину – «подхожу к струям родимых рек» и т.д.).

Отдельные несоответствия текста перевода тексту оригинала мы обнаружили у всех трех переводчиков. Наиболее четок, точен и последователен в своей интерпретации Еврипида, безусловно, Леконт де Лиль. Возможно, именно это распространенное мнение о непогрешимости его переводов стало причиной отдельных отмеченных нами общих погрешностей в текстах Анненского и Зелинского, обманувшихся в своей к нему доверчивости.

При анализе параллельных переводов выбранного фрагмента мы достаточно наглядно, как нам кажется, продемонстрировали и тот факт, что Ф.Ф. Зелинский, выступивший категоричным редактором переводов Иннокентия Федоровича, и сам не лишен тех же ошибок, которые с такой настойчивостью он искоренял в переводах Анненского.

Мы абсолютно уверены в том, что главным доводом в любом споре о тексте является сам текст. Поставив перед собой задачу сравнительно-сопоставительного изучения переводов И.Ф. Анненского, и прежде всего, переводов из Еврипида, мы постараемся в будущем представить наглядные ответы на вопросы о том, что представляет собой «лаборатория перевода И.Ф. Анненского» как путь в его творческую лабораторию.

Список литературы

Гаспаров М.Л. Еврипид Иннокентия Анненского /Еврипид Трагедии. В 2 т. Перевод Иннокентия Анненского / РАН; серия «Литературные памятники». Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо.- М.: Ладомир, "Наука", 1999. Т. 1. С.591-600.

Еврипид Вакханки (в пер. Ф.Ф. Зелинского) / В кн. Еврипид Трагедии. В 2 т. Перевод Иннокентия Анненского / РАН; серия «Литературные памятники». Изд. подгот. М. Л. Гаспаров, В. Н. Ярхо.- М.: Ладомир, "Наука", 1999. Т.2. 703 с.

Иванова О. Ю. Анненский и античность – герменевтика синтетизма / О. Ю. Иванова // Experimenta Lucifera: сб. материалов V Поволжского науч.-метод. семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. – Н. Новгород, 2007. – Вып. 4. – С. 128-130.

Leconte de Lisle Ch. Euripide. Traduction nouvelle. T.2. – Paris: Alphonse Lemerre, 1894. 665 pp.

Анненский И.Ф. Эврипид – поэт и мыслитель. Дионис в легенде и культе. В приложении трагедия Эврипида «Вакханки с параллельным греческим текстом. Изд.2-е. – М.: Книжный дом «ЛИРОКОМ», 2012. – 272 с.

Иванова Неля Стефанова
Университет им. А. Златарова, Бургас (Болгария)

Лекомцева Надежда Витальевна
Институт повышения квалификации и ПРО УР, Ижевск (Россия)

Ivanova Nelya Stefanova
Assen Zlatarov University, Bourgas (Bulgaria)

Lekomtseva Nadejda Vitalievna
Advanced Teachers Training Institute, Izhevsk (Russia)

СЛАВЯНОЯЗЫЧНЫЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ ПУШКИНСКОГО ШЕДЕВРА (О ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЯ «Я ВАС ЛЮБИЛ» НА ПОЛЬСКИЙ, БОЛГАРСКИЙ, СЕРБСКИЙ ЯЗЫКИ)

SLAVONIC VARIATIONS ON THE THEME OF PUSHKIN'S MASTERPIECE (THE TRANSLATION OF THE POEM «I LOVED YOU») ON POLISH, BULGARIAN, SERBIAN

Статья посвящена актуальной проблеме соотражения в воссозданном тексте (переводе) собственно авторского (изначального) мировидения, с одной стороны, и, с другой, мировосприятия переводчика, обусловленного (как и в первом случае) его национальной принадлежностью и социокультурным окружением. Эта проблема приобретает особое значение, когда речь идет о близкородственных языках, каким является славяно-славянский перевод /термин И. Ликомановой/, и о сосуществовании в языке перевода нескольких переводных вариантов оригинального произведения. Авторы художественных переложений являются редакторами семантического наполнения и образных архетипов из переводимых текстов, а также и экспертами социокультурной доминанты в исходном материале. Роль переводчиков в сотворении словесных образов, проистекающих из иноязычной реальности, в передаче ценностей литературного творчества других народов, в утверждении межкультурного диалога бесспорна и может быть оцениваема читающим сообществом искючительно высоко. В этом русле в статье проанализированы варианты перевода стихотворения А.С. Пушкина «Я Вас любил» (1829) на польский, болгарский, сербский языки.

The article is devoted to an actual problem of reflection recreated in text (translated) the actual author (initial) view of the world, on the one hand, and, on the other hand, perception of the world translator due (as in the first case) his nationality and socio-cultural environment. This issue is of particular importance when it comes to the closely related languages, what is the Slavic-Slavic translation / term of I. Likomanova /, and the coexistence of language translation of several translated versions of the original work. The authors of artistic transcriptions are the editors of the semantic content and figurative archetypes of translated texts, as well as experts of social and cultural dominance of the starting material. The role of interpreters in the creation of verbal images, stemming from the reality of foreign language in the transmission of values of literary creativity of other nations, in the statement of intercultural dialogue is undeniable and can be estimated by reading community very high. The ways of conveying information through literary texts and revealing its hidden accents in the process of translation have been shown. One of Pushkin's masterpieces in lyrics is analyzed in according to many translational copies that exist in contemporary Polish, Bulgarian and Serbian. The names of the translators from Russian and the chronological order of the translations are mentioned.

***Ключевые слова*:** перевод, славянские языки, русский, польский, болгарский, сербский, А.С. Пушкин, «Я Вас любил» (1829).

***Key words*:** translation, Slavonic languages, Russian, Polish, Bulgarian, Serbian Pushkin's poem 'I loved you' (1829).

Само объективное существование в мире многочисленных языков и многовековое наращение художественных текстов с древности до наших времен создают прецедент для широкого исследования в области культурно-языковых взаимодействий народов планеты. В этом контексте важное место занимают вопросы перевода художественных текстов, их восприятия, понимания и создания параллелей между оригинальным текстом и его переводным вариантом. Коммуникация читателя с определенным текстом, особенно художественным, пишет голландский лингвист Ван Дайк, во-первых включает оценку, а оценка предполагает и предпоставляется восприятием текста, пониманием его семантических аспектов, что входит в основу его прочтения[1] [Ван Дайк 1979, с. 150]. Вот поэтому всегда актуальна проблема соотражения в воссозданном тексте (переводе) собственно авторского (изначального) мировидения, с одной стороны, и, с другой, мировосприятия переводчика, обусловленного (как и в первом случае) его национальной принадлежностью и социокультурным окружением. Эта проблема приобретает особое значение, когда речь идет о близкородственных языках, каким является славяно-славянский перевод /термин И. Ликомановой/, и о сосуществовании в языке перевода нескольких переводных вариантов оригинального произведения.

Исследуя славянскую транслатологию, болгарский лингвист И. Ликоманова специально обращает внимание на необходимость более широкого, не ограниченного только генетической близостью между языками, подхода к специфике славяно-славянских переводов и учета особенностей, которые «распространяются от внетекстуального коммуникативного /даже и геополитического/ пространства, в котором возник оригинальный текст и в котором функционирует переводной текст, до структурно-смысловых особенностей параллельных текстов[2] /славяноязычных вариантов оригинального текста/». С другой стороны, близость языков, культур, истории обеспечивает, как указывает И. Ликоманова, потенциальную переводимость многих дискурсивных моделей, что означает, по словам автора, почти полное отсутствие культурно непонимаемых и языково недостижимых тем, хронотопосов, их смыслов и коннотаций в данный момент прочтения, т.е. отсутствия «двунаправленной экзотики» славяно-славянских переводов[3].

Эти особенности славистических текстов притягивают внимание и к личностям переводчиков. Авторы художественных переложений являются редакторами семантического наполнения и образных архетипов из переводимых текстов, а также и экспертами социокультурной доминанты в исходном материале. Роль переводчиков в сотворении словесных образов, проистекающих из иноязычной реальности, в передаче ценностей литературного творчества других народовы, в утверждении межкультурного диалога бесспорна и может быть оцениваема читающим сообществом искючительно высоко. Пожалуй, даже намного выше, чем работа литературоведов и литературных

[1] Van Dijk, T.A. Cognitive processing of literary discource // Poetics Today, vol. 1. − №1-2. − 1979. − 143-159 – С. 150.
[2] Ликоманова И. Славяно-славянският превод. Лингвистичен подход към художествения текст. – Университетска библиотека. – 2006 – С. 21.
[3] Там же, С. 25.

критиков. В этом смысле и появление, и современное состояние славяно-славянских переводов зависит в большой степени от центральной роли переводчиков[4].

На сложность переводческой деятельности указывает и сербский лингвист Д. Чович, который отмечает, что творческий акт семантического переосмысления и презентации инокультурных реалий художественно-языковыми средствами собственной литературы делает переводчика сопричастным и переводной, и своей культуре, а в моменты языкового выбора он всегда находится на перекрестке между авторской и собственной поэтикой[5]. Анализ же формально-содержательной структуры инвариантных иноязычных текстов (с их разночтениями по отношению к оригиналу) позволяет говорить о культурном диалоге в рамках любого авторского творения – в каждом заново воссозданном поэтическом тексте.

Для наглядности соотнесения возьмем известное стихотворение русского классика **А.С. Пушкина** «Я вас любил» в переводах на славянские – польский, болгарский, сербский – языки. Изумительное по художественной выразительности, кристальной чистоте и благородству стихотворение А.С. Пушкина «Я вас любил» (1829) принадлежит к вершинам русской и мировой поэзии.

Многие литературоведы пытались разгадать, кому же было предназначено это стихотворение. Учитывая время и место публикации (альманах А. Дельвига «Северные цветы» − 1830) и исследуя иные пушкинские стихотворения того периода с точки зрения биографической (посвящения поэта в альбомах юных дев и светских дам, послания друзьям), лексической идентичности сравниваемых текстов и композиционных соотражений в них, Е. Г. Эткинд находит, что стихотворение «Я вас любил» (1829) было посвящено А. А. Олениной. Вкупе с более ранним стихотворением «Предчувствие» (1828), считает литературовед, оно составляет лирическую дилогию, выстроенную по принципу «от умолчания к признанию[6]». Исследователь полагает, что вторая половина стихотворения «Предчувствие» по своему сюжетному наполнению является весьма утонченным объяснение в любви, которое в «в прямых словах не выражено» (как это будет трехкратно обозначено позднее в стихотворении «Я вас любил»). В «Предчувствии» возвышенные эмоции лирического героя выражены «в высшей степени осторожно, деликатно, косвенно: в обращении «ангел», в определениях «кроткий, безмятежный», в робкой просьбе «опечалься[7]». В ходе своей интерпретации этого стихотворения Е. Г. Эткинд обнаруживает, что Пушкин «вводит нас во внутренний мир, не произнеся об этом ни слова; говорит о любви, ничего не говоря о ней; дает отчетливое представление о мощности чувства, не пользуясь прямым называнием[8]». Напротив, любовная лексика в изобилии переполняет второе стихотворение: слова *любви, любовь, любимый* встречаются пять раз в восьми строках, а открытое признание «*Я вас любил*» повторено трижды. По

[4] Там же, С. 28.
[5] Човић Б. Поетика књижевног превођења. Београд. – Научна књига. – 1994.
[6] Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. − Москва: Языки русской культуры, 1999. − 600 с. – С. 45
[7] Там же, с. 46
[8] Там же, с. 48

мысли исследователя, здесь Пушкин, дав волю эмоциям, «как бы вознаграждает себя за вынужденное молчание в первом стихотворении − ведь теперь любовь ушла в прошлое, угасла (хотя, быть может, «не совсем»); теперь он уже не скажет «Опечалься» − он не хочет «печалить (её) ничем[9]» <...>». И если в первом стихотворении поэт обращается к возлюбленной на *ты* («*Сжать твою, мой ангел, руку, / Я спешу в последний раз...*»), то в стихотворении 1829 года он демонстрирует почтительную дистанцию между поэтом, некогда влюбленным в юную красавицу, и светской дамой. «Переход от *ты* к *вы* представляет собой переход от обожания, полного робкой надежды, к нежной почтительности[10]». И в обоих вариантах, не называя дамы своего сердца, не конкретизируя ее облик, Пушкин в полной мере следует европейской этике эпохи Средневековья или Просвещения.

Ранее, разбирая девять переложений стихотворения Пушкина «Я вас любил» на немецкий язык, мы обнаружили, что среди переводов имеются и такие, которые явно ориентируются на изысканный куртуазный стиль Средневековья[11]. Такое видение обнаруживается у переводчиков Р. Кирша и М. Реманэ. Облачение лирической ситуации пушкинского сочинения в более древние формы словесной метафорики (т. е. подражания трубадурам, труверам, миннезингерам) подчеркивает типологическую и даже собственно генетическую связь стихотворения Пушкина с западной культурой. Проиллюстрируем вышесказанное на одном из примеров. При помощи синонимических конструкций **Райнер Кирш** широко проводит лексическую замену в своем переложении: Бог − *Himmel* (Небо); другой − *andrer Herr* (другой господин); любовь − *von Liebe ein Rest* (оставшееся чувство любви); робость − *wie ein Kind / Offen und sanft* (как ребенок / открыто и нежно); безмолвно − (нет аналога перевода). Особенно во втором катрене Р. Кирш прибегает к перестановке семантически значимых деталей. В итоге получается следующее: *Я любил без надежды, тихо, глубоко* <u>*искренне*</u> <Ich liebte ohne Hoffnung, still tief innen>. */ Ревностью мучим и* <u>*как ребенок*</u> <Vor Eifersucht gequält, und wie ein Kind > / <u>*Открыто*</u> *и нежно;* <u>*да ниспошлет Небо Вам*</u> < Offen und sanft; gewähr der Himmel Ihnen>*)/ То, чтобы Вы* <u>*другому господину Возлюбленной стали*</u> <Das, wenn Sie anderer Herren liebste sind> (подстроч. пер. и подчеркивания − Н.Л.) Заключительные строки по форме изложения напоминают заклинание средневекового рыцаря. В целом оказывается, что в стихотворении Р. Кирша использовано слово немецкое, форма строфики − русская, идея – французская[12].

И теперь несколько слов о самом пушкинском шедевре. Форма произведения гармонирует с его содержанием, о чем подробно говорится в исследованиях Р. Якобсона[13],

[9] Там же, с. 48
[10] Там же, с. 113
[11] Лекомцева Н.В. Девять версий пушкинского шедевра на немецком языке: О стихотворении «Я вас любил» // Вестник Удмуртского университета*:* Спецвыпуск «Филология». Ижевск, 1999. - С. 140 – 145
[12] Лекомцева Н., Иванова Н. Имплицитность художественного текста и перевод // Годишник на Университет "Проф. д-р А. Златаров", т. XXXI, кн. 2. Обществени науки. Бургас, 2002. - С. 123 – 130.
[13] Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. Благовещенск, 1998. Т. 2. С. 496–499. – С. 496.

В. Шкловского[14], А. Жолковского[15]. Восьмистишная строфа пушкинского шедевра подразделяется на два катрена. Стихотворение написано 5-стопным ямбом с двумя пиррихиями в 1, 3 – 7-й строках и спондеем в начале заключительного стиха. Женская клаузула в нечетных строках чередуется с мужской клаузулой в четных рядах. В каждом катрене обнаруживается перекрестная рифмовка. Рифма везде точная. В 1 и 3-м стихе рифма диссонирующая (*может – тревожит*); в остальных случаях перекрестная рифма строится на основе ассонанса (*совсем – ничем, безнадежно – нежно, томим – другим*). Начальная рифма-повтор наблюдается в 1, 5, 7-й строках («*Я вас любил ...*»).

В польском варианте перевода стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил», осуществленном **Ю. Тувимом** (к слову, он является также переводчиком стихотворного романа «Евгений Онегин»), весьма изящно воспроизводится ритмомелодика русского оригинала: «*Kohałem panon – i miłośći mojei // Może się jeszcze resztki duszy tlon…*» (*Я любил* пани [**её**] – и любви моей // Быть может, еще остатки в душе теплятся…)[9] .

Несмотря на своеобразную жестковатость орфоэпических норм польского языка (здесь ударение в слове всегда приходится на предпоследний слог), Ю. Тувимом в его художественном переложении мастерски смоделирован пушкинский ритм и пятистопный ямб со сплошь облегченными стопами: с одним пиррихием в 1, 2, 6 стихах и двумя пиррихиями во всех остальных строках. Очевидно, для воссоздания мужской клаузулы пушкинского текста переводчик в своих четных строках намеренно использует односложные слова: *tlon, ton, trwóg, mógł* (теплится[16], той, оставаясь, смог).

Обратим внимание на лексику и нюансы грамматики в польском переложении. Перевод выполнен в эпико-лирическом стиле: повествовательные эпизоды («*Kohałem panon…» = «*Я любил пани [**её**]…») перемежаются с непосредственными эмоциональными обращениями лирического персонажа («*…że daj Boże, / Aby cię inny tak pokochać mógl*» = «дай же, Боже, / Чтобы тебя другой так полюбить бы смог»). Чередование же эквивалентов *pani / cię* (пани [вас] / тебя) знаменует не только момент реально-мирского расставания лирического героя с его возлюбленной, но и миг духовно-эмпирического приближения смиренно-робкого героя к объекту его поклонения, ибо пространственное удаление не приводит к мысленному отрешению героя от объекта его рыцарско-платонических чувств: «*Lecz niech to pani juź nie niepokoi // Nie chcę cię smucić nawet myslon ton*» (Но пусть это пани [**вас**] уже не беспокоит, // Не хочу **тебя** смущать даже мыслью той).

Вчитываясь в польский текст, можно осознать, что в центре лирического повествования переводчик помещает образ трепетно-нежной девы, к которой обращены противоречивые мысли влюбленного лирического героя: «*Kohałem…w pokorze // <> Tak czule, tak prawdziwie…* » (Любил [я]… со смирением // <> так чувственно, так истинно…). В целом же, можно констатировать, что за счет торжественно-лексического слога

[14] Шкловский 1969: Шкловский В. «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» // Иностранная литература, № 6. С. 218–224. – С. 218.
[15] Жолковский 1977: Жолковский А.К. Разбор стихотворения Пушкина «Я вас любил» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. − Т. 36. − № 3. − С. 252–263.
[16] Здесь и далее перевод текста с польского языка на русский осуществлен Н.В. Лекомцевой.

стихотворение Ю. Тувима обретает некоторую иконописную сакральность: «*Kohałem bez nadziei i w pokorze / W męce zazdrości, nieśmiałości trwóg…*» (Любил [я] без надежды и со смирением // В муках страданий, в робости оставаясь).

В Болгарии на сегодняшний день нам известны 8 переводов пушкинского стихотворения на болгарский язык: Л. Стоянова (1947), Д. Методиева (1961), К. Савова (1977), Г. Джагарова (1984, 1988, 1999), П. Велчева (1985), Е. Соколова (2005), Р. Андреевой (2008), Н. Господиновой (2009).

В принципе, вопрос о мотивации различных переводчиков в разное время переводить конкретный оригинальный текст всегда вызывал особый интерес исследователей. В случае с произведениями Пушкина этот интерес находит свое логическое объяснение в чуткости и отзывчивости поэта всему, что волнует не только его современников, но и нас сегодня. Еще великий Н.В. Гоголь писал о Пушкине так: «на все, что ни есть во внутреннем человеке, начиная от его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости и ничтожной приметы, его смутившей, он откликнулся так же, как откликнулся на все, что ни есть в природе видимой и внешней. Все становится у него отдельною картиною; все предмет его; изо всего, как ничтожного, так и великого, от исторгает одну электрическую искру ... поэтического огня[17] .. »

Из восьми болгарских переводчиков, сопричастных высокому чувству искренней и благородной любви, заявленному Пушкиным в стихотворении «Я вас любил» (1829), трое – известные болгарские поэты Л. Стоянов (1947), Д. Методиев (1961) и Г. Джагаров (1984, 1988, 1989).

Остановимся коротко на тех особенностях, которые подчеркивают многообразие переводных текстов на болгарский язык и создают характерную для каждого из них экспрессию восприятия и воздействия: «*Аз ви обичах; / обичта ми може /да тлее в моята душа; /но нека вече тя не ви тревожи, /не искам с нищо да ви натъжа. /Обичах ви безмълвно, безнадеждно, /изгарях и от ревност, и от страст; /обичах ви тъй искрено, тъй нежно – / дано ви друг обикне както аз*[18]».

Процитированный перевод пушкинского стихотворения является наиболее узнаваемым среди болгарских читателей. Он осуществлен **Г. Джагаровым** и отличается четкой ритмичной фразой, близостью к оригиналу, отсутствием привнесенных «украшательств». Очень сильно начало – «*Аз ви обичах*»[19] (Я вас любил) В нем Г. Джагаров единственный из болгарских переводчиков использует прямой порядок слов, заполняя валентности глагола «*обичах*». Употребление личного местоимения *аз* (необязательного в этом случае согласно правилам болгарской грамматики) не только способствует восприятию категоричности чувств влюбленного, но создает атмосферу лирической исповеди и глубоко переживаемого драматизма личного неудовлетворения.

[17] Гоголь 1984: Гоголь Н.В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь, Н. Собр. соч., т. 7. М. – С. 369.
[18] Цитата по: А.С. Пушкин. Вакхическа песен. Съчинения в два тома. Том 1. Издателство «Захарий Стоянов». София. 1999. С. 90.
[19] Здесь и далее подстрочные переводы стихов с болгарского языка на русский осуществлены Н.С. Ивановой.

Д. Методиев (1961) умело моделирует ситуацию грустного размышления и внушает состояние безысходности лирического героя – «*обичах ви и сам не зная*». Его перевод отличается своеобразным стилистическим рисунком – употреблен сокращенный разговорный глагол *не ща (да ви печаля с нищо аз не ща).* Эмоциональность тона переводного текста повышается путем повторений – *от ревност мъчен, мъчен от тъга*, а также препозицией глаголов.

Наибольшей переводческой свободой, по нашему мнению, отличается текст **К. Савова** (1977). Здесь следует отметить присутствие фамильярного обращения на *ты* – «*обичах те*» *(я любил тебя),* а также желание переводчика углубить безнадежное состояние лирического героя на фоне спокойных ночей его бывшей возлюбленной. Контраст достигнут добавлениями на уровне лексики и синтаксиса, инверсией в порядке слов: «*но нека днес спокойните ти нощи да не тревожи с нищо вече тя*» (*но пусть сегодня твои спокойные ночи не тревожит больше ничем она*).

Драматизм чувств любви и ревности на основе сильной любовной страсти, − это смысловой акцент в переводе **П. Велчева** (1985): «*Обичах Ви: страстта навярно може / В душата ми да трепне и сега ... / да ви обича пак – с такава страст*» (*Я Вас любил: страсть наверное сможет / в душе моей проснуться и сейчас ... любить вас с такой страстью).*

Новые переводы – 2005, 2008, 2009 – почерпнуты нами из ресурсов интернета. В соответствии с нашим временем, в них звучит экспрессия, стремление к оригинальности переводчиков находит реализацию в разнообразных лексических добавлениях, в стилистическом эффекте замены нейтральных глагольных форм, в смысловых акцентах на основе повторений и специальных выделений: – «*Обичах ви и любовта навярно, / в душата ми искрица съхрани*» (**Е. Георгиев**, 2005; Любил я вас и любовь наверное в душе моей искорку сохранила), «*не бих желал да страдате за мен*» (**Р. Андреева**, 2008; я бы не хотел, чтобы вы страдали обо мне), «*Дай, Боже, да Ви люби тъй любим*» (**Н. Господинова**, 2009; Даст Бог, Вас будет любить так любимый) В последнем варианте особенно примечательно употребление однокоренных слов *да ви люби тъй любим,* чем раскрывается благородство и душевная щедрость лирического героя, который желает своей бывшей возлюбленной гармонии в будущих взаимных чувствах с любимым человеком.

Примечательно, что самое большое разнообразие во всех переводных текстах на болгарский язык связано с передачей состояния отвергнутого любимого (в чем и заключается кульминационный момент пушкинского стихотворения): «от ревност мъчен, мъчен от тъга» (Д.Методиев, *ревностью мучимый, мучимый печалью);* «между възторг и ревност раздвоен» (К. Савов, *между восторгом и ревностью раздвоенный);* «изгарях и от ревност, и от страст» (Г. Джагаров, *сгорал и от ревности, и от страсти*); «и ту ревнив, ту плах треперех аз» (П. Велчев, *и то ревнивый, то робкий дрожал я);* «от страхове и ревност угнетен» (Е. Соколов, *чувствами страха и ревностью угнетенный);* «измъчван ту от ревност, ту от страх» (Р. Андреева, *мучимый то ревностью, то страхом;)* «ту с ревност, ту със страх, необясним (Н. Господинова, *то с ревностью, то со страхом необъяснимым /я любил вас* – примеч. Н.И.*/)*

Представляет также интерес обращение лирического героя к предмету своего поклонения: как мы уже отметили, только Г. Джагаров не прибегает в этом случае к инверсии, используя полную фразу *Аз ви обичах*, в остальных переводах местоимение первого лица (Я) опущено. Обращение на *ты* в переводе П. Велчева мы считаем слабостью, так как снижается этикетность куртуазных взаимоотношений возлюбленных, воспроизведенных в стихотворении А.С. Пушкина.

Для передачи общего настроения оригинального текста особенно важно содержание заключительного стиха, оформленного автором оригинала в виде эмоционального заклинания (Как дай вам Бог, любимой быть другим!). К чести болгарских переводчиков, каждый из них находит свои способы для передачи условного будущего времени, тем самым демонстрируя богатый потенциал языка:

Дано да ви обича друг така (Д. Методиев) − Да любит Вас другой так!

Обичана да бъдеш някой ден (К.Савов) − Любимой быть тебе однажды /в какой-то день /.

Дано ви друг обикне както аз. (Г. Джагаров) − Пусть другой полюбит Вас, как я.

Да ви обича пак – с такава страст (П. Велчев) − Пусть любит Вас опять − с такой же страстью.

Дано за Бога, друг Ви люби някой ден! (Е. Соколов) − Пусть, дай Бог, другой полюбит Вас однажды /в какой-то день /*;*

Дай Боже друг така да Ви обича Вас! (Р. Андреева) − Дай Бог другой так будет любить Вас!

Дай, Боже, да ви люби тъй любим. (Н. Господинова) − Дай Бог любить будет Вас так любимый.

В бывшей Югославии лирический шедевр А.С. Пушкина перевели **М. Павич, Г. Витез, И. Брилич** и др. На наш взгляд, очень близок исконному пушкинскому тексту по ритму и лексическому составу перевод сербского писателя-классика **Милорада Павича**: «*Волео сам вас; моја љубав стара / Још увек, можда, спи у срцу моме. / Ал΄ зашто она немир да вам ствара? / Ја нисам рад жалостити вас њоме. / Волео сам вас немо, безнадежно, / Пун стрепње и пун љубоморне боли, / Волео сам вас искрено и нежно; / − Нек Бог да, тако други да вас воли*»[20].

В лирическом тексте переводчика воссоздан пятистопный ямб оригинала. Только в сербском варианте больше строк с пиррихием: здесь безударные стопы встречаются во всех, кроме 1-й и 2-й строк. К тому же у М. Павича все строки имеют женскую клаузулу, что заметно придает каждому стиху бОльшую напевность (напомним, у А.С. Пушкина ритм размереннее, отчасти жестче, поскольку наблюдается чередование женских и мужских рифм). Вместе с тем соблюдение точной перекрестной рифмовки упорядочивает ритмическую тональность сербского восьмистишия, максимально соотнося его с подлинником: *љубав стара − ствара; у срцу моме − њоме; безнадежно − нежно; боли − воли*. Тому же способствует трехкратный повтор основного рефрена «*Волео сам вас*» («Я

[20] Русская и сербская поэзия // http: *www.pogledi.rs/diskusije/viewtopic.php?t=822 5 /режим доступа: 15.08. 2014/.*

вас любил»). Всем ритмомелодическим строем и лексическим составом своего перевода М. Павич выдерживает замысел пушкинского оригинала. По выбору словоформ, семантическому наполнению и даже грамматическому строю очень близки к подлиннику следующие строки: «*Волео сам вас немо, безнадежно*» (Любил[21] я вас без слов, безнадежно), «Волео сам вас искрено и нежно» (Любил я вас искренне и нежно); «Ја нисам рад жалостити вас њоме» (Я не хочу опечаливать / разочаровывать вас ничем).

Виртуозность мастерства переводчика заключается еще и в том, что в его тексте отсутствуют лексические повторы. Конечно, это утверждение не касается самого заклинания: «Я вас любил». В то же время сербский переводчик пытается избежать грамматической идентичности, оттого глагол «волео» обретает форму «воли», а внутри текста параллельно используются инокорневые элемены от слова, этимологически восходящие к семе «любовь» и отражающие то теплое воспоминание о ней (*љубав стара*), то ощущение любви-изнурения, ревности (*љубоморне боли*).

Стихотворение М. Павича строится на разнообразии синонимов-словоформ в отдельно взятых строках, которые в структуре целостной лирической миниатюры образуют контрасты. М. Павич, используя закономерности сербской грамматики, утонченно моделирует композиционное единство лирического текста: стихотворение начинается со словосочетания «*волео сам*» (использован глагол «любил» в прошедшем времени) и завершается сочетанием «*да вас воли*» («да полюбил бы вас») с употреблением глагола в условном наклонении. Таким образом, следует отметить, что осуществленное М. Павичем переложение стихотворения «Я вас любил» представляет собой жанр философско-романтического размышления, адекватного пушкинскому замыслу по форме и содержанию.

Шедевр любовной лирики А.С. Пушкина – стихотворение «Я вас любил», написанное почти два века тому назад, «живет» очень динамичной жизнью: сегодня в славянском культурном пространстве сосуществуют варианты его переложения, и каждый из переводчиков нашел свой путь его прочтения и интерпретации. И каждый переводчик сумел донести до читателя «поэтический огонь» великого поэта.

Список литературы

Van Dijk, T.A. Cognitive processing of literary discource // Poetics Today, vol. 1. − №1−2. − 1979. − 143−159. – С. 150.

Гоголь Н.В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь, Н. Собр. Соч. в VIII томах. Т. VII. –Москва, 1984. С. 369.

Жолковский А.К. Разбор стихотворения Пушкина «Я вас любил» // Известия АН СССР. − Серия литературы и языка. − Т.36. № 3. – 1977. − С. 252–263.

Лекомцева Н. Иванова Н.. Имплицитност художественного текста и перевод // Годишник на Университет "Проф. д-р А. Златаров", т. XXXI, кн. 2. Обществени науки. Бургас, 2002. - С. 123 – 130.

Лекомцева Н.В. Девять версий пушкинского шедевра на немецком языке: О стихотворении «Я вас любил» // Вестник Удмуртского университета: Спецвыпуск «Филология». Ижевск, 1999. С. 140 – 145

[21] Здесь и далее подстрочные переводы стихов с сербского языка на русский осуществлены Ив. Станоевской.

Ликоманова И. Славяно-славянският превод. Лингвистичен подход към художествения текст. − Университетско издателство „Св. Климент Охридски”. − Университетска библиотека 463. − София. – 2006. − С. 28–33.

Русская и сербская поэзия // http: www.pogledi.rs/diskusije/viewtopic.php?t=822 5 /режим доступа: 15.08. 2014/.

Човић Б. Поетика књижевног превођења. Београд. – Научна књига. – 1994.

Шкловский В. «Поэзия грамматики и грамматика поэзии» // Иностранная литература, № 6. − 1969. − С. 218–224.

Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. − Москва: Языки русской культуры, 1999. − 600 с.

Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика: В 2 т. / сост. и ред. Ю. С. Степанов. − Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. − Т. 2. − С. 496–499.

Костикова Ольга Игоревна
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

Kostikova Olga
Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

КРИТИКА ПЕРЕВОДА VS ОЦЕНКА ПЕРЕВОДА

TRANSLATION CRITICISM VS PROFESSIONAL ASSESSMENT

Одной из самых обсуждаемых в переводческих академических и профессиональных кругах темой традиционно является оценка перевода. Это связано с необходимостью отбора специалистов высокого уровня, способных обеспечивать межъязыковую коммуникацию в международных организациях, крупных компаниях и т.п. с одной стороны и с возрастающим интересом к подготовке интенсификацией переводчиков с другой. В статье подчеркивается необходимость разграничения понятий переводческой критики как литературного жанра и профессиональной оценки перевода.

In the last decade, the evaluation of translation has become one of the most popular questions among professional translators and translation teachers. It can be attributed, on the one hand, to the fact that high-level specialists capable of providing cross-language communication in international organisations and large companies, etc. are becoming indispensable and, on the other hand, to intensive translation training. The article emphasizes that it is essential to differentiate between the subject of literary translation criticism and that of translation assessment

Ключевые слова: Переводческая критика, оценка перевода, профессиональная оценка, трансдисциплинарность, художественный перевод

Key words: translation criticism, translation and interpreting assessment, professional evaluation, transdisciplinarity, literary translation

Мы живем в эпоху стремительного развития научных знаний, которые без труда преодолевают языковые барьеры и открывают границы между дисциплинами. Вектор трансдисциплинарности – своеобразный отклик на процессы глобализации, происходящие на всех уровнях и в самых разных областях – задает направление развития и современной науке о переводе. Новый принцип организации научного знания, открывающий широкие возможности взаимодействия многих дисциплин при решении комплексных проблем природы и общества, представляется актуальным для исследований такого сложного объекта как перевод.

Выходящий в этой связи на первый план системный подход к исследованию перевода, принятие системологической модели науки о переводе [Гарбовский, 19] ставит перед исследователями задачи по систематизации научных данных о переводе, получаемых разными научными дисциплинами и разными научными школами. Во-первых, такая систематизация позволит ограничить распространение феномена «splendid isolation»[1], т.е. игнорирования (по разным причинам) уже существующих достижений. Во-

[1] Этот феномен был описан Х.Ли-Янке и М.Форстнером в статье «Переводоведение в поисках переводчиков?» в 2005 г.: «Если обратиться к нынешнему состоянию переводоведения, можно констатировать, что «теории, школы и течения здесь разнообразны и многочисленны». Это само по себе не является каким-то недостатком или пороком, так как исследовательская деятельность эволюционирует на спорных или даже противоречивых гипотезах, теориях и методах. Именно за счет этого происходит развитие науки. С одной лишь оговоркой: если эта множественность и это разнообразие не связаны с незнанием или игнорированием любой другой уже существующей теории». [Lee-Jahnke, Forstner, 87] *(перевод наш – О.К.)*.

вторых, она необходима для упорядочивания научного метаязыка и решения проблем понятийного аппарата, т.е. проблем логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершенность конструкции любой науки [Тощенко, 1].

В нашем докладе мы рассмотрим два понятия, связанные с суждением о переводе и лежащими в русле аксиологической составляющей науки о переводе – «критика перевода» и «оценка перевода». Выбор данной темы продиктован несколькими причинами.

Прежде всего, это дань уважения научной школе, которую представляют организаторы конференции во главе с профессором Бранимиром Човичем. В трудах Б.Човича по сопоставительному литературоведению, сопоставительной стилистике и поэтике художественного перевода описанию статуса и методологии переводческой критики отводится особое место [Човић, 1994, 195-244]. По мнению ученого, «в этой области столько открытых вопросов, что охватить их все почти невозможно», поэтому он концентрирует внимание на трех основных – эволюция критических взглядов на перевод за последние столетия, достижения современной критики перевода по сравнению с предыдущими периодами, ее статус в мире [Човић, 1994, 261]. Проводимые в последние десятилетия под руководством Б.Човича и Л.Чович комплексные исследования в области компаративистики «с применением самых разнообразных методологических подходов и таких же комбинированных аналитических процедур: имманентных и сравнительно-стилистических» всецело ориентированы на оценку переводного текста для выявления в нем «следов скрещивания элементов стиля оригинала и стиля переводчика, жанрового синкретизма двух различных литератур, равно как и креолизации двух или нескольких культурных моделей». [Чович, 2016, 628].

Б.Чович отмечает, что «в критике художественного перевода как сложной духовной деятельности тесно соприкасаются и часто взаимно пересекаются многие научные дисциплины» [Човић, 1994, 261] и это вторая причина, побудившая обратиться нас к данной теме. Ведь помимо упомянутых ученым «лингвистики и наук литературного цикла, стилистики и ряда вспомогательных дисциплин», исследования в области критики перевода, равно как и решение проблем оценки перевода предполагают обращение к фундаментальным и прикладным областям научных знаний в области социологии, философии, психологии, менеджмента, математики, информатики и других. При решении этих задач нельзя не учитывать мнение профессионального и академического сообщества, а иногда и широкой общественности (тех, на кого рассчитан перевод). Иными словами, аксиологическая составляющая в науке о переводе – это та область, где насущность трансдисциплинарного подхода проявляется со всей отчетливостью.

Наконец, третья причина интереса к данной теме – существующее противоречие между имманентной неизбежностью критики перевода и перманентными жалобами на ее отсутствие и (или) несостоятельность. История перевода свидетельствует, что на протяжении многих веков результаты переводческой деятельности так или иначе оказывались объектом критики. «Traduttore traditore» - квинтэссенция переводческого творчества – один из часто цитируемых в работах исследователей афоризмов. Можно долго

удивляться и выяснять, как после стольких переводческих успехов, после стольких созданных шедевров перевода, после разрешения стольких, казалось бы, непреодолимых трудностей, «предатель перелагатель» по-прежнему имеет статус распространенного суждения о переводе. Между тем, итальянская поговорка представляет интерес совсем не как характеристика деятельности переводчика, а скорее, как отражение прочно укоренившегося критического отношения к переводу, как напоминание о неизбежности комментариев, замечаний, разборов и рассуждений, которые он влечет за собой. Ведь перевод - явление социальное существует в обществе и для общества. Перевод является деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее его конкретными представителями [См. подробнее: Garbovskij, Kostikova 138 - 141].

Результаты переводческой деятельности оказываются объектом критики на протяжении многих веков, так как стремление судить о переводе связано и с его онтологической сущностью. По своей природе перевод - продукт «вторичный», поэтому, с одной стороны, постоянно возникает вопрос о его соответствии «первичному» продукту, то есть оригиналу. С другой стороны, являясь «вторичным», перевод потенциально оказывается хуже оригинала - в нем всегда можно обнаружить изъяны и дефекты.

Независимо от комбинации языков оригинала и перевода, временного и пространственного континуума, в котором возникали критические суждения, они, как правило, имели дескриптивно-прескриптивную направленность: критики выявляли недостатки и реже достоинства перевода, пытались построить типологию переводческих ошибок и их причин и выработать нормы перевода. При этом одним из свойств критики была ее продуктивность. Порицание, иногда высмеивание переводческих просчетов и ошибок, выведение норм «правильного» или «хорошего» перевода, составлявшие суть критических рассуждений, вызывали к жизни новые версии, в которых переводчики стремились превзойти своих предшественников, соблюдая или отрицая существующие нормы, создавая собственную этику и эстетику перевода.

Однако, как отмечают многие исследователи, ни критические обзоры переводной литературы, ни собственно критика переводов не состоялись в полной мере как отдельный литературный жанр либо как научное направление в отличие от литературной критики и критических обзоров литературы. Объяснение этому видится отчасти в многочисленных трудностях, связанных с любой попыткой анализировать творческую деятельность и объективно судить о ней. Другая причина связана с тем, что переводная литература не исследована системно. Эта область еще слабо развита в основном из-за недостаточной осведомленности о существовании системы переводной литературы. Как правило, литературная критика, посвященная переводным произведениям, не отделяется от общей литературной критики, поскольку сам акт перевода не признается ключевым элементом в переводном произведении, которое рассматривается без учета того, что для большинства людей составляет малозначимую деталь: это произведение – не оригинал и явилось следствием основательной трансформации в языковом, содержательном и формальном

плане. Наконец, общая недооценка переводческой деятельности, вторичной по своей природе, также сыграла свою роль.

На наш взгляд, основная проблема видится в отсутствии четкого представления о целях и задачах переводческой критики, ее адресате, методологии, а в целом – онтологическом статусе. В самом деле, что такое критика переводов: обсуждение перевода с целью дать оценку или прямо отрицательное суждение о переводе? Указание его недостатков, выявление ошибок или их разбор, попытка найти причины, побудившие переводчика на те или иные действия? Исследование, научная проверка достоверности, подлинности текста перевода в соотношении с оригиналом или отзыв, неформальное обсуждение с целью выразить свою точку зрения? Аксиологическая сущность критики подразумевает систему критериев для оценки перевода, а научные основания предполагают определение основных категорий и методов. [Bassnett; Berman; Holmes; Vilikovský; Гарбовский; Костикова; Лысенкова; Топер; Чович]. Здесь, несмотря на серьезные исследования, сделанные за последние три десятилетия, нет единства. Между тем, еще в XIII в. переводчики уже предпринимали попытки описать, как нужно анализировать перевод, чтобы суждения о нем были обоснованными [Костикова, 345].

Принимая во внимание многовековую традицию критической переводческой мысли в Европе, выводы о неполноценности переводческой критики звучат несколько парадоксально, но лишь на первый взгляд. Ведь теоретики перевода сетуют на то, что при рецензировании переводного произведения, перевод оценивается не в своём переводческом качестве, а лишь с точки зрения соответствия стилю и нормам переводящего языка. Такая критика сводится к утверждениям, которые почти всегда сомнительны и ничем не доказаны вроде "переведено гладким языком", "читается как оригинал", "прекрасно переведено", рецензенты обычно не тратят времени на сравнение перевода с оригиналом, а основополагающей категорией хорошего перевода становится «прозрачность» [Костикова, 2010, 43-43].

Чтобы попытаться понять причины возникшего противоречия, обратимся к самому понятию «критика» и выясним, что оно обозначает. По версии Фасмера слово «критика» было введено в русский язык В.К. Тредиаковским в XVIII в. путем заимствования из французского языка. В свою очередь во французский язык существительное женского рода «la critique» пришло через латынь (critica) из греческого κριτική: κρίνω «сужу, выношу приговор» в двух близких, но не тождественных значениях: 1) искусство судить об интеллектуальных творениях и само суждение о них (1580 г.); 2) вынесение неодобрительного суждения (1663 г.). Разница не только в актуализации семы оценочности (в первом значении ее наличие виртуально), но и в том, что во втором значении речь идет об оценке негативной. Что касается русского языка, то в словаре Даля «критика» определяется как «розыск и суждение о достоинствах и недостатках какого-либо труда, особенно сочинения; разбор, оценка». Таким образом, набор сем на начальном этапе эволюции значений этого понятия во французском и русском языке оказывается различным.

	Особое умение	Суждение	Оценочность		Творчество	
			плохо	хорошо	интеллект	
французский	+	+	0	0	+	0
	0	+	+	0	0	0
русский	0	+	+	+	+	+

Содержание понятия «критика» в русском языке оказывается шире, чем в языке французском, а само понятие не дифференцировано: речь идет о суждении любого вида творчества и обязательном соотнесении его с оценочной шкалой. Во французском языке аксиологическая составляющая в первом значении отсутствует, а во втором сведена в сторону негативной оценки. Что касается объекта оценки, то он конкретизирован в первом значении и отсутствует во втором. Интересно отметить наличие семы «особого умения» «искусства» для первого значения понятия критика во французском языке

В современном французском языке понятие «критика» эволюционировало и имеет разветвленную сеть значений, которые можно свести к следующим основным: 1) искусство судить о произведениях литературы или искусства (+особый литературный жанр); 2) суждение по поводу какого-либо произведения литературы или искусства; 3) тщательное исследование, проверка точности, подлинности чего-либо; 4) неодобрительное, неприязненное суждение в отношении чего-либо или кого-либо [Larousse].

В Большом толковом словаре русского языка для слова «критика» приведены следующие значения: 1) обсуждение, разбор чего-либо с целью оценить достоинства, обнаружить и выправить недостатки; 2) (разг.) отрицательное суждение о чём-либо; 3) исследование, научная проверка подлинности, правильности чего-либо; 4) особый литературный жанр, посвящённый разбору литературных, музыкальных, театральных и других художественных произведений. [http://www.вокабула.рф/словари/бтс/критика]

В целом значения для этого понятия в обоих языках совпадают. Но обращает на себя внимание тот факт, что дифференциация значений проходит по следующим признакам: а) наличие/отсутствие оценочности суждения, б) принадлежность к определенному жанру /виду искусства (Ср. сема «особого умения»).

Как соотносятся эти значения с традициями критики переводческой? В России начало традициям переводческой критики было положено во второй половине XVIII в. с созданием специального журнала, «одно из главнейших намерений» которого было «критическое рассмотрение издаваемых книг»[2]. Распоряжение об учреждении журнала было дано М. Ломоносовым в 1758 году в виде представления в канцелярию Академии Наук: [http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/loa/loa-031-.htm?cmd=2]. Цель издания – «выдавать от Академии ведомости о делах ученых людей как иностранных, так и

[2] **Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 год** — журнал, выходил в Петербурге в 1777, 2 раза в неделю, затем ежедневно. Вышло 22 номера. Ред. — Н. И. Новиков. Изд. — К. В. Миллер. Первый в России критико-библиографический журнал на русском языке. Публиковались библиографические данные с аннотациями различного характера (информация, краткая оценка, критический разбор). Наряду с книгами, вышедшими в 1776—1777, аннотировались издания прошлого десятилетия. Преобладает библиография по русской и всеобщей истории

здешних». Выпускалось оно помимо русского на французском и немецком языках, раз в неделю. В предисловии к первому изданию была недвусмысленно обозначена его миссия: «Не желание охуждать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная; почему и не уповаем мы сею поступкою нашею огорчить благоразумных писателей, издателей и переводчиков; тем паче, что во критике нашей будет наблюдаема крайняя умеренность и что она с великою строгостию будет хранима во пределах благопристойности и благонравия. Ничто сатирическое, относящееся на лицо, не будет иметь места в "Ведомостях" наших; но единственно будем мы говорить о книгах, не касаясь нимало до писателей оных.» [Новиков]. Очевидна социальная прагматика данного критического издания – помочь читателю сориентироваться в выборе книжных (переводных) новинок, помочь издателям отобрать стоящие произведения для перевода и издания. При этом отмечается, что публикуемые критические разборы отнюдь не являются истиной в последней инстанции: «…критическое наше рассмотрение какия-либо книги не есть своенравное определение участи ее, но объявление только нашего мнения об оной. Сами господа писатели, издатели или переводчики оных могут присылать возражения на наши мнения, которые мы, получив, охотно поместим в наших "Ведомостях"…» [там же]. Таким образом подчеркивается стремление к объективности суждений, объектом которых будут лишь сами произведения, а не их создатели.

Первая рецензия – на перевод Виргилиевых «Георгиков» (изданы В.Г.Рубаном), помещенная в №5 журнала, в части касающейся перевода оказывается довольно лаконичной: критик «не рассудил за благо входить в подробное критическое рассмотрение оного, в рассуждение правил Стихотворства и Грамматики, чистоты языка и точности перевода» дабы «не наскучить читателям». Одновременно он высказывает пожелание видеть в переводе хотя бы несколько подражаний примерам Ломоносова, сетует на неисправность наборщиков и одобряет выбор белого стиха переводчиком для передачи произведений «писателей, изобилующих важностию слога и высокостию мыслей» [СПбВ, №5, 37]. Анализ последующих рецензий на переводные книги показал, что в первую очередь обращается внимание на выбор переводчика, стиль и язык перевода. [см. «О переводах Мармонтеля» — № 11, 19, Юсти — № 12, Светония — № 15, Юма — № 16 и др.]. Среди этих рецензий были настоящие шедевры [см. напр. «Отзыв о сказке Мармонтеля… », СПбВ, №11, 81], где в иносказательной, но недвусмысленной форме характеризуется слабость переводчика: «Но, о непримиримая неприятельница великих достоинств искусных писателей, Зависть! <…> уязвляешь ты их жестокими ранами, вооружая перья мало искусившихся переводчиков на поражение их. Не ушел от сея участи и господин Мармонтель. Алцест его на российском языке занемог опасною меланхолическою болезнию, которая в одно мгновение пристала к возлюбленной его супруге и к милому его другу и тестю: все они ниспали от красоты своея, потеряли всю остроту и приятность в разговорах и говорят хотя и по-русски, но таким странным наречием, и так темно и невразумительно, что никто их не понимает». На страницах этого журнала критика переводов постепенно оформлялась в особый литературный жанр. Однако сама критика далека от детальных разборов и подробных исследований, в ней

практически нет попыток сопоставить перевод и оригинал, а суждения представляют собой лишь общее впечатление от работы переводчика.

В большинстве случаев критические разборы переводов делались для того, чтобы оценить достоинства и недостатки переводов с точки зрения эстетики, эстетики принимающего, языка, литературных и культурных эстетических канонов, характерных для данной эпохи. Зачастую эти разборы выливались именно в негативную (traduttore traditore) оценку труда переводчика. Иными словами, аксиологическая составляющая, то есть соотнесение перевода с оценочной шкалой, всегда являлась неотъемлемым свойством комментариев критиков перевода.

Именно в этом наиболее ярко проявляется взаимосвязь литературной и традиционной переводческой критики. Вспомним, что известный русский филолог, переводчик Михаил Гаспаров, определяя критику в узком смысле слова, характеризует ее как отрасль, которая занимается не выяснением, «что», «как» и «откуда», а оценкой «хорошо» или «плохо». «Критика - пишет ученый, - устанавливает литературные репутации» [Гаспаров, 110], критика перевода устанавливает литературные репутации переводов. И если «критика - это не наука о литературе», то критические замечания о переводе, осуществляемые в традициях литературной критики, чаще всего субъективные, также вряд ли могут претендовать на научность.

Критик концентрирует свое внимание на взаимодействии между собой и произведением (в том числе и переводным), что формулируется в терминах «хорошо - плохо», но чаще всего подразумевает «нравится - не нравится». Центр внимания критика - собственные эстетические переживания. Если бы амперметр стал описывать ученому собственные переживания скачков силы тока, скорее всего такой амперметр был бы выброшен. Соотнесение предмета со шкалой «хорошо - плохо», - есть не что иное, как прояснение себе (и другим) структуры собственного вкуса [Там же, 111]. Стоит ли самопознание за познание интересующего нас объекта.

Сегодня вряд ли кто-нибудь станет отрицать коммуникативные достоинства результатов переводческого труда, их роль в межъязыковой и межкультурной коммуникации, их вклад в развитие национальных языков и литератур. Этот аспект, а именно, оценка перевода с точки зрения его места в принимающей литературе, ложится в основу традиционных критических разборов. Одним из основополагающих критериев для критиков перевода долгое время была именно стилистическая «чистота» языка и логичность изложения - критерий, не требующий ни знания языка оригинала, ни сопоставительного анализа перевода и оригинала. В то же время перевод всегда представлял собой объект особого рода, оценивая перевод с точки зрения его художественности, некоторые критики шли дальше и пытались сравнить художественные достоинства оригинального и переводного текстов, а иногда и попытаться объяснить причины переводческих удач и провалов.

Переводческая критика до сих пор была и остается «камнем преткновения» для теоретиков и практиков перевода, хотя и переводчики, и исследователи признают ее важность и необходимость. Одни ученые полагают, что переводческая критика является

самостоятельной областью прикладной науки о переводе [Toury, 1980; Holmes, 1988, p.78]. Другие подчеркивают ее значение в качестве связующего элемента между теорией и практикой [Newmark, 1988, p.184] и даже рассматривают ее как своего рода оружие «в защиту профессии» [Dodds, 1992, p.4]. Наконец, критика перевода рассматривается как одно из направлений литературной критики [Snell-Hornby, 1988], своего рода «звено в цепи межъязыковой литературной коммуникации» [Топер, 2000, с. 234], либо у́же – как «инструмент описания наблюдаемых фактов межлитературных контактов» [Vilikovský, цит. по: Топер, 2000, с. 235], но иногда и шире – как один из жанров *Критики* – социального института на службе у произведений обеспечивающего им, с одной стороны, славу и бессмертие, а с другой – их читателей [Berman, 1995, p.13]. Здесь уместно вспомнить, что один из крупнейших немецких переводчиков и блистательный критик Август Вильгельм Шлегель предостерегал от искаженного понимания критики, которая заключается отнюдь не в том, чтобы обнаруживать ошибки и изъяны в произведении искусства. Она должна быть свободной от индивидуальных пристрастий и стремиться к объективности, раскрывая произведение в его целостности [Schlegel, 24-26].

Приведенные высказывания и примеры, касающиеся целей, задач и сущности переводческой критики подводят нас вплотную к вопросу о ее объекте. Мы разделяем мнение Н.Гарбовского, полагающего, что «для переводческой критики как жанра литературного творчества <…> нехудожественные тексты не составляют достойного объекта изучения и оценки». [Гарбовский, 2016, 588]. Вернемся к словарному определению понятия критика и попытаемся на его основе определить понятие критики переводческой: это (1) суждение о художественном переводе, построенное по определенным (2) канонам соответствующего искусства (= литературный жанр) на основе (3) тщательного (сопоставительного или нет) исследования с целью а) определить его достоинства и недостатки (=соотнесение с оценочной шкалой) и их причины или б) раскрыть его суть (место, роль, значение в литературной коммуникации), способствуя его литературной репутации.

Переводы нехудожественных текстов требуют иного подхода к оценке, ее целям и методам. Вопросы оценки перевода были и остаются среди важнейших тем, обсуждаемых в академических и профессиональных переводческих кругах. При разработке этого направления ключевым становится понятие «оценки перевода» – evaluation или assessment of translation and interpreting. Объектом оценки перевода оказываются все виды нехудожественного перевода, как письменного, так и устного.

Сегодня в мире наблюдается рост востребованности квалифицированных переводческих кадров в самых разных областях. Большое количество программ (основных и дополнительных) подготовки и переподготовки переводчиков в вузах, учебных центрах и т.п. не решает проблемы, а в профессию приходят люди, чей набор компетенций и уровень их освоения далеко не одинаков. Возникает парадоксальная ситуация: конкуренция в сфере переводческих услуг усиливается, но квалифицированные переводчики очень востребованы и их приходится искать. Необходимость отбора специалистов высокого уровня, способных обеспечивать межъязыковую коммуникацию в

международных организациях, крупных компаниях, органах социальной и правовой сферы, выводит на первый план вопрос о наличии системы критериев для такого отбора. Подобная необходимость подкрепляется и возникшей после Второй мировой войны и получившей широкое распространение в наши дни философии всеобщего управления качеством (TQM), принципы которой лежат в основе современных систем менеджмента качества (QMS). Задачи, которые призвано решать переводческое профессиональное сообщество в этой связи, ориентированы на развитие конкурентоспособности, бенчмаркинг, желание повысить статус профессии, ответственность за постоянство качества продукции. Это, в свою очередь, подводит вплотную к проблеме разработки стандартов качества перевода в разных ипостасях — как процесса, как продукта, как услуги — и соответствия этим стандартам. Эти вопросы решаются в рамках прикладной области, функционирующей на стыке теории, методологии, дидактики перевода и системы менеджмента качества. В рамках этой области развивается отдельное направление, исследующее феномен переводческих ошибок – эрратология перевода.

Этимология слова évaluation проливает свет на особенности функционирования этого понятия в сравнении с рассмотренным выше понятием «критика перевода». В старофранцузском языке avaluer обозначает одновременно и «давать оценку» и «устанавливать ценность чего-л.» В среднефранцузском это слово обозначает «определять приблизительно ценность, значимость чего-либо», но также и «назначать цену, стоимость чему-л.» Такая двойственность смысла приводит к парадоксу, поскольку évaluer (оценивать) предполагает таким образом и субъективную, приблизительную оценку, и объективную, точную и исчисляемую меру. Кроме того, во французском, как и в английском языке термины évaluer и assess с момента своего появления ставят проблему ценности значимости сначала в прямом, а затем и в переносном смысле. Ведь до XX века évaluer/assess обозначали установление ценности, цены объекта. Английская лексема assess происходит от латинского глагола assidere (сидеть рядом), так как когда-то оценщик сидел рядом с судьей и устанавливал размер налогов и всевозможных сборов. Лишь в 1934 году слово assess приобретает переносный смысл – судить о значимости человека или ценности идеи. Таким образом, при наличии общей с понятием «критика (перевода)» семы «суждение», понятие «оценка (перевода)» характеризуется более жесткой привязкой к аксиологическим атрибутам – оценочной шкале, совокупности критериев, ценности и даже цены.

Переключение внимания исследователей с результата на процесс перевода связано с активным развитием подготовки переводчиков и, как следствие, интересом к одной из прикладных отраслей науки о переводе — дидактике перевода. Исследования, ориентированные на процесс, нацелены на оптимизацию достижения качества благодаря лучшему пониманию различных стратегий (процессов), лежащих в основе работы над созданием конечного продукта. А качественный перевод, как и любой другой продукт должен соответствовать определённому набору критериев. В этой связи, как и в профессиональном мире, на первый план выходит проблема оценки конечного продукта и определения критериев соответствия. Возникает целый ряд вопросов, связанных с

объектом и методами оценки в дидактике перевода, а также с её ограничениями. Если, например, говорить об *оценке соответствия*, необходимо чётко представлять, на что направлена такая оценка — на подтверждение выполнения требований (качества) или на обнаружение несоответствий.

Возможен ли такой подход, предполагающий наличие определенных стандартов и/или шаблонов, которым должен соответствовать конечный продукт перевода, в русле переводческой критики? На первый взгляд нет, так как он кажется несовместимым с пониманием художественного перевода как определенного вида творчества, отвергающего любую стандартизацию. Вместе с тем, напомним, что в упомянутых выше критических разборах из журнала Санкт-Петербургские ученые ведомости, одной из «рекомендаций» критика-рецензента было следование образцам стихосложения Ломоносова при переводе. Рассуждение же о недостатках и достоинствах художественных переводов с точки зрения эстетики принимающего языка и господствующих литературных канонов, о чем говорилось выше, выводит нас на ту же проблему *оценки соответствия,* которая характерна и для нехудожественных переводов.

Необходимость чёткого осознания объекта оценки актуальна в равной степени и для художественных и для нехудожественных переводов. *Цель* обучения переводу — развитие компетенций, позволяющих специалисту создавать продукт необходимого качества. Нельзя не согласиться с исследователями, которые предлагают разграничивать а) оценку качества перевода, т.е. переводческую критику (художественный перевод) и контроль качества перевода (перевод нехудожественных текстов) [House, 1981], и б) оценку умений и навыков. [Nord, 1991]. Следует различать оценку перевода и оценку переводческой деятельности как процесса, так как перенос фокуса с продукта перевода на переводящий субъект выводит на первый план личностный аспект.

Переводческая критика направлена главным образом на результат этого процесса, то есть на текст перевода. Она также определяет закономерность и целесообразность переводческих решений, но уже с другой стороны - со стороны продукта переводческой деятельности, как в его сравнении с текстом оригинала, так и в общем контексте принимающего языка и литературы.

Построение теории переводческой критики на тех же основаниях, что и теория перевода, служит основой поиска и выработки критериев для более объективной критической оценки целесообразности переводческих решений.

В то же время было бы наивным полагать, что оценка перевода, как и любая оценка вообще, может быть абсолютно объективной, какие бы критерии она не использовала. Ее субъективность обусловлена индивидуальностью критика, его когнитивным опытом, его представлениями о переводе.

Основу переводческой критики составляет интерпретирующая деятельность. А всякая интерпретация - субъективна. Но признать полностью субъективный характер переводческой критики означает отказаться от поиска объективных критериев оценки перевода, что переносит переводческую критику в область индивидуальных представлений. На самом деле, в основе субъективной интерпретации лежат определенные

объективные закономерности, которые и следует вывести с тем, чтобы разработать методологию переводческой критики и оценки перевода.

Для оценки перевода и переводческой критики релевантными оказываются следующие типы отношений: перевод – оригинал, перевод – читатель, перевод – задача переводчика. Что касается подходов, то в свете вышеизложенного можно выделить два основных: а) литературно-критический со свойственным ему субъективизмом, отсутствием (зачастую) сопоставительной основы и превалированием художественно-эстетических и психологических критериев и б) формально-количественный, сформировавшийся в недрах педагогической практики и профессиональной индустрии, характеризующийся разнообразием видов оценки, обязательным наличием классификатора ошибок и шкалы, учитывающей определенные стандарты, претендующий на объективность и беспристрастность в вечной борьбе с гетерогенностью понятия «качество».

Список литературы

Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний. / Н.К.Гарбовский // Вестник Моск. Ун-та. Серия 22. Теория перевода. — 2015. — № 1. — С. 3–20.

Гаспаров М Л. Критика как самоцель // Гаспаров М. Записки и выписки. М.: НЛО, 2001. С. 109 – 112.

Костикова О. И. *Романские традиции переводческой критики: от древнеримских ораторов до Шатобриана //* Древняя и новая Романия. *— 2014. — Т. 14, № 2. — С. 340–360.*

Костикова О. И. *Переводческая критика: "зеркальность" vs "прозрачность" //* Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. *— 2010. — № 3. — С. 41–54.*

Лысенкова Е. Проза Р.М.Рильке в русских переводах. М., 2004

Новиков Н.И. Предисловие / Н.И.Новиков // Санктпетербургскія ученыя вѣдомости на 1777 годъ №1 Н.И.Новикова издание второе А.Н.Нустроева, СПб, 1873

Русские писатели о переводе (РПП). Под ред. Ю.Левина и А.Федорова. Ленинград, 1960

Топер П. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000.

Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии / Ж.Т.Тощенко // Социс. – 2002. – №9. [эл. ресурс. http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-09/Toshchenko.pdf, дата обращения: 01.03.2017]

Човић Б. Поетика књижевног превођења / Б.Човић. Београд : Научна књига, 1994. 277 С.

Чович Б. Место перевода в компаративных исследованиях литературы (от перевода к рецепции и литературным связям – генетическим и типологическим) / Б.Чович // Русский язык и культура в зеркале перевода: VI Международная научная конференция; 13–17 мая, 2016 г., Афины, Греция: Материалы конференции. – М.: МАКС Пресс, 2016. С. 626 – 234

Чуковский К. Реалистическое искусство // Мастерство перевода, вып.3 (1962). М., 1963.

Benjamin W. The Task of the Translator. Illuminations. Ed. H. Arendt, tr. Harry Zotin. New York: Shocken, 1968.

Berman A. Pour une critique des traductions: John Donne. Paris, 1995.

Dodds J.M. Translation Criticism in Defence of the Profession, Rivista Internazionale di Tecnica della Traduzione 1-4, 1992,

Dodds J.M. Translation Criticism in Defence of the Profession. Rivista Internazionale di Tecnica della Traduzione 1-4, 1992,

Garbovskij N, Kostikova O. Dimension sociologique de l'activité traduisante / N.Garbovskij, O.Kostikova // La traduction : philosophie et tradition, Ch Berner, T.Milliaressi (éds.).Villeneuve d'Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 2011. P 129 – 144.

Holmes J. Translated ! Papers on Literary Translation and Translation Studies, Amsterdam,1988.

Holmes J. Translated ! Papers on Literary Translation and Translation Studies. Amsterdam,1988.

House, J. A Model for Translation Quality Assessment. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1981.

House, J. Translation Quality Assessment. A Model Revisited. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 1997.
Lee-Jahnke H., Forstner M. La traductologie en quête de traducteurs ?/ H.Lee-Jahnke, M.Forstner // Pour dissiper le flou. Traduction-Traductologie. Coll. « Sources-Cibles » dirigée par H.Awaïss et Jarjoura Hardane. Ecole de Traducteurs et d'Interprètes de Beyrouth, 2005. C.87-103.
Newmark P. A Textbook of Translation, Prentice Hall, 1988.
Newmark P. A Textbook of Translation. Prentice Hall, 1988.
Nord, C. Text Analysis in Translation. Amsterdam: Rodopi, 1991.
Shlegel A.W. Vorlesungen über schöne Literatur und Kunst, №3 (Dritter Teil), 1803-1804
Snell-Hornby M. Translation Studies: An Integrated Approach. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamin, 1988.
Toury G. In search of a theory of translation. The Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel-Aviv University, 1980.

Јовановић Зоран
Преводилачка школа Удружења преводилаца, Београд (Србија)

Jovanovic Zoran
Translation School of Translators Association, Belgrade (Serbia)

О ПРОБЛЕМУ ШКОЛОВАЊА ПРЕВОДИЛАЦА

ON TRANSLATOR EDUCATION PROBLEMS

Овај рад укратко подсећа на досадашња искуства и достигнућа у образовању преводилаца и тумача у старом и средњем веку (Александрија, Багдад, Толедо), али и у новије доба, од средине 20. века до данас. При том се даје кратак стручни профил преводилачких школа према хронологији њиховог оснивања (Женева, Беч, Париз и Магдебург), мада се помињу и неке друге и указује на оснивање сличних установа изван Европе. Знатан простор посвећен је ванинституционалном оспособљавању стручних преводилаца у бившој СФРЈ, односно у Србији, при чему се посебно износе искуства Преводилачке школе Удружења научних и стручних преводилаца Србије (једногодишњи семинар постдипломске специјализације за свршене филологе са могућношћу прерастања у двогодишњи семинар), која успешно ради пуних 50 година и која је досад оспособила око 4.000 стручних преводилаца, понајвише чланова овог удружења за пет водећих страних језика. У том контексту, знатан простор је посвећен оспособљавању будућих научно-стручних преводилаца и тумача, а посебно њихових инструктора, како би се искористило огромно искуство садашњих предавача ове школе који су већ одавно заслужили пензију. При том се за будуће инструкторе превођења, који носе велики терет вежби из превођења, постављају доста строги приступни услови. /Они морају да, поред врхунске језичке компетенције (језици А, Б и Ц), имати објављене преводе из релевантних стручних области, као и стручне радове из преводилаштву сродних дисциплина./ На школовању научно-стручних преводилаца се посебно инсистира у светлу приступних преговора Србије са ЕУ, чиме превођење за државне потребе све више добија на значају. У закључку се истиче потреба за јачањем друштвене свести о значају превођења као традиционалног моста сарадње и носиоца културног и научног трансфера кроз векове, као и потреба за подизањем самосвести преводилаца о вишеструком значају ове професије.

This paper offers a brief reminder of previous experiences and accomplishments in the education of translators and interpreters in antiquity and the Middle Ages (Alexandria, Baghdad, Toledo), and also in the modern times, from the mid-twentieth century to the present day. It also gives a short overview of translation schools in the chronological order of their appearance (Geneva, Vienna, Paris, Magdeburg), while also mentioning some other schools and pointing to the establishment of other similar institutions outside of Europe. A substantial portion of this paper is reserved for non-institutional training of professional translators in the former SFRY, i.e. Serbia, mainly from the experiences of the Translation School at the Association of Scientific and Technical Translators of Serbia (a one-year post-graduate specialisation seminar for graduate philologists with a possibility to develop into a two-year seminar) that has been running successfully for 50 years and has educated about 4 thousand professional translators so far, most of whom are members of the Association (they account for 80 % of the total membership body) for five leading foreign languages. Therefore, a sizeable part is dedicated to the training of future scientific and technical translators and interpreters, and, particularly, their instructors, in order to use the extensive experience of current lecturers in this school who have long been due for retirement. At the same time, very strict access requirements are imposed on future translator trainers who carry the burden of translation exercises. In addition to top linguistic competences (languages A, B, C), they need to have published translations in relevant technical fields and papers in the field of translation studies and related disciplines. The education of scientific and technical translators is under the spotlight due to Serbia's EU accession negotiations where translating for the state becomes increasingly significant. The conclusion accentuates the need to raise awareness in society of the importance of translation as a traditional bridge in cooperation and an instrument for cultural and scientific transfer through centuries, and the need to raise self-awareness among translators of the comprehensive significance of this profession.

Кључне речи: образовање, превођење, компетенције, обука инструктора, значај превођења.

***Key words*:** education, translation, competences, training of instructors, importance of translation

Образовање преводилаца у старом и средњем веку

Знање страних језика у старо доба није било нарочито на цени и сматрало се недостојним владара, па су и они који су знали неки страни језик радије разговорали помоћу тумача, о чему сведочи и Библија (уп. разговор Јосифа са браћом, 1. Мој, 42:23). Међутим, то не значи да промућурни владари нису водили бригу о оспособљавању својих драгомана и преводилачког подмлатка уопште. Први записи о школовању усмених преводилаца (драгомана) потичу још из древног Египта. Познати су случајеви да су фараони слали своје талентоване поданике на учење грчког језика у Александрију, која је била највећа античка метропола са чувеном Александријском библиотеком и филозофском школом. Позната је чињеница да је у овом граду (средином 250. п. н. е.) настао први превод Библије са арамејског на старогрчки језик, познат као *Септуагинта,* који скоро десет векова био богослужбена књига хришћанства. Такође се зна да је и Јулије Цезар у рату са Галима користио преводиоце као преговараче, док су у средњовековним крсташким ратовима Европљана са Арапима и Турцима ангажовани домаћи драгомани (Јевреји или шпански хришћани са знањем арапског језика), али, због њихове непоузданости, европске државе почињу са школовањем тумача за оријенталне језике.

Током 9. и 10. века Багдад је постао водећи културни и преводилачки центар Оријента. „Кућу мудрости“ у Багдаду, неку врсту академије, основао је 825. године један од калифа из династије Абасида. Школа је имала своју папирницу, опсерваторију, академију, библиотеку и болницу, а на преводима научних текстова, пре свега са грчког на арапски, радило је 90 људи. Грчки предлошци набављани су директно из Византије, о чему се бринуо калиф лично, који је византијском цару слао своје изасланике са конкретним молбама. Багдадски преводиоци су највећим делом били хришћани арапског порекла из разних земаља, а међу њима и мањи број Јевреја и Сабејаца (становника Јемена који су говорили древни јужноарапски језик). Занимљиво је да су преводиоци били груписани по струкама, а њихов старешина *Хунаин ибн Исак* је – усместо дотле често примењиваног дословног превођења које није најбоље одговарало потребама струке – осмислио тзв. *концептуално превођење*, што је представљало важан искорак у развоју ове професије.

Први покушаји образовања преводилаца у Европи кроз праксу учињени су почетком 12. века у шпанском граду Толеду. После ослобођења града од Мавара (1085), хришћански научници дошли су у посед великог броја књига на арапском језику, па је тадашњи надбискуп *Рајмонд* иницирао масовно превођење тих књига на латински, а делимично и на шпански језик. Прва фаза рада ове школе (1130-1187) одвијала се под мериторним утицајем поменутог надбискупа, када су са арапског на латински превођена научна и филозофска дела античких, углавном грчких, аутора (Платон, Аристотел), која су током 9. века у Багдаду преведена са грчког на арапски (уп. „Кућа мудрости“). Поред тога, превођена је и оригинална арапска стручна литература (астрономија, математика, исламска теолошка дела, Коран итд.). Судећи по неким подацима, прво су локални зналци арапског језика усмено преводили на кастиљански (шпански), а затим је превод записиван и редигован.

У Толеду су радили учени људи из околних земаља – међу преводиоцима било је припадника разних народа (Шпанци, Енглези, Французи, Италијани, Фламанци, Јевреји и

Арапи). Тако је *Петрус Венерабилис*, опат манастира Клуни, превео *Коран* са арапског на латински. Најпознатији и најплоднији од њих био је *Герардо Кремонски* (1114–1187), који је превео (са арапског на латински) седамдесетак дела из алгебре, аритметике и геометрије, физике и астрономије, алхемије, филозофије и медицине, па се може сматрати *родоначелником научно-стручног превођења*. За неких пола века преведено је у Толеду око 1.300 научних дела, чиме је дат велики подстицај развоју науке у Европи. Значајни образовни и преводилачки центри тог времена били су још Палермо (Италија), Монпеље (Француска) и Оксфорд (Енглеска).

У међувремену је основан знатан број универзитета широм Европе, од оних најстаријих у Византији и Италији, али се ни на једном од њих нису посебно изучавани ваневропски језици, нити су организовано школовани преводиоци за те језике. Иако једна веома значајна иницијатива те врсте потиче још из 14. века, до оснивања првих високошколских установа за преводиоце требало је да прође још много времена. Тако је почетком 18. века (тачније 1721. године) основана у Француској Висока школа за живе оријенталне језике, следи оснивање једне сличне академије у Аустрији (1754), а знатно касније (1887. године), основан је у Берлину Семинар за оријенталне језике. Као што се види из назива ових школа, овде су заступљени, пре свега, арапски, турски и персијски језик, који су били важни за европску трговину и дипломатију. Крајем 19. века образовање преводилаца ће се проширити на нове језике – на кинески, јапански, турски, руски, шпански, а тек 30-их година 20. века обухватиће и друге језике, нарочито европске (француски, италијански, португалски, румунски, чешки, пољски, српски).

Образовање преводилаца у 20. веку

Идући у сусрет потребама новога доба, у неутралној Швајцарској, тачније у Женеви, основана је 1941. године специјализована висока школа за образовање преводилаца и тумача (ЕТИ). Од тог датума, она је двапут мењала свој назив (1972. и 2011. године) и данас је то факултет са преко 600 студената и 100 предавача за седам светских језика (уп. www.unige.ch/eti). Студије на овом факултету, који има два смера (за научно-стручно и књижевно превођење), трају четири године, а полазници током студија проводе једну годину на пракси у иностранству.

У јеку ратних разарања (1943) основана је и друга савремена преводилачка школа у Европи, тачније у Бечу. Она је првобитно била намењена школовању усмених преводилаца, дакле тумача, а од 2004. године фигурира као Центар за транслатологију за 14 страних језика. Овде су, поред великих европских, заступљени и водећи азијски језици (арапски и јапански), али и језици суседних народа, укључујући ту и српскохрватски (сада: БХС). Овај центар образује стручњаке за усмено и писмено превођење књижевних и стручних текстова (уп. www.univie.ac.at/transvienna).

Прва послератна преводилачка школа ЕСИТ основана је 1957. године на Париском универзитету "Сорбона 3", у време оснивања Заједничког европског тржишта. У ствари, реч је о двогодишњим постдипломским студијама за 30 језичких комбинација, укључујући ту и знаковни (француски) језик. Поред велике пажње питањима транслатологије,

примењене граматике, преводилачке вештине и предавања из пратећих струка, највећи део наставе отпада на вежбе из стручног превођења. Школа оспособљава полазнике за писмено и усмено превођење правних, економских и техничких текстова. Диплому ове школе добило до данас преко 3.500 постдпломаца (уп. www.esit.univ-paris 3.fr).

Данас у Европи постоји двадесетак специјализованих преводилачких факултета и института са врло сличним програмима (уп. њихово чланство у ФИТ), усмерених, пре свега, на оспособљавање стручних преводилаца за потребе државне управе и привреде. Једна од најмлађих је Висока школа Магдебург-Стендал (СР Немачка), основана 1991. године. За разлику од већ помињаних специјализованих високих школа овога типа, само један њен смер (Смер за међународну струковну комуникацију и медије) бави се образовањем стручних преводилаца за потребе органа власти и судства. Поред изучавања транслатологије, велика пажња се поклања свестраном језичком, културолошком и стручном оспособљавању полазника, али су овде заступљене и екстралингвистичке дисциплине – информатика, право, психологија, здравство и социјална политика. Настава се изводи на матерњем језику (А) и на оба страна језика (Б и Ц). Последњих година основано је и неколико преводилачких факултета у ваневропским земљама (Америка, Азија, Африка) који, у недостатку домаћих кадрова, користе услуге гостујућих професора европских преводилачких школа. И док велике европске земље већ деценијама образују преводиоце и тумаче, мале земље средње Европе и Балкана, где су највеће потребе за превођењем, и даље не схватају значај овог институционалног образовања, иако се неке од њих чланице Европске уније, док се друге налазе у фази приступних преговора.

Оспособљавање стручних преводилаца у бившој СФРЈ и Србији

Како у бившој СФРЈ није постојало институционално образовање преводилаца (а не постоји ни данас), то је Удружење научних и стручних преводилаца Србије морало да на себе преузме тај тежак и одговоран задатак. Оно је кренуло путем поменутих европских школа, па је већ 1961, одмах по оснивању Удружења, прорадила једногодишња Терминолошка школа за усавршавање дипломираних филолога у преводилачкој вештини. Тадашње руководство Удружења добро је схватило да чисто филолошко образовање није довољно за успешно превођење некњижевних текстова разних струка. Пре равно 50 година (1967), Школа је и формално прешла у руке Удружења и са мањим прекидима у доба санкција ради и данас, мада је у међувремену доживела извесне програмске трансформације. До данас је дипломе ове једногодишње постдипломске специјализације добило близу 4.000 полазника за пет светских језика (енглески, француски, немачки, руски, италијански). То значи да највећи број чланова Удружења (80%) поседује диплому ове школе, што је знатно допринело квалитету превода нашег преводилачког центра и добијању сертификата за квалитет превода (2011).

Преводилачка школа Удружења образује стручне преводиоце широког профила (недостају само природне науке, за којима постоји мања потреба у привреди и друштву уопште). Поред уводних предавања из лингвистике и традуктологије за све полазнике, остала настава – у ствари лекторске вежбе из превођења, уз развијање преводилачке

вештине и савлађивање стручне терминологије – наставља се по предметима на одговарајућих језичким катедрама. Заступљена су по три друштвена и три техничка предмета са минималним фондом од по 30 часова, тако да укупан годишњи фонд износи равно 200 часова. То су: Друштвени системи, Економска терминологија, Судско превођење и тумачење, односно Машинство, Грађевинарство и Електротехника (Ранију Информатику заменило је пре неколико година Судско превођење).

Управа школе свесна је чињенице да овај фонд часова није довољан за темељно савлађивање предметног градива према дидактичким захтевима. Сматрамо да број часова по премету треба удвостручити или га повећати бар за 50% (дакле на 45 или 60), што би предавачима омогучило да темељно обраде предвиђено градиво и тако знатно подигну квалитет наставе, што би изискивало већи интензитет рада или продужење школе на две године. То посебно важи за друштвене предмете, које, због потреба државне управе и приступања Унији, треба што темељније савладати, на чему инсистира и сама Европска унија.

Из поменутих разлога, Удружење се одавно носи мишљу да садашњу једногодишњу школу, попут париског ЕСИТА, претвори у двогодишњу постдипломску специјализацију и да формира нови смер за усмено (конференцијско) превођење, али за то постоје формалне законске препреке. Нажалост, оно није успело да досад нађе погодног партнера за то, иако реализација ове озбиљне идеје, у светлу преговора о придруживању уједињеној Европи, све више добија на значају. Већ данас се, посебно на плану преводилаштва, осећа озбиљан раскорак између конкретних друштвених потреба и образовне понуде на просторима бивше Југославије, посебно у области усменог превођења у одређеним језичким паровима. Искрено се надамо да ће нас нужда натерати да се озбиљно позабавимо овим проблемом и нађемо одговарајуће решење, чему Удружење може доста да допринесе својим богатим искуством.

О оспособљавању инструктора превођења

Језик одувек фигурира као основно комуникативно средство и незаобилазно оруђе преводилаца, те се изучавању матерњег (језик А) и страних језика (Б и Ц) у образовању преводилаца и њихових будућих инструктора мора посветити велика пажња. При том је сасвим јасно да фонд часова језика и стручних предмета за инструкторе само може бити већи, а никако мањи него на постојећим курсевима превођења. Настава језика првенствено се оријентише на разумевање и анализу текста, на вежбања из контрастивне граматике, на савлађивање преводилачке вештине и стручне терминологије. У свему томе, недостатак преводилачких уџбеника и других приручника за поједине језике и предмете, посебно за језик струке, представља озбиљан хендикеп. Додуше, Удружење је досад обезбедило известан број правих уџбеника или бар скрипата за заступљене предмете и на томе ће и даље радити. Од општеобразовних предмета незаобилазну улогу имају данас практична знања из информатике, без којих је незамислива широка употреба компјутера у припремној фази превођења, посебно у решавању терминолошких проблема, али и у разне истраживачке сврхе које су предвиђене међународним стандардом ИСО 17100:2015, који

је већ заменио ранији поменути ДИН ЕН 15038 из 2006. године. Дакле, нови ИСО-стандард дефинише преводилачки процес и утврђује неопходне компетенције и квалификације свих учесника преводилачког процеса (преводилаца, редактора, коректора).

Специјализована обука будућих инструктора превођења поставља пред његове организаторе више формалних и суштинских питања. Једно од тих питања односи се на наставни кадар, који се мора окупити са разних страна како би се могли задовољити високи (стручни и педагошки) захтеви које један овакав посао пред њих поставља. Укратко, то морају бити најбољи теоретичари, на једној, и најбољи практичари са доказаним референцама, на другој страни. Идеално решење било би оно, које у једној личности обједињује високо познавање преводилачке теорије и праксе (ово је чест случај на постојећим преводилачким факултетима), што је код нас доста ретка појава, а већина таквих стручњака је данас у врло зрелим годинама.

Судећи по досадашњој пракси у свету, будући инструктори превођења треба да се формирају као специјалисти за поједине групе наука – друштвене, природне или техничке. Време великих генија је неповратно прошло и данас се искључиво траже специјалисти, чак и за уже области од овде поменутих, дакле за само једну од њих – за право, економију, политику, дипломатију итд, што би се могло остварити у другој фази, ако за то буде било довољно интересената. Сматрамо да се фонд часова за друштвени смер мора кретати око минималних 220 часова. При том би на теоријску наставу (традуктологија, међународна политика, увод у право, политичка економија) отпадала 1/3 часова, док би 2/3 било намењено вежбама из превођења на текстовима из поменутих дисциплина. Иста шема треба да важи и природне и техничке науке, при чему су врхунске језичке компетенције (језици А, Б и Ц) *sine qua non* овог образовног подухвата.

Као што се из овог кратког излагања може закључити, образовање преводилаца, а посебно њихових инструктора, представља доста сложен и одговоран посао. Од наставног особља се очекује потпуно владање свим преводилачким компетенцијама на највишем нивоу, а посебно двострука језичка и традуктолошка компетенција, мада не треба запоставити ни културолошку и информатичко-истраживачку димензију. Укратко, инструктор мора бити веома поткован у знањима матерњег и страних језика, у релевантним лингвистичким дисциплинама, у области преводилачке теорије и технике, али мора темељно познавати бар једну нефилолошку дисциплину као област превођења.

Но, како се с правом поставља питање радних референци предавача на овим курсевима, тако треба поставити и питање приступних претпоставки будућих полазника, кандидата за нове инструкторе превођења, како би се отклониле постојеће заблуде у вези самог превођења и његовог схватања као последње шансе за запошљавање. То би уједно смањило флуктуацију полазника и осигурало стабилност наставе. Зато предлажемо следеће полазне услове:

1. висока стручна спрема језичког смера са високом оценом из језика или друга ВСС одговарајућег усмерења (уз обавезну проверу језичких компетенција);
2. преводилачко искуство у дотичној стручној области/групацији од најмање десет година, уз навођење урађених и објављених стручних превода;

3. објављени стручни радови из релевантних области (српска и страна филологија, примењена и контрастивна лингвистика, социолингвистика, лексикологија, терминографија и традуктологија);
4. конференцијски преводиоци (њихови инструктори се оспособљавају на посебном курсу) подлежу тестирању психофизичких способности и реторике, али и они морају имати одређено искуство од најмање десет година, уз подношење списка конференција на којима су преводили или списка делегација за које су радили.

Зашто је потребно стручно оспособљавање инструктора превођења? Иако још увек постоје доста раширене заблуде у вези преводилаштва (чак ни многи преводиоци нису у стању да ваљано дефинишу и опишу своју професију), ипак друштвена клима све ширег лиценцирања за многе струке довела је до сазнања да се ни ови послови више не могу обављати без ваљаног образовања. Време самозваних преводилаца, наставника страних језика и књижевности, је прошло. Преводилачке услуге је досад регулисао стандард ДИН ЕУ 15038 који од преводиоца захтева диплому високе преводилачке школе или положен специјалистички државни испит, који укључује врло озбиљну припрему и полагање пред вишечланом државном комисијом. Иза свега тога стоји Европска унија, чије функционисање веома зависи од доброг (усменог и писменог) превођења.

Поред тога потребно је подићи друштвену свест о значају превођења у светлу глобализације и вишеструке повезаности земаља и народа, у чему преводиоци, као традиционални мостови сарадње и носиоци културног и научног трансфера, играју велику улогу. Такође је потребно оснажити самосвест преводилаца као врхунски образованих интелектуалаца (уп. Кронин 2005: 263) који заслужују истакнуто место у друштву и његовим институцијама, како би својим знањем доприносили друштвеном дијалогу о питањима културе, политике и образовања. У том контексту подсећамо на речи Николе Тесле о томе да његови преводи Змајевих песама на енглески језик знатно надмашују сва његова техничка открића.

Списак литературе

Alba-Juez, Laura (2009) Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Brankica Bojović (2014) Teorija prevođenja, skripta za studente specijalističkih studija na odseku Engleski jezik i književnost, Filozofski fakultet Nikšić.

Cronin M. (2005). "Deschooling translation: beginning of century reflections on teaching translation and interpreting." Martha Tennet. Training for the New Millennium. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 249-265.

Danica Selesković/Marijana Lederer (2007) Obrazložen pedagoški prilaz nastavi konferencijskog prevođenja, Udruženje naučnih i stručnih prevodilaca Srbije, Beograd.

Dornyei, Z. (1994) The Modern Language Journal, Vol. 78, No. 3

Gile, Daniel (2011) Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training (Revised Edition), Shanghai Foreign Language Education Press.

Grabe William (2002). Applied linguistics: an emerging discipline for the twenty-first century. Robert B. Kaplan (ed.). Oxford Handbook of Applied Linguistic. Oxford University Press, 3-12

Školski centar UNSPS (Izvod iz programa), www.prevodi.rs

Snel-Hornbi Meri: (2011) Pravci u studijama prevođenja. Nove paradigme ili promjena pogleda?, prevela Doc. dr Brankica Bojović, Obodsko slovo, Podgorica.

Stoller, F. (2002) Content-Based Instruction: A Shell for Language Teaching or a Framework for Strategic Language and Content Learning? Keynote presented at the annual meeting of Teachers of English to Speakers of Other Languages, Salt Lake City.
Zoran R. Jovanović (2000) 40 godina Udruženja naučnih i stručnih prevodilaca Srbije 1960-2000, "Prevodilac", Beograd.
Zoran R. Jovanović, „Slovo o prevođenju“, u „Prevodilac“, br. 3-4/2000, str. 42–59.
Zoran R. Jovanović, "Kvalitet prevoda u svetlu standarda o prevođenju DIN EN 15038 : 2006", u. "Prevodilac" 3-4/2012, str. 57–65.
Zoran R. Jovanović, 40 godina Prevodilačke škole Udruženja, u: „Prevodilac“, br. 1-2/2007, str. 7–10.

Маркович Деян
Философский факультет Нишского университета, г. Ниш (Сербия)

Markovic Dejan
Faculty of philosophy, University of Nis, Nis (Serbia)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА РУССКИХ КИНОФИЛЬМОВ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

ON CERTAIN PROBLEMS OF TRANSLATING RUSSIAN FILMS INTO SERBIAN LANGUAGE

Кинофильм всегда на себя брал важные философские и социальные роли, которые отражаются в культурном обмене, формировании мнения о народе и стране, сохранении идентичности. От качества работы переводчика зависит оценка фильма со стороны зрителей, для которых исходный язык не является родным. Перевод фильмов является особой формой художественного перевода, который преследует цель осуществления полного межъязыкового эстетического общения с помощью интерпретации исходного текста, который реализуется в новом тексте на другом языке. Перевод фильма намного свободнее, чем перевод литературных произведений. Переводчик вынужден сокращать первоначальный текст, обычно прилагательные и лексические единицы, которые не понятны ему, заменяя их на более короткие слова или структурно преобразовывая целые части исходного текста.В первой части этой статьи мы заметили неудачный сербский перевод даже в филмах на сербском национальном телевидении, и мы выделили основные причины этой ситуации: 1) сжатые сроки, которые предоставляются для осуществления перевода; 2) выгода дистрибьютеров; 3) недостаточная оплата за работу переводчика; 4) профессиональная некомпетентность людей, осуществляющих перевод.Далее мы проанализировали типичные ошибки, возникающие при переводе русских фильмов на сербский язык: 1) незначительные ошибки в переводе слов; 2) существенные ошибки в переводе ключевых слов, что в итоге меняет весь смысл сообщения; 3) ошибки, связанные с изменениями в структуре высказывания и т.п.В качестве корпуса для нашего исследования, нами было отобрано 10 переведенных на сербский язык российских фильмов общей продолжительностью более 20 часов. Во-первых, мы проанализировали переводы русских названий фильмов и дали рекомендации как необходимо осуществлять перевод наилучшим образом. Мы также отметили, что переводчик должен учитывать культурную среду оригинального названия фильма и заботиться о том, чтобы не возникала стилистическая разница между оригиналом и переводом.Из типичных ошибок мы разобрали на примерах появление межъязыковых омонимов, неудачное калькирование, перенесение реалий с языка оригинала. Во избежание всех этих ошибок, переводчик должен быть одаренным в лингвистическом смысле и хорошим знатоком иностранной фразеологии. Нами также рассмотрены примеры языковой компрессии (сжатия), передачи невербальных средств коммуникации, которые могут встретиться в кинофильме. В процессе работы над переводом фильма, именно переводчик выбирает правильную стратегию и принимает решения относительно конечного результата перевода. В случае если культурные языковые матрицы полностью совпадают в двух языках, то дословный перевод может оказаться лучшим решением. Необходимо помнить, что каждый перевод индивидуален. Поэтому невозможно определить и описать единственный правильный алгоритм действий при переводе. Каждый раз необходимо искать самое лучшее решение и подбирать вариант, учитывая все то, что изложено в настоящей работе.

Film has always had the role of representing important philosophical and social aspects included in cultural exchanges, the forming of opinions on the state and its people, as well as preserving cultural identity. The work done by the translator will always necessarily affect the way non-native viewers understand and appreciate different aspects of the meaning intended. Translating films is a very specific form of artistic translation which interprets the original text with the aim of producing optimal interlinguistic aesthetic communication materializing in a new text and a different language. There are fewer restrictions in film translation and the translator is often compelled to make cuts in the original, which is not so with translating literature. The most frequently made cuts refer to adjectives, phrases and lexical units in general, which, because the translator may find them unfamiliar, are often shortened or

replaced with other words, the translating process occasionally resulting in the whole parts of the original being transformed in structure. The first part of this paper is about problems related to translating into Serbian – the problems we have identified even in films broadcast on national television. The main issues in this context are: 1) short deadlines; 2) distributors focused on profit primarily; 3) translators' work not being valued as it deserves; 4) professional incompetence. Our paper further looks at specific examples of typical errors which occur in translating Russian films into Serbian: 1) small errors in translating individual words; 2) inadmissible errors related to translating key words, which then results in significant changes related to the overall meaning; 3) errors which occur when the structure of a statement is changed etc. The corpus chosen for our research consists of ten translated Russian films exceeding twenty hours in duration. The analysis started with the titles of the Russian films including advice on how the translator should proceed in the best way possible. It has been strongly emphasized that the translator should take into account all the discrepancies and variations of cultural context to avoid making inadequate choices. As far as typical translation errors are concerned, our analysis was focused upon interlinguistic homonyms, unsuccessful calquing, failures in translating empirical data from the language of origin etc. To avoid any such mistakes, an advanced level of linguistic competence is necessary, which implies the full knowledge of the nuances of style and expression, as well as the way idiomatic expressions work in both languages. Special attention has been given to the examples of linguistic compression including ways of translating nonverbal communication. It is the translator's responsibility to make strategic decisions along the way shaping the final result of his work. If it so happens that cultural and linguistic structures overlap, then literal translation may be the best way to proceed. One has to bear in mind, however, that each translation is special and specific, which makes it impossible to describe or prescribe a single correct approach to translation. Searching for the optimal solution in each specific case is the only valid way to proceed as long as one is fully aware of the issues discussed in this paper.

***Ключевые слова*:** перевод кинофильмов, ошибки, русский язык, сербский язык, омонимы, калькирование.

***Key words*:** translating films, translation errors, the Serbian language, the Russian language, homonyms, calquing

Филм је одувек на себе преузимао важне филозофске и социјалне улоге које се огледају у размени културе, формирању става о народу и држави, очувању идентитета. Због тога је веома актуелан проблем прецизног превођења страних филмова. Од квалитетног посла преводиоца зависи и како ће оценити смисао филма гледаоци којима језик оригинала није матерњи. Неуспели превод и употреба одређених речи или читавих израза са другим значењем може узроковати лоше схватање самог филма, културе и карактера главних ликова, јер "превођење се може широко одредити као облик комуникације при коме се неки садржај, претходно изражен средствима једног језика, преноси у други језик. При томе оно није само језичка операција него је и културни чин" [Бугарски, 2003, с. 94].

Текст је у сваком филму важан фактор који доприноси перцепцији целокупног остварења. Он је елиптичан и не може се сагледавати одвојено од других елемената филмске поруке. Превод филмског текста мора да обезбеди да утицај на страног гледалаца превода буде идентичан ономе који имају слушаоци изворног текста. У филму се појављују различити дијалози, коментари, песме и случајни натписи у кадровима. За разлику од других врста преводних текстова, он има своје карактеристичне особине: ограничен је по времену трајања што онемогућава амплификацију; предвиђен је за моментално доживљавање, а значи да мора бити што је могуће информативнији и разумљивији за

гледаоце. Превод филмова спада у посебан вид уметничког превода који има циљ да "оствари потпуну међујезичку естетску комуникацију преко интерпретације изворног текста, која се реализује у новом тексту на другом језику" [Оболенска, 1998, с. 108]. Код превођења филмова постоје специфичности које су условљене језиком филмских ликова, као и потреба да се испоштују критеријуми уметничког превођења, зато се он разликује од књижевног превода. Сваки филм носи одређену поруку режисера, сценаристе и глумачке екипе, коју они шаљу гледаоцима. Постоји јасан пошиљалац информације, прималац и канал преношења. Као и у језичком систему, на филму постоји најмања значењска јединица *кадар*. Превод филма је доста слободнији од превода књижевног дела. Преводилац би требало да води рачуна и о томе да се његов превод уклапа у оно што ликови тренутно изговарају на екрану. Због тога је принуђен да скраћује изворни текст, долази до намерног пропуштања речи које су небитне у семантичком смислу. Најчешће су то епитети и лексичке јединице које нису разумљиве самом преводиоцу, те их он замењује краћим појмовима или структурно трансформише читаве делове оригиналног текста.

Када су у бившој Југославији приказивали у Дому совјетске културе (сада Руском дому) популарни совјетски цртани филм *Ну, погоди!*, наслов су радници Дома превели као *Чувај се!*. Серија је била базирана око вука који је на све начине покушавао да ухвати домишљатог зеца[1]. У цртаном није било пуно дијалога и са те стране он је био лак за преводиоце. На руском би повратни превод оваквог српског наслова на руски језик био *Берегись!* Многи би могли рећи да наслов не одговара оригиналу, али морамо се сложити да је био близак њему у сваком смислу. Када се тај цртани филм почетком осамдесетих година прошлог века појавио у термину цртаних филмова, недељом у 19 сати, на југословенској телевизији, професионални преводиоци (пошто је у то време била обавеза да се преводом на телевизији баве професионалци) су превели назив са *Запамтићеш ти мене!* Што је исто превод о коме се може дискутовати.

У српској верзији популарне руске серије Бригада реч *чебурашка* била је преведена као *наказа*. Чебурашка је лик који је измислио писац Едуард Успенски 1966. године и био је један од главних ликова у књизи "Крокодил Гена и његови пријатељи". Снимљен је по тој књизи и цртани филм аутора Романа Качанова "Крокодил Гена" и тако су ови ликови постали веома популарни код руске деце. Вероватно то нису знали преводиоци те серије код нас, вероватно су нашли на интернету слику *чебурашке* са великим ушима која им се није допала, па су закључили да је то наказа. Мада, руку на срце, често је немогуће превести одређену руску реалију у кратком титлу без уношења појашњења, кога временски не бисмо стигли да прочитамо у титлу, пошто време приказивања сваког титла зависи од темпа говора филмских ликова.

Због лоших преводилаца титлови у серијама и филмовима су рогобатни и нетачни, реченице су буквално и бесмислено преведене и граматички неисправно написане. За

[1] Интересантан је податак да је за глас вука био предвиђен легендарни руски песник и глумац Владимир Висоцки, али државни врх није дао дозволу за то, те је изабран Анатолиј Папанов, чији ће глас за сва времена остати упамћен код деце, а сада већ одраслих људи, управо по тој његовој улози. Ипак се у једној епизоди чује песма Висоцког коју Вук пева (Песма пријатељу).

доброг преводиоца је најважније да зна језик на који преводи и да у њему осећа све нијансе, да је способан да се добро изрази и да има широко знање из опште културе. Нажалост, то немају многи наши преводиоци и како је добро приметио један обичан човек у коментарима у вези са лошим преводом једног филма: "Код наших преводиоца прим. прев. значи примитиван превод".

Превођење и титловање филмова често наилази на негативне коментаре људи који су добри познаваоци језика на коме је филм створен. Деси се да управо превод наруши углед филма у појединим земљама, јер се овај захтеван и одговоран посао препушта људима који не познају у довољној мери одређени језик, а на основу преведених језичких израза и граматичких конструкција понекад се може закључити да не познају ни језик на који преводе (примери: би смо, је ли, претрча ћу и сл.). Зато смо убеђени да преводилац који се упушта у превођење филмова првенствено мора познавати граматику свог језика, т.ј. језика на који преводи филм, али је исто неопходно и познавање жаргонизама и изрека на изворном страном језику како не би дошли у ситуацију да руску реченицу из филма Контрибуција (2016): *Все равно отнимут. Так что же добру зря пропадать? Хоть шерсти клок*, преведу буквално као *Све једно ће отети. Па нек је и вуна, што џабе да пропада?* А у последњој реченици се ради о делу познате руске изреке која у целини гласи: С паршивой овцы хоть шерсти клок (макар нека вајда, бар неке вајде да буде).

Ситуација је таква јер издавачке куће не запошљавају скупе професионалне преводиоце, већ оне који свој рад најмање цене и наплаћују најмање. Постоје различите комерцијалне интернет странице са пиратским садржајем (filmovizija, titlovi.com) на којима се нуде бесплатни титлови без икаквог критеријума са којих кабловске телевизије бесплатно преузумају садржај. Телевизије не желе да плаћају преводе и титловање страног садржаја и немају намеру да запосле професионалце за овај посао. Само телевизије из бившег система РТС-а имају преводиоце у сталном радном односу, а све остале имају хонораре према којима немају никакве обавезе. Рокови за превођење су неразумни, посао је тежак, а захтева концентрацију, мотивисаност и изванредно познавање свих слојева лексике страног језика. Управо због тога телевизијски канали преузимају готове аматерске преводе, а добро је ако одраде макар козметичке измене. Одговорност за стање сносе и државне агенције из домена радиодифузије, заштите ауторских права и лиценцирања садржаја и превода. На крају имамо недовољно познавање страног и сопственог језика и правописа, срозавање вредности тешке преводилачке професије и цене њиховог рада.

Познато је да се у случају писменог превођења цена израчунава по броју преведених страна, то је тзв. преводилачка страна. Преводилачка страна обухвата 18000 карактера са размацима или 250 речи. Док се преводиоцима писаних дела плаћа по броју словних места, код превођења филмова цене су знатно мање и рад се наплаћује по дужини филма. Сматрамо да то није у реду, поготову што у неким филмовима има много дијалога, а у некима мало у току једног те истог временског периода. Проверили смо на пракси и установили да постоје филмови од 90 минута са 4000 речи, а у неким другим филмовима са истим временом трајања има преко 9000 речи. Цене које се крећу до 50 центи за минут

превода филма су неприхватљиве за ову професију и сигурно су један од главних узрока незадовољавајућег нивоа превода, чиме се управо наш рад бави.

У дневним новинама Блиц од 20.12.2015. у чланку "Ко је, бре, преводио ове филмове" аутора Горице Авалић интервјуисан је преводилац и члан Удружења научних и стручних преводилаца Слободан Козарчић. Он овако описује стање у нашим дистрибутерским кућама: "С врата су ме у једној агенцији која се бави правима и преводима два пута обавестили да сам ја њима нужно зло, у смислу преводиоца, и да они то раде јер им телевизије траже филмове с преводима. Затим су ми дали уговор који је био пун претњи и казни за преводиоце, наручилац је по њему имао право да на крају филма не објави име преводиоца, да мења превод по свом нахођењу".

А превод филмова је озбиљан посао. Он уводи филм у другу културно-историјску средину и код остварења, које је направио режисер на основу културе чији је он носилац, мења се адресат. У перцепцији "туђе" појаве код тог новог адресата може доћи до одређених нејасноћа. Преводилац може да утиче само на говорни ниво филма, а сва информација која је садржана у музичкој пратњи и кадровским сликама филма остаје непромењена. Потребно је овде напоменути да и сама слика и музичка обрада у себи садрже социјалне и културне илузије и метафоре, које су разумљиве гледаоцима оригиналне верзије, али које гледаоци преведеног филма не доживљавају на исти начин. Преводилац може само делимично да реконструише такву информацију и поруку, на пример, преводом песме која се појављује у филму или порука које се срећу (на зидовима, плакатима, у писмима), као што може да унесе кратка појашњења у сам дијалог. Зато је важно да приликом превођења преводилац узима у обзир разлику у култури и сликама света код стваралаца филмског оставарења и гледалаца преведене верзије.

Приликом превођења филмова није само важно да филм буде разумљив за нову публику, већ се мора сачувати смисао оригинала, морају се сви ликови представити у оригиналном стилистичком кључу, онако како их је осмислио аутор. Другим речима помоћу средстава другог језика ствара се исто уметничко дело и преноси иста замисао са истом крајњом поруком. Сам језик филмских ликова представља ауторску стилизацију природног разговора у коме су заступљени различити регистри комуникације - од узвишеног стила до жаргонизама и вулгаризама. Преношење таквих нијанси у преводу ради очувања стила оригинала представља тежак и у исто време интересантан посао.

Да резимирамо сада узроке проблема који доводе до опадања квалитета превода руских филмова у Србији: 1) кратки рокови који се дају за извршење посла; 2) алавост дистрибутера; 3) недовољна надокнада за посао преводиоца; 4) стручна некомпетенција. Сада се можемо позабавити и грешкама у преводу, односно ониме што је "заборављено" или рекли бисмо "забрљано у преводу". Типичне преводилачке грешке можемо разврстати у: 1) ситне грешке у преводу речи; 2) недопустиве смисаоне грешке у преводу кључне речи, која мења смисао читаве поруке; 3) грешке због промене структуре исказа и сл.

Свако ко је 10. новембра 2016. у 0.05 сати упалио први програм РТС-а могао је да види да је Јавни сервис емитовао руски филм *Блокпост* (српски превод: *Контролни пункт*). Људи који добро знају руски језик углавном док гледају руске филмове ретко прате српске

титлове, сем у случају када их занима податак да ли је одређени израз преводилац добро превео. Ми смо у филму на пар места пронашли крупне грешке у преводу. Тако је *коровья лепешка* преведена у титловима као *крава*, а одговор на питање *шта* (- Что? - Через плечо) лаички је и дословце преведено као: - Шта? - Преко рамена. Одговор у духу српског језика пре би био: *штапови за пецање*. То је карактеристични српски израз који се користи као одговор на овакав упит на који не желимо да дамо одговор. Можда је преводилац могао и да искористи израз *зини да ти кажем*. Али, није никако смео да преведе то дословно. То нас је натерало да мало дубље истражимо проблем превођења руских филмова код нас у Србији. Стога смо 20. новембра 2016. упутили допис РТС-у следеће садржине: "Поштовани, професор сам руског језика на Филозофском факултету у Нишу и тренутно пишем један рад из транслатологије. За допуну корпуса истраживања ми је потребан и руски филм са преводом *Русалка* који је емитован на РТС-у 24.08.2014. године. Да ли постоји могућност да ми пошаљете диск са тим филмом и преводом?". Тражили смо управо тај филм пошто смо пронашли да је емитован на РТС-у у поменутом термину, а наш Департман за руски језик и књижевност Филозофског факултета је тај филм, који је био руски кандидат за Оскара 2009. године, приказивао бесплатно 2010. године у Нишком културном центру. За ту прилику смо урадили и превод на српски језик. Пошто смо поново прегледали наш превод и нисмо уочили неке значајније грешке, желели смо да га упоредимо са преводом који је урадио РТС. Нажалост, РТС нам није изашао у сусрет и не само да нам није послао диск, већ није ни одговорио на нашу молбу.

Ми смо назив филма превели са *Русаљка,* а неки други преводиоци су назив филма превели са *Русалка*, па чак и *Вила*, иако је управо *русаљка* једна од водених вила из народних веровања словенских народа, те и у нашем језику такав израз постоји. И сам стари келтски назив нашег родног града Ниша на обали реке Нишаве (Наисе) је по речној вили Наиси из келтске митологије, што значи град водених вила, а на руском је адекватан превод тог старог назива града *город русалок*. Чак се и главни биоскоп у Нишу данас зове Вилин Град. Народна етимологија доводи русаљке у везу са речју русло (поток), која се задржала у руском језику у непромењеном облику. Назив русаљка среће се у многим словенским земљама и ван Русије: у Бугарској постоје "русална гробишта", у Србији црква св. Богородице Русалије или св. Тројице Русалије у околини Ниша; у Словенији се налазе три цркве под именом Росалнице. Митска бића слична вилама и русаљкама срећемо и у народним веровањима Чеха (Vodni Panny), код Словака (Vodopanenky), код Пољака (Bogunki), а сва ова бића по предању вуку несмотрене људе у дубине вода у којима обитавају. Како бележи митологија: "Русалке обитавају са водењацима, а каткад и саме у мањим рекама и језерима где водењака нема. Имају своју краљицу која их дозива трубом и подређена је краљу водењака" [Луј Леже, 1984, с. 56].

Како нисмо добили материјал од РТС-а, били смо приморани да као корпус за наше истраживање узмемо новије руске филмове са њиховим преводима на српски језик које смо пронашли на интернету. Њихове преводе радили су преводиоци који иначе обављају хонорарне послове превођења за познате телевизијске канале. Анализирали смо 10 филмова у трајању од преко 20 сати.

Да објаснимо прво на који начин се обавља превод филмова. Обично преводилац добија од наручиоца дијалог листу (написане дијалоге глумаца) и диск са филмом. Диск даје могућност преводиоцу да се упозна са радњом читавог филма, што му умногоме олакшава поступни превод дијалога, јер унапред има представу о радњи читавог филма. Преводилац се може сусрести и са техничким потешкоћама, на пример када је листа дијалога некомплетна. Он тада преводи дијалоге чије аудирање може бити отежано због свађе, шапутања, неке бучне акције у позадини и сл. Често мора погађати смисао дијалога на основу слике или из контекста. Деси се да преводиоци и не добију диск и онда нису у стању да одгледају филм. У том случају превод врше само на основу дијалог листе; то захтева дуже време и, по нашем мишљењу, узрокује мањи квалитет превода. Након превода дијалог листе, задатак преводилаца се састоји у томе да их укомпонује у тачно време њиховог појављивања на филму. За то постоје посебни програми и преводиоци би требало да буду унапред обучени за тај посао. Дешава се да због трке са временом преводиоци преузму са интернета већ готову дијалог листу са преводом на неки други језик који они познају и са већ обележеним временом појављивања титлова у филму. То им олакшава посао, али превод оригиналног текста може само да изгуби на квалитету у том случају. Треба имати у виду да се темпо говора и граматичке структуре у руском и српском језику разликују. Срби говоре нешто брже од Руса. Осим тога, преводилац често прибегава преводилачком поступку компресије како би са минималном количином језичких средстава максимално пренео информацију гледаоцима.

Упознавање са филмом увек почиње од његовог наслова. Због тога је потребно наслов превести што је могуће тачније, а преводилац мора увек себи поставити питање да ли је у самом наслову нешто сакривено у позадини и да ли тај наслов значи нешто више у језику са кога преводи? Наравно, преводилац мора и да зна тачан одговор на то питање. Следеће питање би било да ли дословни превод наслова, уколико он има неко скривено или алегоријско значење у изворном језику, задржава такве асоцијације код гледалаца и у преводу?

Улазећи у проблем превођења назива руских филмова, често можемо уочити да је назив неког руског филма веома дугачак и да личи на проширене реченице: *Корона Российской Империи, или Снова Неуловимые* (1972); *Ирония судьбы, или С легким паром* (1975); *Приключения Петрова и Васечкина, обыкновенные и невероятные* (1984); *На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-бич опять идут дожди* (1992); *Тайна королевы Анны, или Мушкетеры 30 лет спустя* (1993). Наравно да ћемо се потрудити да називе таквих филмова преведемо на српски језик једноставније него у оригиналу, пошто су називи наших филмова углавном кратки (једна реч или синтагма). Сличан поступак користе и Руси када преводе стране филмове са дугачким називима. На пример амерички филм *Those Magnificent Men in Their Flying Machines or How I Flew from London to Paris in 25 hours 11 minutes* преведен је за руско филмско тржиште и биоскопске репертоаре као *Воздушные приключения*, а италијански филм са легендарним и веома популарним у то време певачем и глумцем Адријаном Челентаном који се зове *Bluff storia di truffe e di imbroglioni* из 1976. преведен је као *Блеф*. Понекад се такав скраћени назив суштински

разликује од оригиналног назива филма, али нам преноси део атмосфере или радње филма.

Наравно да преводилац мора да поседује осим знања и одређени укус и социјалну и политичку интуицију: стари амерички филм *Неки то воле вруће* (оригиналан назив *Some Like It Hot*) у тадашњем СССР-у преведен је под називом *В джазе только девушки*. То се, вероватно, објашњава тадашњим приликама у земљи која је покушавала да изгради комунистички систем и у којој није било могуће да назив филма, па макар и страног, буде вулгаран. У новије време су Руси амерички филм *This is 40*, који се бави кризом средњих година у везама различитих парова, превели *Любовь по-взрослому*, мада су могли да преведу са *Вот и сороковник (сорок)*, *Стукнуло сорок лет* или *Это сорок, детка*. Овде је уочљива разлика културолошке природе: у Русији и у иностранству жене у 40-ој години живота живе сасвим другачије животе и имају различите животне стилове. У Америци у четрдесетој години многе жене тек планирају да оснују породицу, тада се удају и добијају децу, док се у Русији у том узрасту већ помало спремају за пензију. Амерички менталитет честрдесетогодишњакиње ближи је менталитету тридесетогодишњих Рускиња. Да је назив дословно преведен, руски гледаоци би могли да претпоставе да се филм бави женама старије доби. Због тога су, вероватно, дистрибутери и променили назив филма.

Руски филм *Любить нельзя забыть* (2102) преведен је у Србији као *Не заборави љубав*. На први поглед видимо да је у оригиналном руском називу филма садржана алегорија на исказ *Казнить нельзя помиловать*, у коме од места запете зависи да ли ће човек бити убијен или помилован. И у самом оригиналном називу филма без запете ми не знамо да ли је потребно волети или је неопходно све заборавити и наставити даље. Можемо само да нагађамо и да ставимо запету на право место након одгледаног филма. А у преводу назива на српски језик просечан српски гледалац губи то поређење и ту асоцијацију која се садржи у оригиналном називу.

Преводилац мора да узима у обзир и културну средину изворног назива филма. Назив филма не само да мора бити адекватан причи која је основни сиже филма, већ да буде разумљив за гледаоце који су представници друге културне ситуације. Али и у томе треба пазити на меру и границе како се не би десиле смешне ситуације. На пример, В.Н. Комисаров у својој књизи "Увод у савремену транслатологију" пише о покушају јапанских преводилаца деветнаестог века да изврше адаптацију назива Пушкинове "Капетанске кћерке" према реалијама јапанске културе, што је на крају испало као "Дневник лептира, који размишља о души цвета. Нове вести из Русије". Сложићемо се да је таква варијанта прихватљивија за Јапанце, али у њој од руске замисли у културном погледу није много тога остало.

Као што смо поменули раније, значење језичких јединица у филму често буде пропраћено и музичком пратњом у коме је закључена нека дубља порука аутора. У преводилачкој пракси, а и у анализираним филмовима, ретко се преводе стихови песама које се појављују у филмовима. Мада, постоје изузетни случајеви када преводилац пренесе и садржај песме како би привукао већу пажњу гледалаца на одређене смисаоне нијансе. То се посебно користи у случајевима када се део филмске песме ставља у наслов читавог филма. Баш то представља проблем за преводиоца, пошто се ради углавном о реалијама,

које му нису увек познате. Тако се у називу филма *Зеленая карета* који смо анализирали види двострука алегорија. Са једне стране то је песма аутора Александра Суханова, која се као рефрен провлачи кроз читав филм. Са друге стране, тако се зове нешто државно или театрално, јер су некада у зеленим кочијама возили студенте Императорске театралне школе, а та синтагма се појављује и у стиховима Некрасова: *Кто по часам не поджидал **зеленую карету**, и водевилей не писал на бенефис «предмету»!* (Некрасов, Прекрасна партија, http://scanpoetry.ru/poetry/10733). Превођењем наслова на српски језик дошло је до стилске разлике између оригинала и превода, која се увек појављује у случају када преводилац не успева да пронађе најподеснији смисаони еквивалент назива филма на језику на коме преводи. Он је у овом случају употребио дословни превод са синтагмом која у српском језику нема исто значење као у изворном руском језику. Оваква грешка се уочава одмах након одгледаног филма и сумирања утисака.

Једна од честих грешака је и када се преводе међујезички хомоними, речи које слично звуче, али имају различито значење. У филму Контрибуција (2016) нпр. постоји фраза *Еврей не скуп, еврей расчетлив*, која је преведена на српски као *Јеврej није скуп, Јеврej је прорачунат*. Да је преводилац погледао у речник, пронашао би да руска реч *скупой* у српском језику има значење шкртице, циције, тврдице.

У преводу филмова доста се користи калкирање. Понекад ова специфичност може да обогати језик новом идиомом. У филму Контрибуција (2016) трговац коме суде за крађу дијаманта каже у свом излагању: *Мне теперь, как я понимаю, все равно, что в лоб что по лбу*. У титловима је тај исказ преведен као: Мени је сад, како схватам, све једно, *у чело и по челу*. Просечном српском гледаоцу који нема знања из руске фразеологије такав дослован превод није јасан, јер Срби у овом случају не користе сличну изреку, већ само кажу *мени је свеједно* или разг. *исти ми је ђаво*. Неправилан и слободан превод израза са страног језика понекад може да доведе и до појаве у прво време чудног израза у свом језику који се временом одомаћи. У француском језику, на пример, једна иста реч - assiette - може да има значење тањира и расположења, стања људске душе. Французи тако користе израз *il n'est pas dans son assiette* којим се описује човек *који се осећа нелагодно, коме нису све козе на броју*. Још у време када је руска аристократија из престижа користила француски језик у комуникацији, Руси су буквално превели ову француску изреку са погрешним значењем вишезначне речи и она се као таква одомаћила у руском: *он не в своей тарелке*. Овакав израз срећемо и код Грибоједова: *Любезнейший! ты не в своей тарелке! с дороги нужен сон* [Грибоједов, 2000, с. 95].

У тексту оригинала могу се срести поједине реалије и одговарајуће лексеме својствене само тој култури у одређеном историјском периоду, а које немају денотативну еквивалентност у српском друштву, односно немају исто симболичко значење као код људи друштвене средине из које потиче оригинал. У филму Контрибуција (2016) употребљена је на више места у дијалогу главних ликова скраћеница ЧК. У руском речнику војних скраћеница и скраћеница тајних служби [Щелоков, 2006] можемо пронаћи да је то скраћеница од *чрезвычайная комиссия* која је у Русији од 1918. до 1922. године имала улогу да се бори против контрареволуционарних идеја. Тако у филму један индустријалац каже:

В ЧК сидел, вот и пришел в нервное расстройство. У српским титловима је то преведено: У *чеки* је лежао, зато је и нервно растројен. Овде је требало да се каже или у *тајној полицији*, *УДБ-и*, или да се ЧК назове *преким судом*. Наша препорука била би да се реалије из друге културе увек замене на домаће аналоге, које су за наше гледаоце разумљивије.

Што се тиче реалија, у истом филму Контрибуција (2016) срећемо исказ: *Обувь лучше чем на питерском Скороходе*. Преводилац је преводи као: Обућа је боља него на Питерском *корзоу*, пошто га руска реч *скороход* асоцира на корзо, односно главно градско шеталиште по коме се људи брзо крећу како би били виђени. Међутим, Скороход је позната фабрика обуће у Санкт Петербургу која је основана 1882. године као "Товарищество Санкт-Петербургского производства механической обуви"[2]. Назив "Скороход" фабрика је добила 1910. године, а деведесетих година прошлог века то је била највећа фабрика обуће у Русији.

Настављајући са анализом филма Контрибуција (2016) примећујемо да Шамардин говори о свом претходном радном искуству: *Был я помощником присяжного поверенного*. Преводилац је то превео: *Био сам помоћник адвоката. Његов писар*. Ова функција (присяжный поверенный) означавала је у Руској Империји адвоката у окружном суду или палати правде. Наравно да би такви прецизни коментари у титловима били сувишни, те у овом случају преводилац није употребио додавање ради појашњавања и прецизирања текста оригинала, већ је употребио преводилачки поступак компресије (сажимања), односно скратио је назив професије и прилагодио је садашњим условима у циљу боље разумљивости поруке за српске гледаоце. Буквализам у превођењу филмова иначе није оправдан, јер, за разлику од књижевног превода, у филму је немогуће неколико минута објашњавати различите аспекте неког термина или појаве. А према Бахтину, "текст никада не може бити преведен до краја пошто се његова суштина одиграва на граници која раздваја две свести, а свест примаоца је немогуће неутрализовати или одстранити" [Бахтин, 2000, с. 303]. Због тога приликом превода са једног на други језик, трудећи се да текст еквивалентно преведе у структурном и језичком смислу, преводилац често пропушта нијансе смисла које су априори познате представницима изворног језика и тотално непознате представницима језика превода. Чак и у том случају буквалног превођења текст можемо сматрати прецизно преведеним, али ће он да функционише на измењен начин, јер се губе смисаоне нијансе, а израз поприма нешто другачији смисао.

Навешћемо још један пример компресије из филма Херој (2016): рус. Женщина: *Корабль под парусами?* срп. Жена: *Једрењак.* Текст титлова разликује се од синхронизације филмова по честој употреби компресије, јер титлови не смеју да ометају укупном доживљају филма, већ морају да га допуњују у циљу детаљнијег сагледавања филмског остварења. Зато се због боље визуелне прегледности у титловима користе краћи синоними за објашњавање дугачких појмова. Компресија је успешна уколико доводи до очувања смисла изворног материјала, преношења употребљене алузије, игре речи и сложене фразеологије. У истом филму (Херој) изненадила нас је супротна појава, односно

[2] в. Петербургский «Скороход» в ожидании «второго дыхания» // Газета «Коммерсантъ», № 147(865) от 15.08.1995.

руско обраћање *молодой человек*, које је на два места преведено на српски као *млади човече*, а што је дужа варијанта од иначе уобичајеног српског обраћања *младићу*.

Приликом превођења неопходно је посветити једнаку пажњу вербалним и невербалним средствима комуникације. Понекад је тешко пронаћи еквивалентан израз када је фраза на изворном језику пропраћена карактеристичним гестом. Често се дешава да језици гестова у различитим културама не носе исту смисаону поруку. Навешћемо пример бацања капе којим се артикулише нека очајна одлука у руској народној традицији, јер је капа била одувек симбол људског достојанства, а јавно скидање капе се сматрало великом срамотом и врстом кажњавања. Обично су капе скидали дужницима, а добровољно бацање капе на земљу манифестовало је да је човек спреман да ризикује у нечему и по цену одбацивања од друштва. Сваки народ има своје радње које прате одређену ситуацију. Недавно су нас руске колеге на заједничкој вечери са чуђењем питали шта раде то сви Срби у кафанама после јела? Они, наиме, нису знали како да растумаче то што наши људи у кафани масовно прикривају руком уста и по њиховим речима "нешто раде". Објаснили смо им да је код нас уобичајено да на столу, осим соли и бибера, у сланицима конобари остављају и чачкалице и да након завршеног јела људи обично чачкају зубе, а ту радњу прикривају руком због правила лепог понашања. У иностранству ретко где можемо видети чачкалице за столом, док код нас њих можемо употребити ако су на столу, али у том случају уста заклањамо руком.

Вероватно би веома чудан за Русе био наш филм у коме гости кафане шапућу нешто након ручка са заклоњеним устима? А и руски преводилац би морао да у том случају уложи велики напор како би то њихово шапутање разумео и превео. Али, руски преводилац филмова би то гласовно превео, јер Руси обично филмове синхронизују. У једном раду у којем се дају и препоруке за боље усвајање руског језика уз коришћење српских титлова руских филмова истиче се: "Познато је да Руси сваки страни филм синхронизују на руски језик, што им олакшава гледање филма, али се тако губи едукативна сврха приликом учења страног језика док се гледа тај филм" [Марковић, 2012, с. 443].

Видели смо да у процесу превођења филмова преводилац наилази на многе препреке, почев од граматичке исправности превода до смисаоне информативности и преношења атмосфере из филма. Преводилац мора да има у виду све те проблеме док преводи и да избегава грешке, јер је управо он тај који увек бира стратегију превода и доноси одлуке о крајњем резултату превода. Мада, уколико се културне језичке матрице подударају, дословни превод може бити најбоље решење. Потребно је знати да је сваки превод индивидуалан и случај за себе и да је немогуће утврдити само један тачан алгоритам рада над преводом, већ је сваки пут потребно тражити најоптималније решење.

У доњој таблици наводимо типичне грешке које смо пронашли у корпусу руских филмова које смо детаљно анализирали:

ГЕРОЙ (2016) - српски превод назива филма ХЕРОЈ

Оригиналан глумачки текст на руском језику	Српски превод у титлу	Напомена
Я завещаю любить тебе все ...	**Мораш** волети све ...	Употребљена замена.
Алый гиацинт.	Црвена **ружа**.	Гиоцинт је **зумбул**.
Козырь.	**Коза**. (Официри играју карте)	Реч значи најјачу карту у партији, **адут** који покрива све остале карте.
Пока Вы обучались поэзии и танцам в Пажеском корпусе.	Док сте Ви учили поезију и плес по **париским кућама**.	Пажески корпус је елитна војна установа у Русији коју је похађао и Краљ Александар.
Кубань. Станица Усть-Лабинская. 1918.	Кубањ. Станица **у улици** Лабинскаја. 1918.	Погрешан превод саставног дела назива.

ЗЕЛЕНАЯ КАРЕТА (2015) - српски превод назива филма ЗЕЛЕНА КОЧИЈА

Оригиналан глумачки текст на руском језику	Српски превод у титлу	Напомена
Вместе ходили на байдарках.	Заједно смо ишли на **излет**.	
Раз отмазал, второй раз отмазал ... (ово говори иследник за свог сина)	Једном је **забрљао**, други пут забрљао ...	Једном сам га извукао ...
Вскрытие штука такая. С ней не поспоришь.	**Нешто ново**. У то нема спора.	Обдукција је таква.
Пока я буду в универе штаны протирать, другие далеко уйдут.	Док је **будан радио** где ће други стићи?	Није добро преведено.
Если Вы насчёт Тёмы, то Вы не по адресу.	Ако причате о Тјоми, **ја вам нисам адреса.**	Честа грешка преводилаца филмова је у томе да се не посвећује посебна пажње преводу идома. Уколико не провере у речницима и не знају из свог језичког искуства значење употребљених идиома, дешава се да исказ преведу "реч по реч" и онда се губи смисао, немамо игру речи из оригинала. Овде би требало да стоји: ***обраћате се погрешној особи***.
- Давай поговорим? - О чём? Давай не будем говорить. Мы с тобой и раньше не разговаривали. Зачем теперь?	- Попричајмо? - Не нећу да попричамо. **Већ смо разговарали**. Чему опет?	Смисао је донекле пренесен, мада сасвим другачијом конструкцијом.

Пришёл бить морду.	Дошао си да ме **узнемираваш**.	Узнемиравање и ударање у лице није баш исто.

КОНТРИБУЦИЯ (2016) - српски превод назива филма КОНТРИБУЦИЈА

Оригиналан глумачки текст на руском језику	Српски превод у титлу	Напомена
Атаман Семёнов Григорий Михайлыч	Атаман Семјонов Григориј **Михалич**	Руски патроним **Михајлович** се у разговорном језику скраћује.
Моряк: А что касается рыла, сейчас я тебе косорылый эти слова поганные прямо в глотку запихну. Как чушку в оружейный ствол.	Морнар: А што се тиче свиње, сада ћу те кососоки за те речи право у грло закуцати. Има да **скичиш** као свиња.	Чушка је вишезначна реч: може значити полугу од неког метала, а може и прасенце.
- Собрались? - С избытком.	- Скупили сте се? - **У потпуности**.	И у већем броју него што је потребно.
Около дюжины грузовых пароходов разного водоизмещения.	**Десетак** теретних бродова различитих депласмана.	Приближно туце.
Всё равно отнимут. Так что же добру зря пропадать. Хоть шерсти клок.	Све једно ће отети. Па **нек је и вуна**, што џабе да пропада?	Проблем приликом превођења филмова може настати када преводилац нема довољно дубока знања и не уочава скривени смисао, јер је део реплике, на пример, део неке руске пословице или изреке. За говорнике изворног језика скривени смисао је разумљив и без посебних објашњења, али уколико то преводиоцу није јасно, он ће на српски то нетачно превести. Овде је употребљен је само један део познате руске изреке (С паршивой овцы хоть шерсти клок). Превод би био: ***барем нека вајда***. Лик из филма никако није имао у виду да преда своју вуну.
Представляете, на фарфоровой пастушке цепочка тёщина висела.	Замислите, таштина огрлица је била у порцеланској **чинији**.	Ради се о фигурици (статуици) чобанице.

Неко ће лаички можда рећи да превод није толико важан. У светској историји се дешавало да су чак и ратови отпочињали због лошег превода. Узрок француско-пруског

рата (1870-1871) био је у јачању утицаја Прусије у Немачкој и Европи након победе у пруско-аустријском рату 1866. Севернонемачки савез заједно са јужним делом Немачке имао је потенцијал да постане утицајнија сила од тада доминантне Француске. Пруска династија је покушала да свог члана постави на шпански престо и морали су да од тога одустану након француског ултиматума. Чинило се да је све решено и да не постоји неспоразум између Француске и Прусије. Ото фон Бизмарк није био тиме задовољан, те је обелоданио аферу објавивши тајне информације о преговорима у тзв. *Емској депеши*. У њој је он намерно изокренуо превод до непрепознатљивости и такав превод је био увредљив за Прусе, а француска влада је под притиском шовинистичке јавности Прусији објавила рат. Рат је однео на десетине хиљаде живота - због погрешног превода.

На крају закључујемо да је спектар потешкоћа са којима се сусреће преводилац филмова са руског језика на српски веома широк. Многе од њих смо уочили и скренули на њих пажњу. Није довољно само урадити превод, већ је неопходно урадити га на такав начин да он у потпуности одговара тренутној ситуацији, да се уклопи у моменат када га изговарају филмски ликови. Превод се мора одрадити да привуче пажњу гледалаца и да их у исто време не омета у гледању филма.

Списак литературе

Бахтин, М.М. *Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа. Антология "Русская словесность". Рабочие записи 1959-1960 гг. / М.М. Бахтин, Москва, 1997.*

Бугарски. Р. *Увод у општу лингвистику / Ранко Бугарски, Београд: Чигоја штампа: XX век. 2. изд.Сабрана дела, књига 6б 1996. — 269.*

Грибоедов А.С. Горе от ума. Комедия в четырех действиях в стихах / А.С. Грибоедов,М. : Издательство Правда, 1986. — 123.

Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие / Комиссаров В.Н. Москва: Издательство ЭТС, 2001. — 424.

Леже Л. Словенска митологија, Београд: ИРО Графос, Библиотека Хоризонти, 1984.

Марковић, Д. Употреба филмова и титлова у настави руског језика у српској језичкој и социокултурној средини. Славистика XVI (2012), ISSN 1450-5061, Славистичко друштво Србије, Филолошки факултет, Београд, 443-450.

Оболенская, Ю.Л. *Диалог культур и диалектика перевода. Судьбы произведений русских писателей 19 века в Испании и Латинской Америке / Оболенская Ю.Л., Москва, 1998.*

Щелоков А.А. Словарь сокращений и аббревиатур армии и спецслужб. — Сост. А. А. Щелоков. — М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО «Издательский дом Гелеос», 2003. — 318 (7000 речи).

Маројевић Радмило
Паневропски универзитет Апеирон, Бања Лука (Босна и Херцеговина)

Мароевич Радмило
Панъевропейский университет Апеирон, г. Баня-Лука (Босния и Герцеговина)

ЛИНГВИСТИКА И ПОЕТИКА ПРЕВОЂЕЊА ЊЕГОШЕВОГ СПЈЕВА „ЛУЧА МИКРОКОЗМА“ (РУСКИ ПРЕПЈЕВ ИЉЕ ЧИСЛОВА)

ЛИНГВИСТИКА И ПОЭТИКА ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ «ЛУЧ МИКРОКОСМА» ПЕТРА НЕГОША (РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ИЛЬИ ЧИСЛОВА)

У овом раду се даје историја питања о руским преводима Његошевог спјева „Луча микрокозма“, а затим се разматра препјев Иље Числова, који је остварен у еквиритмичном руском аналогу српског асиметричног десетерца. Преводилац је спјев превео десетосложним стихом с цезуром послије четвртог слога, с три метричка акцента, с доминантном женском клаузулом.

В настоящей работе, в первой ее части [см. разделы №№ 1–3], изложена история вопроса о русских переводах поэмы «Луч микрокосма» сербского поэта Петра II Петровича-Негоша. Во второй части статьи [см. разделы №№ 4–12] сопоставительному анализу подвергается поэтический перевод поэмы, выполненный И. Числовым, в аспекте стихосложения и семантики. Перевод выполнен в форме десятисложного стиха с цезурой после четвертого слога, эквиритмичного аналога сербского эпического десятисложника. Перевод характеризуется тремя ритмико-интонационными тактами с доминирующей женской клаузулой. Традиция перевода стихом, представляющим собой опыт реконструкции праславянского стихосложения на основе сопоставления стиха русской и сербской народной поэзии, восходит к переводам А. Востокова и А. Пушкина. Отдельные замечания касаются неверной семантизации ряда слов и словосочетаний, явившейся последствием того, что переводчик не пользовался научным изданием, выполненным автором данной статьи [Петар II Петровић-Његош. *Луча микрокозма*. Критичко издање. Текстологија. Редакција и коментар Радмило Маројевић. Подгорица–Цетиње, 2016].

***Кључне ријечи*:** Петар II Петровић-Његош, спјев „Луча микрокозма“, руски преводи, версификација, семантика.

***Ключевые слова*:** Петр II Петрович-Негош, поэма «Луч микрокосма», русские поэтические переложения, стихосложение, семантика.

1. Године 1989. у Политици је објављена биљешка о два (нова) руска препјева Горског вијенца [МАРОЈЕВИЋ 1989]. Једно је превод Јурија Кузнецова, који је био објављен претходне године заједно с преводом Шћепана Малог другог преводиоца, а у редакцији Олге Кутасове [НЕГОШ 1988], а друго превод Александра Шумилова, који је тада већ био припремљен, али је изашао из штампе седам година касније [НЕГОШ 1996]. У том издању је објављена моја студија о руским препјевима Горског вијенца, и на руском [МАРОЕВИЧ 1996] и на српском језику [МАРОЈЕВИЋ 1996]. Иако сам у том издању означен као приређивач, сам превод ја нисам редиговао, па ни рецензирао. Моје критичко издање Горског вијенца изашло је из штампе нешто касније [МАРОЈЕВИЋ 2005], и оно би

било од несумњиве користи за припрему исправљених издања, али ни Кузнецов ни Шумилов нису у животу.

2. Сада бисмо могли говорити о два (прва) руска препјева Луче микрокозма, која су се појавила крајем 2016. године. Прошла година је тако била у знаку Луче микрокозма јер је крајем априла изашлло из штампе моје критичко издање спјева [МАРОЈЕВИЋ 2016], а крајем године и два руска превода. Једно је превод Иље Числова, који ми је послао на увид радну верзију превода на рецензију, коју ја нисам написао рачунајући да преводилац треба претходно да се упозна с критичким издањем, у склопу којег је објављено и акценатско издање с версолошком и прозодијском интерпретацијом текста. У међувремену се појавио превод у зборнику, а припрема се и посебно издање Числовљевог препјева.

Други превод Његошевог спјева, под насловом «Луч микрокосма», појавило се у издању Некомерцијалног партнерства за заштиту и очување културног насљеђа «Спасское дело», којом издавач отвара серију књига «Христианская поэзия». Преводилац је Олег Мраморнов. Промовисано је у културном центру «Покровские ворота» у Москви 17. децембра 2016, о чему саопштава лист «Русский вестник» [СУХАРЕВ 2017]. На промоцију се осврнуо Иља Числов, а узгредно и на превод [ЧИСЛОВ 2016: 2017]

3. Превод О. Б. Мраморнова није ми био доступан ни у ком облику. О њему и Числов у свом чланку пише само узгредно, на два мјеста. На једном мјесту читамо: „Здесь присутствуют огромные пласты славянизмов (как русской, так и сербской редакции)… А значит, и перевод должен быть выполнен не в привычной современной манере (пусть и «высоким слогом»), но как-то иначе, дабы не вышло мелковато и пошло“ [ЧИСЛОВ 2016: 2017]. А на другом мјесту: „Отриньте опасную (и оскобительную для Негоша) легковесность. Разве ангельская рать гонит воинство сатанинское «без поблажек»?! Она гонит его без-пощадно. Так это в оригинале“ [ЧИСЛОВ 2016: 2017]. Ова два цитата говоре нам више о Числовљевој формулисаној поетици превођења него о преводу „начинающего переводчика сербской поэзии“, о којем ћемо моћи писати кад будемо у прилици да га анализирамо и упоредимо с оригиналом (и с Числовљевим препјевом).

4. Поетика превођења коју Иља Числов примјењује има своју предисторију, и своју историју. Предисторија отпочиње Востоковљевим преводима српских народних пјесама, у којима је укрстио српску и руску пјесничку традицију, српски десетерац и тротактни стих руских билина с женском клаузулом; та традиција настављена је Пушкиновим Пјесмама Западних Словена [види подробније у монографији у МАРОЈЕВИЋ 2017]. А права историја отпочиње Шумиловљевим преводом Горског вијенца [НЕГОШ 1996], а наставља се, ево, и препјевом Луче микрокозма Иље Числова. (Руски аналог српског асиметричног десетерца остварен је и у преводима српских народних пјесама Јурија Лощица.)

Стих Числовљевог препјева има десетосложну слоговну структуру и цезуру послије четвртог слога, као силабичке метричке константе, и један метрички акценат у првом и два

у другом полустиху, као тонске метричке константе. Женска клаузула, тј. трећи метрички акценат на претпосљедњем слогу, изразита је ритмичка доминанта анализираног препјева.

5. Почећемо анализу од прве двије строфе спјева, које у преводу Иље Числова гласе:

Да, мой присно дорогой наставник,
певец сербский, небом осиянный,
цель смешная – судьба человека,
жизнь людская – сновиденье страшно!
Прочь изгна́нный за врата чудесны,
сам он чудо собою являет:
бросил его на́ берег суровый
смелый случай та́инственным взмахом,
сир и беден, он лишен надзора,
предоставлен тайному промыслу,

он о первой помнит своей славе,
о блаженстве грезит он счастливом,
но мечты все и воспоминанья
ото взора надежно укрыты,
и бежит он стремглав, помраченный,
в широчайшу летопись времени;
разве только прохожденьем темным
сожаленья в душе след оставит,
из оков он тогда тщетно рвется,
мрак проникнуть стремясь окрест себя.
[Числов 2016: 1–20].

У првој строфи девет стихова има трећи метрички акценат на претпосљедњем слогу, тј. женску клаузулу, а само један дактилску. Тиме је означена женска клаузула као изразита ритмичка доминанта препјева коју спорадично замјењује дактилска, тј. стих с трећим метричким акцентом на осмом слогу.

И у другој строфи женска клаузула доминира (остварује се у осам стихова), у шестом стиху њу замјењује дактилска, а у десетом ипак мушка. У предлошко-падежној вези којом се строфа завршава акценат на архаичном предлогу мора бити неметрички иако је и замјенички облик ненаглашен, с ослабљеним (побочним) акцентом: *окре́ст* себя́ (неметричке акценте обиљежавамо курзивом).

Акценат на четвртом слогу карактерише 13. стих препјева, али неакцентованост четвртог слога није метричка константа ни у оригиналу: но мечты́ *все́* || и воспомина́нья. Ни једнотактност другог полустиха није одступање од версолошке карактеристике

Његошевог спјева: обје ове појединости наведеног стиха представљају два ритмичка курзива и оригинала и Числовљевог превода.

6. Са оригиналом ћемо упоредити само прва четири стиха:

Да свагда ми драги наставниче,
србски пѣвче небом осијани,
задатак је смѣшни људска судба,
људски живот — сновидѣње страшно.
[ЛМ 1–4 (Пролог)].

Да је имао при руци критичко издање видио би да спјев не почиње глаголом нулте конјугације *да̏*, него хомонимичном му узвичном рјечцом *да̏* (сва̏гда ми), с побочним краткосилазним акцентом, у значењу рјечце *о̏*. Запету, која стоји у претходним издањима, ја сам избрисао јер рјечца чини једну, сложену фонетску ријеч с прилогом за вријеме. То би била и прва примједба на семантику превода.

Друга примједба се тиче 3. стиха, који је у криричом издању снабдјевен текстолошком напоменом: *зада́так* — адапт. рус. (**зада́ча** ’проблем’); *сми̏јешнӣ* — семантички дијал. у зн. ’чудни, необичан, тешко схватљив’, једносложни ^{и}̑је-рефлекс дугог јата послије *м* с неслоговном првом и дугосил. акц. на другој компон. дифт.: см^{и}̑јêшнӣ (тај рефлекс у критичком издању означавамо графемом **ѣ**).

7. Упоредићемо дванаесту строфу спјева у оригиналу (према нашем критичком издању, али без прозодијске реконструкције у појединачним примјерима) и у препјеву Иље Числова, али ћемо из превода цитирати и претходну и три наредне строфе:

Срок весенний нашей жизни краток,
следом лето знойное приходит,
смутна осень, зима ледяная;
так, чредою, день за днем минует,
каждый муку новую несет нам.
Нет в помине дня, что б мы хотели,
ни блаженства, коего взыскуем.
Кто безумный ветер обуздает,
кто вздыматься запретит пучине,
кто границу очерти́т желанью?

Человеком храм один воздвигнут:
лютой боли и тоски обитель;
каждый смертный, на земле рожденный,
обителью мрачной управляет,

под чьим темным сводом ядовитым
временные муки угнездились.
Се – наследье горькое людское,
что друг другу и себе вручаем,
счастливейший – и тот его строит,—
ради смертной гармонии скорбной.

Орган слабый человек имеет
для собственных чувствовыражений;
поэтому подает он знаки;
различные есть телодвиженья,
дабы чувствам дать наружу выход.
Но жалкие наши оговорки
и слабые все переживанья,
по сравненью с тем, что жаждем молвить,
суть немые безсвязные речи,
бормотанье души погребенной.

С каждой точки глянь на человека,
и каков бы суд о нем твой ни был –
человеку человек сверхтайна!
Тварь избра́нна у Творца вселенной;
если солнце всходит на востоке,
если жизнью брызжет луч сей яркий,
коль не призрак вся планета наша,
то людская душа впрямь безсмертна,
мы – та искра в смертном прахе сером,
мы – луч оный, окутанный тьмою.

О Создатель наш непостижимый!
в человеке светлая есть искра,
отражен в ней Твой безбрежный разум,
как един свод из Твоих чертогов,
отраженный пучиною нашей.
Блеск короны день Тебе дарует,
ночь – порфиры пламень таинственный,
дивны эти зна́менья чудные,
слабой твари не постичь их смысла,
у нее Ты лишь восторг рождаешь.
[Числов 2016: 101–150].

У првој од пет наведених строфа у сваком стиху клаузула је женска, коју не нарушавају примјер кад се на десетом слогу, непосредно послије акцентованог слога претходне ријечи, налази лична замјеница: несёт *нам*. На облику *нам* личне замјенице *мы* није логички нагласак, па се сматра да она у овој позицији нема акцента. Тачније би било рећи да он има побочни акценат који се у тој позицији неутрализује, о чему свједочи изостанак редукције. Опкорачење цезуре у петом стиху (Нет в помине || дня, что б мы хотели) у пуном је складу с таквом појавом у Његошевом спјеву.

У трећој строфи такође је у сваком стиху женска клаузула, а тротактност стиха не нарушава монолексемност другог полустиха у другом стиху строфе, из два разлога. Прво, зато што се једнотактност другог полустиха појављује и у оригиналу, као што се у тротактном стиху билина као ритмички курзив јавља изостанак медијалног такта; а друго, зато што се на ријечи може реконструисати побочни акценат с ефектом опкорачења границе између другог и трећег такта (для со́бственных || чу̀вство|выраже́ний).

И у четвртој строфи сваки стих се завршава женском клаузулом (акценат на претпосљедњем слогу), и нема акцената, ни побочних, на четвртом и десетом слогу.

У једном стиху пете строге клаузула је дактилска, а пошто доминира женска, требало би ставити акценат (дивны эти зна́менья чу́дные) како би се сугерисало да је ријеч о придјеву *чудный* у значењу ʻдиван’, а не о придјеву *чудной* у значењу ʻчудан’.

8. А сад да упоредимо дванаесту строфу спјева с оригиналом:

У чојка је један храм воздвигнут,
зла обитељ туге и жалости:
сваки смртни на Земљи рођени
овом мрачном обитељу влада
под које се сводом отровнијем
мученија времена гњијезде.
Ово горко насљедије људско
човјек чојку, човјек себи дава,
најсретњӣ га из ништа стварају
ради смртне тужне армоније.
[ЛМ 111–120 (Пролог)].

Примједба се односи на 112. и 114. стих. У Рјечнику Луче микрокозма, који је објављен у склопу критичког издања, глагол **вла́дати** семантизован је са ʻпосједовати’ (*р*. владе́ть). То значи да је ријеч семантички русизам, а преводиулац му је приписао српско значење. Именица **оби́тељ** семантизује се као ʻманастир’ (*овдје*: обитавалиште). У текстолошкој напомени уз 112. стих истиче се да је израз (оби́тељ) *ту́гē ѝ жалости* фразеологизам, хендиадис у значењу (обитавалиште) ʻјада’. Преводилац је хендиадис као стилску фигуру и преводилачки жанр изразио, али је задржао именицу (лютой боли и тоски) *обитель*, која је у руском у првом значењу архаизам, а у другом (у коме је ми

контекстуално семантизујемо) има шаљиво-иронични призвук, па је било боље замијенити је именицом *жилище*.

9. Погледајмо (а боље би било рећи: послушајмо) двије строфе којима се Пролог завршава:

Певец дивный сербского народа,
бич судьбины тяжкой испытал ты, —
мир желанью угодить не может.
Судьба тебе и моя известна;
нет на свете, думаю, подобной:
до самых врат Тартара проник я,
ад с проклятьем на меня рыкает,
зрю его я все картины гнусны;
но на участь возроптать не смею —
волей Божьей блещет мне надежда!..

От тебя я многого жду еще:
да предстанут в огненной дружине
пред очами Сербства и Славянства
наш Георгий, Ду́шан и Оби́лич,
и еще кто из героев сербских,
возгреми же и хулою грозной
на Ву́ицу, Вука́шина, Вука,
богомерзких изменников сербства;
имя сербов зло в них помрачило,
Тартар для них малая есть кара!
[Числов 2016: 181–200].

Прва наведена строфа и у семантичком и у версолошком погледу је беспрекорна. У сваком стиху клаузула је женска, коју не нарушавају примјери кад се на десетом слогу, непосредно послије акцентованог слога претходне ријечи, налази лична замјеница: испыта́л *ты*, прони́к *я*. На личној замјеници *ты* односно *я* није логички нагласак, па се сматра да она у овој позицији нема акцента. Тачније би било рећи да она има побочни акценат који се у тој позицији неутрализује, о чему свједочи изостанак редукције.

Друга наведена строфа нема женску клаузулу у свим стиховима: на првом стиху строфе клаузула је дактилска, при чему је на десетом слогу неметрички акценат на облику *еще*. Прилог *ещё*, који има главни акценат, може се граматикализовати, тј. прећи у рјечцу *ещё*, с побочним акцентом, али то се не остварује у постпозицији. Зато сматрамо да је акцентованошћу десетог слога ритам руског аналога десетерца ипак нарушен: жду́ *ещё*. То била прва, версолошка, мање важна примједба (и сугестија за ново издање).

10. Друга примједба је семантичка, и важнија. У другом стиху строфе:

Ја од тебе још̑те много иштем:
да поставиш у пламтеће врсте
пред очима Србства и Славјанства
Обилића, Ђорђа, и Душана,
и још̑т кога српскога хероја,
да прогрмиш хулом страховитом
на Вујицу, Вука, Вукашина,
богомрске Србства отпаднике:
злоћа њима мрачи име Срба —
Тартар им је наказа малена!
[ЛМ 191–200 (Пролог)],

тј. у 192. стиху спјева, посвједочен је фразеолошки оказионализам (да̀ по̀ставӣш у) *пла̀мтӗћӗ вр́сте* у значењу ʻ(у) ватрене стихове’, тако да стих значи ʻда ватреним стиховима опјеваш’. У преводу смо добили други смисао: да се појаве у ватреној дружини (читалац ми то правилно схватио — међу анђелима у рају), али то не одлучује земаљски пјесник, него онај врховни пјесник, Свевишњи, а ликови анђела добијају атрибут којим их није пјесник украсио. Ова примједба је, дакле, веома битна, и она показује шта би преводиоцу значило критичко издање да га је имао при руци.

Мање важна примједба тиче се 199. стиха. У њему је етноним *Ср̑бӑ* у облику генитива једнине, а не генитива множине, а израз (ак.) *и̋ме Ср̑ба* је фразеологизам, перифраза у значењу (ак.) ʻСрбина’, тј. Србство. Коришћење множине умјесто једнине није никакав пропуст јер и у оригиналу једнина има значење множине, али би преводилац можда нашао за руски превод успјелије рјешење да је располагао објашњењем из критичког издања.

11. Размотрићемо ритмичке карактеристике посљедње три строфе спјева, којима се завршава, према нашем критичком издању, Епилог:

О природы сыны невинные,
о простая мудрость всесиянья!
До рожденья истинного Света
вы, счастливцы, поклонялись солнцу!
Верные вы сыны небесные,
вас светлые лучи животворны
к Творцу несут, лучей Источнику,
луч – ваш дивный богословский опыт,
луч уводит вашу жертву в небо,
луч вам душу Творца озаряет!

Виждь виденье дивное отныне:
Солнце правды согрело и землю,
озарился мрачный храм-темница,
стали легче для рабов оковы!
Сын, достойный Отца Предвечного,
облачился в естество людское,
ополчился, взяв оружье правды
и святые просвещенья стрелы,
попирая зло и тиранию,
добродетель освящая в храме.

О Учитель, преблагий и тихий!
вод прозрачных и святых вкус сладок,
Твой струит их источник безсмертный!
Пред Твоим ли ясным, светлым взором
исчезает сам мрак, устрашенный;
при священном Твоем приближеньи
богохульны алтари падоша;
воскресеньем даже смерть сразил Ты,
небо эху хвалы Твоей вторит,
земля славит Спасителя мира!
[Числов 2016: 2181–2210 (Епилог 41–70)].

У свакој строфи по један стих има дактилску клаузулу, а сви остали женску. Женску клаузулу не нарушава примјер кад се на десетом слогу, непосредно послије акцентованог слога претходне ријечи, налази лична замјеница: сразúл *ты*. На личној замјеници *ты* није логички нагласак, па се сматра да она у овој позицији нема акцента. Тачније би било рећи да она има побочни акценат који се у тој позицији неутрализује, о чему свједочи изостанак редукције. Писање великог слова овдје није оправдано, из два разлога. С једне стране, писање великог слова сугерисало би логички нагласак и реализацију главног акцента, а то би наруило метричку тонску карактеристику српског асиметричног десетерца коју превод мора очувати, тим прије што ни билине немају акцентованост посљедњег слога ако је клаузула женска. С друге стране, Његошев спјев није у жанру оде иако се апотеозом завршава, па би стилски условљену употребу великог слова у именицама и замјеницама требало у препјеву укинути у складу с критичким издањем.

У 2185. стиху акцентованост четвртог слога представља ритмички курзив који карактерише и оригинал, додуше знатно рјеђе: Вéрные *вы̀* || сыны́ небéсные. Постпозиција личне замјенице сугерише ненаглашеност, па је акценат не само неметрички него и побочни (побочни акценат у руском језику обиљежава се у лијево окренутим надредним знаком: *вы̀*).

Бројни примјери инверзије и опкорачења у пуном су складу с поетиком оригинала. Све семантичке компоненте стиха преводилац се труди да у свом препјеву одрази, а ријечи које уводи да би попунио силабичку структуру стиха по правилу не одударају стилски од осталог текста. Изузетак је свакако 2208. стих и рјечца *даже* у њему: она ту не може да стоји из семантичких разлога. Можда би се та ријеч могла замијенити уз помоћ крилатемом из црквеног појања: воскресеньем смертью смерть сразил ты.

12. Примједба се односи на превод стиха: син достојни оца прејечнога [ЛМ 2195]. Придјев *прѐвјечнӣ* у спјеву је посвједочен шест пута, а хомонимична му именица *Прѐвјечнӣ* у значењу ʻСвевишњи, Богʼ два пута, и у њима је компонента *прѐ-* префикс са значењем интензификације, а не екавизам, прилошки коријен *прê. Придјев *прѐвјечнӣ* синонимичан је с придјевом *прѐвјѐчитӣ*, с једном потврдом, у коме је компонента |прѐ| префиксоид. Префикс *прѐ-* је и настао од префиксоида |прѐ| потпуном лексикализацијом и граматикализацијом.

Списак литературе

Мароевич 1996: «Горный венец» в русских ѳереводах / Радмило Мароевич – [Предисловие в кн.:] Негош 1996: 9–16, 253.

Маројевић 1989: Два нова препева „Горског вијенца“ / Радмило Маројевић. – Политика, Београд, 25. март 1989, с. 16 (Култура. Уметност. Наука. Год. XX, 62).

Маројевић 1996: Горски вијенац – руски препјеви / Радмило Маројевић – [Предговор у књ.:] Негош 1996: 17–24, 253.

Маројевић 2005: Петар II Петровић-Његош. Горски вијенац. Критичко издање. Текстологија. Редакција и коментар Радмило Маројевић. Подгорица: ЦИД, 2005, с. 1–1000.

Маројевић 2016: Петар II Петровић-Његош. Луча микрокозма. Критичко издање. Текстологија. Редакција и коментар Радмило Маројевић. Подгорица: ЦИД – Цетиње: Narodni muzej Crne Gore, 2016, с. 1–1040.

Маројевић 2017: „Сербскія пѣсни“ Александра Востокова / Радмило Маројевић. Бања Лука: Panevropski univerzitet Apeiron Banja Luka, 2017, с. 1–204.

Мраморнов 2016: Петр Негош. Луч микрокосма. Перевод с сербского О. Б. Мраморнова. Москва: Издательство Некоммерческого партнёрства по защите и сохранению объектов культурного наследия «Спасское дело», 2016.

Негош 1988: Петр Негош. Горный венец. Самозванец Степан Малый. Перевод с сербскохорватского под ред. О. Кутасовой. Москва, 1988.

Негош 1996: Петр II Петрович-Негош. Горный венец. Перевод с сербского и комментарии А. Шумилова. Составитель и автор Предисловия Р. Мароевич. [Двојезично издање с паралелним насловом на српском језику:] Петар II Петровић Његош. Горски ецијенац, Прев. А. А. Шумилов. Приређивач и аутор Предговора Р. Маројевић. Подгорица: Унирекс, 1996.

Сухарев 2017: «Луч яркий, посланный с небес…» / Ю. Сухарев. – Русский вестник, Москва, 13 января 2017.

Числов 2016: Петр Негош. Луч микрокосма. Перевод с сербского И. Числова. Рукопись, 2016.

Числов 2017: Новая славянофобия / Илья Числов. – Слово, Москва,11 февраля 2017.

Маточкина Анна Евгеньевна
Панъевропейский университет Апейрон, г. Баня–Лука (Босния и Герцеговина)

Matochkina Anna Evgenievna
Pan-European University Apeiron, Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ *ОГОНЬ* В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ СЕРБСКИХ СТУДЕНТОВ

PROBLEMS OF REPRESENTING PROVERBS WITH A COMPONENT FIRE IN STUDY DICTIONARY FOR SERBIAN STUDENTS

Данная статья посвящена проблемам составления учебного словаря русских пословиц для сербских студентов-филологов на примере паремий с компонентом огонь. В ходе статьи рассматриваются основные значения лексемы огонь, представленные в различных современных словарях. Предлагается классификация пословиц с компонентом огонь по установкам культуры. Установки, выявленные в результате классификации, сопоставлены с основными словарными значениями лексемы огонь. Предлагается алгоритм анализа пословиц и приведены примеры анализа единиц. В конце работы предложена структура словарной статьи. В предполагаемой словарной статье выделены облигаторные и факультативные зоны.

The article focuses on composing a study dictionary of Russian proverbs for Serbian students of philology. We inspect basic meanings of the word fire, presented in varios modern dictionaries. Provide a classification of proverbs with a word fire, based on cultural settings. Those settings, determined with the classification, are being compared with basic meanings of the word fire. We also suggest an algorithm to analyze proverbs and give some examples of the analysis. In the end of the work we suggest a model of a dictionary entry. The entry is expected to have mandatory and optional zones.

***Ключевые слова*:** пословицы, лингвокультурография, установки культуры, огонь, алгоритм анализа пословиц, модель словарной статьи, пословичная картина мира.

***Keywords*:** proverbs, cultural linguistics description, cultural guidelines, fire, algorythm of proverbs' analysis, a model of a dictionary entry, proverbial picture of the world.

Пословицы изучаемого языка всегда вызывают у иностранных студентов большие трудности. Основные проблемы связаны с тем, что существующие словари пословиц, ориентированные на носителя языка, как правило, представляют единицы в виде списка, подавляющее большинство единиц приводится без толкования. Данные о пословицах, представленные в подобных словарях, являются для студентов-инофонов малоинформативными.

Принадлежность русского и сербского языков к одной ветви, с одной стороны, подразумевает наличие близких и даже идентичных пословиц. С другой стороны, схожие образы некоторых выражений могут отсылать носителей данных языков к различным стереотипным представлениям, тем самым затрудняя понимание смысла пословиц изучаемого языка. Кроме того, в современной разговорной речи, пословицы могут приобретать новые оттенки значения, претерпевать изменение или расширение формы или

терять связь с изначальным образом-архетипом. Таким образом, создание учебного словаря пословиц, отвечающего их современной репрезентации, является актуальной проблемой.

Объектом нашего исследования являются паремии с компонентом *огонь*.

Методом сплошной выборки из «Словаря русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной для анализа было отобрано 93 единицы с компонентом *огонь*. Поскольку целью нашей работы является лингвокультурографическое описание русских паремий с целью их презентации в иностранной аудитории, представляется целесообразным минимизировать материал путём исключения из списка единиц, являющихся устаревшими или диалектными, а также содержащих обсценную лексику. В результате минимизации количество пословиц сократилось 93 до 8.

Лексема огонь в толковых словарях русского языка

С целью выявления основных значений лексемы *земля* нами были проанализированы словарь под общей редакцией Н.Ю. Шведовой, словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, Большой толковый словарь русского языка и Большой академический словарь русского языка.

Обобщая словарные толкования лексемы *огонь,* отметим следующее.

1. Основными являются значения: огонь как раскалённые светящиеся газы; свет от осветительных приборов; боеавя стрельба, обстрел. Данные дефиниции встречаются во всех словарях.
2. Значение огня как повышенной температуры тела или сильной страсти не представлено в словаре под ред. А.П. Евгеньевой. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что данное значение является вторичным, ассоциативно связанным и построенным на метафоре.

Классификация пословиц с компонентом огонь

Для детального анализа паремий нами была составлена их классификация по установкам культуры. В.Н. Телия определяет установки культуры как «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для жизненных практик, являющиеся продуктом взаимодействия двух и более индивидов» [Телия, 1999, с. 18].

В своей работе под установкой культуры мы понимаем дидактическую идею, представляющую собой вербализованную в нескольких паремийных единицах мораль или суждение, являющиеся результатом многолетних наблюдений народа – носителя языка. Каждая пословица – это свёрнутая ситуация, которая может быть организована образом, паремийным биномом или выражаться прямо, без всякой образности. Кроме того, установка культуры в нашем понимании может восходить к некоему архетипическому представлению, символьным значениям центрального компонента-названия стихии или, в случае отсутствия образности в паремии, к одному из «словарных» значений полисемантического существительного (например, *вода*, *земля*, *огонь* или *воздух*). Архетипическое представление со временем может затемняться, соответственно, может трансформироваться и основанная на нём установка культуры.

Все анализируемые единицы с компонентом *огонь* можно распределить по следующим группам:

1. **Огонь как опасная стихия (5 единиц):** не играй с огнём – обожжёшься; огня маслом не заливают; с огнём не шути и воде не верь; избегая огня, не уходи в воду; огонь под полой не унесёшь.
2. **Огонь – олицетворение страсти, сильных человеческих чувств (1 единица):** *на огонь дров не напасёшься.*

Вне классификации остались единицы: без огня дыма не бывает; нет ни огня без дыма, ни дыма без огня.

Сопоставляя предлагаемую классификацию с толкованиями лексемы *огонь* различными словарями, мы считаем важным отметить следующее:

1. Установка *огонь как опасная стихия* частично имплицитно совпадает с основным словарным значением *огонь как раскалённые светящиеся газы.* Также это значение имплицитно отражено в пословицах, оставшихся вне классификации.
2. Значение *огонь как сильная страсть* отражено в соответствующей установке культуры.
3. На наш взгляд, словарные значения *свет от осветительных приборов; боевая стрельба, обстрел* не отражены в установках культуры, поскольку являются более поздними.

В связи со сказанным в работе предлагается следующий алгоритм анализа пословиц, в основе которого лежит ряд параметров:

- Толкование значения;
- Этимология выражения;
- Лингвокультурологический комментарий;
- Иллюстративный материал;
- Особенности функционирования в современной речи.

Представленные параметры анализа паремии не подразумевают обязательного выделения отдельных зон описания и облигаторности каждого из параметров для анализа всех единиц. Этимология выражения, биномная характеристика, как и иллюстративный материал, в некоторых случаях могут отсутствовать.

Лингвокультурологический комментарий включает описание стереотипного представления, вербализуемого паремиологической единицей, анализ образности и пословичных биномов в составе паремий (при их наличии), отсылку к вербализуемому коду культуры. Этимологическая справка также является составной частью лингвокультурологического комментария. В некоторых случаях привлекаются данные опроса носителей языка относительно восприятия той или иной единицы.

Следует отметить, что в целом все предложенные параметры описания паремий, на наш взгляд, служат представлению наиболее полного лингвокультурологического комментария. Так, иллюстративный материал и отмечаемые особенности функционирования единиц в современной русской речи свидетельствуют о стабильности /

не стабильности вербализуемых в паремиях установок культуры, тенденциях и изменениях в современном языковом сознании носителя русского языка.

Ниже приведём пример анализа некоторых пословиц с компонентом *огонь*.

Не играй с огнём – обожжёшься. Пословица имеет значение ‘не делай чего-либо, что может повлечь за собой неприятные, опасные последствия, повредить кому-либо’, употребляется как предупреждение, совет кому-либо прекратить опасные действия [http://www.poskart.ru/ne-igrai-s-ognem.html].

Например: «Или ты думаешь, что способен вот так запросто выставить полковника МВД? Не играй с огнем, уважаемый! У меня действительно нет официального предписания, но тем не менее можешь считать мой визит исключительно официальным мероприятием» [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша, 2004].

Огня маслом не заливают. В словарях нам не встретилось толкования данной пословицы, поэтому предлагаем своё: ‘не стоит усугублять трудную ситуацию’.

В биноме огонь – масло компонент огонь символизирует конфликт, опасность, а компонент масло – провокационные действия, риск. Это находит отражение и в толкованиях выражения носителями языка: «Нельзя потушить огонь маслом. А применительно к жизни, например, нельзя плохим словом наладить дружбу, нельзя назло учителю не выучить урок и т.д.»; «Ну, тут можно описать на примере. Что если человек тебе что-то обидное высказывает, то ты не обращай внимания. Так сказать, не раздувай ссору» [https://otvet.mail.ru/question/172240921].

Примеров использования данного выражения в современной речи не встретилось.

С огнём не шути и воде не верь. Нам не встретилось определения пословицы в словарях, поэтому мы предлагаем собственное: ‘будь осторожен со всем; крайности одинаково опасны’.

В данном выражении бином огонь – вода представляет две опасные, враждебные человеку стихии. С одной стороны, они противопоставлены друг другу, но, с другой, они приравнены по степени опасности, какую представляют для человека. Подобную характеристику дают элементам огонь и вода носители языка в своих толкованиях: «То есть, не провоцируй вспыльчивого человека лишний раз, но не доверяй слишком тихим и спокойным людям. Например, девушка дружила со слишком вспыльчивым парнем, а потом нашла спокойного, но хитрого, который начал её обманывать. И вот в этой ситуации её мудрая бабушка ей это говорит»; «Будь осторожен со всем, вероятно. Даже с вещами, которые обычно полезны»; «Огонь – это агрессивный человек... А про воду – это как будто не доверять слишком гибким людям... изменчивым, что ли».

На наш взгляд, интересно отметить, что в последнем толковании респондент сделал отсылку к такому качеству воды, как изменчивость.

Примеров употребления данного выражения в повседневной речи, современных текстах не встретилось.

Избегая огня, не уходи в воду. В словарях пословиц толкование паремии отсутствует, поэтому предлагаем следующее: ‘не стоит вдаваться в крайности, пытаясь решить какую-либо ситуацию, поскольку это может привести к другой трудной ситуации’.

Бином огонь – вода, также как и в предыдущей пословице обозначает две противоположные по силе, но одинаково опасные для человека стихии.

Нам не встретилось примеров использования данного выражения в современных источниках.

Огонь под полой не унесёшь. Данное выражение представлено в словаре пословиц В.И. Даля в категории правда/кривда [http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/18672Огонь]. В связи с этим, представляется возможным дать следующее определение данной пословице: ‘Правду нельзя утаить, она рано или поздно выйдет наружу’.

На наш взгляд, интересно отметить то, что в данном случае компонент огонь обозначает правду. Возможно, данная пословица связаны с древними славянскими представлениями об очищающей силе огня [Славянские древности, т.3., 1995]. Таким образом, в биноме огонь – пола компонент огонь обозначает правду, а компонент пола символизирует ложь или молчание, то есть, укрывание правды. Подобные ассоциации возникли и у опрошенных нами носителей языка: «Что-то вроде: правду не спрячешь. Так или иначе выплывет наружу»; «Наверное, про то, что скандал не утаить»; «Например, сделал человек какую-то гадость тайно, чтобы никто об этом не знал, но совесть его мучает, и рано или поздно либо он себя выдаст, либо всё само раскроется. Как говорится, всё тайное становится явным. Например, для ситуации, когда разоблачили преступника, в программе новостей может диктор сказать эту поговорку, чтобы свой репортаж сделать интереснее».

Нам не встретилось примеров употребления данного выражения в современных источниках.

На огонь дров не напасёшься. **В словаре пословиц В.И. Даля данная пословица представлена в категории зависть/жадность [http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/8332На]. Основываясь на данной информации, мы предполагаем, что выражение может иметь следующее значение: ‘жадному человеку невозможно насытиться чем-либо’.**

В биноме огонь – дрова компонент дрова обозначает «предмет страсти, желания». Компонент огонь обозначает сильное желание чего-либо, страсти, жажду обладания чем-либо. Важно отметить, что в данном выражении изображена пагубная страсть, которой не следует потакать, потому что это только сильнее её разожжёт. Данные предположения высказали и носители языка: «Я бы сказала человеку в ситуации, в которой, как ни старайся, толку не будет. Это, скорее, про жадность. Что-то вроде, сколько бы ты чего ни получил, всё тебе мало (или кому-то мало)»; «Это если у тебя кто-то шантажом вымогает деньги, то если один раз заплатишь, от тебя потом не отвяжутся, будут требовать всё больше и больше»; «Наверное, это про прожорливость».

Кроме того, нам кажется интересным отметить один ответ, в котором респондент под компонентом огонь понимает страсть безотносительно негативного контекста: «Например, стали дружить парень и девушка, у них начало отношений, страсть, все дела, а через некоторое время страсть прошла, и как-то всё не то стало, как раньше. Это потому что страсть и влюблённость нельзя поддерживать вечно». Такое толкование пословицы, на

наш взгляд, может свидетельствовать о том, что у некоторой части респондентов данная пословица не вызывает безусловно негативные ассоциации.

Примеров употребления данного выражения в современных текстах нам не встретилось.

Пословицы *без огня дыма не бывает* и *нет ни огня без дыма, ни дыма без огня* остались вне классификации. Значение этих пословиц следующее: ‘без причины ничего не бывает’. Говорится чаще тогда, когда верят, что в распространившихся слухах есть доля правды [http://www.kraeved-samara.ru/archives/2628].

Например: «Я считаю, что *дыма без огня не бывает*, но мы же живем в правовом государстве. Если есть нарушения, они будут расследоваться» [http://www.newkaliningrad.ru/news/community/3913278-tsukanov-o-makhinatsiyakh-s-zemley-v-gurevskom-rayone-dyma-bez-ognya-ne-byvaet.html (2014)].

В настоящее время помимо значения ‘слухи’ компонент *огонь* выражает также любые последствия чего-либо: «Как *дыма без огня не бывает*, так *не бывает* и болезни без греха» [*www.isihast.ru (2012)*]. Кроме того, в данном примере пословица *без огня дыма не бывает* употребляется в трансформированной форме – с перестановкой частей. На наш взгляд, данные явления свидетельствуют о распространённости выражения в речи.

Подводя итоги анализа пословиц с компонентом *огонь*, можно сделать следующие выводы.

Самой многочисленной является группа пословиц, репрезентирующих представление об огне, как об опасной стихии. При этом огонь по степени опасности и важности часто сопоставляют с водой.

Пословицы *на огонь дров не напасёшься* и *без огня дыма не бывает* в современном сознании получают **расширение значения**. Кроме того, пословица *без огня дыма не бывает* может претерпевать **перестановку частей**.

Обобщая образы, выражаемые пословицами, можно реконструировать стереотипное представление об огне, вербализованное в русской пословичной картине мира. Огонь, наряду с водой, опасная, враждебная человеку стихия (бином *огонь – вода*). Он поглощает всё вокруг, и чем больше его поддерживать, тем сильнее он разгорается (бином *огонь – дрова*), с ним следует быть крайне осторожным (бином *огонь – масло*). Тем не менее, без огня человеку жить крайне трудно, также как и без воды.

На наш взгляд, словарная статья учебного словаря должна включать в себя следующие зоны: заголовочная единица, зона толкования значения; идентичная пословица в сербском языке; ситуация употребления; выражаемая интенция; зона этимологического комментария; выражаемая установка культуры; образность единицы; пословичные биномы, зона иллюстративного материала, зона, описывающая современные тенденции употребления единицы.

Необходимо отметить, что некоторые из названных зон являются факультативными. Облигаторными следует считать зоны толкования значения; ситуации употребления; выражаемой интенции; установки культуры.

Список литературы

Академик. Словари и энциклопедии. Web: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/18672Огонь.

Блог самарских краеведов. (2016). Web: http://www.kraeved-samara.ru/.

Большой толковый словарь русского языка . – СПб.: Норинт, 1998. – 1535 с.

Большой академический словарь русского языка. – М., СПб.: Наука, 2004. – Т. 6. – 829 с.

Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – 700 с.

Информационный портал о старцах и старчестве (2012). Web: www.isihast.ru.

Национальный корпус русского языка. Web: ruscorpora.ru

Ответы Mail.ru (2007). Форум вопросов. Web: http://otvet.mail.ru/question/4338577.

Партнёрский проект БФУ имени И. Канта и «Нового Калининграда.RU» (2014). Web: http://www.newkaliningrad.ru/news/community/3913278-tsukanov-o-makhinatsiyakh-s-zemley-v-gurevskom-rayone-dyma-bez-ognya-ne-byvaet.html.

Пословицы и поговорки. Электронный этимологический словарь пословиц и поговорок. Web: http://poskart.ru/vodu-toloch.html.

Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 1999. – Т. 2. – 687 с.

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1991. – Т. 1. – 696 с.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры: сб. статей. – М.: Языки славянской культуры / под. ред. В.Н. Телия, 1999. – с. 13-25.

Толковый словарь с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. – 1175 с.

Михајловић Јелена
Паневропски универзитет Апеирон, Бања Лука (Босна и Херцеговина)

Mihajlovich Jelena
Pan-European University Apeiron, Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

САВРЕМЕНО СТАЊЕ СИСТЕМА НАСТАВЕ РУСКОГ ЈЕЗИКА КАО СТРАНОГ НА ФИЛОЛОШКОМ ФАКУЛТЕТУ ПАНЕВРОПСКОГ УНИВЕРЗИТЕТА „АПЕИРОН“ У БАЊАЛУЦИ (ЦИЉЕВИ И МЕТОДСКА КОНЦЕПЦИЈА)

THE CONTEMPORARY STATE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE FACULTY OF PHILOLOGY WITHIN THE PAN-EUROPEAN UNIVERSITY «APEIRON» IN BANJA LUKA (OBJECTIVES AND METHODICAL CONCEPT)

У овом раду се разматра теоријска основа савременог стања система наставе руског језика на Филилошком факултету Паневропског универзитета «Апеирон» у Бањалуци. Научни метод, као основна смерница анализе конкретизује саму методску концепцију као и циљеве наставног процеса руског језика као страног. Повезаност циљева и резултата у настави је веома важна. Степен њихове подударности (или неподударности) је показатељ ефективности (или неефективности) наставе. Осим тога, упоређивањем тих двеју компонената система могуће је извести закључке о постигнутости (или непостигнутости) циљева обуке. Комуникативни циљ у учењу руског језика, као стожер наше анализе, јесте заправо циљ формирања комуникативних умења и говорних навика. Образовни и васпитни циљ јесу његова логична допуна. Принципи наставе, који премрежавају методску концепцију истовремено је опредмећују и чине делом методичке праксе. Заправо, цео овај оглед јесте тежња да се нађе равнотежа између теоријског промишљања и методичке праксе.
This paper discusses the theoretical basis of the contemporary state of teaching Russian as a foreign language at the Faculty of Philology within the Pan-European University «Apeiron» in Banja Luka. The scientific method, being the basic backbone of the analysis, specifies the very methodical concept as well as the objectives of teaching Russian as foreign language. The correlation between the objectives and results in teaching is of great importance. The degree of their conformity (or mismatch) is an indicator of the teaching effectiveness (or ineffectiveness). In addition, by comparing these system components it is possible to draw conclusions regarding the successfulness (or unsuccessfulness) of the course objectives. The purpose of the communicative goal within teaching Russian as a foreign language, which is at the same time the basis of our analysis, is to develop communication skills and speaking habits. Further educational goals come as a logical complement to the communicative goal. The principals of teaching that connect the methodical concept also make it an autonomous subject and a part of the methodical practice. In fact, this whole research represents a striving to find balance between the theoretical framework and methodical practice.

***Кључне речи*:** научни метод, систем наставе руског језика, Филилошки факултет ПЕУ, методска концепција, циљеви наставног процеса руског језика, комуникативни циљ, принципи наставе руског језика

Key words: scientific method, Russian language teaching system, Faculty of Philology PEU, methodical concept, Russian language teaching objectives, communicative goal, Russian language teaching principle

Ако се за први осврт окренемо *научном методу* у општем смислу као основном стожеру и водиљи нашег истраживања, с правом можемо рећи, да је научни метод пут науке ка знању. Метод у данашњој савременој науци није пуки инструмент у служби науке, већ је он науке узео у своју службу. У било ком научном истраживању које тежи интердисциплинарном приступу не истиче се сама наука, већ *научни метод*, који је упослио науку. Највреднији *увиди* који се најкасније стичу су уствари *методи.* Такође у

наукама, *тема* не само да се поставља *методом*, већ се она истовремено ставља у *метод* и остаје у њему подређена.

Из претходног разматрања проистиче и важна компонента самог система наставе руског језика, која одређује специфику свих других њених компонената. Њу чине *циљеви* саме наставе. Обично се под циљевима подразумевају планирани резултати наставне активности. Повезаност циљева и резултата у настави је принципијелно веома важна, јер степен њихове подударности (или неподударности) је показатељ ефективности (или неефективности) наставе. Осим тога, упоређивањем тих двеју компонената система могуће је извести закључке о постигнутости (или непостигнутости) циљева обуке.

Циљеви наставе руског језика као страног на Филолошком факултету ПЕУА на оба смера, са једне стране се поклапају са општим циљевима високошколског усмерења, а са друге са специфичним циљевима у настави руског језика као страног на Филолошком факултету. По структури ти циљеви могу бити:

- *комуникативни циљ*, тј. циљ у настави руског језика усмерен на општење,
- дијалог (полилог), однос, *комуникацију* саговорника (комуникатора). Другим речима, са оваквим циљем се обезбеђује практично овладавање руским језиком;
- *образовни циљ*, тј. циљ проширивања когнитивне основе студената у смислу
- формирања различитих врста знања: а) метајезичких (знања о језику у општем смислу и посебно о руском језику), б) културолошких, в) професионалних, г) универзалних;
- *васпитни циљ*, који тежи формирању позитивног односа код српских студената
- према руском језику, Русији, њеној историји, традицији, култури, народу.

Најважнији међу њима, у оквиру нашег истраживања, има комуникативни циљ зато што студенти уче руски језик пре свега ради његове употребе са циљем општења, вербалног комуницирања, комуникативне активности [Михајловић, 2012, с. 235-244]. Давање приоритета том циљу логично доводи до закључка, да руски језик треба да се учи не само као теоријска, већ и као добрим делом заступљена *практична* наставна дисциплина. То значи да ће студенти у периоду обуке овладавати одређеним комплексом умења (под умењем се обично подразумева човекова способност да извршава одређену активност). Нараво, уз то студенти стичу и одређена језичка знања.

Како би се одредио збир неопходних умења потребно је истражити *комуникативне потребе* студената Филолошког факултета ПЕУА. Подсетимо се речи Антигоне: «Није Зевс био тај који ми је послао поруку, већ је то урадио неко други ‚показујућа потреба'». На основу те анализе је могуће установити, да су за ту категорију полазника најзначајније наставно-професионална, социо-животна (свакодневна) и социокултурна сфера општења. За сваку од тих сфера је неопходан својеврстан, специфичан збир комунукативних умења.

Комуникативни циљ у социо-животно-свакодневној сфери јесте циљ стварања умења у највећем делу усмено дијалошко-разговорно-свакодневног општења (аудирање и говорење). У мањој мери су за њега важна умења читања и писања.

За социокултурну сферу су у подједнакој мери важне све врсте говорне делатности. Студенти у српској говорној средини добијају социокултурну информацију путем читања

и слушања монолошких и дијалошких текстова. Они треба да разумеју садржај прочитаног и саслушаног, да га пренесу у усмену или писмену форму, те да му дају своју оцену. Студенти трба да науче да састављају сопствене монолошке исказе, ослањајући се не само на проучаван материјал, већ и на чињенице из властитог живота, из живота своје земље. И најважније, студенти треба да буду *активни учесници* у дискусијама на изучаване теме.

Све врсте говорне делатности су важне за за наставно-професионалну сферу комуницирања. Студенти у српској говорној средини Филолошког факултета треба да науче да читају текстове из предвиђених уџбеника, да их укратко излажу, те да их репродукују на основу конспекта. Такође, треба да науче да на основу слушања сажето износе наставне лекције, а затим репродукују њихов садржај на основу конспекта или плана. Ипак, најважнија њихова активност је учешће у говорном општењу/комуницирању на практичним вежбама руског језика као страног [Михајловић, 2015, с. 411-417].

Свако од поменутих умења садржи неколико једноставнијих умења. На пример, умење сажетог излагања фрагмента наставне лекције се састоји од умења разумевања садржаја тог фрагмента, његовог транспоновања у најприхватљивији облик ради записа, те самог записивања тог садржаја. При том свако комуникативно умење садржи како креативне, тако и стереотипне компоненте, које се друкчије зову говорне навике.

Без навика ниједна активност није могућа. [Леонтьев, 1970] дефинише говорне навике као способност да се на оптималан начин реализује говорна операција. У датом случају имају се у виду фонетске, лексичке, граматичке и друге говорне операције. Под оптималном реализацијом се подразумева, као прво, постизање квалитета (одсуство грешака), а као друго, аутоматизована реализација. Управо такве говорне навике и треба да буду формиране код српских студената који уче руски језик као страни на Филолошком факултету. То је утврђено и у Државним образовним стандардима [Государственные образовательные стандарты 1999, 2000], и у образовном програму [Образовательная программа, 2001], као и у наставном плану и програму, тј. својеврсним силабусима за руски језик Филолошког факултета ПЕУ. Тако се у [Образовном програму, 2001, с. 64], управо говори о томе: «Высказывания учащихся должны быть оформлены в соответствии с нормами современного русского языка, в рамках изу́ченного лексико-грамматического материала, с учётом общепринятых социально обусловленных норм речевого этикета».

На тај начин, комуникативни циљ у изучавању руског језика као страног на Филолошком факултету оба усмерења јесте заправо циљ формирања комуникативних умења (и свих говорних навика које она подразумевају), карактеристичних за наставно-професионалну, социо-животну/свакодневну и социокултурну сферу општења.

Реализација комуникативног циља у изучавању руског језика је немогућа без реализације образовног и васпитног циља. Немогуће је овладати руским језиком уколико код студената није развијен позитиван однос према њему и уколико нису оформљена језичка и културолошка знања. Зато се с правом може говорити о комплексном и интегративном циљу у области учења руског језика као страног на Филолошком факултету оба усмерења.

Последњих година научници често пишу о томе, да је циљ обуке на курсевима руског језика као страног комуникативна компетенција, тј. способност (а такође спремност, умење) да се реализује општење на страном језику. Појам комуникативне компетенције је позајмљен из стране методике (њега су разрађивали Д. Хајмз, М. Кенел и М. Суејн, Л. Бахман, С. Севињон и други лингвисти). У руској методици у изучавању руског језика као страног тај појам се пре свега анализира у оквиру концепције нивоа владања језиком и теорије лингводидактичког тестирања.

Комуникативна компетенција се проучава као сложено вишеслојно образовање у чији састав улазе следеће посебне врсте компетенције:

- *лингвистичка* (познавања појава из области фонетике, лексике и граматике, а
- такође способност да се оне користе у властитом продуктивном говору као и њихово разумевање у говору других лица);
- *социолингвистичка* (способност препознавања и учешћа у социолингвистичком
- контексту комуникативног чина, специфичности ситуације општења, при том имајући у виду социјални статус партнера; њу понекад називају прагматичном и илокутивном компетенцијом;
- *социокултурна* (познавање социокултурних особености земље чији се језик учи,
- правила вербалног и невербалног понашања у типичним ситуацијама и способност реализације властитог говорног понашања у складу са тим знањима); у руској науци су појму социокултурне компетенције блиски често употребљавани термини культурологическая (културолошка), лингвокультурологическая (лингвокултуролошка), страноведческая (у српској терминологији такође културолошка) и межкультурная (међукултурна) компетенција;
- *дискурсивна* (познавање правила структурисања повезаног усменог и писменог
- саопштења/дискурса, умење конструисања исказа од посебних реченица, уз коришћење различитих синтаксичких и семантичких кохезионих средстава, а такође и умење разумевања таквих исказа у говору саговорника);
- *стратешка* (умење избора и коришћења најефективније стратегије за решавање
- различитих комункативних задатака);
- *предметна* (познавање предметне информације, која омогућава студентима да
- стварају или препознају исказе).

Из претходног се може констатовати да концепција комуникативне компетенције не само што није контрадикторна компетенцији збира различитих циљева у изучавању руског језика као страног на Филолошком факултету оба усмерења ПЕУА, већ је у значајној мери и допуњава. Другим речима, ове две компетенције су комплементарне.

Методска концепција представља укупност схватања, како треба поставити наставни процес у конкретним условима, како би се успешно остварили постављени циљеви наставе. Представу о томе како треба обучавати имају сви, који су директно или индиректно повезани са процесом наставе, а пре свега је имају предавачи, аутори уџбеника, методичари-истраживачи. Методска концепција може бити правилна, тј. квалитетна и одговарајућа (која одговара одређеној специфици датог система наставе) или неправилна,

тј. неквалитетна и неодговарајућа, која се стихијски формира под утицајем само личног искуства предавача.

Методска концепција предавања руског језика као страног на Филолошком факултету ПЕУА је по много чему специфична. Познато је да на овом факултету постоје два усмерења, тј. два студијска програма у изучавању руског језика као страног [видети сајт Паневропског универзитета Апеирон / Филолошки факултет]. Један програм је трогодишњи шестосеместрални и зове се «Наставно-преводилачки студијски програм руског језика». Из заједничких основа (од I до VI семестра) студенти стичу звање «Професор-преводилац руског језика». Други студијски програм је четворогодишњи осмосеместрални и зове се «Руски језик». Преко заједничких основа трогодишњих студија (од I до VI семестра) разраста у осмосеместрални четворогодишњи студиј. Два последња семестра VII и VIII су специфично диферентна, те се сходно програмској усмерености гранају у две специјализације. Из једне специјализације студенти добијају звање «Професор руског језика», док из друге стичу звање «Дипломирани филолог-преводилац руског језика». Оваква прва поједностављена схема студијских програма руског језика као страног, без улажења у посебне семестре по предметима, већ указује на неке разлике, које се огледају у трима различитим специјализацијама. Из овога проистиче, да методска концепција треба да буде у складу са оваквом програмском оријентацијом. У основи њена разрада програмски треба да буде најефикаснија и најоптималнија у самим заједничким основама студија (од I до VI семестра), јер оне представљају својеврсни камен темељац даљег програмског усмерења и разгранавања према различитим специјализацијама, тј звањима. У овој краткој анализи се ограничавамо само на основне студије, јер методска концепција има даљи развојни пут на мастер студијама итд.

Поред ове суштински заступљености методске концепције по предметима, семестрима, годинама, постоје критеријуми по којима се она даље дорађује, прерађује, коригује, бруси. Један од њих је само *предзнање руског језика* полазника, који уписују факултет. Из праксе је познато да има студената који долазе са најдужим предзнањем (основна и средња школа 8-10 година), или су учили руски језик само у основној (4 године), или само у средњој школи (4 године), или га нису учили уопште. Овде се може сегментовати и нијанса на релацији *завршене средње школе*: гимназија/средња стручна школа (економска, туристичка и др.). Веома је битно узети у обзир и *узрасни ниво студената*. Он је такође варјабилан од 18, 19 година пасве до неког старијег узраста. Показује се значајним и *континуитет у учењу руског језика.* Неки полазници настављају одмах студије, а неки се уписују после извесне паузе.

Све ове наведене критеријуме који одређују методску концепцију, као и њену основну заснованост и заступљеност у студијским програмима руског језика као страног на Филилошком факултету ПЕУА не треба схватити фиксираним, нити коначним. Њима се не исцрпљује могућност долажења до неких коначних решења. Напротив, како је настава руског језика својеврсни процес, сва полазишта и критеријуми остају отворени за било какав корективни приступ и дораду, разраду или пак елиминисање. У додирним тачкама и

међуиграма ових претпоставки леже полифонијске могућности различитих перспектива у разради студијских/наставних програма посредством варијантних методских концепција.

И како је то предвиђено у лингвометодолошкој теоријској литератури, основу научне методске концепције чини *систем принципа наставе.* Премрежавајући методску концепцију као да чине равнотежу између теоријског промишљања и методичке праксе. Под принципима наставе у научној литератури се подразумевају основна правила, захтеви, прописи, чијом се реализацијом постиже неопходни *ниво ефективности у настави* [Михајловић, 2013, с. 75]. То су пре свега правила:

а) како треба *бирати* наставни материјал за наставни процес,

б) којим редоследом треба *распоредити* наставни материјал у наставном процесу,

в) како *уводити* наставни материјал у наставни процес,

г) како *организовати усвајање* наставног материјала у оквирима наставног процеса,

д) како *организовати контролу* наставног материјала у оквирима наставног процеса.

Другим речима, принципи и методи одређују садржај наставе. А може се рећи да је процес и реверзибилан, те сама специфика наставног програма профилише принципе и методе у настави руског језика као страног. На тај начин је могуће принципе наставе класификовати и по другачијим основама. Тако постоје:

а) принципи који се одређују на основу анализе циљева наставе,

б) принципи који настају на основу анализе конкретних услова у настави,

в) принципи који се одређују на основу анализе контингента студената.

О међусобном утицају и преплетају у кружној условљености принципа и метода наставе и конкретног наставног/студијског програма руског језика као страног на Филолошком факултету ПЕУ – неком другом приликом.

Списак литературе:

Андрюшина Н.П. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение / Н.П. Андрюшина, Г.А. Битехтина, А.С. Иванова и др. СПб.: Госстандарт, 1999.

Андрюшина Н.П. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Второй уровень. Профессиональные модули / Н.П. Андрюшина, Т.Е. Владимирова, Л.П. Клобукова и др. СПб.: Госстандарт, 2000.

Есина З.И. Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Предвузовское обучение. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень / З.И. Есина, А.С. Иванова, Н.И. Соболева и др. М.: Образовательная программа, 2001.

Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М.: 1970.

Михајловић Ј. VII Међународни симпозијум, Достигнућа и перспективе конфронтационог проучавања руског и других језика: О месту и улози комуникативне функције језика у настави руског језика за туризмологе / Ј. Михајловић. Београд: МАПРЈЛ, 2012.

Михајловић Ј. Зборник радова конференције Ново и традиционално у транслатологији и настави руског језика као страног: Жива методика – носећи стуб наставног процеса и структуре уџбеника за факултете и високе школе туристичко-економске струке. / Ј. Михајловић. Бањалука.: Московски државни универзитет Ломоносов/Факултет превођења, Паневропски универзитет Апеирон/Филолошки факултет, 2015.

Михајловић Ј. Методолошки основи савременог уџбеника руског језика струке (високошколског туризмолошко-економског профила): докторска дисертација. Београд.: Универзитет у Београду, Филолошки факултет, 2013.

Милянович Елена
Чович Лариса Ивановна
Панъевропейский университет Апейрон, г. Баня Лука (Босния и Герцеговина)

Milyanovich Elena
Chovich Larisa Ivanovna
Pan-European University Apeiron, Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

АРХАИЗМЫ КАК СРЕДСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ СТИЛИЗАЦИИ И ИХ ПЕРЕВОД НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА „КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“)

ARCHAISMS AS MEANS OF HISTORICAL STYLIZATION AND THEIR TRANSLATION INTO SERBIAN (ON THE EXAMPLE OF THE HISTORICAL STORY OF A. S. PUSHKIN "THE CAPTAIN'S DAUGHTER"

Выявление функций архаизмов как средств исторической стилизации в структуре анализируемой исторической повести *Капитанская дочка* А.С. Пушкина является ***целью*** данного исследования, равно как и способы их перевода на сербский язык, осуществленные сербским переводчиком Божидаром Ковачевичем. После тщательно проведенного лексико-семантичсекого, стилистического и контекстуального анализов, авторы пришли к следующим выводам: наибольшее количество - лексических архаизмов, служащих для передачи колорита эпохи. Затем идут фонетические, которые в своем большинстве являются средством создания торжественно-патетической речи. Грамматических архаизмов – небольшое количество. Словообразовательные архаизмы несут определенную стилистическую нагрузку: они или высокого стиля или разговорного.Что касается семантических архаизмов, то их в нашем корпусе меньше всего. Их можно отнести к «мнимым архаизмам» как и некоторые лексические. Фонетические, грамматические и большинство лексических являются так называемыми «подлинными» архаизмами. В переводе *Капитанской дочки* Божидару Ковачевичу не всегда не удавалось передать пушкинские приемы исторической стилизации, в данном случае, речь идет о фразеологизмах. Но он пытался каким-то другими способами воссоздать колорит эпохи, дать речевую характеристику героям, подбирая к другим словам устаревшие синонимы, заменяя те слова в предложениях, которые имеют архаический аналог, если отсутствует в сербском языке адекватный архаизм.

Identification of functions of archaisms as means of historical stylization in structure of the analyzed historical story the Captain's daughter A. S. Pushkina is an objective of this research, as well as the ways of their translation into Serbian which are carried out by the Serbian translator Bozhidar Kovacevic. After carefully carried out leksiko-semantichseky, stylistic and contextual analyses, authors have come to the following conclusions: the greatest number - the lexical archaisms serving for transfer of color of an era. Then go phonetic which in the majority are a tool for the solemn and pathetic speech. Grammatical archaisms – a small amount. Word-formation archaisms bear a certain stylistic loading: they or elevated style or colloquial. As for semantic archaisms, them in our case least of all. They can be carried to "imaginary archaisms" as well as some lexical. Phonetic, grammatical and the majority lexical are so-called "original" archaisms.
Bozhidar Kovacevic not always didn't manage to transfer Pushkin methods of historical stylization in transfer of Captain's subsidiary, in this case, it is about phraseological units. But he tried some in other ways to recreate color of an era, to give the speech characteristic to heroes, selecting outdated synonyms to other words, replacing those words in offers which have an archaic analog if there is no adequate archaism in Serbian.

Ключевые слова: историческая стилизация, семантические архаизмы. фонетические архаизмы. лексические архаизмы, словообразовательнае архаизмы, эквивалент.

***Key words*:** historical stylization, semantic archaisms. phonetic archaisms. lexical archaisms, word-formation archaisms, equivalent.

Повесть *Капитанская дочка* является историческим произведением, причем как для современного читателя, так и для читателей эпохи создания повести. Структура и содержание повести основываются на архаической лексике и фразеологии: архаизмы, историзмы, фразеологизмы, инверсии, пословицы и поговорки составляют стержень анализируемой повести.

Выявление функций архаизмов как средств исторической стилизации в структуре анализируемой исторической повести *Капитанская дочка* А.С. Пушкина [Пушкин, 1978] является ***целью*** данного исследования, равно как и способы их перевода на сербский язык, осуществленные сербским переводчиком Божидаром Ковачевичем [Пушкин, 2011].

Предметом исследования послужили: роман А.С. Пушкина *Капитанская дочка* [Пушкин, 1978) и его перевод на сербский язык, осуществленный Божидаром Ковачивичем. [Пушкин, 2011].

Архаизмы, историзмы, инверсии, всевременные элементы субстандартного коллоквиального языка, архаические фразеологизмы, фразеологизмы с архаическими грамматическими формами слов и с архаическими значениями, устойчивые выражения с уже не существующими реалиями или словами, вышедшими из активного словарного фонда; устаревшие пословицы и поговорки, а также инверсии - все вместе они представляют цельную словесно-художественную систему данной исторической повести.

Основными методами исследования являются дескриптивный и сравнительно-сопоставительные методы. Приемами исследования послужили: непосредственное наблюдение над текстом повести и ее переводом на сербский язык, анализ и синтез выбранного материала, а также дедукция и индукция. Кроме того, исследование опирается на контекстуальный, лексико-семантический и стилистический анализы.

В работах по теории перевода не так часто, как хотелось бы, встречается понятие «историческая стилизация». Причем, некоторые ученые, такие как Б. Чович, А. Федоров, говорят об исторической стилизации как о передаче исторического и национального колоритов, другие [А. Попович, Б. Хохел] – как об отражении культуры и времени в тексте перевода.

Под термином *историческая стилизация* мы понимаем «воспроизведение в художественной литературе, описывающей прошлое, особенностей языка исторической эпохи и воссоздание речевого колорита, присущего данному историческому периоду». В словаре лингвистических терминов понятие исторической стилизации объясняется как «подражание стилю речи, типичному для какой-либо эпохи или социальной среды» [Розенталь, Теленкова, 1976].

По В.С. Виноградову: «Переводческая языковая архаизация или темпоральная (временная) языковая стилизация – это сохранение с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым» [Виноградов, с. 142]. Им отмечена относительность данного понятия, «ибо в речь вкрапливаются языковые элементы не какого-то конкретного периода конкретного века, а осуществляются такие отступления от современной нормы, которые

представляются несколько архаичными» [Виноградов, с. 142]. Таким образом, чтобы создать архаичность переводчик должен с чувством меры включать в текст устаревшие слова, обороты и синтаксические конструкции, не следует допускать неоправданного использования архаизмов и историзмов.

Пласты словаря исторической стилизации следующие:

1. Архаизмы.
2. Историзмы.
3 Всевременные элементы субстандартного коллоквиального языка.
4. Фразологизмы, пословицы и поговорки.
5. Эпиграфы к главам.
6. Следы подлинных исторических документов.
7. Инверсии.

В данной работе мы ограничимся рассмотрением лишь первого пласта – архаизмов.

После тщательного анализа выбранного корпуса - архаизмов как средства исторической стилизации, - общая функция которых - передача *колорита исторической эпохи и создание иллюзии достоверности*, переходим подробному рассмотрению архаизмов и способов их перевода на сербский язык.

По мнению Кончаковой В.Е, устаревшая лексика, в повести А.С. Пушкина формируют «историческое пространство» [Кончакова, 2008, с.9], которое включает устаревшую лексику семьи и быта, воспитания и образования; предметов труда; дороги; воинской службы; общественного положения и государственной власти; наказания за преступлениеи и др. Как известно, одно из самых распространенных средств создания исторического художественного пространства являются архаизмы (фонетические, словообразовательные, лексические и семантические) и историзмы.

А.С.Пушкин использует большое количество архаизмов, которые служат для воссоздания колорита эпохи и аутентичности речи героев. При анализе самого состава архаизмов важно было учесть, какие именно слова и словосочетания в момент написания повести Пушкиным уже считались устаревшими, а какие стали архаизмами в более поздний период, а во времена Пушкина входили в активный словарный состав русского языка. Именно в этом случае можно определить стилистические функции архаизмов, с помощью которых Пушкин или воспроизводит картины прошлого, или пользуется ими как средством передачи, описываемом в повести времени. Наш анализ осуществляется с синхронного аспекта. Мы исследовали все архаизмы с точки зрения современного русского языка. Приведем несколько примеров:

«С тех пор жил он в своей Симбирской деревни, где и женился на *девице* Авдотьи Васильевне Ю., дочери бедного *тамошнего* дворянина» [Пушкин, 1978, с.531].

В данном предложении словообразовательный архаизм *девица* употребляется в значении ‘незамужняя женщина’. Следует отметить, что в *Толковом словаре русского языка* С.И. Ожегова это слово имеет помету *устаревшее* и указание на то, что оно употребляется в народной словесности, обычно в ласковом обращении. Для современного

русского носителя языка лексема *девица* является архаичной и невольно переносит читателя повести *Капитанская дочка* в описываемую Пушкиным эпоху.

В переводе Божидара Ковачевича русский архаизм заменен современной сербской лексемой *девојка,* что вполне объяснимо, так как в сербском языке отстутствует архаичный синоним этого слова: «Отада је живео у своме симбирскоме селу, где се и оженио *девојком* Авдотјом Васиљевном J., ћерком *тамошњега с*иромашнога племића» [Пушкин, 2011, с.7].

В этом предложении заслуживает внимания еще один лексический архаизм *тамошний* (в значении ‘находящийся или свойственный тому месту, живущий там, на том месте, в той местности’), эквивалент которому удалось найти нашему переводчику. Слово *тамошњи* является полным эквивалентом слову из оригинала; и таким образом, переводчику в какой-то степени удалось передать дух эпохи.

В *Капитанской дочке* наряду с архаизмами пушкинской эпохи, такими как *паче чаяния*, *здраво* и др., встречаются слова, которые перешли в состав пассивной лексики лишь в 20 веке (причем некоторые из них употребляются в поэзии и в настоящее время, придавая особую торжественность речи и стилистическую значимость. Например, слово *очи:*

« - Это что?- спросил важно Пугачев. - Прочитай, так изволишь увидеть - отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрено пишешь?» - сказал он наконец. - «Наши светлые *очи* не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?» [Пушкин, 1978,с.576].

В переводе Божидара Ковачевича («Прочитај, па ћеш изволети да видиш - одговори Савељич. Пугачов узе хартију и дуго је у њу гледао као да чини нешто значајно.

- Што тако замршено написа? - рећи ће он најзад.

- Наше *пресветле очи* не могу ту ништа да разберу. Где је мој оберсекретар?») [Пушкин, 2011, с.81] у сербского читателя также возникает «картинка» архаичности и торжественности за счет употребления героем высокого стиля синтагмы *пресветле очи*, хотя в сербском языке слово *очи* аналогично русскому нейтральному слову - *глаза.*

Все выбранные нами архаизмы были расклассифицированы по следующим аспектам:

1) с точки зрения происхождения и

2) с точки зрения их образования.

1) С точки зрения происхождения были выделены следующие группы:

а) исконно русские,

б) старославянские или церковнославянские и

в) заимствованные из других языков

а) исконно русские, например:

- *Полати:* «Я взглянул на *полати*, и увидел черную бороду и два сверкающие глаза» [Пушкин, 1978, с.540]. В переводе не было архаизма, так как его не существует в сербском языке, что, конечно, не соответствует оригиналу, и у сербского читателя не возникает

чувства старины, которое ощущает русский читатель: «Погледах *на запећак* и видех црну браду и два сјајна ока» [Пушкин, 2011, с.21].

- *Полон:* «Все солдаты взяты в полон.» [Пушкин, 1978, с. 564.].

Русский архаизм *полон* не имеет адекватного эквивалента в сербском языке. Божидар Ковачевич корректно передал значение этого архаизма, но в переводе утрачена пушкинская стилизация пугачевского времени: «Војници су сви заробљени» [Пушкин, 2011, с.60]. Наверное, лучше бы было: *Војници су пали у заробљеништво*.

- *Жило*: «Ну, слава богу, *жило* недалеко; сворачивай в право да поезжай» [Пушкин, 1978, с.539]. Переводчику не удалось найти адекватный эквивалент диалектному русскому фонетическому архаизму *жило*. Переведено нейтральным словом *насеље:* «Него, хвала богу, насеље није далеко; скрени десно, па терај!» [Пушкин, 2011, с.19].

б) старославянские или церковнославянские, которые в современном русском языке воспринимаются как отголосок высокого устаревшего стиля и сохраняют свойственную торжественную окраску, например:

- *Младенчество:* «Все мои братья и сестры умерли во *младенчестве»* [Пушкин, 1978, с. 531]. Слово *младенчество* заимствовано из старославянского языка, и, к сожалению, адекватный эквивалент отсутствует в переводе: «Сва су моја браћа и сестре поумирали још док су били мали» [Пушкин, 2011, с.7]. Отсутствие устаревшей коннотации выхолащивает текст оригинала. И, как нам кажется, лучше бы было перевест следующим образом: *у рањем детинству*.

- *Здраво:* «Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень *здраво* судить о свойствах борзого кобеля*»* [Пушкин, 1978, с. 531]. Лексический архаизм *здраво* старославянского происхождения со значением ‘толково, рассудительно, трезво’ переводчик дал как слово *зрело* с тем же значением*,* потеряв «устаревший»компонент, участвующий в исторической стилизации: «Под његовим надзором ја сам се науђио у дванаестој години руским словима и могао сам сасвим *зрело* да судим о особинама ловаћког хрта*»* [Пушкин, 2011, с.7].

в) заимствованные из других языков, например:

- *Форт*: слово заимствовано из немецкого языка, адаптируясь в русском языке, оно приобретает форму *фортеция:* «Маше здесь оставаться не гоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска и пушек довольно, и стена каменная Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром что ты старуха, а посмотри что с тобою будет, коли возьмут *фортецию* приступом» [Пушкин, 1978, с.564]. Слово *фортеция* было заимствовано в Петровскую эпоху и является лексическим архаизмом.

В переводе: «Маша овде не може остати. Послаћемо је у Оренбург њеној куми: тамо има доста и војске и топова, а и бедеми су од камена. Па и теби бих саветовао да с њом пођеш; стара си, додуше, али би већ видела шта би с тобом било ако *тврђаву* заузму на јуриш» [Пушкин, 2011, с.61]. - русский архаизм *фортеция* передан словом современного сербского языка *тврђава.*

Необходимо заметить, что хотя в сербском языке нет устаревшего синонима к слову *крепость*, переводчик попытался сохранить пушкинскую историческую стилизацию,

заменив современное *зид* устаревшим словом высокого стиля тюркского происхождения *бедем*. По-нашему мнению, это весьма удачное переводческое решение. Таким образом, данное предложение все-таки переносит читателя в другую эпоху.

- *Сайдак*: слово заимствованное из тюркских языков, означающее ‘набор вооружения конного воина, состоявший из лука с налучием и колчана со стрелами, на который в походе надевался чехол’: «В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и *сайдаками*» [Пушкин, 1978, с. 566].

В переводе Божидар Ковачевич этот лексический архаизм перевел как *стрела*: «Утом се иза виса, који је био на пола врсте од тврђаве, појавише нови буљуци коњаника и степу ускоро преплави много људи, наоружаних копљима и стрелама» [Пушкин, 2011, с. 65], что вряд ли адекватно слову *сайдак*.

- *Алтын:* слово татарского происхождения со значением ‘старинная русская монета в три копейки’: «Одна беда: Маша; девка на выданьи, а какое у ней приданое? Частый гребень, да веник, да *алтын* денег (прости бог!), с чем в баню сходить» [Пушкин, 1978, с. 546]. В переводе Божидара Ковачевича: «Мука је само с Машом; девојка на удају, а каква јој је спрема: густ чешаљ, метлица за купање и *марјаш* (боже прости!) да има са чим да оде у купатило» [Пушкин, 2011, с. 31]. Архаизм *алтын* переведен архаизмом сербского языка *марјаш* со значением ‘*мелкая монета’*, что представляет адекватный переводческий эквивалент. Однако хотелось бы найти пословицу сербского языка с аналогичным значением, что не удалось переводчику.

- *Сикурс:* слово французского происхождения. В *Словаре* Ушакова дается с пометами *военное, старинное* - (воен. старин.). Слово имеет значение ‘помощь, поддержка’. «Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее *сикурсу* да приезжайте сами, если можете» [Пушкин, 1978, с. 582]. В переводе Божидар Ковачевич не смог найти адекватного средства исторической стилизации: «Молити генерала и све команданте да нам што пре пошаљу помоћ или дођите сами, ако можете» [Пушкин, 2011, с. 92].

С точки зрения образования архаизмов интересна и ниже описанная классификация, которая построена по принципу уменьшения числа архаизмов, встречающихся в тексте повести:

а) лексические архаизмы:

- *Брюхата*: слово со значением ‘беременная’, имеет в *Толковом словаре русского языка* Д.Н. Ушакова пометы: ‘просторечное’ и ‘устаревшее’: «Матушка была еще мною *брюхата*, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости маиора гвардии князя Б., близкого нашего родственника» [Пушкин, 1978, с. 582]. Переводчик по неизвестным причинам пропустил перевод этого предложения или случайно, или, может быть, просто не знал значение слова *брюхата:* «Сва су моја браћа и сестре поумирали још док су били мали. Ја сам био записан као наредник семјоновскога пука милошћу гардијског мајора, кнеза Б., нашега блиског сродника» [Пушкин, 2011, с. 7].

- *Злодеи*: «Того и гляди, *злодеи* будут сюда [Пушкин, 1978, с. 564]. В русском языке слово *злодеи* имеет устаревшее значение ‘враги, неприятели’. В сербском языке имеется слово с аналогичным значением *злотвор*, но оттенка устарелости у него нет. Переводчик использовал другое слово *зликовац*, только частично передающее это значение: «Док се обрнеш, зликовци могу бити и овде!» [Пушкин, 2011, с. 60].

- *Сия*: «Скажу вкратце, что *сия* осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия». Слово *сия* в русском языке является устаревшим и имеет значение ‘этот’. Кроме того, в словаре есть помета - иронический например, *сия* дама не реагирует на замечания. С точки зрения стилистической этот архаизм относится, в основном, к книжному стилю, иногда - к официальному (например, *первого ноября сего года*).

Что касается перевода, то следует отметить, что устаревшего синонима в сербском языке не сохранилось, и поэтому использовано нейтральное слово *ова*: «Рећи ћу укратко да је *ова* опсада због неопрезности месне управе била смртоносна за становнике који су претрпели глад и све могуће невоље» - [Пушкин, 2011, с. 90]. Тем самым потерян исторический колорит эпохи, присущий оригиналу.

- *Коли:* «Он обходится со мною очень жестоко и грозится, *коли* не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой» [Пушкин, 1978, с. 582]. Союз *коли* – устаревший и просторечный. В повести *Капитанская дочка* он встречается в диалогах героев, являясь одним из приемов исторической пушкинской стилизации – вневременным элементом.

В переводе Божидара Ковачевича союз *ако* также не выполняет функцию исторической стилизации, так как это нейтральный союз *ако*. Таким образом, опять была аннулирована пушкинская историческая стилизация: «Он поступа са мном врло сурово и прети, ако не промислим и не пристанем, да ће ме одвести у логок ономе зликовцу, па ће вам се, вели, догодити што и Лизавети Харловој» - [Пушкин, 2011, с. 92].

- *Стихотворец:* «Ого! Самолюбивый *стихотворец* и скромный любовник!» [Пушкин, 1978, с. 549]. Слово *стихотворец* во всех толковых словарях дается с пометой *устаревшее* и имеет значение ‘поэт, сочинитель стихов'. Весьма адекватан и перевод, так как речь идет о полных эквивалентах в русском и сербском языках: «Па ти си неки славољубив *стихотворац* и чедан *љубавник*!» [Пушкин, 2011, с. 35]. Однако следует отметить, что *Словарь сербского языка* (*Речник српског језика*. Нови Сад, Матица Српска, 2007, с.1272 : ‘онај који прави, ствара стихове') не дает пометы *устаревшее.*

- *Любовник:* «Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный *любовник!»* — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня; — «но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками». [Пушкин, 1978, с. 549]. Слово *любовник* во всех толковых словарях дается с пометой *устаревшее* и имеет значение ‘влюбленный человек'.

Что касается перевода этого слова, то, как нам кажется, мы имеем дело с полными эквивалентами. *Словарь сербского языка* Матицы Сербской фиксирует употребление этого слова во множественном числе со значением: ‘мушкарац и жена у љубавним односима,

заљубљеници' [Речник српског језика, с.661]: «Па ти си неки славољубив стихотвора и чедан *љубавник*!» [Пушкин, 2011, с.35].

- *Погребец*: «Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною *погребец*, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен» [Пушкин, 1978, с. 540].

Устаревшее слово *погребец* имеет значение 'сундучок, с напитками и съестными припасами' [Ушаков, 1966]. Переводчик нашел адекватное решение для передачи исторической стилизации, Поскольку в сербском языке нет устаревшего синонима для слова *сандуче*, он добавил комментарий, отсутствующий в оригинале: сандуче *са чајним прибором* и заменил глагол *затражити* устаревшим - *заискати*. Тем самым Божидару Ковачевичу удалось сохранить исторический колорит эпохи: «Савељич унесе за мном *сандуче са чајним прибором* и *заиска* ватре да скува ћај, који ми се 'никада не учини толико потребан као тада» [Пушкин, 2011, с.21].

- *Успеть:* «...коли ты хочешь *успеть*, то советую действовать не песенками» [Пушкин, 1978, с. 549]. В *Словаре русского языка* С.И. Ожегова вторым производным значением является устаревшее значение этого слова 'добиться успеха', когда-то бывшее первоначальным. Именно в этом, устаревшем, значении это слово до сих пор употребляется в сербском языке: 'остварити добар резултат, добар свршетак каквог посла' [*Речник српског језика*, 2007, с.1414]: ".....ако желиш да *успеш*, саветујем ти да не чиниш то песмицама" [Пушкин, 2011,с.35].

Подводя итоги проведенному анализу, можно констатировать, что в повести встречается большое количество лексических архаизмов, служащих для передачи аутентичных голосов описываемой эпохи и характеристики персонажей повести. Они по частоте употребления находятся на первом месте. В переводе, если нет соответствующих лексических архаизмов, Божидар Ковачевич подбирает к какому-нибудь другому слову устаревший синоним. Таким образом, он создает колорит описываемой эпохи, и сербский читатель получает аналогичное ощущение, как и русский читатель – голоса старины.

б) архаизмы фонетические:

Приведем лишь несколько примеров:

- *По- нонешнему*: «В то время воспитывались мы не по-нонешнему» [Пушкин, 1978, с. 531]. В Словаре Т.Ф. Ефремовой это слово дано с пометой 'местное', означающее, что это слово ограниченного употребления или диалектное. Для современных носителей русского языка, по нашему мнению, оно является устаревшим, т.е. фонетическим архаизмом [см.: нынешний]. Что касается перевода на сербский язык, то, к сожалению, имеет место утрата оттенка 'устаревшее': «У оно време ми се нисмо образовали на данашњи начин» [Пушкин, 2011, с.7]. Следует отметить, что в сербском языке имеется полный эквивалент диалектный архаизм – као *данаски*.

-*Ежели*: «С охотою. Это значит, что *ежели* хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег» [Пушкин, 1978, с. 549]. Союз *ежели* является устаревшим и просторечным, имеет то же значение, как и союз *если*. В переводе используется нейтральный союз *ако*. Кроме того, в переводе потеряны

экспрессивность и эмоциональность, которые заложены в пренебрежительной коннотации слова *стишки*: «То значи, ако желиш да ти Марија Миронова долази у сумрак, уместо нежних стихова поклони јој пар минђуша» [Пушкин, 2011, с.35].

- *Пашпорт:* «Где его пашпорт? Подай его сюда» [Пушкин, 1978, с. 533]. Слово *пашпорт* является фонетическим архаизмом слова *паспорт*, что, конечно, не имеет отражения в переводе Божидара Ковачевича: «Где му је *пасош*? Дај га овамо! “ [Пушкин, 2011, с.10].

- *Поцаловаться*: «Как изволите видеть. Алексей Иваныч конечно человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцаловаться…»» [Пушкин, 1978, с. 552]. Слово *Поцаловаться* – фонетический архаизм. Однако в переводе Божидара Ковачевича нет фонетических архаизмов, имеющихся в оригинале: «Као што изволите видети Алексеј Иванич је, наравно, човек паметан, из добре породице, има и имања, али кад помишлим да бих морала под венцем пред свима да се *пољубим* са њим... » [Пушкин, 2011, с.10].

-*Баталья:* «Ну, что? - сказала комендантша. - Каково идет баталья? Где же неприятель?» [Пушкин, 1978, с.566] В *Словаре русского языка* Кузнецова дана помета *уста*р. и значение ‘битва, сражение’. В переводе французское слово *баталья* дано как современное сербское слово *бој*. Произошла утрата компонентов, создающих и колорит эпохи, и представляющих речевую характеристику героини, то есть произошла потеря аутентичности оригинала: «Како је? - рече командантовица. - Како напредује бој? Где је непријатељ?» [Пушкин, 2011, с.65].

Подводя итоги проведенному анализу, можно заключить, что по частоте употребления исторической стилизации фонетические архаизмы занимают второе место в повести *Капитанская дочка* Пушкина. Однако в переводе Божидар Ковачевич не использовал их для исторической стилизации, то есть фонетических архаизмов в анализированном переводе не обнаружено.

в) архаизмы грамматические

- *Мысль любовна***:** «Мысль любовну истребляя, Тщусь прекрасную забыть...» [Пушкин, 1978, с.548]. Прилагательное *любовна* представляет архаическую краткую форму имени прилагательного, которая не употребляется в современном русском языке в функции определения. Что касается перевода, Божидар Ковачевич, естетственно, использовал формы прилагательных, характерных для сербского языка, в котором нет кратких прилагательных. Таким образом данный вид исторической стилизации отсутствует в переводе повести *Капитанская дочка*: « Од љубавних мисли бежим да не мислим на њу...» [Пушкин, 2011, с.34].

-*Молода девка*: «Не ходи, девка, молода замуж» [Пушкин, 1978, с. 553]. Лексема *молода* также как и предыдущее анализированное прилагательное представляет архаическую краткую форму, не употребляющуюся в современном русском языке в функции определения. Переводчик решил проблему исторической стилизации с помощью архаизма *мома* с положительной коннотацией, являющимся контекстуальным

эквивалентом слова *девка*: «Ти, *момо*, ти лепото, ти се, млада не удавај се..». [Пушкин, 2011, с.43].

Как известно, звательный падеж в русском языке сохранился только в виде нескольких архаизмов во фразеологизмах и речевых формулах, которые использовал Александр Сергеевич Пушкин для исторической стилизации в повести *Капитанская дочка*:

- *Владыко***:** «Господи *владыко*!» — простонал мой Савельич. — «Зайчий тулуп почти новешенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!» [Пушкин, 1978, с. 541]. Божидар Ковачевич дословно перевел это обращение приемом транслитерации, благодаря чему сохранилась пушкинская историческая стилизация: «*Господе владико*, - јаукну мој Савељич. - Зечји кожух, такорећи нов новцат! Па да је бар коме, него пијаници голаћу!» [Пушкин, 2011, с.24].

Приведем еще один пример с таким обращением:

- *Господи владыко*: «*Господи владыко*, пропадет барское дитя!» [Пушкин, 1978, с. 585)

Поскольку в современном сербском языке существует звательный падеж, то в переводе нет этого приема - употребление звательного падежа для характеристики героя и исторической стилизации: «Господе милостиви, пропашће ми мој господичић!» [Пушкин, 2011, с95]

Боже: «*Боже праведный*, до чего я дожил!» В переводе: «*Праведни боже*, шта сам доживео!» !» [Пушкин, 1978, с. 603)

Господи царю небесный: «Я? писал на тебя доносы?» — отвечал Савельич со слезами. — «*Господи царю небесный*! Так изволь-ка прочитать, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя» [Пушкин, 1978, с. 556]. В переводе обращения даны в духе сербского языка: «- Ја писао доставе о теби? -одговори Савељич у сузама! - *Господе, царе небесни*! Ево, изволи прочитати шта ми пише господар, па ћеш видети како сам те достављао» !» [Пушкин, 2011, с.47]

- *Мя*: «Но глаза, что *мя* пленили, Всеминутно предо мной» [Пушкин, 1978, с. 548] - это архаическая краткая форма местоимения в родительном падеже единственного числа в современном русском языке не употребляется. В переводе - обычная краткая форма сербского местоимения: «Ал' њене *ме* очи плене, на њих мшслим ноћ и дан...» [Пушкин, 2011, с.34].

- *Похвалял:* «...и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял» [Пушкин, 1978, с. 548]. Современная грамматическая форма этого глагола в данном контексте выглядит так: *похвалил.* Конечно же в переводе данного грамматического архаизма нет: «...и Александар Петрович Сумароков, неколико година доцније, врло их је *похвалио*» [Пушкин, 2011, с.34].

Итак, грамматических архаизмов в повести *Капитанская дочка* – небольшое количество. Они, в основном, служат для речевой характеристики героев (Савельича, Маши, отца Гринева, коменданта крепости и его жены) и передачи их внутреннего

состояния. Кроме того, они являются выразительными средствами художественной речи, которыми пользовался Пушкин для воссоздания колорита отдаленных времен.

г) архаизмы семантические

Семантические архаизмы в повести *Капитанская дочка*, стилистически использованные А.С. Пушкиным создания реалистического колорита изображаемой эпохи, представляют небольшой пласт устаревшей лексики. В тексте повести их встречается единичное количество. Например:

-*возмущение*: «Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, учиня непростительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, *произвел возмущение* в Яицких селениях, и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства» [Пушкин, 1978, с.559]. Слово *возмущение* является семантическим архаизмом, так как устаревшее значение этого слова 'мятеж, восстание' дано в *Толковом словаре русского языка* Ожегова наряду со значениями 'сильное раздражение', 'негодование'. В переводе отсутствует семантический архаизм: «Овим вас обавештавам да је, побег, авши из затвора, донски козак и расколник Јемељан Пугачов извршио неопростиву дрскост узевши име покојнога императора Петра III и сакупивши разбојничку дружину *изазвао побуну* по јајичким насељима, те је већ освојио и разорио неколико тврђава, починивши свуда разбојништва и убиства» [Пушкин, 2011, с.53].

- *Убийство:* «Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула донской казак и раскольник Емельян Пугачев, *учиня* непростительную *дерзость принятием на себя имени* покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в Яицких селениях, и уже взял и разорил несколько крепостей, *производя* везде грабежи и *смертные убийства»* [Пушкин, 1978, с.559].

В современном русском языке слово *убийство* со значением 'лишение жизни' имеет иное значение, чем в эпоху Пугачева. Не случайно в тексте повести употреблено с прилагательным *смертный*, так как значение этого слова было иным и означало: 'сильно ударить, искалечить'. В переводе также нет да и не может быть эквивалента данному семантическому архаизму: «Овим вас обавештавам да је, побегавши из затвора, донски козак и расколник Јемељан Пугачов извршио неопростиву дрскост узевши име покојнога императора Петра III и сакупивши разбојничку дружину *изазвао побуну* по јајичким насељима, те је већ освојио и разорио неколико тврђава, починивши свуда разбојништва и *убиства*» [Пушкин, 2011, с.53]. Кроме того, интересно отметить, что выражение *смертное убийство* с современной точки зрения представляет тавтологию. В русском языке произошло изменение в семантике слова *убийство.* Речь идет о так называемом сужении, конкретизации, значения.

В *Словаре* Даля данное слово имеет значение – 'избиение человека, мука, беда, истомленье, невыносимая тяжесть' [Даль, http://slovar-dalja.ru/]. Поэтому синтагма *смертное убийство* вполне адекватна для того времени.

К семантическим архаизмам можно отнести также слова *раскат* в значении 'бревенчатый помост для пушек на крепостной стене, а также помост или насыпная

площадка под крепостным валом, сделанные с той же целью’; *рогатка* в значении ‘приспособление для преграждения доступа куда-л. в виде нескольких крестообразно сколоченных кольев’; *артикул* в значении ‘отдельная статья, глава или параграф какого-либо закона, распоряжения, договора и т.п’, которые являются устаревшими для носителе современного русского языка, а в эпоху Пугачева входили в активный словарный запас.

Из приведенного выше анализа видно, что:

Наибольшее количество - *лексических архаизмов*, служащих для передачи колорита эпохи.

Затем идут *фонетические*, которые в своем большинстве являются средством создания торжественно-патетической речи.

Грамматических архаизмов – небольшое количество. Они подразделяются следующие группы:

- архаизмы, сохранившие звательный падеж,

- архаизмы, в составе которых употребляется краткая форма прилагательных, в настоящее время в той функции несуществующая;

- архаизмы, употребляющиеся в несоответствующем глагольном виде для современного русского языка.

Основная функция такого типа архаизмов - воссоздание колорита эпохи. Словообразовательные архаизмы несут определенную стилистическую нагрузку: они или высокого стиля или разговорного.

Что касается семантических архаизмов, то их в нашем корпусе меньше всего. Их можно отнести к «мнимым архаизмам» как и некоторые лексические. Фонетические, грамматические и большинство лексических являются так называемыми «подлинными» архаизмами.

Присутствие в исторической повести большого числа архаизмов значительно усложняют задачу переводчика: верно отразить все их смысловые оттенки ,следя за тем, чтобы историческая специфика не осталась за пределами переводимого значения. Восполняя смысловую недостаточность, переводчик часто в контексте использует или другие устаревшие слова, или целые конструкции, формирующие определенный социально-культурный исторический колорит.

Некоторые характерные черты описываемой эпохи, отраженные в оригинале, в условиях другой культуры вызывают трудности в понимании и поэтому иногда, вместо точного перевода, необходимы пояснения. Как следствие, в повести *Капитанская дочка* применяется описательный перевод, являющийся по существу не переводом, а толкованием. Так же употребление транслитерированной реалии историзма способствует дополнительному осмыслению исторической специфики описываемого момента.

В целом задача передать исторический колорит повести решается в связи с основной целью перевода - ознакомить сербского читателя с произведением русской литературы. Такая цель предполагает использование при переводе в основном средств сербского языка, хотя и с таким отбором словарных элементов, которые в известных

случаях позволяли бы соблюсти нужную историческую перспективу. Однако при переводе неизбежны утраты, порождаемые языковыми различиями.

Таким образом, архаизмы, являясь стилеобразующими элементами исторической повести, создают исторический колорит эпохи и служат речевой автохарактеристикой героев. Целостная историческая стилизация в повести Пушкина *Капитанская дочка* представлена точным выбором архаизирующих средств, отсылающих читателя к прошлому. Проведённое нами исследование архаизмов как средства исторической стилизации повести *Капитанская дочка* с точки зрения их участия в формировании художественного исторического пространства позволило заключить, что несмотря на многообразие форм исторической стилизации содержание текста имеет «общечеловеческое», вневременное и внепространственное звучание.

Следует также отметить, что А. С. Пушкин повесть *Капитанская дочка* не перенасыщает архаизмами. Архаизмы в повести А.С. Пушкина формируют «историческое пространство», которое включает устаревшую лексику семьи и быта, воспитания и образования; предметов труда; дороги; воинской службы; общественного положения и государственной власти; наказания за преступлениеи и др.

Значение многих устаревших слов понятно из контекста, потому что А. С. Пушкин сумел изобразить приметы времени типическими, ключевыми языковыми средствами, связанными с культурой и бытом, которые отражают образ мышления описываемого исторического периода, а также смог оживить прошлое, воссоздать дух эпохи. Он, по точному замечанию Ю. Н. Тынянова, воспроизводит стиль эпохи общим «семантическим колоритом» изображения.

В переводе *Капитанской дочки* Божидару Ковачевичу не всегда не удавалось передать пушкинские приемы исторической стилизации, в данном случае, речь идет о фразеологизмах. Но он пытался каким-то другими способами воссоздать колорит эпохи, дать речевую характеристику героям, подбирая к другим словам устаревшие синонимы, заменяя те слова в предложениях, которые имеют архаический аналог, если отсутствует в сербском языке адекватный архаизм.

Список литературы

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы]. /Виноградов В.С. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы]. /Виноградов В.С. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.

Виноградов В.С. Темпоральная (временная) стилизация как переводческий прием. /Виноградов В.С. Филологические науки, 1997, №6, с.54-59.

Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. - М. : Наука, 1980.

Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. М. : Изд-во МГУ, 1978.

Виноградов. В.В. Стиль Пушкина / В. В. Виноградов. М.: Гослитизда, 1941.

Винокур Г.О. О языке исторического романа // О языке художественной литературы. /Винокур Г.О. М., Высшая школа. 1991. – С. 407-429

Влахов С. Непереводимое в перевод /С. Влахов, С. Флорин. М. : Высш. шк., 1986. 416.

Кончакова Е.В. Историческая лексика как средство создания хронотопа художественной прозы А.С. Пушкина : автореф. дис. … канд. филол. наук / Кончакова Е.В. – Воронеж, 2008. – 23 с.

Попович А. Проблемы художественного перевода. /Попович А. М., Высшая школа, 1980, 199 с.
Пушкин А.С. Капетанова кћи /Пушкин А.С. Чачак:Пчелица,2011(Чачак:Светлость].
Пушкин А.С. Капитанская дочка. Избранные сочинения /Пушкин А.С. М.: Художественная литература, Наука, 1978, т.62, с.531-607.
Раздобудко-Чович Л. И. Руско-српска компаративна истраживања /Раздобудко-Чович Л. И. Београд, 2002, с.76-92.
Раздобудько-Чович Л. И. К вопросу об исторической стилизации в романе А.С. Пушкина "Капитанская дочка" (к 200 - летию со дня рождения) / Раздобудько-Чович Л. И.Ниш, 1999.
Рубцов Б.Б. Мировые фондовые рынки : соврем. состояние и закономерности развития / Б.Б. Рубцов. М. : Дело, 2001. 311 с.
Словарь языка А.С. Пушкина в четырех томах. М.: Государственное из-во иностранных и национальных словарей, 1956-61.
Хохел Б. Время и пространство в переводе// Поэтика перевода. / Хохел Б . М.: Радуга, 1988.
Човић Б. Стил историјске прозе А.Н.Толстоја /Човић, Б Нови-Сад, 1991.
Čović B. O prevođenju istorijske proze. Prevodilačke spone. Korpča 3. /Čović Branimir Novi Sad, Institut za južnoslovenske jezike Filozovskog fakulteta, 1983, 91-149.
Ćović B. Umjetnost prevođenja ili zanat /Čović Branimir Novi Sad, Književna zajednica Novog Sada, 1986.
Hlebec B., Opšta načela prevođenja /Hlebec Boris Beograd, Naučna knjiga,1989.

Таблица 1

Исходный текст	Испытуемый 1	Испытуемый 2
1. "Ready ?" "Ready.""Now ?""Soon."	1. Два человека готовятся к прыжку, но в итоге не прыгают. Ощущение недосказанности, тайна, интрига.	1. What?
2. "Do the scientists really know? Will it happen today, will it ?"	2. Падение метеорита, погаснет солнце, взорвется суперновая звезда, случится катастрофа.	2. What will happen?
3. The children pressed to each other like so many roses, so many weeds, intermixed, peering out for a look at the hidden sun.	3.Дети сидят в кустах, тесно, страшно, любопытно. Жарко, середина лета.	3. Is it because they are scared? Or excited? Or thrilled?
4. It rained. It had been raining for seven years; thousands upon thousands of days compounded and filled from one end to the other with rain, with the drum and gush of water, with the sweet crystal fall of showers and the concussion of storms so heavy they were tidal waves come over the islands.	4. Как в рассказе у Брэдбери про бесконечный дождь + образ моря, маяка и сильного шторма. Качает деревья, под ними лужи.	4. Oh, it's Bradbury, right? The children are waiting for the sun, if I remember right.
5. And this was the way life was forever on the planet Venus, and this was the school room of the children of the rocket men and women who had come to a raining world to set up civilization and live out their lives.	5,6 На Венере не может быть дождя, там слишком жарко и слишком много CO2, фантастика, отчаяние, дети не видели ничего, кроме дождя.	5. I wouldn't want to live on Venus.

6. Margot stood apart from them, from these children who could ever remember a time when there wasn't rain and rain and rain. They were all nine years old, and if there had been a day, seven years ago, when the sun came out for an hour and showed its face to the stunned world, they could not recall.		6. So, on the Venus the sun appears every 7 years.
7. All day yesterday they had read in class about the sun. About how like a lemon it was, and how hot. And they had written small stories or essays or poems about it: I think the sun is a flower,That blooms for just one hour.	7. Как цветок папоротника.	7. I'm wondering what the Sun looks like from the Venus.
8. That was Margot's poem, read in a quiet voice in the still classroom while the rain was falling outside	8. Страх, моя картина мира совсем не похожа на их, в жизни этих детей все было очень по-другому.	8. I imagine it all: the soft sound of the girl's voice and the monotonous melody of the rain and that is beautiful.
9. Margot stood alone. She was a very frail girl who looked as if she had been lost in the rain for years and the rain had washed out the blue from her eyes and the red from her mouth and the yellow from her hair.	9. Как выцветающая заставка Windows XP при выключении; точно как у Брэдбери, все выцветало.	9. Every time when it rains too much in Perm, this description comes back to me.
10. And then, of course, the biggest crime of all was that she had come here only five years ago from Earth, and she remembered the sun and the way the sun was and the sky was when she was four in Ohio.	10. Все становится еще более грустно, хочется, чтобы эта девочка вернулась на Землю. На её месте я бы хотела обратно сильнее всего.	10. What made her leave the Earth?
11. And they, they had been on Venus all their lives, and they had been only two years old when last the sun came out and had long since forgotten the colour and heat of it and the way it really was.	11. Марго трудно жить среди таких детей. Это как обьясняться другим языком, как язык животных для людей, которые все равно не понимают и не осознают понятий, отличных от своих.	11. I realise that I've been taking the sun for granted my entire life.
12. But Margot remembered."It's like a penny," she said once, eyes closed. "No it's not!" the children cried. "It's like a fire," she said, "in the stove.""You're lying, you don't remember!" cried the children.	12. Если бы это было средневековье на Земле, её бы сожгли за такое. Дети как будто беснуются, завидуют ей..	12. I wonder what is the size of a penny.
13. But she remembered and stood quietly apart from all of them	13.Она как в тюрьме. Дождь стучит по окнам, все серое.	13. Hopefully, the sun will appear soon

and watched the patterning windows.		

Таблица 2

National Geographic *“The culprit: childhood obesity and ailments such as diabetes and heart disease that result from it later in life”.*	Ray Bradbury “All Summer In a Day” *“Margot stood alone. She was a very frail girl who looked as if she had been lost in the rain for years and the rain had washed out the blue from her eyes and the red from her mouth and the yellow from her hair”.*
Children's health is at risk. «Болезни 21 века» являются виновниками этого. The future life of everyone depends on their past. People will remember their childhood’s problems when they get some disappointing results. Sugar! It is our fault in different diseases. We allow to society have careless attitude toward to our planet. Therefore in later life our activity is result many problems including childhood obesity. Все верно, поколение гаджетов и Макдоналдса. Oh yes, that’s a big problem. Bad news Fast food and sedentary lifestyle…as always Конфетти падают, открывается занавес, мрачная статистика. В России слишком хорошо развита культура питания. Это не случится с нами. Да уж, 6-ти летние колобки – это уже начинает становиться похоже на апокалипсис.	Margot was alone. She looked as if the rain had washed all of her colors. Отсутствие солнечного света плохо сказывается на здоровье девочки. Margot was a girl who had weakness and it seems that once she walked under the rain and it washed away all the bright colours from her face. Myself! Печально! Безысходность. Every time when it rains too much in Perm, this description comes back to me. Awesome description It’s not surprising… Как выцветающая заставка Windows XP при выключении; точно как у Брэдбери, все выцветало. На Земле тоже есть такие люди, выстиранные и вымытые, потерявшие свое лицо.

Палкин Евгений Алексеевич
Профессор, Российский новый университет, проректор

E. A. Palkin
Professor, Russian New University, Vice-rector

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАНИИ

MODERN STATE AND PROSPECTS OF DISTANT TECHNOLOGIES IN EDUCATION

Аннотация. Рассматриваются принципиальные ограничения на использование дистанционных образовательных технологий, связанные с временными параметрами образовательного процесса. Показано, что при существующем уровне развития техники коммуникации основным препятствием являются временные задержки в обмене информацией, которые сказываются в критически важных блоках различных видов практик, входящих в образовательные программы. Этот фактор влечет выстраивание образовательного процесса в системе дистанционного образования исключительно по последовательной схеме. Обеспечение качества подготовки специалистов в системе высшего образования с учетом данной особенности возможно только при оптимальном сочетании дистанционных и традиционных технологий. Алгоритм оптимизации такого сочетания предлагается в работе.

Ключевые слова: дистанционные технологии в образовании, время реакции, последовательная структура, смешанные технологии, уровень формализации учебных дисциплин.

Abstract. The fundamental limitations of distance learning technologies are considered with respect to the timing of the educational process. It is shown that the modern technological development level of communications gives rise to the main obstacle in information exchange by means of the time delays, this fact effects the critical practical blocks in the educational programs. It leads to the arrangement of the distant educational process just only in gradual scheme. Therefore the higher education quality ensuring is possible only when an optimal combination of distance and traditional technologies are used. The optimizing technology combination algorithm is proposed in the work.

Key words: distant technologies in education, time of reaction, gradual structure, mixed-technology, the level of formalization of academic disciplines.

Дистанционные технологии в современном образовании (далее по тексту ДО) заняли прочное место. Сегодня не обсуждается вопрос о том, возможно ли качественное образование в дистанционной форме, а акцент ставится на формы организации ДО и на их оптимальное сочетание с традиционными формами образования. Тем не менее, с развитием коммуникационных средств, которые становятся определяющим фактором в системе ДО, всё более актуальными становятся вопросы о принципиальных ограничениях дистанционных технологий (ДТ), если таковые существуют, и о перспективных вызовах, с которыми начинают сталкиваться системы образования в различных странах по мере все большего их внедрения.

Преимущества ДТ очевидны: доступность информации и общения практически в любой точке Земли и в удобное для обучающегося время, оперативная актуализация учебных и информационных материалов, возможность широкого выбора образовательных программ и их персональных носителей (вузов, преподавателей). Немалую роль в распространении ДТ играет и их коммерческое преимущество по параметру

стоимость/качество по отношению к традиционным формам образования. Последнее очевидным образом следует из существенного сокращения необходимой для организации учебного процесса инфраструктуры. При таких позитивных характеристиках всеобъемлющий охват образования ДТ неизбежен. Но ничего не стоит возводить в абсолют, и сегодня уже существует немало оппонентов ДТ, или, по крайней мере, предложений о более аккуратном и взвешенном подходе к их использованию.

В данной работе мы обращаемся к вопросам временных характеристик коммуникации и степени формализации программ подготовкм, которые, как нам представляется, все более становятся определяющими факторами в образовательном процессе.

«Никакая информация не может быть передана со скоростью, превышающей скорость света».

Естественнонаучный постулат, вынесенный в заголовок данного раздела, никогда не принимался во внимание при организации образования в дистанционной форме. Однако, по мере все более интенсивного использования видеоряда (технологий видеоконференций) в организации образовательной коммуникации, все больше ощущается дискомфорт в общении преподавателя и обучающегося. Одной из причин этого является временные ограничения, определяемые несогласованностью параметров человека и технических характеристик используемой системы дистанционной коммуникации.

По определению ДТ предполагает существенное (за пределами действия естественных систем человеческой коммуникации: зрения, слуха, осязания) пространственное разделение преподавателя и обучаемого. Поэтому требуется конечное время для прохождения любого сигнала между коммуницирующими субъектами. Характерное время реакции человека оценивается в 0.1 – 0.3 сек (это время полной реакции на зрительный сигнал с ответным действием), следовательно, даже при идеальной системе передачи информации максимальное расстояние, на котором задержка сигнала будет незаметна, составит около 30 тыс. км. Казалось бы это расстояние более, чем достаточно, чтобы не испытывать дискомфорт в дистанционном видео-общении. Но следует принять во внимание, что технические возможности современных систем коммуникации увеличивают необходимое время прохождения сигнала по отношению к идеальному как минимум на порядок. А значит, расстояние комфортной коммуникации сократится до порядка 3 тыс. км, или будет еще менее. Заметим, что эти оценки сделаны в предположении работы технических коммуникационных систем исключительно в штатном режиме при минимальной загрузке каналов связи.

Временные задержки в коммуникации существенно сокращают возможности ДО в on-line – системах. Фактически становится невозможным непосредственное общение обучаемого и педагога в реальном времени образовательного процесса. С увеличением технических пауз, обусловленных задержкой сигнала, качество обучения подает. При этом практически не происходит адаптации обучаемого и преподавателя к данным особенностям коммуникации. Выходом из такого положения является разделение

учебного процесса на: получение информации, освоение и усвоение информационного материала, решение тестовых заданий и их проверка, корректировка знаний и т.д. Все эти процессы в силу указанной выше причины проводятся **последовательно**.

Возможна ли исключительно последовательная схема обучения, присущая ДО?

Временные характеристики коммуникации в образовательном процессе.

Характерным временем в образовательном процессе можно считать год. Этот параметр, или его производные (семестры, триместры), естественным образом возникает из естественных масштабов жизни человека. Но внутри крупномасштабных временных периодов имеются субструктурные и микроструктурные временные масштабы, связанные уже с психологией восприятия информации человеком. Это – временные масштабы учебных занятий и выполнения типовых заданий (характерное время – час) и собственно коммуникативные процессы в процессе обучения (характерное время – минуты). Внутри последних структурных уровней и развиваются противоречия, обусловленные ограничениями ДТ.

Взаимодействие преподавателя и обучаемого не ограничивается только передачей информации от первого второму и дальнейшим контролем полученных знаний, но включает также формирование умений использовать эти знания, в еще большей степени формирование навыков практической деятельности на основе полученных знаний.

Эта составляющая учебного процесса требует качественно иного взаимодействия преподавателя и обучаемого, по сравнению с простой передачей информации. Значительная часть формирования умений и навыков связана не столько с запоминанием действий в типовых ситуациях, сколько в формировании оптимальных типовых алгоритмов решения нестандартных ситуаций. «Нестандартные» ситуации в современном обществе при все большим развитием и внедрением информационных технологий можно условно разделить на три типа:

1. ситуации, обусловленные инновационными решениями,
2. ситуации, связанные с динамикой технологических рисков,
3. ситуации, порождаемые так называемым «человеческим фактором».

Инновационные процессы в информационном обществе характеризуются временными масштабами меньшими, чем время подготовки кадров, необходимых для их имплементации. Следствием является появление образовательных парадигм «обучение через всю жизнь» и «учится так, чтобы уметь самостоятельно учиться». При безусловной правильности этих положений в инновационных процессах времена изменений таковы, что специфика последовательного образования, характерного для дистанционной формы, образование начинает отставить от самого процесса, а значит, мы вынуждены всегда догонять новые технологии и никогда не сможем соответствовать им в должной мере. Возможным выходом из этого парадокса является подготовка специалистов вместе с разработкой и внедрением новых технологий, то есть непосредственно внутри самих инноваций. Такой подход возможен только при непосредственном контакте преподавателя - разработчика новых технологий с обучаемым - участником разработки новой технологии.

Дистанционное взаимодействие в такой схеме не исключено, но не может быть исключительным.

Ситуация с динамикой технологических рисков сегодня такова, что внедрение информационных систем, интеллектуальных систем управления снижают вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций, однако последствия таких ситуаций становятся все более значимыми (дорогими). Готовить специалистов к редким нетипичным ситуациям также дорого, как и устранять последствия таких ситуаций. Чему же и как учить, учитывая возрастающую для общества значимость редких явлений? Ответ один: оптимальным алгоритмам решений нестандартных задач. Однако, как и в предыдущем случае, это можно сделать только демонстрацией со стороны преподавателя решения подобных задач. Но они, эти задачи, сами возникают случайным образом. Поэтому мы опять приходим к необходимости во взаимодействии преподавателя и обучаемого, не разделенного во времени (параллельное обучение).

«Человеческий фактор» также можно было бы отнести к рискам, связанным со случайным поведением человека в производственно-технологической или управленческой цепочке. Но в отличие от технологических рисков (одним из факторов которых также является «человеческий фактор»), проявление данного фактора реализуется гораздо чаще, но последствия, как правило, не столь катастрофичны. Однако, по мере развития информационного общества и переходу к обществу цифровому, «человеческий фактор» все более становится одним из важнейших технологических рисков. Решение задач, обусловленных «человеческим фактором», происходит во временных микромасштабах, соответствующих индивидуальной коммуникации. Поскольку нюансы такой коммуникации как раз характеризуются микроструктурой на уровне человеческих реакций, решение подобных задач в рамках ДТ практически невозможно (см. первый раздел). Примером является невозможность в рамках современных технологий предотвратить катастрофы, связанные с «человеческим фактором», ограничиваясь лишь анализом ситуации постфактум (по данным «черных ящиков»).

Таким образом, мы приходим к выводу о невозможности полноценного обучения исключительно в рамках ДТ именно потому, что во многих ключевых элементах подготовки современных специалистов общение с преподавателем не может быть адекватно реализовано в последовательной схеме коммуникации. Следует обязательно сочетать обучение в дистанционной форме с прямым общением (с характерными временами естественных реакций человека). Вопрос остается лишь в выборе оптимальных соотношений между технологиями ДО и технологиями традиционного обучения в современном образовательном процессе.

Особенности применения ДТ в программах подготовки специалистов в области технических и естественных наук как пример анализа возможностей ДО.

Подготовка специалистов в области технических и естественных наук имеет специфику, связанную именно с получением практических навыков работы со сложными техническими устройствами и экспериментальными установками. Природа этих объектов

такова, что в образовательных программах обязательно закладываются различные технологии подготовки к нестандартным ситуациям. Как правило, все они трудно поддаются переводу на язык ДТ, даже в рамках современного тренда использовать 3-D - электронные симуляторы работы реальных устройств. Невозможно смоделировать реальную случайность. По этой причине невозможно полноценная подготовка таких специалистов исключительно в рамках ДО.

В качестве основы для организации подготовки таких специалистов по технологии комбинированного обучения (в ДТ и традиционных технологиях) может служить разделение программы подготовки на три составляющие по степени допустимой формализации дисциплин.

1. полностью (или почти полностью) формализованные знания; к ним можно отнести учебные дисциплины следующего типа: математика, иностранные языки (без культурологического аспекта), базовые теоретические курсы всех предметов;
2. не формализуемые и не масштабируемые знания, к которым относятся все виды практик, получения опыта работы на производственных установках и устройствах, в реальной производственной и организационной деятельности;
3. не формализуемые (или частично формализуемые), но масштабируемые знания и навыки, которые обучаемый получает в ходе выполнения лабораторных и практических учебных работ, подготовки квалификационной итоговой работы (если последняя не является результатом практической работы, соответствующей п.2).

Существует также ряд профилей подготовки, ориентированных на работу оператора (управляющего) сложных автоматизированных систем. Такого вида деятельность сама по своей природе имеет максимальную формализацию, а значит, и подготовка к такой деятельности позволяет формализовать соответствующие образовательные программы. Исключением, как мы уже говорили, и здесь является не формализуемое обучение решению нестандартных ситуаций.

Понятно, что формализуемые учебные дисциплины позволяют использовать ДТ без существенного ущерба для качества их освоения. Однако участие преподавателя в учебном процессе существенно может сократить время освоения таких дисциплин, поскольку важным моментом в обучении является анализ ошибок, а они могут быть как типовые (формализуемые), так и индивидуальные. Чем выше степень формализации обучения, тем более эффективно можно использовать ДТ.

Не формализуемые и не масштабируемые элементы образовательных программ являются самыми сложными для применения ДТ. Здесь приходится либо полностью отказываться от них, либо рассчитывать на перспективные системы автоматизации реальных процессов, которые могут лишь увеличить степень формализации, но все-таки не сведут ее к 100%.

Промежуточный уровень сложности для ДТ представляют разделы, допускающие масштабирование знаний и умений. В лабораторных работах и исследованиях, как

правило, все-таки изучается модель реального процесса. Условия этих исследований исключают многие реальные факторы, и это ограничение позволяет строить модели, которые оказываются более формализованными, чем реальный процесс.

На этой основе можно оценить оптимальный уровень сочетания ДО и традиционного обучения для различных образовательных программ. Для этого достаточно экспертно определить уровень формализации (алгоритмизации) отдельных учебных дисциплин программы. Например, это можно оценить по степени воспроизводимости занятий по данной дисциплине при многократном повторении. Формализованная дисциплина даст минимальные вариации в повторном воспроизведении занятий, неформализованное занятие – это всегда творческий урок, который невозможно повторить. Далее формализация программы определяется путем усреднения уровня формализации отдельных дисциплин с весовыми коэффициентами, пропорциональными количеству отведенных на дисциплину учебных часов. Данный показатель может служить ориентиром для оптимального соотношения учебно-методических материалов, подготовленных для ДТ и используемых в традиционных формах образования.

Заключение.

Таким образом, вопрос о возможности использования ДТ в образовательном процессе и обеспечения качества подготовки специалистов сводится к разрешению двух задач:

1. определения адекватной имеющимся технологиям степени формализации программы обучения или ее блоков;
2. реализации соответствующих ДТ.

Сегодня степень формализации образовательных программ ограничивается цифровыми форматами видеоряда, звукового ряда и собственно текстовой (знаковой) информацией. С развитием систем 3D-симуляторов и 3D-принтеров, подключением иных систем восприятия человека, возможна еще большая формализация учебных дисциплин. Таким образом, внедрение ДО в современное образование уже произошло и перспективы его применения в традиционном образовании также очевидны. Общая проблема заключается в адекватном и своевременном реагировании системы образования на развития информационных технологий. Будем надеяться, что предлагаемый подход, связанный с оценкой степени формализации программ, поможет оперативно реагировать на быстрые изменения информационного образовательного пространства.

Наталья Михайловна Нестерова
Котельникова Анастасия Николаевна
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г.Пермь (Россия)

Natalya Mikhailovna Nesterova
Anastasia Nikolaevna Kotelnikova
Perm National Research Polytechnic University, Perm (Russia)

«КОНТРТЕКСТ» КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАМЫСЛА ТЕКСТА ПЕРЕВОДА

"COUNTER TEXT" AS A TOOL FOR THE TARGET TEXT CONCEPT FORMING

Данная статья посвящена изучению процесса восприятия и понимания исходного текста, в ходе которого в сознании переводчика формируется замысел вторичного текста – текста перевода. Предполагается, что в процессе восприятия имеет место не только проекция текста на сознание, но одновременно — и сознания на текст, что согласно А.И. Новикову и является смыслом. Исследование основывается на результатах психолингвистического эксперимента, в котором используется метод «встречного текста» («контртекста»). Данный метод позволяет выявить и проанализировать реакции испытуемых при восприятии одного и того же текста. Результаты эксперимента подтверждают гипотезу об «активной роли реципиента» и позволяют в какой-то мере эксплицировать процесс смыслообразования и создания замысла текста перевода что, в свою очередь, может выявить определенные закономерности этого процесса и факторы, влияющие на него.

This article is devoted to the study of the process of perception and understanding of the source text, during which the translator develops the idea (concept) of the target text in his mind. It is assumed that the process of perception includes not only reflection of the text in mind, but at the same time - mind reflection to the text. This is exactly how A.I.Novikov described the definition of "meaning". The study is based on the results of psycholinguistic experiment, where the method of "counter-text" is used. This approach allows to identify and analyze the reactions of different persons during the process of perception of the same text. The results confirm the hypothesis of an "active role of the recipient" and allow to explicate the process of meaning creation and forming the target text concept. This, in turn, can reveal certain regularities of that process and factors influencing it.

***Ключевые слова*:** процесс перевода, восприятие, понимание, смысл, содержание, «контртекст» или «встречный» текст, реакции, замысел текста перевода.

Key words: translation process, perception, understanding, meaning, content, "counter text", responses, target text idea.

It is clear that every single text permits a different and individual solution.

In order to understand a text, or at least in order to decide how it should be translated, translators have to figure out the possoble world pictured by that text

.*Umberto Eco*

Среди многих определений перевода наиболее полным и развернутым можно считать определение, данное А.Д. Швейцером. Звучит оно так: «Перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному ("переводческому") анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» [Швейцер, 1988, с. 75]. Принципиальным в данной дефиниции является указание, во-первых, на двухфазность процесса перевода, во-вторых, на целенаправленный переводческий анализ, в-третьих, на вторичность текста перевода. Эти характеристики перевода очевидны, как очевидно и то, что от «успешности» первой фазы процесса зависит результат, т. е. текст перевода. Автор одного из первых герменевтических исследований в русском переводоведении А. Н. Крюков назвал понимание (что и является первой фазой переводческого процесса) «законом перевода». Данная статья посвящена именно этой фазе процесса, т. е. процессу восприятия и понимания исходного текста, в ходе которого формируется в сознании переводчика замысел вторичного текста – текста перевода.

Феномен понимания в целом и проблема понимая текста в частности, несмотря на все увеличивающееся количество работ, на предложенные исследователями многочисленные модели понимания и методики его исследования, нельзя назвать полностью изученным. Когда речь идет о понимании текста, как правило, имеют в виду понимание его содержания и смысла. В своей работе мы опираемся на определение данных понятий, предложенных А.И. Новиковым. Согласно его концепции, оба эти явления (содержание и смысл) есть результаты понимания, но в основе их формирования лежат различные речемыслительные механизмы. «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное "положение вещей" в мире. Смысл же базируется в определенной степени на уяснении "сути дела", запрограммированной автором в замысле текста, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать» [Новиков, 2007, с.143].

Таким образом, формирование содержания и формирование смысла являются разнонаправленными мыслительными процессами: **«содержание – это проекция текста на сознание, а смысл – это проекция сознания на текст»** (здесь и далее выделение наше - Н.Н.,А.К). Рассматривая перевод в терминах данной концепции, т. е. в терминах проецирования, мы можем описать процесс перевода следующим образом: при восприятии оригинала Т1 его содержание (как модель некой предметной ситуации) проецируется на сознание переводчика, сознание «реагирует» на эту проекцию и «включает» всю имеющуюся в нем информацию относительно спроецированной ситуации и ее элементов. Происходит рациональная и эмоциональная оценка данной ситуации, т.е. «придание» («приписывание») смысла воспринимаемому тексту. Это уже проекция сознания на текст.

При этом нужно отметить, что каждое сознание и в каждый определенный момент реагирует на один и тот же текст по-разному. Есть все основания предположить, что этот процесс носит «челночный» (итерационный) характер. Вспомним слова Гадамера: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл. Понимание того, что содержится в тексте, и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста» [Гадамер, 1988, с. 318].

Очевидно, что «набрасывание смысла» носит субъективный характер, это тот процесс, который представляется недоступным (или малодоступным) для наблюдения. Как правило, о понимании/непонимании текста судят по результату процесса, например, по пересказу «своими словами». Это достаточно распространенная методика. Но в данном случае, как отмечает А.И. Новиков, мы видим только итог понимания, но не процесс. Чтобы наблюдать сам процесс мыслительной деятельности, нужен иной подход к проведению экспериментального исследования. Одной из методик, используемых для исследования данного процесса, является методика «думания вслух» (в англоязычной литературе эта методика носит название **«think-aloud-protocols» – TAPs**). Так, в частности, она была использована К. Дункером и М.Вертенгеймером. Первый из них исследовал творческое мышление в различных проблемных ситуациях, второй – при изучении математических и игровых задач. В российской психологии данная методика использовалась А.Н. Соколовым для исследования понимания иноязычного текста. В настоящее время она достаточно широко используется как для изучения процесса перевода, так и в системе подготовки переводчиков (см. например, Smith, 2014) . Использована эта методика была и в нашем анализе восприятия, понимания и принятия переводческого решения при переводе художественных окказиональных слов [Нестерова, Поздеева, 2007].

Эксперимент, представленный в данной статье, был проведен с применением иной (хотя и близкой по своей сути к TAPs) методики, предложенной А.И. Новиковым для исследования процесса понимания текста [Новиков, 2007]. В основу данной методики положена гипотеза об активности и динамичности процесса смыслового восприятия текста. Согласно А.И. Новикову, реципиент во время восприятия текста строит как бы «встречный текст», или «контртекст», по терминологии Н. И. Жинкина. Другими словами, предполагается, что в процессе восприятия имеет место не только проекция текста на сознание, но одновременно — и сознания на текст, т. е. то самое «набрасывание смысла», о котором писал Гадамер[1].

[1] Эта же методика была использована в диссертационном исследовании А.А. Авакян «Механизмы и стратегии понимания и перевода иноязычного текста: на материале анализа вариантов перевода научно-популярного текста на английском языке», выполненном под руководством Пешковой Н.Н. (2008).

Процедура эксперимента заключается в том, что испытуемые, читая текст, который предварительно разбит на предложения, последовательно записывают «все, что приходит им в голову» в момент прочтения конкретного предложения, не забегая вперед. Это могут быть ассоциации, мнения, оценки, суждения, воспоминания и т.п. Иными словами, адресат сам регистрирует реакцию своего сознания на информацию, представленную в предложении. В отличие от «думания вслух» в данном случае ответы даются письменно.

В качестве испытуемых в нашем эксперименте участвовали 20 человек из различных групп: студенты-филологи (переводчики), учащиеся выпускных классов средней школы, инженеры—выпускники аэрокосмического факультета. Испытуемым последовательно предлагались для восприятия два текста на английском языке. Один из них – рассказ Р. Бредбери «All Summer in a Day». В нем описывается фантастическое будущее, в котором человечеству пришлось покинуть Землю и отправиться на Венеру, где постоянно идут дожди, и только раз в 7 лет выглядывает солнце. Но главная тема повествования заключается в описании переживаний маленькой девочки Маргот, отвергнутой коллективом. Другой текст — публицистический (отрывок из статьи «Who's Best at Living Longest? The Secrets of Longevity» из журнала National Geographic). Тексты предъявлялись в письменном виде, причем каждое предложение было отдельно пронумеровано.

Задание было сформулировано следующим образом:

Для выполнения задания Вам необходимо*:*

1. На отдельном листе бумаги записать номер очередного предложения (некоторые предложения для удобства уже объединены).

2. Под этим номером записать информацию, касающуюся интерпретации данного предложения (вопросы, возникшие в вашем сознании, ассоциации и пр.).

3. Допускается интерпретация группы стоящих рядом предложений, если они составляют смысловое единство. В этом случае номера предложений записываются через запятую.

4. После составления «встречного текста» кратко сформулируйте общий смысл прочитанного Вами текста.

Следует отметить, что испытуемым не сообщили, кто является автором воспринимаемого ими текста. Не сообщали и названий, что могло бы упростить задачу. Также не оговаривалось, на каком языке следует писать комментарии, таким образом, некоторые испытуемые использовали родной язык, а остальные делали замечания на иностранном языке, либо же оставляли комментарии, «переключаясь» с русского на английский. Принципы выбора того или иного языка также представляют интерес для исследования.

В каждом таком ответе содержится номер предложения исходного текста, выступающего в качестве стимула, а затем некоторое высказывание испытуемого по поводу воспринимаемого предложения, являющееся реакцией на данный стимул. Совокупность реакций на один исходный текст одного испытуемого и составляет «контртекст» данного испытуемого.

Приведем в качестве примера два «контртекста», составленных испытуемыми по художественному тексту «All Summer in a Day»; номера реакций соответствуют номерам предложений исходного текста (таблица 1).

Таблица 1

Исходный текст	Испытуемый 1	Испытуемый 2
1. "Ready ?" "Ready.""Now ?""Soon."	1. Два человека готовятся к прыжку, но в итоге не прыгают. Ощущение недосказанности, тайна, интрига.	1. What?
2. "Do the scientists really know? Will it happen today, will it ?"	2. Падение метеорита, погаснет солнце, взорвется суперновая звезда, случится катастрофа.	2. What will happen?
3. The children pressed to each other like so many roses, so many weeds, intermixed, peering out for a look at the hidden sun.	3.Дети сидят в кустах, тесно, страшно, любопытно. Жарко, середина лета.	3. Is it because they are scared? Or excited? Or thrilled?
4. It rained. It had been raining for seven years; thousands upon thousands of days compounded and filled from one end to the other with rain, with the drum and gush of water, with the sweet crystal fall of showers and the concussion of storms so heavy they were tidal waves come over the islands.	4. Как в рассказе у Брэдбери про бесконечный дождь + образ моря, маяка и сильного шторма. Качает деревья, под ними лужи.	4. Oh, it's Bradbury, right? The children are waiting for the sun, if I remember right.
5. And this was the way life was forever on the planet Venus, and this was the school room of the children of the rocket men and women who had come to a raining world to set up civilization and live out their lives.	5,6 На Венере не может быть дождя, там слишком жарко и слишком много CO2, фантастика, отчаяние, дети не видели ничего, кроме дождя.	5. I wouldn't want to live on Venus.
6. Margot stood apart from them, from these children who could ever remember a time when there wasn't rain and rain and rain. They were all nine years old, and if there had been a day, seven years ago, when the sun came out for an hour and showed its face to the stunned world, they could not recall.		6. So, on the Venus the sun appears every 7 years.
7. All day yesterday they had read in class about the sun. About how like a lemon it was, and how hot. And they had written small stories or essays or poems about it: I think the sun is a flower,That blooms for just one hour.	7. Как цветок папоротника.	7. I'm wondering what the Sun looks like from the Venus.

8. That was Margot's poem, read in a quiet voice in the still classroom while the rain was falling outside	8. Страх, моя картина мира совсем не похожа на их, в жизни этих детей все было очень по-другому.	8. I imagine it all: the soft sound of the girl's voice and the monotonous melody of the rain and that is beautiful.
9. Margot stood alone. She was a very frail girl who looked as if she had been lost in the rain for years and the rain had washed out the blue from her eyes and the red from her mouth and the yellow from her hair.	9. Как выцветающая заставка Windows XP при выключении; точно как у Брэдбери, все выцветало.	9. Every time when it rains too much in Perm, this description comes back to me.
10. And then, of course, the biggest crime of all was that she had come here only five years ago from Earth, and she remembered the sun and the way the sun was and the sky was when she was four in Ohio.	10. Все становится еще более грустно, хочется, чтобы эта девочка вернулась на Землю. На её месте я бы хотела обратно сильнее всего.	10. What made her leave the Earth?
11. And they, they had been on Venus all their lives, and they had been only two years old when last the sun came out and had long since forgotten the colour and heat of it and the way it really was.	11. Марго трудно жить среди таких детей. Это как обьясняться другим языком, как язык животных для людей, которые все равно не понимают и не осознают понятий, отличных от своих.	11. I realise that I've been taking the sun for granted my entire life.
12. But Margot remembered."It's like a penny," she said once, eyes closed. "No it's not!" the children cried. "It's like a fire," she said, "in the stove.""You're lying, you don't remember!" cried the children.	12. Если бы это было средневековье на Земле, её бы сожгли за такое. Дети как будто беснуются, завидуют ей..	12. I wonder what is the size of a penny.
13. But she remembered and stood quietly apart from all of them and watched the patterning windows.	13.Она как в тюрьме. Дождь стучит по окнам, все серое.	13. Hopefully, the sun will appear soon

А.И. Новиков, анализируя результаты собственного исследования, выявил 15 реакций, возникающих в процессе понимания текста. Некоторые из них также встретились в ходе нашего эксперимента. Ниже приводятся виды реакций и примеры из полученных «контртекстов».

Ассоциация — реакция, вызванная связью, не вытекающей непосредственно из содержания данного предложения, а существующей в сознании как связь слов, независимая от содержания данного стимула (*Безысходность. Вспомнил фильм Интерстеллар*).

Вывод — реакция в виде умозаключения, вытекающего из содержания конкретного слова или определенного выражения исходного предложения (*Все в твоих руках, каждый решает, что делать со своей жизнью*).

Визуализация — вербализация конкретного наглядного представления о чем-то (*Представляю, как ребенок стоит возле доски с листком и описывает то, что никогда не видел*).

Генерализация — сведение содержания предложения к более общему, как правило, банальному суждению (*She lived here less than the other children, and she remembers the real sun*).

Констатация — подтверждение, согласие с тем, что сказано в предложении (*Правильные слова. Я их поддерживаю.*).

Мнение — как правило, личное отношение испытуемого к тому, что сказано в предложении (*It is our fault in different diseases. We allow society to have careless attitude toward our planet. Therefore in later life our activity is result many problems including childhood obesity*.).

Ориентировка — реакция в виде вопроса (*Что может случиться сегодня?"Do scientists believe that it will happen today?"*).

Оценка — реакция, связанная с оценкой того, что сказано в предложении *(Какое ужасное начало! логично! и др.*).

«Перевод» — обозначение содержания предложения полностью другими языковыми средствами, как правило, в краткой форме, что можно рассматривать как смысловую интерпретацию данного предложения, собственно выражение его смысла (*Empty Hope*).

Предположение — это суждение о прошлом. Индикатором этого типа реакции являются слова «наверно», «возможно», иногда они представлены в форме вопроса (*Они, наверное, жалеют, что прилетели на эту планету.)*

Перефразирование — это исходное предложение, пересказанное «своими словами». В нем часто смещены акценты, выделены иные аспекты, внесено дополнительное содержание, или наоборот, некоторая часть содержания утрачена за счет определенной трансформации исходного предложения *(Margot finished reading her poem comparing the sun with a flower. At the same time she could hear drops of the rain).*

Интересен тот факт, что реакции кардинально отличаются у разных групп испытуемых, хотя внутри группы они в какой-то мере аналогичны**.** Учащиеся средней школы имеют более или менее одинаковую картину мира, люди с техническим складом ума все объясняют с точки зрения науки. Более того: реакции на публицистику не имеют такого разброса, как реакции на художественный текст, это объясняется однозначностью темы текста, отсутствием имплицитных глубинных структур (таблица 2).

Таблица 2

National Geographic *"The culprit: childhood obesity and ailments such as diabetes and heart disease that result from it later in life".*	Ray Bradbury "All Summer In a Day" *"Margot stood alone. She was a very frail girl who looked as if she had been lost in the rain for years and the rain had washed out the blue from her eyes and the red from her mouth and the yellow from her hair".*

Children's health is at risk. «Болезни 21 века» являются виновниками этого. The future life of everyone depends on their past. People will remember their childhood's problems when they get some disappointing results. Sugar! It is our fault in different diseases. We allow to society have careless attitude toward to our planet. Therefore in later life our activity is result many problems including childhood obesity. Все верно, поколение гаджетов и Макдоналдса. Oh yes, that's a big problem. Bad news Fast food and sedentary lifestyle…as always Конфетти падают, открывается занавес, мрачная статистика. В России слишком хорошо развита культура питания. Это не случится с нами. Да уж, 6-ти летние колобки – это уже начинает становиться похоже на апокалипсис.	Margot was alone. She looked as if the rain had washed all of her colors. Отсутствие солнечного света плохо сказывается на здоровье девочки. Margot was a girl who had weakness and it seems that once she walked under the rain and it washed away all the bright colours from her face. Myself! Печально! Безысходность. Every time when it rains too much in Perm, this description comes back to me. Awesome description It's not surprising… Как выцветающая заставка Windows XP при выключении; точно как у Брэдбери, все выцветало. На Земле тоже есть такие люди, выстиранные и вымытые, потерявшие свое лицо.

«Контртексты», созданные испытуемыми, на наш взгляд, представляют собой материал, который можно рассматривать как экспликацию механизма «набрасывания смысла» и его окончательного образования, сформулированного после прочтения всего текста. Анализ формулировок общего смысла текста (примеры даны ниже), представленных как итог понимания текста в целом, позволяет считать, что данные формулировки отражают степень понимания темы текста, которая, согласно модели порождения вторичного текста, разработанной А.И. Новиковым и Н.Сунцовой, играет роль замысла вторичного текста [Новиков, Сунцова, 1999].

Формулировки общего смысла произведения[2]:

«Who's Best at Living Longest? The Secrets of Longevity»

[3] The article is dedicated to the problems of life expectancy drop in the USA, caused by health problems like obesity. However, in another country the estimations of life length are far more reassuring. In the end the reader is given an advice, which can supposedly help to make his/her life longer.

The text was about how valuable our life is, and what we able to do to extend it.

Ученые уверяют, что, подобрав оптимальную диету, образ жизни и степень физической активности, человек может увеличить продолжительность жизни на срок до 8 лет.

Scientists have found that on the one hand the life expectancy has grown up, but on the other hand it started to dip because of certain diseases. Many things depend on us, our lifestyle, diet and physical activity can help us to live longer.

[2] Грамматика и пунктуация испытуемых сохранены.

[3] Исп. – здесь сокращение от «испытуемый».

Text meaning? It's complicated here… OK, maybe "I know the secret, how to prolong my lifetime!"

Общий смысл текста - если изменить пищевые привычки и добавить физических нагрузок, то можно увеличить продолжительность жизни и сократить частотность тяжелых заболеваний среди населения.

"All Summer In a Day"

Общий смысл и настроение текста - тоска по недосягаемому. Как будто все люди слепы с рождения, и среди них есть один, который ослеп в детстве и еще знает, какой настоящий мир вокруг него.

Text meaning … I think, "Importance of sun for everybody and everything".

Children living on the Venus haven't seen the Sun for so long, because it had been raining for 7 years. Their parents were astronauts and wanted to set up a civilization. Children read about the Sun with their teacher Margot who came from Earth, she knew how it looked like, but they didn't believe her.

Из ребят, живших на Венере, только одна девочка помнит, как выглядит Солнце, так как она прилетела с Земли 5 лет назад.

The text was about a girl, Margot, who lived in the raining world and missed the sun. She remembered how beautiful the sun was, but nobody believe her.

The extract is from a story of Ray Bradbury that is about children who live on the forever rainy Venus with their parents. The sun appears once every 7 years, so kids are impatiently waiting for it to appear. A girl, Margot, has moved to the Venus not so long ago, so she is the only child to remember what the Sun looks like.

«Разночтение» предложенных текстов еще раз доказывает, что смысл в отличие от содержания всегда субъективен, что он не бывает заданным, он всегда производится, он изменчив и нестабилен. Поскольку, как писал Э. Гуссерль, «источником, приписывающим смысл вещам, является **сознание**» [Цит. по: Леонтьев, 2003: с.10-11], а А.И. Новиков подчеркивал, что «смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст».

В заключение приведем мнение Дж. Х. Миллера, американского исследователя, одного из авторов так называемого «Йельского манифеста» (сборника статей «Деконструкция и критика»). Он пишет: «Чтение произведения влечет за собой его активную интерпретацию со стороны читателя. Каждый читатель овладевает произведением по той или иной причине и налагает на него определенную схему смысла <…> само существование бесчисленных интерпретаций любого текста свидетельствует о том, что чтение никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но **вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла**» [Цит. по: Ильин, 1996, с.187].

Использование методики построения «контртекста» (или «встречного» текста), на наш взгляд, позволяет в какой-то мере эксплицировать процесс «вкладывания смысла в текст», что, в свою очередь, может выявить определенные закономерности этого процесса и факторы, влияющие на него. Именно проецирование сознания на текст неизбежно ведет

в переводе к смысловому сдвигу, в результате которого роман М.Шишкина «Письмовник» становится «The Light and the Dark», а «The Lambs of London» Питера Акройда – «Лондонскими сочинителями». Такое трансформирование заглавий ведет и к трансформированию смысла, поскольку, как подчеркивал Ю. Лотман, «между заглавием и обозначаемым им текстом возникают смысловые токи, порождающие новое сообщение» [Лотман, 2002, с. 89].

Список литературы

Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.Г. Гадамер. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. Ильин.
М.: Интрада, 1996. 252 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев М.: Смысл, 2003. 487 с.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры /Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб., 2002. 769 с.

Нестерова Н.М. Поздеева Е.В. Об опыте использования методики «think-aloud protocols» при принятии переводческого решения // Вестник МГЛУ. Вып. 541. Ч.2. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Серия Лингвистика. М..: МГЛУ, 2007. С.155-163.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. / А.И. Новиков. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Новиков А.И. Сунцова Н. Концептуальная модель порождения вторичного текста // Обработка текста и когнитивные технологии. №3. Пущино, 1999. С. 158-166.

Соколов А.Н. Психологический анализ понимания иностранного текста // Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 7. М., 1947. С. 25-35.

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. / А.Д. Швейцер. М.: Наука, 1988. 215 с.

Smith, A. (2014). Think aloud protocols: viable for teaching, learning, and professional development in interpreting, The international journal for translation&interpreting research, Vol.6, No 1 (pp. 128-143).

Лидия Пахомова
Институт славяноведения, Российская академия наук, г. Москва (Россия)

Lidia Pakhomova
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ (ОПЫТ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА)

TEACHING THE SERBIAN LANGUAGE IN RUSSIA: ON THE EXAMPLE OF THE DEPARTMENT OF SLAVIC HISTORY AT THE LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

В статье излагается история преподавания сербского (сербохорватского, сербского/хорватского/боснийского) языка в Московском университете с момента основания славистической кафедры до настоящего времени. Здесь можно выделить четыре этапа. Дореволюционный этап, когда исторические и филологические дисциплины преподавались на одной кафедре — XIX век и до 1917 года. Второй этап, 20–30е годы XX века, характеризуется кризисом славяноведения в Советском Союзе. Третий этап, с 1939 по 1971 год, — восстановление отечественного славяноведения. Начало современного этапа, с 1971 года по настоящее время, связано с созданием межфакультетской кафедры славянских языков, сотрудники которой преподавали на нефилологических факультетах. В статье особое внимание уделяется последнему периоду, когда основным преподавателем сербского языка на историческом факультете стала И.Е. Иванова. В работе используются ее воспоминания и рассказ, изложенные автору.

The article discusses the history of teaching the Serbian (Serbo-Croatian, Serbian/Croatian/Bosnian) language at the Moscow University since the founding of the Slavic Department until the present time. There are four stages. The pre-revolutionary stage when historical and philological disciplines have been taught in the same department — the XIX century — 1917. The second stage, the years of 1920–30s, is characterized by a crisis of Slavic studies in the Soviet Union. The third stage, 1939–1971, is the period when Slavic studies were restored. And the beginning of the modern stage, 1971 to the present, is associated with the establishment of the Interfaculty Department of Slavic languages. In the article, special attention is paid to the last period, during which the main teacher of the Serbian language in the Department of Slavic History has been Associate Professor Irina E. Ivanova. The author interviewed Doctor Ivanova for the writing the article.

Ключевые слова: сербохорватский язык, Московский университет, учебник, славистическая подготовка

Key words: Serbo-Croatian language, the Moscow University, textbook, Slavic preparation

Необходимость иностранного языка как вспомогательного инструмента гуманитарных наук является аксиомой. Это касается и исторической науки, в том числе и изучения истории зарубежных славян.

Одним из самых авторитетных авторов, который занимался изучением самой науки славяноведения в России, является заслуженный профессор Московского университета Л.П. Лаптева. Она опубликовала множество статей и несколько фундаментальных работ

по истории славяноведения в России[1]. О жизни и деятельности русских ученых-славистов после Октябрьской революции: Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова[2], Л.А. Лаптевой[3], М.А. Робинсона[4], А.Н. Горяинова[5] и др.

Работу Лаптевой продолжила М.Ю. Досталь, которая уделяла внимание также вопросу создания и развития славистических кафедр в МГУ имени М.В. Ломоносова[6]. Необходимо отметить, что в Московском университете и Институтt славяноведения РАН регулярно появляются сборники статей, посвященные истории славяноведения. К истории кафедры истории южных и западных славян теме обращались ее сотрудники И.М. Белявская, И.А. Воронков[7], Х.Х. Хайретдинов и З.С. Ненашева[8].

Непосредственно об опыте своего преподавании славянских языков на кафедре истории южных и западных славян написали преподаватели Р.П. Усикова[9] и И.Е. Иванова[10].

В истории преподавания сербского (сербского/хорватского/боснийского; в учебных программах и планах исторического факультета МГУ этот язык называется сербохорватским, поэтому в настоящей статье будет использоваться также это название) языка в Московском университете можно выделить четыре этапа. Дореволюционный этап, когда исторические и филологические дисциплины преподавались на одной кафедре — XIX век и до 1917 года. Второй этап, 20–30-е годы XX века, характеризуется кризисом

---

[1] *Лаптева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997; *Она же*. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX вв. М., 2012.

[2] *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

[3] *Лаптева Л.П.* Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России // Rossica II. Praha, 1997; *Ее же.* Русская послереволюционная академическая эмиграция в Югославии (А.Л. Погодин) // Интеллигенция и власть. М., 1999; *Она же.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин (1872–1947). Жизнь и творчество. М., 2011; и др.

[4] *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

[5] *Горяинов А.Н.* В России и эмиграции: очерки славяноведения и славистах первой половины XX века. М., 2006.

[6] *Досталь М.Ю.* Кафедра славянской филологии МГУ (1943–1948): К 60-летию основания // Славяноведение. 2003. № 5; *Она ж*е. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005; *Ее же.* М.Т. Каченовский — первый профессор кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. К 170-летию университетских кафедр славистики. Сборник статей. М., 2007; *Ее же*. О факторах возрождения отечественного славяноведения накануне Второй мировой войны // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности: В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М., 2011; и др.

[7] *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. 1968. № 1.

[8] *Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х.* К пятидесятилетию кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (Формирование концепции научной и учебной работы) // Славяноведение. 1990. № 2; *Ненашева З.С.* Формирование концепции учебной работы кафедры истории южных и западных славян МГУ // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности: В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М., 2011.

[9] *Усикова Р.П.* О роли межфакультетской кафедры славянских языков МГУ в истории отечественной славистики // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. К 170-летию университетских кафедр славистики. Сборник статей. М., 2007.

[10] *Иванова И.Е.* Опыт преподавания сербского языка как языка специальности // Актуальные проблемы обучения профессионально ориентированному иноязычному общению. М., 2016.

славяноведения в Советском Союзе. Третий этап, с 1939 по 1971 год, — восстановление славяноведения. Начало современного этапа, с 1971 года по настоящее время, связано с созданием межфакультетской кафедры славянских языков, сотрудники которой преподавали на нефилологических факультетах.

Систематическое изучение истории и языков зарубежных славян началось в Московском университете в первой половине XIX века. В 1835 году был принят университетский устав, по которому в четырех российских университетах учреждались кафедры истории литератур славянских наречий. Становление славяноведения в старейшем российском университете связано с именами Ю.И. Венелина, М.Т. Каченовского, О.М. Бодянского. Первые профессора обладали энциклопедическими знаниями и преподавали все предметы. Общей программы преподавания славяноведения в университетах не было вплоть до советского времени: «содержание курса определял каждый профессор в соответствии со своим мировоззрением и научными интересами»[11].

Из отчетов профессора О.М. Бодянского, занимавшего кафедру историю и литературы славянских наречий с 1842 по 1868 год, известно, что учебные планы и программы менялись. Например, в 1852/53 учебном году все слушатели занимались один час в неделю сербским языком, так же как и в 1855/56 году. Однако в 1860/61 учебном году Бодянский преподавал польский язык. Лишь с 1863 года ежегодно стали преподаваться сравнительная грамматика славянских языков, сами языки и славянская история[12]. Однако «в качестве пособий использовались изданные за рубежом грамматики славянских языков; не было словарей, которые содержали бы перевод лексики со славянских языков на русский». Поэтому на занятиях Бодянский давал студентам читать источники: образцы поэзии, исторические памятники, фольклорные произведения[13].

С середины 60-х годов XIX века история славянских народов начинает выделяться в отдельную дисциплину. Во второй половине XIX столетия славянские языки и литературы и историю славянских земель преподавали профессора А.Л. Дювернуа, Н.А. Попова, М.П. Погодина, М.И. Соколова, П.А. Лаврова, М.К. Любавского и др.

А.Л. Дювернуа, занявший кафедру после своего учителя О.М. Бодянского, издавал практические руководства к изучению славянских наречий. Так, в начале «Программы изучения сербского языка в 1884/85 учебном году» содержатся сведения о славянах Константина Багрянородного. Также Дювернуа написал о предпосылках литературного слияния сербского и хорватского языков, охарактеризовал перевод поэмы Зриньи (1508–1566) об обороне города Сигетвара от турецкого штурма. Затем профессор обратился к вопросу о расселении сербохорватского племени в конце X и XI веках. В программе также дается текст по истории Боснии — «Босния до XVI века и после него. Свидетельство о Боснии византийца Кинамы. Наиболее могущественные боснийские династии Павловичей и Храничей. Завоевание Боснии турками». Далее Дювернуа останавливается на

[11] *Лаптева Л.П.* Преподавание славистических дисциплин в Московском университете в XIX — начале XX века // Из истории университетского славяноведения в СССР. Сборник статей и материалов к 80-летию С.А. Никитина. М., 1983. С. 53.
[12] Там же. С. 38–39.
[13] Там же. С. 39–40.

диалектных особенностях произведений дубровницких поэтов (поэмы И. Гундулича «Осман» и драмы Пальмотича «Павлинер»). Известно, что в качестве практических упражнений профессор давал перевод басни Досифея Обрадовича «Лев и заяц», статьи Вука Караджича «Красно име», отрывков из поэмы И. Гундулича «Осман». Кроме того, судя по программе, Дювернуа объяснял фонетику и грамматику сербского языка[14].

В конце XIX — начале XIX века славяноведение оставалось больше филологической наукой. Ходатайства об учреждении специальной кафедры истории славян в 1900 и 1903 годах не были удовлетворены[15].

После 1917 года настали трудные времена для российской науки. Исключением не стало и славяноведение. Сразу после Октябрьской революции многие слависты эмигрировали, в том числе в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Многие оставшиеся в Советском Союзе ученые в течение 1920–1930-е годов были репрессированы, славяноведение как наука подвергалось критике, славистов обвиняли в панславизме и буржуазном национализме. В короткий период с 1931 по 1934 год существовал Институт славяноведения в Ленинграде, но он был закрыт в связи с «делом славистов».

В конце 30-х годов XX века начался новый период в изучении истории зарубежных славянских народов в Московском университете. В 1939 году на историческом факультете была образована кафедра истории южных и западных славян. Ее возникновение означало, что впервые в отечественном славяноведении история зарубежных славянских народов была выделена в самостоятельную дисциплину[16]. Руководителем и основателем кафедры был Владимир Иванович Пичета (1878–1908). Необходимо отметить, что его отец, Йован Пичета, был среди наиболее способных учеников в Мостаре, которых отобрал первый русский консул в Боснии Александр Федорович Гильфердинг для продолжения учебы в России[17].

Исследовательская работа на кафедре сосредоточилась сначала, по словам самого В.И. Пичеты, на темах: этногенеза славян, их социально-экономического строя и быта в древности, отношений славян с Византией и образования ранних славянских государств[18].

С первых же лет для студентов и аспирантов кафедры была введена широкая языковая подготовка, которая предусматривала изучение древних, западноевропейских и особенно славянских языков[19]. Однако пока не удалось обнаружить, как именно проходили занятия по славянским языкам. Известно, что в 1943 году в МГУ была создана кафедра славянской филологии, где первым преподавателем по сербохорватскому языку была направлена Радмила Григорьева (Джорджевич). Она была сербкой, давно живущей в

---

[14] Там же. С. 46–47.

[15] *Лаптева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997.

[16] *Ненашева З.С.* Формирование концепции учебной работы кафедры истории южных и западных славян МГУ // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности: В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М., 2011. С. 26.

[17] Владимир Иванович Пичета // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 6. М., 1999.

[18] *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. 1968. № 1. С. 5.

[19] Там же.

Москве, из семьи политэмигрантов, имела опыт преподавания своего родного языка[20]. Несмотря на то что Р.И. Григорьева, по словам заведующего кафедрой С.Б. Бернштейна, не имела «элементарного понятия о том, как нужно преподавать язык»[21], она проработала до середины 1948 года, до своего ареста и высылки в связи с советско-югославским конфликтом[22]. Как и в XIX веке, сотрудники кафедры указывали на проблемы отсутствия учебных пособий и специальной литературы[23].

Значительно больше мы знаем о преподавании сербохорватского языка на кафедре истории южных и западных славян с 1971 года, когда была создана специальная межфакультетская кафедра славянских языков. Ею 17 лет заведовала Р.П. Усикова. Сотрудники кафедры преподавали, в том числе сербохорватский язык, на нефилологических факультетах: на историческом и географическом, позже — на экономическом, юридическом, философском и журналистики. В 1988 году межфакультетская кафедра превратилась в кафедру славянских языков и культур на факультете иностранных языков.

Одним из первых преподавателем сербохорватского языка на историческом факультете МГУ была В.Н. Зенчук. В учебном плане исторического факультета на славянский язык отводилось 400 академических часов в год, тогда как на экономическом — 1000 часов, на остальных — 270–360 часов[24].

С 1975 года по сегодняшний день студентам кафедры истории южных и западных славян в МГУ сербохорватский язык преподает доцент Ирина Евгеньевна Иванова. В первые годы ее работы в группах учились признанные ныне специалисты по истории южных славян Л.В. Кузьмичева, С.А. Романенко, К.В. Никифоров, А.Л. Шемякин. Среди студентов Ивановой также есть известные дипломаты, ученые, журналисты, экономисты и т. д., которые, кроме исторического, учились на других факультетах экономическом и журналистики.

Для студентов-нефилологов не разрабатывались учебные пособия. В это время существовали учебники, по которым учились филологи: Арбузова И.В., Дмитриев П.А., Сокаль Н.И. Сербохорватский язык (Л., 1965); Гудков В.П. Сербохорватский язык (М., 1969). Как рассказала нам сама Ирина Евгеньевна, она преподавала язык на основе отобранных ею текстов и системы упражнений к ним. По ее словам, возможно, это было даже лучше, потому что преподавателю каждый раз приходилось придумывать новое, что было интересно самим студентам. Однако не всегда было легко готовиться к занятиям, так как нужно было распечатывать материалы на машинке и были большие сложности с копированием текстов. «Для использования копировального аппарата минимум за полгода

[20] *Досталь М.Ю.* Кафедра славянской филологии МГУ (1943–1948): К 60-летию основания // Славяноведение. 2003. № 5. С. 34.
[21] Цит. по: *Досталь М.Ю.* Кафедра славянской филологии МГУ... С. 36.
[22] *Досталь М.Ю.* Кафедра славянской филологии МГУ… С. 36.
[23] Там же. С. 37–38.
[24] *Усикова Р.П.* О роли межфакультетской кафедры славянских языков МГУ в истории отечественной славистики // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. К 170-летию университетских кафедр славистики. Сборник статей. М., 2007. С. 204–205.

необходимо было подавать план-заявку, потому что материалы должны были пройти цензуру. Возможно, они и не вырезались, но процедуру надо было соблюсти», — вспоминает И.Е. Иванова. Кроме чтения, на занятиях практиковался письменный, а также последовательный устный перевод.

С 1970-х годов в МГУ стали приезжать носители языка — лекторы. Они не только помогали штатным сотрудникам преподавать иностранный язык, но и привозили книги и учебники из своих стран. По словам И.Е. Ивановой, среди лекторов были: из Нови-Сада был Душан Камирич, из Белграда — Миодраг Теодосиевич, который тогда был сотрудником издательства учебников. Лекторы приезжали в основном из Сараева, говорит Ирина Евгеньевна. Например, оттуда были: Срето Танасич, который стал директором Института сербского языка в Белграде; Йосип Раос, который потом преподавал в Сараевском университете. По воспоминаниям И.Е. Ивановой, Й. Раос привез книгу «История Югославии» И. Божича, С. Чирковича, М. Эмечича, В. Дедийера (Белград, 1973). Это издание невозможно было найти в Москве. Через много лет выяснилось, что «История Югославии» была под запретом и к ней должно было иметь доступ ограниченное число людей. Но тогда ни Иванова, ни студенты не имели представления об этом и свободно ею пользовались, а преподавателю даже копировали книгу.

Кроме книг, для обучения сербохорватского языка преподаватель использовала газеты «Политика» и «Борба». Эти периодические издания можно было купить в некоторых московских гостиницах.

В 1986 году на основе программы по практическому курсу сербохорватского языка был издан учебник. Его авторами были В.Н. Зенчук, М.П. Киршова, Е. Йоканович-Михайлова, М.Маркович. В 2003 году вышел в свет учебник «Сербский язык для начинающих», по которым начинают свое обучение студенты исторического факультета.

Преподавание сербохорватского языка на историческом факультете МГУ длится два года; студенты изучают язык с нуля. На изучение инославянского языка, согласно учебному плану, отводится восемь академических часов в неделю. Первый год обучения посвящен созданию грамматической и лексической базы, необходимой для бытового общения. Переход к изучению собственно языка специальности происходит на втором году обучения, включающего три направления: работу с учебными историческими текстами, с газетой и самостоятельный перевод студентами оригинальной литературы по специальности, пишет о своей работе И.Е. Иванова[25].

Как показал многолетний опыт И.Е. Ивановой, на первом этапе эффективно изучение газетных текстов по следующим тематикам: визиты и приемы государственных делегаций; ведение переговоров; забастовки и демонстрации протеста; военные действия; выборы. Эта лексика «одновременно является лексикой по исторической специальности, вместе с тем синтаксические конструкции в газетных текстах по сравнению с историческими монографиями значительно проще, что позволяет сосредоточить внимание студентов на словах и словосочетаниях общественно-политической семантики.

[25] Там же. С. 41.

Клишированность таких текстов дает возможность усвоить лексические образцы при работе с небольшими объемами газетных публикаций. В результате происходит овладение иноязычными стандартными оборотами»[26].

Работа над учебными текстами по исторической специальности базируется на «Пособии по сербохорватскому языку», которое было создано, в том числе, на базе текстов из упоминавшейся выше «Истории Югославии»[27]. Пособие состоит из 12 тематических разделов, охватывающих период от заселения славянами Балканского полуострова до Второй мировой войны. Каждый раздел включает оригинальный текст, взятый из монографий, источников или сборников статей, а также лексический, грамматический комментарий и комплекс упражнений. В книге предлагаются упражнения на подстановку, трансформацию, перевод с сербохорватского языка на русский и с русского на сербохорватский, а также коммуникативные задания[28].

По мнению преподавателя, «наибольшую сложность для студентов представляет третье направление учебной деятельности — самостоятельный перевод со словарем оригинальных текстов по исторической специальности с сербского языка на русский»[29]. Одной из проблем, с которыми сталкиваются начинающие переводчики, Иванова называет значительную объемность и усложненность предложения в научном стиле сербского языка[30].

Что касается разговорных навыков, поскольку с середины 2000-х годов на историческом факультете больше не преподают лекторы, студенты, овладев начальной лексикой на занятиях по сербохорватскому языку, имеют возможность практиковать инославянский язык в зарождающихся в Москве разговорных клубах. Кроме того, кафедра истории южных и западных славян командирует студентов на стажировки в изучаемые страны, где учащиеся общаются с коллегами и занимаются в архивах и библиотеках. Учебные поездки совершаются в рамках межуниверситетских соглашений. Еще одной возможностью практиковать разговорные навыки на иностранных языках сегодня являются туристические посещения или специальные языковые курсы в странах и регионах, историей которых занимается студент. В нынешнее время это не вызывает трудностей, в отличие от 1970–80-х годов, когда получить разрешение на выезд из СССР было нелегко.

После перехода МГУ имени М.В. Ломоносова на Болонскую систему образования сократилось общее количество часов изучения специального инославянского языка на кафедре истории южных и западных славян сократилось с 1016 до 648. Такая ситуация, по словам преподавателя И.Е. Ивановой, негативно отразилось на овладении студентами-историками сербохорватским языком.

Таким образом, история преподавания славянских языков в России и, в частности, в Московском университете неразрывно связано с развитием, а иногда и упадком

[26] Там же. С. 41–42.
[27] *Иванова И.Е.* Пособие по сербохорватскому языку. М., 1995.
[28] *Иванова И.Е*. Опыт преподавания сербского языка как языка специальности. С. 43.
[29] Там же. С. 44.
[30] Там же.

славяноведения. В настоящее время же сотрудники кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова твердо намерены сохранить свое звание одного из лидеров славистической подготовки в стране, а это невозможно без обучения иностранных языков, в том числе и сербского.

Список литературы

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

Белявская И.М., Воронков И.А. Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. 1968. № 1.

Владимир Иванович Пичета // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 6. М., 1999.

Горяинов А.Н. В России и эмиграции: очерки славяноведения и славистах первой половины XX века. М., 2006.

Досталь М.Ю. Кафедра славянской филологии МГУ (1943–1948): К 60-летию основания // Славяноведение. 2003. № 5.

Досталь М.Ю. М.Т. Каченовский — первый профессор кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. К 170-летию университетских кафедр славистики. Сборник статей. М., 2007.

Досталь М.Ю. О факторах возрождения отечественного славяноведения накануне Второй мировой войны // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности: В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М., 2011

Досталь М.Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005.

Иванова И.Е. Пособие по сербохорватскому языку. М., 1995.

Иванова И.Е. Опыт преподавания сербского языка как языка специальности // Актуальные проблему обучения профессионально ориентированному иноязычному общению. М., 2016.

Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX вв. М., 2012.

Лаптева Л.П. Преподавание славистических дисциплин в Московском университете в XIX — начале XX века // Из истории университетского славяноведения в СССР. Сборник статей и материалов к 80-летию С.А. Никитина. М., 1983.

Лаптева Л.П. Русская послереволюционная академическая эмиграция в Югославии (А.Л. Погодин) // Интеллигенция и власть. М., 1999.

Лаптева Л.П. Русский историк-славист Александр Львович Погодин (1872–1947). Жизнь и творчество. М., 2011.

Лаптева Л.П. Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России // Rossica II. Praha, 1997.

Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997.

Ненашева З.С. Формирование концепции учебной работы кафедры истории южных и западных славян МГУ // Историки-слависты МГУ. Кн. 8. Славянский мир: в поисках идентичности: В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М., 2011.

Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х. К пятидесятилетию кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (Формирование концепции научной и учебной работы) // Славяноведение. 1990. № 2.

Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

Усикова Р.П. О роли межфакультетской кафедры славянских языков МГУ в истории отечественной славистики // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. К 170-летию университетских кафедр славистики. Сборник статей. М., 2007.

Соболева Ольга Владимировна
Пермский национальный исследовательский, г. Пермь (Россия)

Soboleva Olga Vladimirovna
Perm National Research Polytechnic University, Perm (Russia)

ПРОПИСНАЯ ИЛИ СТРОЧНАЯ? К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

A CAPITAL LETTER OR A SMALL ONE? ON THE ACTIVE PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

В статье рассматривается проблема выбора прописной / строчной буквы при написании имен собственных. Отмечается тенденция к вариативному написанию географических названий и названий литературных произведений. Выявляются типичные ситуации, в которых носители языка испытывают затруднения при выборе прописной / строчной буквы, делается предположение о возможных причинах подобных затруднений.

The article deals with the problem of choosing a capital letter or a small one when writing proper names. There is a tendency to variability of writing geographical names and the names of literary works. The author describes the typical situations in which native speakers have difficulty in selecting the letter case and makes assumptions on the possible causes of this problem.

***Ключевые слова*:** современных русский язык, языковая норма, орфография, орфографическая ошибка, имя собственное

***Key words*:** contemporary Russian language, language norm, orthography, spelling mistake, a proper name

Современный русский язык, как и любой другой живой язык, подвержен неизбежным изменениям. Носители языка ежедневно продуцируют огромное количество устных и письменных высказываний, которые не дают языку застыть в виде раз и навсегда зафиксированных единиц и стимулируют активные процессы, протекающие на всех уровнях языковой системы. Как в целом можно охарактеризовать эти процессы? Ответ на этот вопрос был дан еще 16 лет назад в работе «Активные процессы в современном русском языке». Ее автор, Н. С. Валгина, так обозначила общую тенденцию, определяющую суть языковых изменений последнего времени: это «нарастающая вариантность языковых знаков». Причем явление вариантности (в нашей работе мы будем использовать термин «вариативность») оценивается автором скорее положительно: «Такое явное качество современного языка, как нарастающая вариантность языковых знаков, может быть воспринято как явление положительное, поскольку предоставляет пользователям языка возможности выбора, что, в свою очередь, свидетельствует о расширении возможностей языка в плане удовлетворения конкретных коммуникативных задач. Значит, язык становится более мобильным, тонко реагирующим на ситуацию общения, т.е. обогащается стилистика языка. А это прибавляет нечто к уже имеющимся в языке ресурсам и расширяет его возможности» [Валгина, 2001, с. 4]. Сегодня, спустя почти два десятилетия после того, как были написаны процитированные выше слова, нам хотелось бы зафиксировать некий

промежуточный итог процесса нарастания вариантности и проследить, как реализовалась тенденция к вариантности языковых знаков в ситуации выбора носителями языка прописной / строчной буквы при написании текстов.

Для носителей русского языка выбор между прописной и строчной буквой во многих случаях представляет собой непростую задачу. Как справедливо отмечают составители словаря «Прописная или строчная», «употребление прописных букв – одна из сложнейших проблем современной русской орфографии. В настоящее время, как показывает практика письма, данная область орфографии наименее устойчива и упорядоченна» [Лопатин, 2011, с. 5].

В нашей работе мы обратимся именно к «практике письма», анализируя орфографические ошибки в рукописных текстах, созданных носителями языка в последние годы. Как нам представляется, массовые ошибки, связанные с выбором прописной / строчной буквы, могут свидетельствовать о том, что норма постепенно расшатывается, перестает осознаваться, утрачивается автоматизм применения нормы. Материалом, на котором строится наша статья, послужили учебные конспекты и самостоятельные письменные работы курсантов военного вуза, студентов технических и гуманитарных специальностей политехнического университета и выпускников школ (в том числе сочинения ЕГЭ).

Выявленные нами ошибки, связанные с ситуацией выбора прописной / строчной буквы, позволили обозначить целый ряд позиций, в которых сегодня происходит постепенное размывание орфографической нормы:

1) написание заголовков. В этом случае прослеживаются две тенденции: с прописной буквы пишется каждое слово заголовка (*Акцентологический Минимум; Орфоэпические Нормы; Разговорная Речь; Языковые Особенности*) или отдельные части заголовка. Как правило, это слова, начинающие определенную логическую группу (*Русский язык и Культура речи; Функциональные стили Современного русского языка; Культура Научной и Профессиональной речи; Язык Художественной литературы; Стилевые черты Научного Стиля Речи*);

2) написание фраз, содержащих сокращения. Прописная буква ошибочно ставится после точки, обозначающей сокращение слова (*Уч. Вопросы*);

в) написание названий должностей. С прописной буквы начинается каждое слово в названии должности (*Начальнику Курса; Доцент Кафедры*);

3) написание названий литературных произведений. Мы можем отметить явную тенденцию к использованию прописных букв во всех словах названия, кроме предлогов и союзов. Особенно показательны в этой ситуации сочинения ЕГЭ, в которых отмечается высокая вариативность выбора прописной буквы при написании названий: *«Война и Мир», «Преступление и Наказание», «Отцы и Дети», «Герой Нашего Времени», «Капитанская Дочка», «Судьба Человека», «Уроки Французского», «Два Капитана», «Холодная Осень»* и т.д. Как нам представляется, группу риска составляют названия, построенные по модели «существительное – союз И – существительное», лидирует среди них название «Война и мир», в написании которого сегодня делает ошибку значительный процент выпускников

школ. Так, при проверке сочинений ЕГЭ 2016 года название «Война и мир» встретилось нам 49 раз, из них написание «Война и Мир» – 11 раз (22,4 %). Любопытные результаты дал и эксперимент, проведенный нами во время методического семинара в гимназии № 17 г. Перми. Ученикам выпускного класса было предложено быстро записать три сочетания «автор и название произведения». При выполнении задания важно было не раздумывать, а фиксировать первые возникающие ассоциации. В итоге 16 из 24 участников эксперимента назвали роман Толстого «Война и мир», при этом написание «Война и Мир» встретилось в 7 работах.

Необходимо отметить, что наряду с тенденцией к использованию прописной буквы в каждом слове заголовка можно отметить и противоположное явление – употребление строчной буквы там, где необходима прописная (в начале заголовка или при написании имени собственного): *«судьба Человека», «Кому на руси жить хорошо», «Тихий дон», «море»;*

4) написание топонимов. Интересный материал для наблюдения дало упражнение из пособия И. В. Миловидовой «Проверяем свою грамотность», которое традиционно используется нами на занятиях по русскому языку и культуре речи. Задание, которое дается студентам, связано с выбором формы существительного в родительном падеже множественного числа. Студенты должны переписать 20 предложений, раскрывая скобки и выбирая правильную форму существительного. При проверке этих работ мы обратили внимание на большое количество ошибок, связанных с переписыванием имен собственных. В задании 4 предложения из 20 содержат имена собственные:

Рим пал от нашествия (варвары).

Отец привез из Самарканда несколько (дыня).

Иван Андреевич Крылов написал много (басня).

На Черном море много песчаных (побережия).

Как удалось выявить, проблему составляет написание составного географического названия. Если при написании сочетания *«Иван Андреевич Крылов»* ошибка была допущена в 1 работе из 98 (употребление строчной буквы в фамилии – *крылов*), а написание названий городов Рим и Самарканд было нормативным во всех работах, то при списывании фразы «На Черном море много песчаных побережий» ошибки носили массовый характер. Отклонение от нормы в этом случае идет по двум направлениям: встречается либо удвоение прописной буквы в названии (*на Черном Море*), либо отказ от прописной буквы в пользу строчной (*на черном море*). Написание «*на черном море*» было отмечено в 13 работах из 98. Необходимо отметить, что частотность подобных ошибок напрямую зависит от аудитории: мы вели подсчет ошибок в работах студентов политехнического университета, причем у студентов гуманитарных специальностей были отмечены лишь единичные случаи неправильного написания (2 ошибки на 31 работу), в то время как курсанты военного вуза выбирали строчную букву вместо прописной примерно в 50 % случаев (это было отмечено на стадии наблюдения при проверке работ, точного подсчета пока не велось, однако нам хотелось бы подтвердить свои наблюдения конкретными

цифрами и в ходе дальнейшей работы над темой провести подсчет ошибок и в работах курсантов).

О размывании нормы, о том, что она перестает осознаваться носителями языка, говорит и высокий процент самоисправлений при списывании фразы. Во многих работах первоначальное неверное написание (*на черном море*) было затем исправлено на нормативное (*на Черном море*). Для студентов политехнического университета количество самоисправлений составляет 8 на 98 работ. Это, безусловно, свидетельствует об утрате автоматизма применения нормы при написании топонимов;

5) написание антропонимов. Богатый материал для анализа ситуации дают нам сочинения ЕГЭ, демонстрирующие полный разнобой в ситуации выбора прописной / строчной буквы. Нами были отмечены разнообразные отклонения от нормы:

– антропонимы пишутся со строчной буквы: *семья ростовых; островский; там речь идет о поэте «бездомном»*;

– со строчной буквы пишется одно из слов в составе антропонима: *вспомним сказку Салтыкова-щедрина; Андрей соколов; Пьер безухов и Андрей балконский* (орфография автора сохраненена — О. С.);

– в состав антропонима включаются предшествующие названия должностей, званий, титулов: *после встречи с Наташей Ростовой Князь Андрей ...; расстроить Графа и Графиню Ростовых.*

Если говорить о причинах возникновения таких ошибок, то можно предположить, что отчасти они объясняются влиянием интернет-коммуникации и особенностями компьютерного набора текста в целом. Как известно, для неформального общения в Сети характерна унификация написания: текст набирается в одном регистре, либо строчными, либо (при нажатии клавиши Caps Lock) прописными буквами, исключений для имен собственных зачастую не делается. Отсутствие жестких норм при написании реплик в социальных сетях автоматически проецируется на любой текст, создаваемый в Интернете. Как нам представляется, именно это определяет сегодня отказ от прописных букв при заполнении полей компьютерной регистрации: во время онлайн-заполнения регистрационной формы (которое может быть связано не только с регистрацией в социальной сети, но и с ситуацией официального общения, например при получении дистанционного образования или регистрации на портале организации) человек может написать со строчной буквы собственную фамилию или название родного города. Этот же орфографический принцип (отказ от прописной буквы в пользу строчной), преобладающий в Интернете, переносится студентами на рукописные тексты, в том числе учебные. В последние годы нами были отмечены единичные случаи отказа от прописных букв при написании фамилии и имени (студенты, подписывая работу, начинали собственные имя и фамилию со строчных букв). Интересный случай выбора в пользу строчной буквы был зафиксирован нами в письменной работе студента политехнического университета. Редактируя свое рукописное резюме перед тем, как сдать его на проверку, студент исправил первые буквы в фамилии, имени и отчестве с прописной буквы на строчную.

Отвечая на вопрос преподавателя о причине правки, студент аргументировал свой выбор так: *чтобы было как при компьютерном наборе, однотипно*.

Одной из причин орфографических ошибок, связанных с написанием прописной буквы в названиях литературных произведений, можно считать влияние английского языка. Этим же влиянием мы можем объяснить сегодня и высокую вариативность написания названий учреждений и организаций (по нашим наблюдениям, прослеживается явная тенденция к написанию всех слов названия с прописной буквы, исключение составляют предлоги и союзы).

Как нам представляется, массовые ошибки, связанные с выбором прописной / строчной буквы, безусловно, говорят о том, что орфографическая норма в данном случае постепенно перестает осознаваться носителями языка. Применение нормы утрачивает системный характер (в тексте одного и того же автора могут соседствовать разные написания одного и того же имени собственного), вариативность написания возрастает, а это значит, что активные процессы, идущие сегодня в современном русском языке, возможно, со временем могут привести к изменению нормы.

Список литературы

Валгина Н.П. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие / Н. П. Валгина. М. : Логос, 2001. 304 с.

Лопатин В.В. Прописная или строчная? Орфографический словарь / В.В.Лопатин, И.В. Нечаева, Л. К. Чельцова. М. : Эксмо, 2011. 512 с.

Stanković Selena
Université de Niš, Niš (Serbie)

Селена Станковић
Универзитет у Нишу, Ниш (Србија)

LES PRÉPOSITIONS FRANÇAISES *PAR* ET *POUR* : SENS TEMPOREL ET TRADUCTION EN SERBE*

ФРАНЦУСКИ ПРЕДЛОЗИ PAR И POUR: ВРЕМЕНСКО ЗНАЧЕЊЕ И ПРЕВОЂЕЊЕ НА СРПСКИ ЈЕЗИК

Dans le présent article, nous examinons l'emploi temporel de deux prépositions françaises, *par* et *pour*, dans le roman *Le Testament français* d'Andreï Makine. Nous analysons en même temps les équivalents / correspondants de *par* et *pour* et leur sémantisme dans la traduction serbe de ce roman. Pour le faire, et étant donné que le serbe représente une langue à déclinaison par excellence, nous étudions (a) les constructions serbes de type *préposition + nom / groupe nominal*$_{cas}$, (b) le nom / groupe nominal décliné sans préposition, ainsi que (c) les structures appartenant aux traductions plus libres. Nous examinons également des locutions construites avec *par* et *pour* qui sont marquées par la valeur temporelle. La recherche s'appuie sur la méthode de l'analyse contrastive et elle est faite à partir du corpus constitué de tous les exemples extraits du roman cité.

У раду се на примерима из романа *Француско завештање* Андреја Макина разматра употреба француских предлога *par* и *pour* са временским значењем. Истовремено се утврђују еквиваленти / кореспонденти ова два француска предлога и њихове семантичке вредности у српском преводу датог романа. У том циљу, а имајући у виду чињеницу да српски представља језик са развијеном падежном парадигмом, разматрају се (а) ситуације у којима су предлози *par* и *pour* у предлошкој групи преведени одговарајућим српским предлозима у оквиру предлошко-падежних конструкција, (б) случајеви у којима француска предлошка група за српски кореспондент добија имениицу / именичку синтагму у зависном падежу без предлога, као и (в) структуре које чине слободнији превод. Анализом су такође обухваћени и изрази са *par* и *pour* обележени темпоралном вредношћу. Истраживање се заснива на методи контрастивне анализе и обављено је на грађи сачињеној од свих примера ексцерпираних у наведеном роману.

Mots-clés : préposition *par*, préposition *pour*, sens temporel, langue française, langue serbe, équivalent / correspondant.

Кључне речи: предлог *par*, предлог *pour*, временско значење, француски језик, српски језик, еквивалент/кореспондент.

Introduction

Dans les langues française et serbe, les prépositions représentent des mots invariables qui servent à établir des relations entre les mots. Non seulement elles désignent et réalisent ces rapports, mais encore elles les précisent [Grevisse, 1993, p. 1476 ; Стевановић, 1981, p. 379-380]. Les prépositions se caractérisent par la double nature : d'une part, ce sont des outils grammaticaux qui constituent des liens entre les mots sur les plans de la forme et du contenu ; d'autre part, ce sont des unités lexicales dont la signification, dépendant du contexte, peut être riche et variée [Melis, 2003, p. 5-6]. Comme l'expliquent M. Riegel et les auteurs réunis autour de lui [Riegel, Pellat, Rioul, 2011, p. 208, 639-641], ce sont des mots qui, appartenant à la catégorie des mots de relation, servent à relier deux éléments pour les intégrer dans une structure plus complexe ; en créant une relation de dépendance entre le terme qu'elles introduisent, c'est-

à-dire leur complément, et le terme qui les précède, les prépositions fonctionnent comme des relateurs et des marqueurs de fonction.

Tandis que le serbe appartient à la série des langues ayant un système casuel pour marquer de différents rapports entre les unités d'une phrase et pour assumer des rôles particuliers dans la langue [Стевановић, 1981, p. 188 ; 1979, p. 161], le français n'a pas, ou plutôt il n'a plus de désinences casuelles. Vu qu'en français, les marques casuelles ont complètement disparu au XIVe siècle, le système casuel a été remplacé par le système prépositionnel qui a l'avantage d'indiquer des rapports plus nombreux et plus complexes que les cas – le terme qu'une préposition régit porte en lui-même la valeur identique à un cas [Bidois G., Bidois R., 1971, p. 672-673]. Ainsi, en français d'aujourd'hui, les prépositions marquent très précisément des rapports casuels. C'est un des faits que la traduction en langue serbe, comme une langue ayant un système casuel, met en évidence.

Dans cet article, nous analysons d'abord le sens temporel de deux prépositions françaises *par* et *pour* dans le roman *Le Testament français* de l'écrivain contemporain français d'origine russe Andreï Makine. Ensuite, nous examinons les prépositions serbes apparaissant comme les équivalents des prépositions françaises mentionnées et étudions des cas introduits par ces prépositions équivalentes. Nous recherchons également d'autres possibilités de la traduction des prépositions *par* et *pour*. À cet effet, nous examinons des contextes où le syntagme français introduit par *par* ou *pour* obtient pour équivalent la construction serbe de type *préposition* + *nom / groupe nominal*$_{cas}$. Puis, nous prenons en considération les énoncés dans lesquels le groupe prépositionnel français est traduit en serbe par un nom ou un groupe nominal décliné sans préposition, ainsi que des structures qui appartiennent aux traductions plus libres. Nous analysons également des locutions construites avec la préposition *par* ou *pour* – les expressions et les locutions adverbiales – qui expriment l'idée de temps. Dans cette recherche, l'analyse du sens temporel des prépositions *par* et *pour* ainsi que de leurs équivalents / correspondants serbes est basée sur la méthode de l'analyse contrastive. Le corpus linguistique est constitué de tous les exemples relevés du roman choisi et de la traduction de cette œuvre littéraire en serbe.

Analyse du corpus

Préposition *PAR*

La préposition *par*, ayant eu d'abord la forme *per* et dès le début du XIe siècle sa forme actuelle, provient de la préposition latine *per* exprimant les relations de lieu « à travers, le long de, par-dessus » et de temps « durant, pendant », mais aussi les notions de moyen, de manière, de cause [DHLF, p. 2558, s.v. *par*]. En tant qu'une des « prépositions fondamentales, "à tout faire" » [Le Goffic, 1993, p. 420], elle garde aujourd'hui les valeurs sémantiques héritées du latin et indique de nombreuses relations entre les mots et les syntagmes. C'est un fait que les équivalents serbes illustrent clairement étant donné que le serbe est une langue à déclinaison [Станковић, 2008]. Parmi d'autres valeurs, la préposition *par* a conservé celle de la préposition latine *per* au sens temporel de « pendant, durant » [Brunot, Bruneau, 1937, 626 ; Wartburg, Zumthor, 1958, 370-371 ; NPR, p. 1580, s.v. *par* ; TLFI, s.v. *par* ; DHLF, p. 2558, s.v. *par*]. Elle indique un intervalle de temps où se déroule une action. Cette notion temporelle se définit aussi comme le

milieu dans lequel se passe un procès [Wagner, Pinchon, 1962, p. 482] ou comme l'idée d'une action ayant une certaine durée [Weinrich, 1989, p. 439].

Selon l'analyse de notre corpus, dans la plupart des cas, la préposition *par* en emploi temporel introduit un complément qui indique des circonstances atmosphériques. Le régime de *par* est toujours accompagné d'une détermination [Bidois G., Bidois R., 1971, p. 703 ; Wartburg, Zumthor, 1958, p. 370]. Ce fait démontre que ce type de compléments n'a pas la fonction de situer chronologiquement le procès mais celle de présenter les circonstances dans lesquelles se déroule un procès [Spang-Hanssen, 1963, p. 232]. Ils décrivent une action qui dure une partie du temps en question et ils ont un caractère affectif étant donné qu'ils expriment l'appréciation du locuteur [Wartburg, Zumthor, 1958, p. 370-371]. Puisqu'elle marque l'instant relatif aux circonstances atmosphériques, la préposition *par* implique ici la notion de temps spatialisé [Kwon-Pak, 1997, p. 332]. Ce type d'usage de la préposition *par* se traduit en serbe au moyen :

- de la préposition *u* suivie d'un groupe nominal *à l'accusatif* (*u + GN à l'accusatif*) ; cette construction serbe indique le déroulement du procès à un des moments de l'intervalle temporel considéré ou bien durant le temps indiqué [Стевановић, 1979, p. 415-416 ; Станојчић, 2010, p. 344] :

(1) Et quand elle comprit toute l'invraisemblance de son rêve – elle et Fiodor dans cette ville française *par une matinée claire d'automne* [...]. (Mf143) – A kad je shvatila koliko je njen san bio nestvaran – ona i Fjodor u onom francuskom gradu *u jedno svetlo jesenje jutro* [...]. (Ms89-90)

(2) Une femme en long manteau sombre entrait dans une petite ville frontalière *par un matin d'hiver silencieux*. (Mf333) – Jedna žena u dugom crnom kaputu ulazi u neki pogranični gradić *u mirno zimsko jutro*. (Ms204)

(3) Je voyais mon père, *par une chaude soirée de juin*, rentrer, après la démobilisation, dans son village natal. (Mf203) – Video sam oca *u toplo junsko veče* kako se posle demobilizacije vraća u rodno selo. (Ms126)

- du groupe nominal au génitif temporel (la structure *GN au génitif*) ; ce correspondant serbe marque le temps pendant lequel une action est faite [Стевановић, 1979, p. 189-191 ; Станојчић, 2010, p. 328 ; Станојчић, Поповић, 2005, p. 284] :

(4) À l'orée d'un bois, *par une matinée scintillante de givre*, elle vit des ombres suspendues aux arbres [...]. (Mf84) – *Jednoga jutra okićenog injem*, na ivici jedne šume je videla neke senke kako vise na drveću [...]. (Ms52)

(5) C'est ainsi que *par un jour de grande pluie*, en retournant les piles des vieux journaux français entassés dans la valise, je tombai sur cette page [...]. (Mf177) – Tako sam *jednog veoma kišnog dana*, prevrćući hrpe starih francuskih novina u kovčegu, naišao na stranicu [...]. (Ms109)

(6) *Par cet après-midi de chaleur muette*. Dans cette petite ville assoupie. (Mf282) – *Onog popodneva ispunjenog nemom vrelinom*. U onom uspavanom gradiću. (Ms173)

(7) *Par un soir tiède de septembre*, elle sortit de la maison et marcha dans la rue déserte. (Mf148) – *Jedne blage septembarske večeri* izišla je iz kuće i krenula pustom ulicom. (Ms92)

(8) *Par une nuit limpide*, le froid polaire descendit du ciel. (Mf94) – *Jedne vedre noći* se sa neba spustila polarna hladnoća. (Ms58)

Représentant des constructions figées et véhiculant le sens de période du déroulement d'une action, les expressions et les locutions adverbiales avec *par* de notre corpus se traduisent par un adverbe de temps :

(9) Oui, j'avais parlé de Charlotte, comme si j'avais voulu prévenir toute objection et dissiper, *par avance*, tout scepticisme. (Mf319) – Da, govorio sam o Šarloti, kao da sam želeo da preduhitrim bilo kakvu zamerku i *unapred* uklonim svaku sumnjičavost. (Ms196)

ou par une structure appartenant à la traduction plus libre :

(10) La confusion fut tenace malgré les éclaircissements que les récits de Charlotte apporteraient *par la suite*. (Mf44) – Zabuna je bila velika i pored objašnjenja koja su donosile *kasnije* Šarlotine priče. (Ms28)

Préposition *POUR*

La préposition *pour*, aussi bien que *par*, fait partie de la série des prépositions dites « prépositions fondamentales, "à tout faire" » [Le Goffic, 1993, p. 420] ou héréditaires [Brunot, Bruneau, 1937, p. 608 ; Wagner, Pinchon, 1962, p. 434 ; Riegel, Pellat, Rioul, 2011, p. 639], donc des mots venus directement du latin où ils jouaient le même rôle. Ayant figuré d'abord sous les formes *por* (881) et *pur* (1050), la préposition *pour* (XIIIe) est issue de *pro* (842), la forme qui représente le latin *pro* – la préposition, le préverbe et l'adverbe – avec la signification d'« en avant, devant » dans l'espace et dans le temps, mais également avec la valeur abstraite d'« en faveur de », les notions de cause, d'échange, de compensation, de proportion, de but. *Pour* a pris au latin les sens mentionnés et elle en a développé d'autres si bien qu'elle exprime « la direction, la destination », une idée de durée ou de terme dans le temps, la finalité d'une action, l'intention, la notion d'« en tant que » ; elle marque aussi des idées de remplacement, de réciprocité, d'équivalence ; elle indique la conséquence et la concession et sert à mettre en évidence un terme de la phrase [DHLF, p. 2884-2885, s.v. *pour*]. Tous les emplois de *pour* relèvent de deux idées principales, celle de destination ou de direction et celle d'échange ou d'équivalence, d'où ressortent d'autres valeurs variées.

Aujourd'hui, la préposition *pour*, suivie de différents compléments dans un groupe prépositionnel, désigne de nombreux rapports casuels et possède un sémantisme multiple qui sous-entend également le sens temporel [Brunot, Bruneau, 1937, p. 608-609 ; p. 621-630 ; Wartburg, Zumthor, 1958, p. 359-360 ; p. 372 ; Wagner, Pinchon, 1962, p. 434 ; Weinrich, 1989, p. 375, p. 434-436 ; Le Goffic, 1993, p. 305, p. 420-426, p. 346-349, p. 432-445 ; Bidois G., Bidois R., 1971, p. 671, p. 710-713 ; Spang-Hanssen, 1963 ; NPR, p. 1745-1746, s.v. *pour* ; TLFi, s.v. *pour* ; DHLF, p. 2884-2886, s.v. *pour*]. Comme le montre notre recherche, cette préposition française, utilisée en tant que marqueur de temps, exprime en général une période durant laquelle un procès se réalise et elle est traduite en langue serbe le plus souvent par une préposition dans la construction du type *préposition + nom / groupe nominal*$_{cas}$.

Ainsi, accompagné du nom, avec ou sans déterminant, *pour* est traduit par la préposition serbe *za* suivi d'un syntagme nominal à l'accusatif (*za + GN à l'accusatif*) [Стевановић, 1979,

p. 434-435 ; Станојчић, 2010, p. 344-347 ; Станојчић, Поповић, 2005, p. 282-287]. Les deux prépositions française et serbe indiquent la durée qui s'étend, le temps pendant lequel une action se fait ou un état se réalise :

(11) Les guerres, les révolutions, le grouillement populaire, les fêtes se figeaient, *pour une seconde* [...]. (Mf304) – Ratovi, revolucije, vreva naroda, praznici – sve se *za tren* zgusnulo [...]. (Ms187)

(12) Et des livres introuvables qu'on vous prêtait *pour une nuit* [...]. (Mf325) – Pa one retke knjige koje bi vam neko pozajmio *za jednu noć* [...]. (Ms199)

Dans les deux langues étudiées, la construction nuancée par la notion de destination est susceptible de marquer le terme d'un délai fixé :

(13) Béria choisissait un corps féminin *pour sa nuit*. (Mf248) – Berija je birao žensko telo *za svoju noć*. (Ms153)

Ensuite, dans le matériel linguistique examiné, la préposition *pour* portant la valeur temporelle apparaît traduit en serbe par la préposition *na* avec le groupe nominal à l'accusatif (*na + GN à l'accusatif*). Alors, la préposition française, suivie d'un nom déterminé ou d'un adverbe, et son équivalent serbe [Стевановић, 1979, p. 413-414 ; Станојчић, 2010, p. 343-344 ; Станојчић, Поповић, 2005, p. 284] font entrer la notion d'un espace de temps, de la durée, temps pendant lequel une action est terminée ou elle dure :

(14) Je compris que ce français, ce tissage des phrases qui me paraissait si naturel, se figerait dès mon départ *pour une année entière* [...]. (Mf275) – Shvatio sam da će se taj francuski, to tkanje rečenica koje mi je izgledalo tako prirodno, okameniti čim ja budem otišao *na celu školsku godinu* [...]. (Ms169)

(15) Je savais bien déjà que je partais *pour longtemps*. (Mf292) – Već sam znao da odlazim *na duže vreme*. (Ms179)

Ayant la même valeur, la préposition serbe *na* introduit aussi l'adverbe de quantité *nekoliko* qui exige le génitif :

(16) [...] je plongeais dans un engourdissement fiévreux que seuls les sifflets à l'heure de la fermeture interrompaient *pour quelques minutes*. (Mf303) – [...] utapao u grozničavu obamrlost koju su *na nekoliko trenutaka* prekidali zvižduci u vreme zatvaranja groblja. (Ms186)

Dans notre corpus de recherche, la préposition *pour* au sens temporel est traduite de même par la préposition *u* engageant l'emploi du locatif (*u + GN au locatif*) [Стевановић, 1979, p. 498-499 ; Станојчић, 2010, p. 353 ; Станојчић, Поповић, 2005, p. 283-284]. La signification de ce groupe prépositionnel français – *pour* suivi d'un nom déterminé – tout comme du syntagme serbe à la forme casuelle locative se rapporte soit au temps dans lequel une action est faite soit à une partie de la notion temporelle considérée :

(17) [...] de découvrir dans ses strophes ce « je ne sais quoi de français » qui restait *pour l'instant* sans nom. (Mf54) – [...] da u njenim stihovima otkrijemo ono „nešto neuhvatljivo francusko" što je *u tom času* ostalo bez imena. (Ms34)

(18) *Pour une fraction de seconde* mon cœur sembla battre au même rythme que le sien [...]. (Mf178) – *U deliću sekunde* kao da je moje srce zakucalo istovremeno sa njegovim [...]. (Ms110)

Excepté de nombreuses constructions serbes du type *préposition + nom / groupe nominal*$_{cas}$, la structure prépositionnelle française *pour + complément* obtient en guise de correspondant serbe un nom ou un syntagme nominal décliné, sans préposition. Ainsi, assumant la fonction du complément circonstanciel de temps, le groupe prépositionnel français est traduit en serbe par un syntagme nominal au génitif temporel comme type de génitif possessif (la structure *GN au génitif*) [Стевановић, 1979, p. 189-191 ; Станојчић, 2010, p. 327-328 ; Станојчић, Поповић, 2005, p. 288-291]. Alors, le groupe prépositionnel introduit par *pour* et son correspondant serbe marquent la durée qui s'étend, une période finie dans le temps :

(19) Et garder *pour toute leur vie* le souvenir que c'est là, à l'angle d'une rue [...]. (Mf119) – I da *celog života* čuvaju uspomenu kako su tu na uglu jedne ulice [...]. (Ms75)

L'analyse syntaxique et traductologique révèle encore que, dans le corpus examiné serbe, la proposition subordonnée de but ne représente pas la seule réalisation de la construction française à la valeur finale *pour + infinitif*. Son correspondant peut également être la subordonnée temporelle introduite par la conjonction *kad* (*quand*) [Стевановић, 1979, p. 869-882 ; Станојчић, 2010, p. 398-399, p. 405-406 ; p. 409-412 ; Станојчић, Поповић, 2005, p. 316-319, 326-329] :

(20) [...] quelque tante anonyme et dont on n'évoquait le nom que *pour parler* des femmes restées [...]. (Mf16) – [...] neke nepoznate tetke čije se ime pominjalo jedino *kad se govorilo* o ženama koje su ostale [...]. (Ms11)

Des locutions adverbiales, des expressions et des constructions qui expriment l'idée de temps et à l'intérieur desquelles se trouve la préposition *pour* sont traduites en serbe par des adverbes :

(21) [...] d'y rester *pour toujours*. (Mf186) – [...] tamo ostati *zauvek*. (Ms114)

(22) [...] l'enfant à qui l'on ne dira rien *pour le moment*. (Mf199) – [...] dete kojem *zasada* ne treba ništa reći. (Ms124)

(23) [...] quelque denrée rare *pour l'hiver* [...]. (Mf66) – [...] neka namirnica koja se *zimi* ređe nalazila [...]. (Ms42)

ou des locutions adverbiales :

(24) Et quand, l'été suivant, Charlotte nous parla *pour la première fois* [...]. (Mf 44) – A kad nam je Šarlota sledećeg leta *prvi put* pričala [...]. (Ms28)

(25) *Pour l'instant*, je criais silencieusement. (Mf248) – *Za sada* sam urlao bez reči. (Ms153)

(26) Et *pour la énième fois* surgit devant mon regard [...]. (Mf170) – I *ko zna po koji put* mi se pred očima pojavila [...]. (Ms105)

Conclusion

La préposition française *par*, ayant la valeur temporelle, exprime un intervalle de temps dans lequel se déroule un procès. D'après l'analyse effectuée, cette préposition, en emploi temporel dans le roman analysé, introduit le plus souvent un complément indiquant les circonstances atmosphériques. Ce type d'usage de *par* se traduit en serbe à l'aide : a) de la structure du type *préposition u + groupe nominal à l'accusatif* décrivant la réalisation de l'action dans l'un des moments de l'intervalle temporel considéré ou, bien, durant le temps indiqué, et b)

du *groupe nominal au génitif*, le génitif temporel marquant le temps pendant lequel une action est faite. Les constructions figées exprimant la période du déroulement d'une action obtiennent pour correspondant un adverbe de temps ou une structure qui relève de la traduction plus libre.

Comme le montrent les résultats de notre recherche, la préposition française *pour* dénote généralement le temps durant lequel un procès se réalise ou le terme dans la durée. Dans l'emploi temporel, la préposition *pour* a comme équivalent serbe trois prépositions dans les constructions du type *préposition + nom / groupe nominal*$_{cas}$: a) la préposition *za* suivi de l'accusatif avec la valeur de durée qui s'étend, l'espace temporel à l'intérieur duquel se déroule une action ou se réalise un état ; b) la préposition serbe *na* avec l'accusatif qui exprime le terme dans la durée ou le temps pendant lequel un procès se fait ; c) la préposition *u* introduisant le locatif qui marque le temps durant lequel une action s'effectue.

Ensuite, le groupe prépositionnel français *pour + complément* ayant la signification temporelle est traduit par un nom ou un syntagme nominal décliné serbe, sans préposition. Le cas exprimé dans notre matériel linguistique est le génitif au sens de temps et de durée qui s'étend (*le génitif temporel*). De plus, la construction avec la signification finale *pour + infinitif* a comme correspondant serbe la subordonnée de temps, parmi d'autres sortes de propositions subordonnées. Finalement, des locutions adverbiales, des expressions et des constructions comportant la préposition *pour* sont traduites en serbe par des adverbes et locutions adverbiales.

Références bibliographiques

Bidois, G. le, Bidois, R. le. Syntaxe du français moderne: ses fondements historiques et psychologiques. Tome II. Paris : Picard, 1971.

Brunot, F. La pensée et la langue. Paris : Masson et Cie, 1965.

Brunot, F., Bruneau, Ch. Précis de Grammaire Historique de la Langue Française. Paris : Masson et Cie, 1937.

DHLF : Rey, A. Dictionnaire historique de la langue française 1-3. Tome 2. F-Pr. Sous la diréction d'Alain Rey. Paris : Dictionnaires Le Robert, 1998.

Grevisse, M. Le bon usage : grammaire française. Refondue par André Goosse. Treizième édition revue. Paris : Duculot, 1993.

Kwon-Pak, S.N. Les prépositions spatiales : sur quelques emplois de la préposition « par ». Thèse de doctorat. Strasbourg : Université Strasbourg 2, 1997.

Le Goffic, P. Grammaire de la phrase française. Paris : Hachette livre, 1993.

Melis, L. Les prépositions en français. Paris : Ophrys, 2003.

Makine, A. Le Testament français. Paris : Mercure de France, 1995.

Makine, A. Francusko zaveštanje. Prevela sa francuskog Anđa Petrović. Beograd : PAIDEIA, 2003.

NPR : Robert, P. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert. Texte remanié et amplifié sous la direction de J. Rey-Debove et A. Rey. Paris : Dictionnaires Le Robert, 1996.

Riegel, M., Pellat, J.-Ch., Rioul, R. Grammaire méthodique du français. 4e édition entièrement revue. Paris : Presses Universitaires de France, 2011.

Spang-Hanssen, E. Les prépositions incolores du français moderne. Copenhague : G.E.C. Gads Forlag, 1963.

TLFi. Le Trésor de la langue française informatisé. <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm>. 31. 03. 2016, 17. 02. 2017.

Wagner, R.-L., Pinchon J. Grammaire du français classique et moderne. Édition revue et corrigée. Paris : Hachette, 1962.

Wartburg, W. von, Zumthor, P. Précis de syntaxe du français contemporain. Berne : Éditions A.

Francke, 1958.
Weinrich, H. Grammaire textuelle du français. Traduit par Gilbert Dalgalian et Daniel Malbert. Paris : Les Éditions Didier, 1989.
Станковић, С. О српским преводним еквивалентима предлога par у роману Француско завештање Андреја Макина. Зборник радова Филозофског факултета Универзитета у Приштини XXXVII (2007). Косовска Митровица : Филозофски факултет, 2008, 157-169.
Станојчић, Ж. С. Граматика српског књижевног језика. Београд : Креативни центар, 2010.
Станојчић, Ж., Поповић, Љ. Граматика српскога језика. Уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе. Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2005.
Стевановић, М. Савремени српскохрватски језик I : Граматички системи и књижевнојезичка норма I, Увод, Фонетика, Морфологија. Београд : Научна књига, 1981.
Стевановић, М. Савремени српскохрватски језик II : Граматички системи и књижевнојезичка норма II, Синтакса. Београд : Научна књига, 1979.

Стойичевич И. И.
Филологический факультет Панъевропейского университета «Апейрон» (Баня-Лука, Босния и Герцеговина)

Stojicevic I.I.
Faculty of Philology, Pan-European Apeiron University (Banja Luka, Bosnia and Herzegovina)

Чович Л. И.
Филологический факультет Панъевропейского университета «Апейрон» (Баня-Лука, Босния и Герцеговина)

Chovic L.I.
Faculty of Philology, Pan-European Apeiron University (Banja Luka, Bosnia and Herzegovina)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДУХОВНОЙ И ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА БЕСЕД, ПРОПОВЕДЕЙ И ИНТЕРВЬЮ С ПАТРИАРХОМ СЕРБСКИМ ПАВЛОМ, ОЗАГЛАВЛЕННОМ «*ПЕШКОМ В ВЕЧНОСТЬ*»)

INTERCULTURAL INFLUENCE ON THE PROCESS OF TRANSLATION OF SPIRITUAL, HISTORICAL, AND PUBLICISTICAL ARTISTIC LITERATURE

(BASED ON THE MATERIAL OF SERBIAN PATRIARCH PAVLE'S ANTOLOGY OF SPEECHES, SERMONS AND INTERVIEWS "PUT I ŽIVOT")

Цель данной работы – проанализировать некоторые лингвокультурологические проблемы, возникающие при переводе с сербского на русский языки художественных текстов духовного и историко-публицистического содержания и возможные варианты их решения. Материалом для исследования послужили примеры из перевода книги бесед и проповедей блаженнопочившего Патриарха Сербского Павла «*Путь и жизнь*» («*Пут и живот*»), из двуязычных книг «*4 духовника*» А. Тарасьева (двуязычный текст автора) и «*Осиновая роща*» («*Јасиков шумарок*»), перевода прозы и подстрочники Г. Кубурович и И. Стойичевич; переложения стихов З. Кубурович, и, неоконченного в данный момент, перевода романа З. Кубурович «*Анна из рода Неманичей*» («*Господарица Ана*»). Решение упомянутых проблем дано в свете основной цели - перевода данных источников, т.е. попытки приблизить к сербскому/русскому читателю лингвокультурологическую специфику оригинала с перенесением в пространство понимания читателя семантики оригинала при сохранении специфики авторского языка изложения.

Ключевые слова: *перевод, эквивалент, транскрипция, традиция.*

Résumé. The purpose of this paper is to analyze some linguo-cultural problems faced by a translator who translates artistic texts on spiritual, historical and publicistical subjects from Serbian into Russian language, and the possible solutions illustrated by the example of the translation of the departed Serbian Patriarch Pavle's anthology of speeches and sermons *Put i život.* Examples from bilingual publications are used in the paper as well: *4 duhovnika* by A. Tarasjev (the author's bilingual text), *Jasikov šumarak* – prose translation by G. Kuburović and I. Stojičević, poetic translation by Z. Kuburović, and still unfinished translation of the novel *Gospodarica Ana* by Z. Kuburović. The best solution of these problems is offered in the context of the main purpose – the attempt to bring the linguo-cultural characteristics of the region the original text comes from closer to Serbian / Russian audience, including the transfer of original semantics into the sphere of the reader's comprehension, along with the preservation of the characteristics of the author's narration.
Key words: *translation, equivalent, transcription, tradition*

Книга-сборник проповедей и интервью блаженнопочившего Патриарха Сербского Павла – часть наследия этого выдающегося сербского духовника и важный документ противоречивого времени конца XX – начала XXI века в Сербии. Основой оригинального сербского издания книги были аудиозаписи и несколько интервью, опубликованных в различных периодических изданиях[1]. Книга содержит теологические и философские идеи и взгляды автора, одного из виднейших православных духовников и мыслителей современности, как и его взгляды на историю и современность Югославии и Сербии, изложенные разговорным стилем. Она, несомненно, является важным документом непростой эпохи 90-х годов на Балканах. В свете этого её культурологическое значение неоспоримо. Читателю, интересующемуся духовной тематикой, а так же современностью и историей Сербии и региона, эта книга может рассказать и объяснить многое.

В XX веке в СССР и России в школах и высших учебных заведениях (кроме тех, которые готовили специалистов по истории Балкан или балканским языкам) история и современность Сербии изучались слабо и поверхностно (например, история средних веков почему-то изучалась на примере Франции с одиночными «вкраплениями» истории других западно-европейских стран). Так что широкий читатель в России был относительно арверхностно информирован о темах, которым посвящена книга. Именно поэтому её перевод важен с точки зрения сближения культур, определения сходств и различий в идеях. Попутно, используя ссылки и приложения, переводчик постарался коротко рассказать об исторических личностях упоминаемых в тексте, сербских обычаях, а также событиях давнего и недавнего прошлого этой страны. Имея в виду всё это, переводчик ставил своей целью перенесение в лингвокультурное пространство носителей русского языка, семантической и речевой специфики оригинала при соблюдении языковых и культурологических норм и «обычаев» русского языка.

Для удобства изложения в дальнейшем тексте доклада язык оригинала – сербский – будет сокращённо именоваться ЯО, а язык перевода – русский – будет сокращённо именоваться ЯП.

При переводах художественных текстов духовного и историко-публицистического содержания, перед переводчиком, кроме стандартных, могут возникать следующие проблемы:

- перевод названия;
- канонические цитаты, перевод имён святителей, названий святынь в свете традиций ЯП;
- перевод устойчивых словесных комплексов (далее - УСК) (традиционные титулования, перевод пословиц, традиционных разговорных выражений, идиом);
- перевод специальной лексики в свете специфических задач и предполагаемого адресата перевода.

[1] *Профил*, 1997; *Информативни билтен* Москва, август 1996 (в оригинальный текст *Пут у живот* включёно в переводе на сербский язык дьякона Л. Новаковича); *Вива*, Београд январь 1997; *НИН*, апрель 1997.

При решении двух последних проблем необходимо помнить о сохранении авторского стиля изложения. При переводе книги *Пут у живот* переводчик считал своей главной задачей следующее: как можно точнее перенести в русское лингвокультурное пространство способ изложения, особенности речи, философских подходов и размышлений Патриарха Павла. Такая задача делает границы адаптации текста гораздо более узкими, чем в случае с художественными произведениями.

Далее переходим к анализу отобранного материала.

Перевод названия

Проблема перевода названий художественных произведений, привлекавшая внимание учёных с момента формирования транслатологии, как науки и ясно сформулированная в 80-е годы XX века, ни в коей мере не потеряла своей актуальности[2]. Её важность очевидна, как и необходимость комплексного и индивидуального подхода к каждому случаю её решения. Тема эта очень широка и заслуживает самостоятельного исследования. Тем не менее и в рамках данного доклада её нельзя было обойти стороной, поскольку перевод названия произведения является важной составной частью перевода произведения, а в наше время от него часто зависит, заинтересуется ли читатель произведением вообще.

При переводе названия художественного произведения нужно учитывать не только смысловую нагрузку названия, но и жанр произведения, как и лингвокультурологические особенности его восприятия потенциальным читателем.

Чтобы показать некоторые из возможных способов перевода названий духовных и исторических текстов, предназначенных для разного круга читателей, привлечены примеры ещё нескольких произведений, переводы которых опубликованы или находятся в процессе перевода.

Перевод названия Пут у живот (ЯО) [Патријарх Павле, 1999] - Пешком в вечность (ЯП) [Патриарх Сербский Павел, 2015]. Буквальный перевод названия был бы Путь в жизнь, Дорога в жизнь или Дорога (к) жизни. Недостатки этих вариантов в том, что, во-первых, они неудобопроизносимы по причинам фонетического характера; во-вторых, эти названия напоминают устоявшиеся лингвокультурологические фразеологизмы – дорога жизни (дорога по льду Ладожского озера во время блокады Ленинграда), Путёвка в жизнь (популярный советский кинофильм, 1931 г.), Дорога в никуда (известный роман А. Грина) и ещё некоторые. Поэтому названием выбрано сочетание Пешком в вечность, являющееся семантическим переводом названия оригинала, отражающее сущность названия оригинала, то есть на высокую миссию Патриарха Павла, а так же «ссылающееся» на его личность, известную своей скромностью[3].

Для сравнения приведено решение названия двуязычного сборника стихов отца иеромонаха Романа (Матюшина)[4] «Осиновая роща» («Јасиков шумарок»). Этот сборник

[2] Ларин Б.А. 1962, Фёдоров А.В. 1952, 1963, Мароевич Р 1988., Чович Б. 1989 и др.

[3] Патриарх Павел отличался большой скромностью: уже будучи владыкой, а впоследствии и патриархом, он часто ходил пешком и пользовался городским траснпортом.

[4] Иеромонах Роман (Матюшин) – иеромонах Русской православной церкви, поэт, автор стихов и духовных песнопений, член союза писателей России.

стихов известного духовного поэта, мыслителя и исполнителя своих духовных песен о. и. Романа (Матюшина) составлен специально для сербского читателя, а название составитель и автор переложения стихов З. Кубурович выбрала совместно с автором. Сербское название здесь является полным эквивалентом русского и полностью отвечает своему предназначению: Осиновая роща - название стихотворения о. Романа, вошедшего в сборник.

Третий пример – из находящегося в процессе перевода[5] названия исторического романа Кубурович З. Господарица Ана [З.Кубуровић, 2011], посвящённого Сербии эпохи Неманичей. Буквальный перевод невозможен, т.к. в русской традиции отсутствует титул и обращение господарица. Титулование госпожа не отвечает по смыслу и ассоциируется с широко известным в России романом Г. Флобера Госпожа Бовари, что может ошибочно представить жанр книги и характер главной героини. Нужно добавить, что, в отличие от переводов из области публицистики или документальных, где имена подвергаются транскрипции, в случае с художественными произведениями, перевод и адаптация имён возможны, а в некоторых случаях это является традицией (например, женские имена Елизавета, Генриэтта, или мужские Иван, Александр). Таким образом, и в данном случае использован русский эквивалент сербского имени Ана - Анна. Название Анна из рода Неманичей, принятое, как рабочее, отвечает смыслу и содержанию книги – оно сразу отсылает читателя к нужной исторической эпохе, указывает на главную героиню и её принадлежность к высокой аристократии, а так же адаптировано для русского читателя, так как сразу даёт понять, что речь идёт о Сербии. Однако, поскольку перевод данного произведения не окончен (роман состоит из 5 книг, из которых переведены 2), а переведённые части не публиковались, название является рабочим и если у кого-то из коллег есть предложения, они будут с готовностью рассмотрены.

Примером очень удачного заглавия может считаться авторская концепция заглавия двуязычной книги А. Тарасьева «4 духовника» [А. Тарасьев, 2013]. Книга посвящена русским духовникам, оказавшимся в Сербии в 1919 – 1920 гг., после поражения Добровольческой армии: схиархимандриту Амвросию (Курганову), схиигуменьи Екатерине (Ефимовской), протопресвитеру о. Петру Беловидову и протоиерею о. Владиславу Неклюдову, оказавшим неизмеримое влияние не только на духовную жизнь русской эмиграции в Сербии, на и на духовную жизнь самих сербов. В этом случае удачное использование в названии цифры 4 позволило создать единое название на двух языках, несущее важную семантическую смысловую нагрузку: поскольку книга посвящено русским духовникам в Сербии, общее название символизирует духовное единство в Православии.

Перевод канонических цитат, цитат трудов святителей и отцов церкви, названий святынь в свете традиций ЯП

Переходя к переводу канонических цитат и цитат из текстов святых отцов и известных духовников прошлого и современности, следует отметить, что каждая беседа и

[5] Перевод осуществляется автором доклада Стойичевич И.И.

проповедь в данной книге начинается с цитаты из Библии, поскольку именно так начинаются беседы и проповеди в православных храмах. В самом тексте автор нередко цитирует Евангелия и другие библейские тексты, как и святых отцов. Здесь всё ясно: произвольный перевод цитат канонических текстов, произведений отцов церкви и др. неприемлем. Однако, может возникнуть проблема в том случае, когда текст произведения святителя (обычно это святитель нового времени) не переводился на ЯП. При переводе книги Пут у живот таких проблем не возникало, но опыт переводческой деятельности показывает, что они возможны: например, далеко не все произведения преп. Иустина Челийского переводились на русский язык. Эта проблема ожидает решения (то есть, по-видимому, перевода этих текстов), а пока наилучшим, вероятно, следует считать использование цитат в форме пересказа или авторского перевода и сносок для пояснения ситуации.

Имена Спасителя, апостолов, святителей и монашеские имена при переводе данной книги переданы в соответствии с русской традицией, в то время как имена мирян даются в транскрипции:

Приведём примеры перевода имени Спасителя, апостолов, и святителей, и библейских имён:

ЯО	ЯП
Исус	Иисус
Јован	Иоанн
Петар	Пётр
Павле	Павел
Матеј	Матфей
Тома	Фома
Сава	Савва
Атанасије	Афанасий
Александар	Александр
Јосиф	Иосиф
Василије	Василий
Гаврило	Гавриил
Данило	Даниил
Јаким	Иоаким
Ана	Анна
Лазар	Лазарь
Марко	Марк
Никола	Николай
Арсеније	Арсений
Мојсије	Моисей

Примеры транскрипции имён мирян

Гојко	Гойко
Јован	Йован[6]

[6] По сложившейся, хотя и не вполне понятной традиции, сербское имя *Јован* транскрибируется на русский язык, как *Йован*, хотя, с фонетической точки зрения, форма *Ёван* является более точной.

Љиљана	Лиляна
Михајло	Михайло
Бранко	Бранко
Ђура	Джура
Алија	Алия

Названия религиозных праздников также переданы в русской традиции, кроме церковно-народного праздника Слава[7], и исключительно сербских атрибутов (например, *бадняк*[8]), которые даны в транскрипции и объяснены в приложении.

Например:

ЯО	ЯП
Духови	Пятидесятница
Аранђеловдан	День святого Архангела Михаила
Бадњи дан	Рождественский сочельник
Божић	Рождество
Ускрс (Васкрс)	Пасха
Велика Госпојина	Успение Богородицы
Мала Госпојина	Рождество Богородицы

Перевод устойчивых словесных комплексов (традиционных титулований, разеологизмов пословиц и крылатых фраз)

Сербское устойчивое словосочетание *Томина недеља* переведено, как *Неделя святого апостола Фомы*[9]. Упоминание святителя без соответствующего титулования не в традициях русского языка (кроме разговорного, допускающего, хотя и гораздо реже, сочетания типа *Юрьев день и Никола летний)* и не может быть употреблено беседе духовника, в то время, как в сербском такие контексты обычны, например (транскрибировано с сербского языка на русский): *Видовдан*[10]*, Никольдан*[11]*, Джурджевдан*[12] *и др.* Таким образом, перевод в духе русского языка потребовал серьёзной переводческой работы в сторону трансформации.

Подобный же случай с переводом названия одной из бесед*: «Благочестиви кнез Невски» - переведено, как «Благочестивый князь Александр Невский»* (отсутствие имени в русском понимании, может быть, истолковано, как недостаток уважения, в то время, как в сербском оно такого значения не имеет).

[7] Слава *(ср. Слава)*- сербский народно-церковный обычай и, после Рождества, самый важный семейный праздник, переносится с отца на сына, посвящен святому, в день празднования которого предки семьи приняли христианство. Свою Славу могут иметь так же города, области, церкви, монастыри (в этом случае она соответствует Престольному празднику русских церквей и монастырей), учреждения, организации и т.д. (С.И.)

[8] Бадняк *(ср. Бадњак)*- молодой дубок или связка дубовых веток. Вносится в дом на Рождественский Сочельник. Имеет большое значение в праздновании Рождества. (С.И.)

[9] О переводе собственно имени см. выше

[10] Видовдан *(ср. Видовдан)* – День святого Витта

[11] Никольдан *(ср. Никољдан)* – День святого Николая

[12] Джурджевдан *(ср. Ђурђевдан)* – День святого Георгия

Ещё один пример перевода устойчивого словосочетания *будите увек с нама*: Господе помози и благослови и свети Арханђели *будите увек с нама* [Патријарх Павле, 1999, с.31] – Господи, помоги и благослови! Святые Архангелы*, не оставляйте нас* [Патриарх Сербский Павел, 2015, с.76]. Устойчивое словосочетание «не оставляйте нас» в русском языке имеет значение `постоянной помощи и поддержки` и часто используется в текстах духовного содержания.

Далее мы анализируем перевод с использованием устойчивого словесного комплекса (в дальнейшем тесте: УСК) *резать по живому*, в видоизменённом виде использованное для перевода выражения ЯО, не имеющего характеристик УСК: «Али ум је хладан. *Сече понекад кроз срце, поред срца* [Патријарх Павле, 1999, с.35] - *Но ум холоден. Он рубит иногда и по живому, поперёк сердца»* [Патриарх Сербский Павел, 2015, с.85]. При переводе применён приём совмещённой омонимии с использованием УСК и прямого значения, что создало не вполне типичное выражение «поперёк сердца», передающее аутентичное звучание оригинала, вместо - *Он режет иногда по живому, по самому сердцу и под сердцем.*

Ещё один пример перевода «обычного» сочетания в ЯО УСК в ЯП: Ако треба *и животе да изгубимо,* нека од Тебе не одступим [Патријарх Павле, 1999, с.85] - Если даже придётся *положить жизнь, да не от Тебя и от пути Твоего* [Патриарх Сербский Павел, 2015, с.202]. Применён тот же приём совмещенной омономии, использованный при переводе фразеологизма *положить жизнь*[13]. В сознании представителей русского лингвокультурного пространства выражение *за други своя* имеет ярко выраженное патриотическое значение. Введением в переведенный текст сербского автора такого дополнения помогает пониманию и развитию ощущения общности с представителями сербского лингвокультурного пространства.

Следующий рассматриваемый пример - перевод сербской пословицы *Добар и луд браћа* [там же] переведена дословно, как *Добрый и дурак – родные братья* [там же], хотя сейчас очевидно, что лучшим вариантом было бы избрание близкой по значению русской пословицы, например: *Доброта без разума пуста*, к тому же отлично подходящей к контексту беседы, посвящённой необходимости соединения ума и доброты и несовершенству этих качеств друг без друга.

Подобный случай произошёл с переводом ещё одной популярной сербской пословицы: *Док се једноме не смркне, другом неће сванути* [Патријарх Павле, 1999, с.286]- *Пока один не пропадёт, другому счастья не видать* [Патриарх Сербский Павел, 2015, с.335]. И в данном случае, не найдя (по неопытности) среди русских пословиц адекватного эквивалента, переводчик применил дословный перевод, как попытку, фонетическими средствами придать предложению ритм пословицы. Выход неплохой, но выбор пословицы *Что одному горе, то другому радость* было бы, вероятно, лучшим решением.

И, наконец, случай почти полного семантического соответствия: Они кажу *ко пије умреће, ко не пије и пре ће* [Патријарх Павле, 1999, с.269] - Пьяницы говорят*: Кто не курит*

[13] Выражение подтверждается цитатой из Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» Ин. 15:13.

и не пьёт, тот здоровеньким помрёт [Патриарх Сербский Павел, 2015, с.295] - П. Павел использовал выражение на сербском, вложив его в уста тех, кто злоупотребляет спиртным.

Перевод УСК церковной лексики с учётом специфики текста и предполагаемого адресата перевода

Язык оригинального текста *Пут у живот*, естественно, изобилует церковной лексикой, выражениями, употребляемыми в текстах и беседах на религиозные темы, особенно принимая во внимание личность автора текста. Перевод в этом смысле никак не должен был уступать оригиналу и употребление «обычных» эпитетов и выражений, вместо принятых в таких случаях обращений и титулований было бы воспринято, как неподобающее.

Рассмотрим всего несколько самых простых примеров:

Браћо и сестре, ми верујемо *у једнога Бога у бићу, троичног по Лицима* [Патријарх Павле, 1999, с.7] переведено, как Братья и сёстры, мы веруем *в Единого Бога Сущего*, *Единого в трёх Лицах* [Патриарх Сербский Павел, 2015, с.20].

В случае с переводом Они су равни по бићу, а разликују се **у** томе што је *Отац нерођен, Син рођен, а Дух Свети исходи* - Они равны по существу, а отличаются по тому, что *Отец не рождён, Сын рождён, а Дух Святой исходит* - мы видим полный эквивалент, в основе которого, очевидно, лежит изначальная общность богослужебного языка и генетическое родство ЯО и ЯП.

Как показало проведённое исследование, работая над сербско-русским переводом, переводчик должен принять во внимание несколько факторов, которые повлияют на специфику перевода. При переводе названия - это будет смысловая нагрузка ,вызывающая возможные ассоциации у носителей русского культурного кода и печать «аутентичности», степень которой зависит от возраста потенциального читателя и тематики книги.

При переводе УСК нередко обнаруживается, что среди УСК ЯП можно найти или УСК, или его часть, который соотвествует языку оригинала с незначительными семантическими модификациями.

Анализируя перевод фрагментов текста, посвящённых философским и теологическим темам, приходится признать, что наилучшим переводом в абсолютном большинстве случаев является полный или частичный эквивалент с заменой глагольного компонента.

Памятуя о том, что целью перевода духовной и историко-публицистической художественной литературы в конечном счёте является сближение культур, переводчику необходимо поставить г р а н и ц ы а д а п т а ц и и т е к с т а (разрядка моя – С.И.), чтобы сохранить оригинальность стиля и связанную с этим манеру устной или письменной речи, а также представить различие в понимании и восприятии текста. Переведя все УСК в плоскость лингвокультурного пространства ЯП, подобрав для всех понятий эквивалентный или адекватный перевод, переводчик рискует потерять оригинальность и аутентичность авторского текста и сделать перевод слишком «своим». Для лучшего понимания читателем смысла историческо-публицистических текстов очень важно употребление ссылок и

пояснений. Как правило, при переводах с сербского на русский язык этим приходится заняться переводчику, поскольку авторам труднее разобраться в том, что и насколько глубоко нужно объяснить читателю, т.е., что он знает, о чём слышал, а о чём не имеет представления из современной и древней истории, культуры, быта и т.д. Сербии

Список литературы

Тарасьев А. 4 духовника / А. Тарасьев. Б.: СОМОФЕПН, 2013. 298 с.

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: 1977. с. 140-161

Патриарх Сербский Павел. Пешком в вечность / Патриарх Павел. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2015. 528 с.

Јеромонах Роман Матјушин. Јасиков шумарок / Јеромонах Роман Матјушин. Б.: Catena Mundi, 2015. 185 с.

Кубуровић З. Господарица Ана / З. Кубуровић. Б.: Laguna, 2011. 674 с.

Мароевић Р. Лингвистика и поетика превођења : (међусловенски превод) / Р. Мароевић. Б.: Научна књига, 1988. 238 стр.

Патријах српски Павле. Пут у живот / Патријах Павле. Б.: Мисионарски и духовни центар манастира Хиландара „Тројеручица“, 1999. 360 с.

Раздобудко-Човић Л. Руско-српска лингвокултуролошко-стилистичка и компаративна истраживања/Л. Раздобудко-Човић. Б.: Стилос, 2010, 367 с.

Човић Б. Поетска слика / Б. Чович. Н.С.: /у меня только фотокопия издания без выходных данных

Увод у упоредно превођење генетски близких језика / Л. Човић, Н. Нестерова, М. Алексић: БЛ.: Паневропски универзитет Апеирон, 2016. с. 145-154, с. 191- 205.

Лексикографические издания

Большой словарь русских пословиц / Мокиенко (проверила – точно) В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К.: М.: ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП», 2010. 1024 с.

Словарь православной лексики в русской литературе XIX И XX/ Баско Н.В., Андреева И.В.: М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 272 с.

Толковый словарь русского языка: современное написание / В.И. Даль. М.: Астрель: АСТ, 2007. 983 с.

Электронные ресурсы

Словари и энциклопедии на Академике: http://dic.academic.ru/

MEGABOOK Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия: Пословицы и поговорки русского народа В.И. Даля: http://megabook.ru/

Тарасова Елена Николаевна
Солунова Ирина Сергеевна
Московский технологический университет (МИРЭА), г. Москва (Россия)

Тарасова Элина Сергеевна
Лингвистическая школа, г. Мюнхен(Германия)

Tarasova Elena
Solunova Irina
Moscow Technological University(MIREA), Moscow (Russia)

Tarasova Elena
Linguistic school, Munich (Germany)

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНО-КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ОБУЧЕНИИ УСТНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКЕОМ ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО)

ON THE QUESTION OF COGNITIVE COMPETENCY TRAINING IN ORAL PROFESSIONAL COMMUNICATION PEDAGOGICHESKEOM INSTITUTION (FOR EXAMPLE, RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE)

В статье показано, каким образом использование когнитивного подхода в лингводидактике дает основания для глубокого понимания структуры различий в познании мира представителями различных лингвокультур. Немаловажную роль в этом понимании играют структуры организации смысла, выходящие за пределы уровневой структуры языка (фреймы, концепты) и связывающие язык напрямую с образом и способом познания. Неслучайно частое объединение коммуникативного и когнитивного подходов в лингводидактике: они являют различные стороны единого отношения к языку как носителю национально специфических структур понимания, но если в рамках коммуникативного подхода рассматривается ситуация успешной или неудачной *передачи* смыслов, то в рамках когнитивного рассматриваются и концептуализируются сами передаваемые смыслы. Применительно к методике РКИ автор делает попытку показать значимость при обучении профессиональной коммуникации когнтивно-компетентностного подхода.

This article shows how the use of the cognitive approach in linguistics gives rise to a deep understanding of the structure of differences in knowledge of the world representatives of various linguocultures. An important role in the understanding of the structure of the organization play a meaning beyond the layered structure of the language (the frames, concepts) and connecting directly with the language and way way of knowing. It is no coincidence the frequent association of communicative and cognitive approaches in linguistics: they are different aspects of a single relationship to language as medium of national specific structures of understanding, but if in the framework of the communicative approach addresses the situation of successful or unsuccessful transmission of meaning, within the limits of cognitive considered and conceptualized themselves convey meaning. With regard to the method of RCT author attempts to show the importance in teaching professional communication kogntivno-competence approach.

Ключевые слова: когнитивно-компетентностное обучение, когнтивно-компетентностный подход, коммуникативный, когнитивного подходы в лингводидактике, обучение профессиональной коммуникации.

***Key words*:** cognitive kompetentnostnogo training kogntivno-competence approach, communicative, cognitive approach in linguistics, teaching professional communication.

Актуальной задачей современной высшей школы является модернизация профессионального образования, направленная одновременно на усиление его практической ориентированности и сохранение традиций фундаментального образования. Одним из способов решения данной задачи является развитие компетентностного подхода, в рамках которого акцент переносится с собственно знаний на умения получать и применять их в образовательной и профессиональной среде, однако умалять роль знаний, способностей к познанию в профессиональной компетенции нельзя, так как именно из этих составляющих и складывается профессионал. Сегодня в обществе востребованы те специалисты, которые овладели умениями эффективно общаться с инофонами, коллегами по профессиональным вопросам, требующим осмысленных знаний, умений работать с профессионально значимой информацией. В связи с этим методика профессиональной подготовки преподавателя, педагогическое диагностирование его профессиональных умений нуждаются в дальнейшем теоретическом обосновании, развитии, уточнении, поскольку ни одна методика не будет плодотворной при условии недостаточной профессиональной компетентности преподавателя, в которой недооцена роль устной речи как формы профессионального общения.

Когнитивно-компетентностное обучение может быть организовано и происходить в рамках когнитивно-компетентностного концептуального подхода, когда обучаемый – это активный и сознательный участник процесса учения, а не объект обучающей деятельности преподавателя русского языка как иностранного (РКИ). При этом реализуются субъект-субъектные отношения между инофоном и преподавателем РКИ, а процесс учения носит личностно и социокультурно обусловленный характер, отчетливо выраженный в устной речи.Когнитивно-компетентностное обучение всегда сопровождается применением определенных методов познания и логических операций, которые представляют собой способ преобразования информации. Для встраивания новой информации в уже имеющуюся у обучаемого систему знаний необходимо, чтобы в его сознании существовали когнитивные схемы, способствующиеосознанию каждой применяемой в методике РКИ процедуры.Обучаемые самостоятельно стремятся к поиску истины, критически воспринимают противоречивые идеи. Они способны к анализу и проектированию своей деятельности, самостоятельным действиям в условиях неопределённости, приобретению новых знаний; обладают устойчивым стремлением к самосовершенствованию; стремятся к творческой самореализации.Знания, полученные при таком обучении, способствуют развитию высокого уровня интеллекта, формированию творческого потенциала, накоплению практического опыта, формированию необходимого в новых образовательных условиях методического мышления, связанного с устной профессиональной речью.

Когнитивно-компетентностное обучение предполагает:

1) активность, сознательность участника процесса учения (студента–будущего преподавателя РКИ);

2) мотивированность в усвоении знаний со стороныбудущего преподавателяРКИ, ориентированного на профессиональную деятельность;

3) передачу знанийпреподавателем РКИ через развитие определенных компетенцийстуденту-инофону;

4) развитость устной профессиональной коммуникации преподавателя РКИ.

Отметим, что идея нашего исследования состоит в научном обосновании, разработке и внедрении в практику преподавания методики когнитивно-компетентностного обучения устной профессиональной коммуникации будущих преподавателей РКИ. Овладеть устной коммуникацией в профессии – основная задача будущих преподавателей РКИ, выпускников педагогических вузов.

Профессиональная коммуникация – коммуникация, которую осуществляют специально подготовленные профессионалы. Профессиональной коммуникации обучают, когда необходимо эффективно устанавливать контакт, вести деловое общение. Представляется целесообразным рассматривать устную профессиональную речь с позиций теории коммуникации и когнитивно-компетентностного подхода.

Таким образом, мы смогли практическим путем убедиться, что не смотря на то, что есть заказ общества сегодня на формирование профессиональной компетентности будущих преподавателей РКИ в устной профессиональной коммуникации, недостаточно разработаны в методике проблемы формирования устной профессиональной речи будущих преподавателей РКИ, имеющие огромный методический потенциал. Кроме того, необходимость использования будущими преподавателями РКИ устной речи в профессионально-деловой коммуникации в качестве основы собственного высказывания сталкивается с и нехваткой при обучении методике РКИ такой педагогической технологии, которая обеспечила бы эту подготовку.

В данной статье делаем попытку анализа когнитивно-компетентностного обучения устной профессиональной коммуникации в педагогическом вузе (на примере русского языка как иностранного).

Когнитивная наука стала своеобразным современным проектом, в котором интегрированы различные представления в области теории познания с достижениями в области гуманитарных и естественных наук, с целью обобщить знания в области процесса познания. В конце XX века формируетсянаучная дисциплина - когнитивная лингвистика, многие из положений которой сегодня стали основой для развития методологии обучения русскому языку как иностранному.С точки зрения когнитивной науки, человеческая деятельность, в том числе по усвоению знаний, должна объясняться через способы и результаты деятельности индивида, а также его внутреннее самоощущение (состояние).

Таким образом, когнитивизм анализирует и описывает человека как действующего, деятельного, причем содержание деятельности связано с восприятием и переработкой информации, оперированием схемами, планами и тактическими моделями.Обучение иностранному языку есть когнитивный процесс получения новых схем и моделей категоризации мира, новых оснований классификации бытия. Когнитивность как способность к переработке и восприятию новой информации является основой, на которой строится возможность изучения иностранного языка.

Выходя за пределы собственно лингвистики, когнитивная лингвистика постулирует язык как важнейшее средство интеллектуального упорядочения мира. Именно в когнитивистике язык был осознан главным образом как условие и орудие познания мира.

Постулат о том, что язык позволяет эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания, ведет к пониманию того, что усвоение иностранного языка не только способствует взаимопониманию в межкультурной коммуникации, но и позволяет в значительной мере познать механизмы упорядочения знаний о мире в конкретной ментальности.

Задачи когнитивного подхода к обучению вербальной коммуникации можно сформулировать следующим образом:

– выяснение соотношения концептуальных систем с языковыми системами родного и второго языка у обучающихся;

– сопоставительный анализ процессов концептуализации и категоризации знаний в родном и русском языке у учащихся-инофонов;

– выявление и использование в педагогическом процессе системы универсальных концептов, которые отличаются схожими чертами в родном и русском языке и являются основанием для построения общей полиязыковой модели миропонимания.

Нами был рассмотрен универсальный характер вербальной коммуникации, подытожен современный взгляд на понятие национальной языковой картины мира и рассмотрен феномен межкультурной коммуникации, а русская языковая среда проанализирована как обучающий фактор при изучении РКИ. Вербальная коммуникация, основанная на вербальном способе психического отражения действительности, является одной из культурных универсалий, объединяющих все без исключения народы мира. *Развитие способности к вербальному отражению действительности тесно взаимосвязано с когнитивным становлением личности: развитие вербального знака является маркером развития структур сознания.* Как форма психического отражения реальности, вербальное отражение касается эмоциональной, ценностной и смысловой сфер личности и фиксирует модель действительности, отражающую собственную систему субъективных значений. Развиваясь из невербальной коммуникации, вербальная форма отличается от нее тем, что является «собственно человеческой формой» (Д.А. Медведев) отражения действительности, которая отображает (в свою очередь) знаковую структуру сознания и вместе с тем формирует ее.

Лингвисты современности соглашаются в том, что особенности языковой концептуализации мира сложным образом взаимообусловлены национальной картиной мира. Осмысление этой связи нашло отражение в понятии «языковая картина мира».

Языковые картины мира включают универсальные показатели, которые обусловливают возможность межкультурной коммуникации как таковой в различных ее формах. Вместе с тем материальная и духовная культура народа, его ценности, социальный строй, природно-климатические условия и общая ментальность детерминируют своеобразие языковой картины мира в рамках конкретной культуры.

Принципиальная важность исследования национальной языковой картины мира обусловлена тем, что в национальной специфике языка отражается и воплощается суть языка как семиотического кода, как инструмента коммуникации, наконец, как своеобразного инструмента мышления и познания, как «пространства мысли» (Ю.С. Степанов) [Степанов, 2010, с.37]. Национальный язык является органом самопознания и самовыражения культуры, вместилищем народного духа; язык, по знаменитому выражению М.Хайдеггера, есть «дом бытия» [Хайдеггер, 2007, с. 63], а национальный язык есть, по справедливому утверждению Ю.С. Степанова и О.А. Корнилова, «дом бытия народного духа» [Корнилов, 2003, с. 274]. Особенности национальных языковых картин мира, возможности их сопоставления, синонимии определяют характеристики межкультурной коммуникации.

В исследованиях последних десятилетий все активнее звучит термин «межкультурная коммуникация», который как понятие значительно шире языкового общения: успешная межкультурная коммуникация подразумевает понимание всего мира культуры, с которым вступаешь в общение.Важнейшей функцией межкультурной коммуникации является обогащение опыта в познании собственной культуры. Негативные формы межкультурной коммуникации (культурный шок) преодолевается постепенно по мере инкультурации индивида, однако методика преподавания РКИ может существенно помочь в этом процессе.

Естественной целью изучения другого языка является достижение ситуации билингвизма, который является лучшим путем к успешной межкультурной коммуникации, поскольку расширяет когнитивные возможности индивида.

Особым способом межкультурной коммуникации является погружение в иную языковую среду; в случае РКИ это русская языковая среда, которая создает для студентов, приехавших для изучения русского языка, контекст более широкий, чем нормативные учебные задания. Погружение в дискурс дает возможность осваивать различные виды коммуникативных кодов, участвующих в межкультурной коммуникации.

Кроме того, при решении задач, обозначенных в исследовании, проанализированы коммуникативный, функциональный и когнитивный подходы, а такжепсихолингвистические и лингводидактические концепции в теории вербальной коммуникации; рассмотрены ведущие направления научного осмысления вербальной коммуникации: теория речевой деятельности, антропологический подход в лингводидактике.

Теория речевой деятельности, являющаяся основой русской психолингвистики, дает понимание закономерностей порождения и понимания высказывания. В рамках этой теории речь есть один из видов психического отражения, а язык является инструментом познания окружающего мира, с помощью которого человек генерализует и распредмечивает окружающий мир. По мнению отечественных исследователей, речевая деятельность является первым и первичным видом знаковой деятельности.

Коммуникация, понимаемая как «внутренняя активность общества» [Леонтьев, 2003, с. 174] является неотъемлемой частью социального мира, а развитие речи – этапом

социализации индивида. Предложенная в Московской психолингвистической школе теория порождения речи основывается на исследовании процессов порождения и восприятия речи в соответствии с теорией коммуникативного намерения, определяет место внутренней речи в формировании самосознания.

Выделение понятия вторичной языковой личности в качестве основной цели лингводидактической работы свидетельствует об особой важности понятия языковой картины мира и об акценте на концептуальных системах мировых культур. *Вторичная языковая личность выражает понимание индивидуума как культурно-исторического субъекта, воплощающего в языке ценности и когниции культуры.*

Коммуникативный подход в лингводидактике, предполагая организацию процесса обучения иностранному языку как коммуникативное взаимодействие, является сравнительно новым для отечественной лингводидактики и традиционным в зарубежной практике. В последние годы коммуникативный подход к обучению РКИ применяется все активнее, знаменуя переход от традиционной ЗУНовской педагогики и практики «воспринимающего» изучения иностранного языка, с использованием текстов и преимущественным использованием устного общения. Коммуникативность как принцип лингводидактики не может пониматься узко прагматично, этот принцип взаимосвязан с приобщением к культуре, способам познания и картине мира изучаемого языка. В основе коммуникативного подхода находится убеждение, что использование языкового материала в общении есть наиболее продуктивный путь изучения языка.

Коммуникативный подход к обучению иностранным языкам, в том числе и РКИ, реализует теорию речевой деятельности в сочетании с гуманистическим подходом к обучению; его основным достоинством является подготовка обучающегося к различным ситуациям общения, формирование творческого подхода к иноязычной коммуникации, не сводящегося к знанию системы языка, хотя и взаимосоотнесенного с ней.

Функционализм как одна из важнейших парадигмальных черт современной лингвистики отмечен рядом ведущих исследователей. Обращение к исследованию функциональной природы языковых явлений взаимосвязано с актуализацией коммуникативистики.Исследование коммуникации как важнейшего вида деятельности человека составило предмет коммуникативистики и легло в основание коммуникативного подхода в лингводидактике.

Современные лингвисты постулируют возможность применения в лингводидактике принципов понимания языка и культуры, отраженных в когнитивной лингвистике. Использование когнитивного подхода в лингводидактике дает основания для глубокого понимания структуры различий в познании мира представителями различных лингвокультур. Немаловажную роль в этом понимании играют структуры организации смысла, выходящие за пределы уровневой структуры языка (фреймы, концепты) и связывающие язык напрямую с образом и способом познания. Неслучайно частое объединение коммуникативного и когнитивного подходов в лингводидактике: они являют различные стороны единого отношения к языку как носителю национально специфических структур понимания, но если в рамках коммуникативного подхода рассматривается

ситуация успешной или неудачной *передачи* смыслов, то в рамках когнитивного рассматриваются и концептуализируются сами передаваемые смыслы.

Таким образом, нами предпринята попытка обоснования теоретических основ когнитивного подхода к обучению вербальной коммуникации,представлены теоретические основания для понимания феномена устной вербальной коммуникации в контексте когнитивистики, а также проанализировать и выделить наиболее значимые отечественные и зарубежные психолого-лингвистические и лингводидактические концепции, применимые к обучению будущих преподавателей РКИ устной профессиональной коммуникации.

Современному преподавателю (преподавателю РКИ – в первую очередь) необходимо ориентироваться в широком спектре инновационных технологий, новых инновационных течений, чтобы лучше реализовать возможности предмета, который он преподает. Важнейшей составляющей педагогического процесса становится личностно ориентированное взаимодействие преподавателя со студентами (как показывает опыт, в том числе и в дистанционной форме).

Устная профессиональная речь преподавателя является не только традиционным и незаменимым, но и важнейшим способом обучения русскому языку как иностранному. Она выполняет не только информационную функцию (передача учебной информации), но и коммуникативную (средство построения стратегии общения), формируя коммуникативную компетентность студентов-инофонов.

Обратим внимание, что нами представлены «Требования к устной профессиональной речи преподавателя РКИ и условия ее формирования». Основные требования к устной профессиональной речи преподавателя РКИ связаны с необходимостью максимально эффективной коммуникации педагога с обучающимися, для которых русский язык является неродным. К компонентам профессиональной речи преподавателя РКИ относятся качество языкового оформления речи (правильность, нормативность, логичность, аргументированность, стандартность речевых формулировок); ценностно-личностные установки преподавателя РКИ (аксиологическая адекватность ситуации общения); коммуникативная компетентность; четкий отбор информации для создания высказывания (точность и ясность, краткость, конкретность); ориентация на процесс непосредственной коммуникации (ситуативность). Для формирования устной профессиональной речи будущего преподавателя РКИ, отвечающей всем обозначенным требованиям, необходимо соблюдение системы условий, которые обеспечат наиболее полную подготовку будущего преподавателя РКИ. В представленных «Уровнях языковой компетенции в изучении иностранного языка: общеевропейская и российская классификации» охарактеризованы основания для формирования методики развития устной профессиональной коммуникации в аспекте когнитивно-компетентностного обучения будущих преподавателей РКИ. Анализ профессиональной деятельности преподавателей РКИ показал, что, приступая к работе по окончании высшего учебного заведения, они нередко испытывают трудности в коммуникации, связанные, в частности, с отсутствием целенаправленной работы по формированию устной профессиональной речи.

Другим фактором осложнения профессиональной коммуникации являются, несомненно, языковые и культурные особенности студентов-иностранцев, общение с которыми накладывает свои отпечатки на ситуацию педагогической коммуникации.

Устная речь преподавателя РКИ, служащая для студента зачастую первым «окном» не только в русский язык, но и в русскую культуру, пока не получила системного теоретического осмысления и методического основания. Ориентация на анализ письменных текстов, на языковую и речевую компетенции в процессе обучения в вузе приводят к тому, что развитие устной профессиональной речи происходит зачастую бессистемно, уже в процессе профессиональной деятельности, в то время как устная профессиональная речьдолжна отвечать сумме разработанных критериев к устной профессиональной речи. Выработка Советом Европы в проекте «Изучение языков для европейского гражданства» («*Language Learningfor European Citizenship*») общеевропейских компетенций владения иностранным языком, как и рекомендация резолюции Совета ЕС 2001 года по использованию данных компетенций для создания национальных систем оценки языковой компетенции, поставило перед преподавателями русского языка как иностранного целый ряд теоретических и практических задач, обусловленных особенностями преподавания предмета.В документе «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка» определены шесть видов языковых субкомпетенций, которые должны быть сформированы у студентов, изучающих иностранный язык: лексическая, грамматическая, семантическая, фонологическая,орфографическая,орфоэпическая. Для уточнения содержания и строения курса РКИ, определения форм и средств его преподавания немаловажен вопрос о соотношении этих компетенций.

Компетентностный подход отличает современное преподавание русского языка как в качестве родного, так и в качестве иностранного.В лингводидактике закрепилось использование термина *компетенция*, понимаемого обычно как совокупность знаний, умений и навыков, которые вырабатываются в процессе обучения русскому языку, способствуют овладению им. В отечественной лингводидактической традиции выделяют четыре основных вида компетенции:лингвистическая (знание фонетики, лексики, грамматики); речевая (овладение речевыми умениями и навыками); коммуникативная (навыки речевого общения соответственно ситуации); культуроведческая (осознание языка как формы выражения культуры).

Таким образом, нами предпринята попытка реферативно, в рамках данной статьи, представить теоретические основы компетентностного подхода к обучению профессиональной коммуникации будущего преподавателя РКИ. Делаем вывод о необходимости соблюдения системы условий, которые обеспечат наиболее полную подготовку будущего преподавателя РКИ. К таким относятся следующие условия:

а) детерминирующие целенаправленность и управляемость процесса профессиональной подготовки студентов в области формирования устной профессиональной речи;

б) способствующие конструированию и оптимизации в процессе коммуникации педагогического взаимодействия;

в) относящиеся к технологической стороне подготовки студентов.

Список литературы

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: Мысль; СПб.: Лань, 2003. – 287 с.

Медведев, Д.А. Онтогенез вербального отражения действительности: автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.13 / Медведев Дмитрий Алексеевич. – СПб., 2006. – 50 с.

Спетанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». М., 2010

Тарасова, Е.Н. Психолого-лингвистические концепции в теории вербальной коммуникации (на материале русского языка как иностранного) / Е.Н. Тарасова // Преподаватель XXI век. – 2013. – Ч 1. – № 1. – С. 183–192.

Хайдеггер М. К вопросу о назначении дела мышления // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 4 (39). — С. 61-71.

http://xn--c1arjr.xn--p1ai/wp-content/uploads/2016/06/Diss-Tarasova....

Tomić Siniša
Latinović Branko
Panevropski univerzitet Apeiron, Banja Luka (Bosna i Hercegovina)

Tomic Sinisa
Latinovic Branko
Pan-European University Apeiron, Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

KONCEPTI MULTIMEDIJALNOG UČENJA

CONCEPTS OF MULTIMEDIA LEARNING

Informaciono-komunikacione tehnologije (IKT) i računarska multimedija pomijeraju granice obrazovanja, omogućuju individualizaciju nastavnih sadržaja, načina učenja i individualnog napredovanja. Danas nastavnici i udžbenici nisu jedini izvor znanja. Pokretanjem više receptora (višečulnosti) učenici lakše i brže uče i pamte, čime su efekti nastavnog procesa veći. Izvođenje nastave zasnovanoj na multimediji je ubjedljivije i zabavnije. Živimo u vrijeme užurbanog razvoja informacionih tehnologija, koje su postale sastavni dio života studenata koji svakodnevno koriste internet, smart telefone, personalne računare, elektronsku poštu, socijalne mreže i sl. u zabavne, poslovne ili obrazovne svrhe. Digitalne tehnologije su se uvukle u savremeno izvođenje nastave i u velikoj mjeri promijenile tradicionalne obrazovne koncepte.
Information and communication technologies (ICT) and computer multimedia shift the boundaries of education, allow individualization of teaching content, learning methods, and individual advancement. Nowadays, teachers and textbooks are not the only source of knowledge. By stimulating more receptors (multisensory), students learn and remember easier and faster, which makes the effects of the teaching process bigger. Teaching based on multimedia is more convincing and funnier. We live in a time of hectic development of information technologies, which have become an integral part of the lives of students who are regularly using the Internet, smart phones, personal computers, emails, social networks, etc. for entertainment, business, or educational purposes. Digital technologies have made their way into modern teaching and greatly changed the traditional educational concepts.

***Ključne riječi*:** IKT, multimedija, multimedijalni koncepti, model pamćenja, DDLM model

***Key Words*:** ICT, Multimedia, Multimedia Concepts, Model of Memory, DDLM Model

Postoji mnogo definicija multimedije, ali definicija koju je postavio *Fred T. Hofstetter* [1] pojašnjava mnogo stvari: Mutimedija je upotreba kompjutera za prezentovanje i kombinovanje teksta, grafike, zvuka i videa uz pomoć linkova i alata koji korisniku omogućavaju upravljanje, interaktivnost, kreaciju i komunikaciju."

U ovoj rečenici se mogu detektovati ključne komponente za izvođenje multimedije, a to su:

- kompjuter za upravljanje multimedijalnim sadržajima,
- mreža za pristup sadržajima i komunikaciju sa drugim korisnicima,
- alati za upravljenje sadržajima,
- znanje korišćenja i upravljanja potrebnim tehnologijama
- Interakcija, kreacija i komunikacija.

Prema standardu ISO/IEC JTC1 SC29/WG12 [2], multimedija predstavlja sposobnost postupanja sa različitim vidovima prezentacionih medija koji čine tip podataka, sa zadatkom da definišu prirodu informacije u njenom kodiranom formatu.

Multimedija se može posmatrati kao interdisciplinarna naučna oblast, koja osim poznavanja softverskih i hardverskih znanja zahtijeva poznavanje komunikacije, psihologije, dizajna, didaktike, marketinga itd.

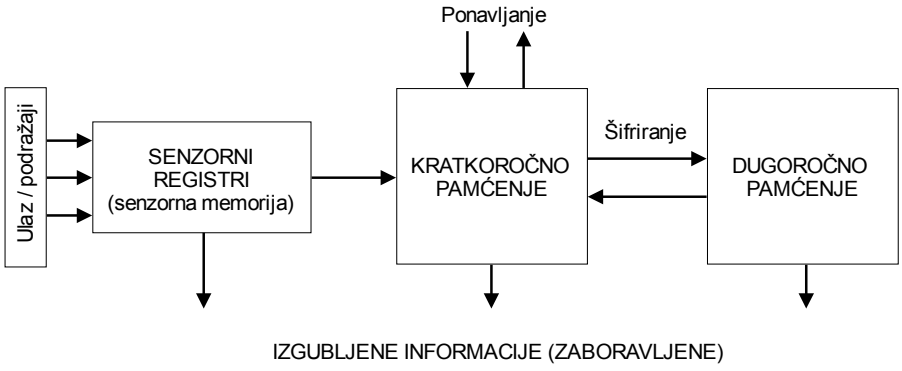
Tehnologije koje objedinjuju audio i video tehniku sa računarskom tehnikom nazivaju se multimedijalne tehnologije.

Moderno obrazovanje danas podrazumijeva upotrebu računara i korišćenje najnovijih informacionih tehnologija koji su postali svakodnevnica u životu učenika i studenata. Završetkom formalnog[1] obrazovanja, neformalno[2] obrazovanje dobija izuzetnu bitnost, naročito u kontekstu cjeloživotnog učenja koje se prema Evropskoj Komisiji [3] odnosi na *"svaku aktivnost učenja tokom cijeloga života radi unapređenja znanja, vještina i kompetencija u okviru osobnog, građanskog, društvenog ili profesionalnog djelovanja pojedinca."*

ATKINSONOV I SHIFRINOV KOGNITIVNI MODEL PAMĆENJA

Kreiranje kvalitetnih multimedijalnih sadržaja zahtijeva multidisciplinarni tim stručnjaka iz različitih oblasti (web dizajner, animator, programer, video montažer, projektni menadžer, dizajner zvuka itd.), koji moraju poznavati osnovna načela kognitivne teorije učenja i posebno voditi računa o kognitivnom opterećenju i njegovom djelovanju na recipijenta koji elektronske sadržaje treba što bolje shvatiti, razumjeti i zapamtiti.

Kvalitetan multimedijalni sadržaj bi trebao poticati aktivne kognitivne procese učenika na kreativno rješavanje problema i tako ga dovesti do smislenog učenja. Što se jače pokrenu kognitivne aktivnosti, recipijent bolje shvata i pamti nastavnu građu.



Slika 1: Atkinsonov i Shifrinov kognitivni model pamćenja

Prema Atkinsonovom i Shifrinovom kognitivnom modelu pamćenja [4] prvu fazu predstavlja senzorno pamćenje koje ima najkraće vrijeme zadržavanja ulaznih informacija.

[1] Obrazovanje u ustanovama formalnog karaktera (školsko obrazovanje) gdje je nastavni plan i program unaprijed definisan, gdje nastavu drže sertificirani nastavnici, a ishod obrazovanja prati svjedočanstvo.

[2] Prema Evropskoj Komisiji to je učenje, koje se ne odvija u obrazovnim ustanovama ili srednjim strukovnim školama i za koje se obično ne dobija sertifikat. Istovremeno je sistematično (u pogledu ciljeva, trajanja i sredstava učenja). Sa stajališta učenika usmjereno je ka izvjesnom cilju.

U području vida zadržavanje informacije iznosi približno 0,5 sekundi, a u području sluha oko 2 sekunde. Senzorno pamćenje predstavlja svojevrsno zadržavanje uzbuđenosti osjetilnog organa (receptora), koje omogućuje identifikaciju oblika predmeta i pojava, što znači da je kod školskog, a time i multimedijskog učenja, od posebnog značaja senzorno pamćenje u području vida i sluha. Vidno senzorno pamćenje traje vrlo kratko vrijeme nakon prestanka djelovanja podražaja, oko 0.5 sekundi, što je dovoljno da u takom kratkom vremenu dođe do procesa prepoznavanja oblika. Slušno senzorno pamćenje omogućuje prepoznavanje i lokalizaciju zvukova i ono traje nešto duže oko 1,5 sekunde, zato se i događa da zadnju riječ koju čujemo bolje pamtimo nego kada ju vidimo. [5]

Nakon registrovanja, informacije prelaze u fazu kratkoročnog pamćenja, gdje se kratko kodiraju, analiziraju i razdvajaju bitne od nebitnih informacija. Bitne se zadržavaju, a nebitne se po mogućnosti odbacuju. Odabrane informacije se prikladno kodiraju, kako bi im se kasnije lakše pristupilo.

Istraživanja profesora Baddeleya (Model radne memorije postavljen 1986. godine) su pokazala da kognitivno opterećenje[3] u prosjeku iznosi 7 +/- 2 elemenata (slova, slike, riječi, brojevi, ...). Dobrim organizovanjem multimedijalnih sadržaja moguće je značajno proširiti kapacitet kratkoročne memorije.

Dugoročno pamćenje se nalazi na kraju procesa i predstavlja bazu recipijentovog znanja i iskustva koje je u najboljem slučaju kodirano trajno. Ipak, informacije kodirane i zapisane u dugotrajnu memoriju zbog nedovoljno dobre organizacije mogu vremenom potpuno nestati (bivaju zaboravljene). I ovdje važi pravilo da se dobrom organizacijom može proširiti dugotrajna memorija i da se informacije mogu dugotrajno zadržati.

STANDARD KVALITETA MULTIMEDIJALNIH SADRŽAJA U ELEKTRONSKOM OBRAZOVANJU

Obrazovne institucije koje izvode nastavu u *online* okruženju moraju posebnu pažnju posvetiti dizajniranju, implementaciji i distribuciji multimedijalnih obrazovnih sadržaja. Kreirati kvalitetne multimedijalne obrazovne materijale je vrlo ozbiljan i težak posao. Sve većom zastupljenošću izvođenja nastave u elektronskom obliku, dolazi do toga da institucije koje izvode ovaj vid nastave, neminovno ulaze u konkurentnu tržišnu trku kreiranja što kvalitetnijih multimedijalnih obrazovnih sadržaja, što je izuzetno bitno.

S druge strane, mnoge obrazovne institucije su dominantno fokusirane na isporuku elektronskih obrazovnih sadržaja, vodeći računa samo o tehnološkim parametrima i vizuelnim kriterijumima[4], zanemarujući obrazovne ciljeve, što nikako nije dobro.

Znanja, iskustva i vještine koje učenici stiču su najmjerodavniji i najbitniji rezultati izvođenja elektronskog obrazovanja. Za postizanje dobrih rezultata neophodno je stvoriti adekvatno *online* učeničko okruženje i po mogućnosti ga personalizovati. Nažalost, nestandardizacija multimedijalnih sadržaja i procesa isporuke elektronskih sadržaja, dovodi do

[3] Kapacitet memorisanja.

[4] Pri tome vodeći računa da sadržaji samo lijepo izgledaju, zanemarujući osnovna Mayerova načela organizacije i pravila vizualizacije multimedijalnih obrazovnih sadržaja.

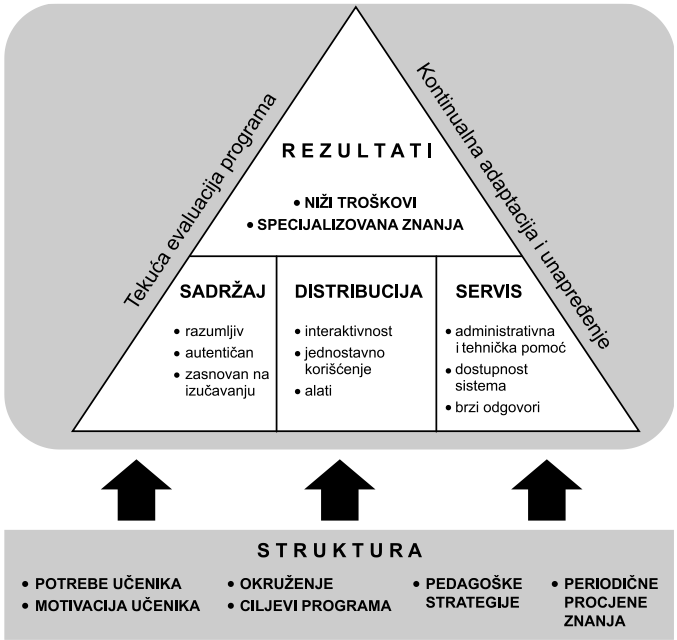
umanjenja efekata ovakvog izvođenja nastave. Ovaj problem je izražen svugdje u svijetu, pa tako i kod nas.

Danas, više neko ikada, potrebno je standardizovati nastavne elektronske sadržaje, postaviti standarde kvaliteta i odvojiti kvalitetne od loših sadržaja. Visokoškolske ustanove moraju preuzeti aktivnu ulogu razvoja i korišćenja informacionih tehnologija u nastavnim procesima. Oni moraju dizanirati nove modele elektronskog učenja kako bi zadovoljili potrebe konzumenata za takvim vidom izvođenja nastave i učenja.

Uobičajeno je da se kvalitet nastavnih aktivnosti, bilo da je u pitanju klasično izvođenje nastave ili elektronsko obrazovanje, utvrđuje na osnovu anketa sprovedenih nad učenicima. Na osnovu analiza njihovih odgovora dobijenih na pitanja o kvalitetu i efikasnosti održane nastave, dobijaju se određeni rezultati koji predstavljaju učeničko poimanje efikasnosti i kvaliteta nastave sa kojim se nastavnici i kreatori multimedijalnih materijala i *online* nastavnih logika često ne slažu. Istraživanja sprovedena u Sjedinjenim Američkim Državama pokazuju da se kvalitet nastavnih programa izvedenih online u odnosu na nastavne programe izvedene klasičnim izvođenjem najbolje mogu utvrditi putem kontrolnih uzoraka, odnosno mjerljivim postignućima učenika te dvije grupe.

DDLM - Standard kvaliteta elektronskih obrazovnih programa

Standardima kvaliteta i problematikom izvođenja elektronskih obrazovnih programa posebno se bavila sljedeća grupa američkih i kanadskih autora. *Colla MacDonald* i ostali [6] su postavili standard kvaliteta u oblasti dizajniranja, razvoja i distribucije elektronskih obrazovnih programa - *DDLM (engl. Demand-Driven Learning Model)*. *DDLM* jasno definiše strukturu izvođenja *WEB* bazirane nastave.



Slika 2: *DDLM* - Standard kvaliteta elektronskih obrazovnih programa [6]

DDLM posmatra izvođenje elektronskih obrazovnih programa iz više uglova i različitih nivoa:

- Struktura - shvataju se osnovne potrebe polaznika *online* obrazovanja, stvara se stimulativno okruženje koje utiče na motivaciju učenika. Razrađuju se druge pedagoške strategije i vrše periodične provjere znanja polaznika putem testova, kvizova i sl.
- Sadržaji - moraju biti razumljivi, autentični i zasnovani na prethodno usvojenim znanjima.
- Distribucija - treba osigurati i podsticati intraktivnost, jednostavnost korišćenja sistema učenja na daljinu, alate za navigaciju kroz sistem i manipulaciju elektronskim obrazovnim multimedijalnim sadržajima.
- Servis - mora osigurati administrativnu i tehničku pomoć, dostupnost sistemu uz obaveznu optimizaciju. Optimizacija elektronskih sadržaja i procesa u otvorenim ili zatvorenim sistemima učenja na daljinu je izuzetno bitna. Npr. video materijali snimljenih nastavnih aktivnosti mogu biti neupotrebljivi u *online* obrazovanju ukoliko nisu kompresovani prema standardu[5] objavljivanja video sadržaja putem *WEB*-a. U tom slučaju korisnik ih ne može koristiti ili je korišćenje toliko otežano da postaje besmisleno. Tada se služba servisa može naći u vrlo nezgodnom položaju, jer otklanjanje navedenih problema nije niti lako niti brzo. Servis mora obezbijediti kanal za komunikaciju i na postavljene upite dati brze odgovore (najčešće putem *e-maila* rezervisanog za tehničku podršku, mada se podrška može dati i putem telefona, video linka, čata, foruma i sl.).
- Rezultati - kozumenti online obrazovanja očekuju niže troškove studiranja (put, hrana, smještaj, vrijeme, elektronski udžbenici, ...), dok s druge strane očekuju specijalizovana znanja i vještine, ravnopravne izvođenju klasične nastave u učionici, koja će im omogućiti konkurentnost na tržištu rada.

Izvođenje ovakvog vida nastave i zadovoljenje kvaliteta na svim nivoima, kako ih opisuje *DDLM*, iziskuje značajna novčana ulaganja koja su glavna prepreka kvalitetnom *online* obrazovanju, što je naročito izraženo u ekonomski nerazvijenim zemljama.

S druge strane, čak i ako se obezbijede neophodna novčana ulaganja, postoji isto toliko veliki i ozbiljan problem, a to je manjak stručnih ljudi koji razumiju principe multimedije i modernog elektronskog obrazovanja i koji bi trebali biti spremni uložiti ogroman napor u kreiranje kvalitetnih multimedijalnih obrazovnih sadržaja prema postavljenim standardima kvaliteta. Komunikacija i interakcija polaznika i odgovornih nastavnika u ovakvim sistemima je neophodna, ali na žalost često je nedovoljna ili nikakva.

Sistemi učenja na daljinu otvaraju i neka druga pitanja, a to su zaštita podataka, zaštita autorskih prava, politike privatnosti, autonomnost okruženja i sadržaja, kapaciteti servera, limiti protoka podataka kroz mrežu, izbor tehnologija, licencirani softver, usklađenost sa zakonima o *online* obrazovanju i sl. *Online* obrazovanje zahtijeva konstantno nadgledanje nastavnih procesa i pravovremeno izvođenje neophodnih korekcija.

ZAKLJUČAK

Modernizovanjem nastavnih metoda podržanim odgovarajućom hardversko-softverskom podrškom, uz primjenu multimedijalnih nastavnih resursa, definišu se glavni pravci razvoja

[5] Pravilan izbor kompresora i definisanje odgovarajućeg protoka - *engl. bit-rate*

savremenog obrazovanja. U vremenu intenzivnog razvoja informacionog društva, gdje je konzumentima edukacionih sadržaja pristup omogućen putem *Interneta* velikog propusnog opsega uz korišćenje savremenih informaciono-komunikacionh tehnologija, dolazi se do potrebe dizajniranja savremenih obrazovnih okruženja, čime *Internet* dobija veću ulogu u oblasti edukacije.

Ukoliko se kreatori multimedijalnih obrazovnih sadržaja pridržavaju osnovnih principa multimedijalnog učenja i pri tome se drže *DDLM* standarda kvaliteta elektronskih sadržaja, tada će efikasnost i efektivnost multimedije biti na visokom nivou. Mogućnosti multimedije su ogromne, ali za dobijanje punih rezultata potrebno je uložiti veliki napor u sagledavanju potreba korisnika, odabiru ciljeva i tehnologija, kreiranju multimedijalnih materijala poštujući didaktiktičke principe, organizaciji i publikovanju sadržaja i na kraju administraciji i nadogradnji. Najbitnija karika u ovom procesu je svakako nastavnik, koji treba shvatiti i iskoristiti prednosti multimedijalnih tehnologija, stvoriti pozitivan i kreativan ambijent koji diže pažnju učenika i nastavu čini zanimljivijom. Nažalost, kako kod nas, tako i u svijetu, potencijal multimedije se ne koristi u onolikoj mjeri koliko bi trebalo. Ipak, multimedija je duboko ušla u nastavne procese i taj trend se razvija uzlaznom putanjom. Skoro sve visokoškolske ustanove su uvele manje ili više uspješno *WEB* bazirane sisteme učenja na daljinu, koji studentima isporučuju dragocjene multimedijalne sadržaje, koji olakšavaju studiranje i dižu ga na viši nivo. Najzastupljeniji model izvođenja nastave zastupljen u visokom školstvu Republike Srpske i Bosne i Hercegovine jeste hibridni model, koji kombinuje tradicionalno izvođenje nastave u učionici sa elektronskim učenjem.

U budućnosti treba očekivati širenje uticaja multimedijalnih tehnologija u obrazovanju i jačanje ulogu nastavnika u implementaciji elektronskog učenja. U kontekstu cjeloživotnog učenja[6] i nastavnici moraju učiti nove tehnologije, sticati nova znanja, razvijati se i ići u korak sa vremenom. Taj proces je danas dominantno zasnovan na *WEB* baziranom multimedijalnom elektronskom učenju.

Spisak literature

C. J. MacDonald, E. J. Stodel, L. G. Farres, K. Breithaupt and M. A. Gabriel, The Internet and Higher Education, vol. IV, 2001.

COMMISSION OF THE EUROPEAN COMMUNITIES, "A Memorandum on Lifelong Learning," COMMISSION OF THE EUROPEAN COMMUNITIES, Brussels, 2000.

F. T. Hofstetter, Multimedia Literacy, Irwin Professional Pub, 2001.

R. Atkinson and R. Shiffrin, "The psychology of learning," vol. 8, 1968.

V. Mateljan, Ž. Širanović i V. Šimović, „Prijedlog modela za oblikovanje multimedijskih WEB nastavnih sadržaja prema pedagoškoj praksi u RH," u Informatologia, Zagreb, 2009.

Z. Bojković and D. Martinović, Osnove multimedijalnih tehnologija, Beograd: Visoka škola elektrotehnike i računarstva strukovnih studija, 2011.

[6] Na zasedanju Evropskog vijeća u Lisabonu 2000. godine donijet je **Memorandum o doživotnom učenju** (Memorandum on lifelong learning, Europian Comision, Paris, 1996) koji potvrđuje da je Evropa ušla u "vrijeme znanja" sa svim onim implikacijama koje ta činjenica ima na kulturni, ekonomski i društveni život. Evropsko vijeće je takođe zaključilo da je unapređenje doživotnog učenja nužno za uspešnu tranziciju ka društvu i ekonomiji utemeljenim na znanju... Doživotno učenje mora postati vodeće načelo cjelokupne organizacije obrazovanja i sticanja znanja i glavni način za razvoj građanstva, društvene povezanosti i zapošljavanja. Naglim razvojem informatičke tehnologije, koja svoju primjenu nalazi u gotovo svim područjima ljudske delatnosti, edukacija izlazi iz okvira tradicionalne nastave i postaje nazavisna od vremena i prostora.

Ващенко Дарья Юрьевна
Институт славяноведения РАН, г. Москва (Россия)

Vashchenko Daria Yurievna
Institute of Slavic studies RAS, Moscow (Russia)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЛОКАЛИЗАТОРОВ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДВУЯЗЫЧНОЙ АНТОЛОГИИ)

Доклад посвящен анализу функционирования пространственных локализаторов в структуре лирических текстов. Материалом для анализа послужила двуязычная антология современной словацкой поэзии. Исследование состоит из трех частей. Сначала мы рассматриваем функционирование пространственных локализаторов в составе заглавий поэтических произведений, важными являются состав локативных номинаций, их структура, а также тематическая и авторская отнесенность. Далее анализируются способы трансформации пространственных локализаторов при переводе на русский язык, выделяются случаи, когда сохраняется их исходное число, но при этом происходят смысловые сдвиги, и случаи, когда состав пространственных локализаторов в стихотворении увеличивается либо уменьшается. Затем мы иллюстрируем наши наблюдения на примере разбора в указанном аспекте двух сонетов из антологии.

The report focuses on the analysis of the functioning of spatial localization in the structure of lyric texts. Material for analysis served as a bilingual anthology of modern Slovak poetry. The study consists of three parts. First, we consider the operation of the spatial localization in the composition of poetry titles, are important part of locative nominations, their structure, as well as thematic and author relatedness. Further analysis of transformation methods of spatial localization in the translation into Russian, there are cases where retained their original number, but at the same semantic shifts occur, and cases where the composition of the spatial localization in the poem increases or decreases. Then we illustrate our observations on the example of analysis in this aspect of the two sonnets from the anthology.

Ключевые слова: перевод, поэзия, пространственная локализация, картина мира

***Key words*:** translation, lyrics, spatial localization, world's picture

Предметом рассмотрения в статье будут являться пространственные локализаторы, функционирующие в лирических текстах. Ср. у М. Ю. Сидоровой тезис о том, что «все больше внимания привлекает изучение целостной грамматической организации художественного текста с точки зрения участия грамматики в формировании картины мира, структурировании авторского замысла, ее роли в тактике и стратегии развития событий и мотивов в произведении» [Сидорова 2000, с 95]. Исследованию путей концептуализаци пространства в лирике отдельных авторов посвящена в последнее время достаточно обширная литература – здесь упомянем только [Дудорова 2006, Соколова 2007 и др.]. Мы бы хотели сосредоточиться на переводоведческом аспекте проблемы и рассмотреть возможные трансформации пространственных локализаторов при переводе лирики на близкородственные языки, и вытекающие из этого смысловые и коннотативные отличия между переводом и оригиналом в данном аспекте. Так, Л. Н. Синельникова пишет, что: «Взаимоотношения с пространством, характер его восприятия и переживания могут как различать, так и сближать национальные поэтические культуры» [Синельникова 2015,

с. 100]. Постараемся продемонстрировать, как происходит трансформация пространственной картины мира, стоящей за текстом, ввиду этнокультурной специфики языка переводчика.

Удобный материал в этом плане предоставляют двуязычные поэтические антологии серии «Из века в век», является серия поэтических антологий «Из века в век», выходивших с 2005 по 2010 гг. под общей редакцией С. Н. Гловюка. В этот период в издательстве «Пранат» увидели свет чешская, словацкая, польская, украинская, словенская, сербская, хорватская, болгарская, словенская, белорусская антологии. Все они устроены по единому принципу – слева на развороте находится стихотворение на языке оригинала, справа – на языке перевода – и фактически являются параллельным двуязычным корпусом поэтических переводов. Кроме того, состав переводчиков в большинстве из них является фиксированным и позволяет, помимо прочего, отдельно рассматривать индивидуальные переводческие стратегии в решении тех или иных вопросов.

Анализ основывается на материале антологии словацкой поэзии, вышедшей в 2006 г. Примеры, за редким исключением, будем приводить без указания автора и переводчика, дабы избежать оценочности, неизбежно возникающей в подобного рода работах. Здесь мы бы хотели сделать акцент не на удачности / неудачности того или иного переводческого решения, но вскрыть некоторые общие принципы и закономерности переводческой работы с пространственными локализаторами в лирике.

Сначала рассмотрим функционирование локативов в составе заглавий поэтических произведений, включенных в состав антологии: по И. Р. Гальперину [Гальперин 1981], заглавие произведения составляет «абсолютно сильную позицию», поэтому объем и состав собственно локативных заглавий будет напрямую связан с образом мира антологии, т.е. с той картиной, которая потенциально будет возникать в сознании читателя при условии прочтения им поэтической антологии от начала до конца.

Наши данные показывают, что локативные номинации являются в тексте антологии авторски связанными, и наличие в выборке стихов конкретного автора как минимум одной локативной номинации с большой степенью вероятности предполагает появление как минимум одной-двух аналогичных. Большинство локативных номинаций среди заглавий составляют:

А) имена собственные либо наименования, включающие их в свой состав: Dantého rodný dom, Monte Carlo, Varna, Étretat v zime, Slnko nad Bratislavou, Krajina svätého Cyrila a Metoda, а также Štiavnická reflexia. Ср. также в подборке стихотворений Павла Яника подряд: 1. Kosovo 2. New York. При этом Татры как маркированный топос встречаются в составе локативных номинаций несколько раз, ср.: O Tatrách, Krajina pod Tatrami. Ряд номинаций содержит русские локусы, что, скорее всего, мотивировано интенциями составителя и его ориентацией на рецепцию словацкой поэзии в русскоязычной среде: Zápis v cestovnom denníku o jazere Bajkal, *** Radioteleskopy v Gorkom, Murmansku, Moskva októbrová.

В) Несколько меньше представлены номинации, предполагающие локализацию героя в пределах дома или комнаты, причем эта локализация предполагает употребление

определенной пищи и связанный с приемом этой пищи тип коммуникации: Večer pri samovare, Láska pri coca-cole, Pri čaji, Pri víne, V krčme cmitier. Ср. также названия Sauna, Kúsok chodby, или более общие номинации дома как абсолютно своей, освоенной территории: Doma, Dom, Prísť domov. Здесь мы наблюдаем сходную тенденцию: в подборке у одного автора, как правило, встречается несколько однотипных, похожих локативных номинаций. Так, ср. в подборке у Винцента Шикулы: 1. Dvere 2. Stôl. Ср. также у Йозефа Лейкерта: 1. Brázda 2. Dom. Отдельно выделяются названия культовых построек (Kaplnka, Tri kostoly), а также номинации, отсылающие к родной стране, к родному краю: A predsa Krajina. Последние также оказались авторски ориентированными, ср. у Войтеха Кондрота: 1. Krajina 2. Môj žitný ostrov.

C) Наконец, третью группу локативных наименований в антологии составляют «номинации внутреннего пространства» либо наименования с подчеркнуто неопределенной локализацией героя: Šnúra na počiatku nevypovedaných viet, Zakliaty v sklenom vrchu, Nad vlastnou básňou, Pomedzie, Stred zeme, Čo je tam?, Svet, ktorý si vymýšľam, Nejaká stanica nejakého mesta, Peklo raj, Medzi silou a silou, Fragmenty makrokozmu, Nájsť správne miesto. Речь тут идет о пересечении и взаимном наложении внутреннего и внешнего пространств, и стихотворения предполагают углубленные поиски героем своего «я» в обоих типах.

Из несоответствий при переводе отметим только перевод названия стихотворения Вилиама Турчани, стихотворение названо по первой строчке, представляющей развернутую локативную номинацию – в переводе в силу действия механизма поэтической компенсации данная строчка оказалась полностью утраченной: Zo všetkých strán a v každom čase / Бредем за вашей красотою…

Теперь рассмотрим возможные трансформации пространственных локализаторов при переводе на русский язык. Существуют две принципиальные возможности: 1) состав локализаторов в оригинале и переводе идентичен, однако между ними имеются смысловые различия 2) объем и состав локализаторов в переводе не-идентичен оригиналу.

1.1. Первую возможность составляет неполная синонимия пространственных обозначений в оригинале и в переводе. Здесь может наблюдаться тенденция к конкретизации локуса, ср.: Raz pri vode, kde holdoval som letu na starom hrnci ako na noži / У ручейка, где летом жил я сладко, стекло, как нож, торчало на пути, где общее обозначение «вода» заменяется на более конкретное название определенной разновидности водоема; Vonku sa dýcha do vôle / Дышать на улице пора, в оригинале фактически «на свободе», в переводе смысловая неоднозначность снимается и высказывание приобретает конкретный характер (на улице, т. е. вне дома); Zahanbené až po korene stromov / Пристыженный до корней аллеи самой, деревья как таковые трансформируются в организованную группу деревьев. Но и, напротив, движение от конкретного к абстрактному тоже является допустимым приемом, в частности, представлены случаи, где имя нарицательное заменяется собственным: Už tichá voda do Dunajka nepadá / И песня вод замолкла на струне, при этом замене подлежит прецедентный для Центральной Европы топос, насыщенный богатыми смысловыми коннотациями. Ср. также: Bezpečná Zem sa kdesi stráca / Из-под ног

уходит земля. В следующем примере мена никак не связана с движением от конкретного к абстрактному и связана с выбором в тексте перевода другого объекта из класса подобных: Možno pešo možno autobusom / Может быть пешком иль на машине.

1.2. Иной случай наблюдается, когда при полном тождестве локусов как таковых в переводе представлены иные пространственные отношения (направление vs местоположение). Характерно, что там, где в оригинале речь идет о движении в пространстве фактическом либо ментальном, в переводе представлено именно местоположение в этом пространстве. Ср. ряд примеров: kým črienka váhavo zakrojí posúvame ich ku okraju / на краю оставляя грусть и растерянность от потери, в оригинале речь идет о перемещении объектов (в данном случае воспоминаний), в переводе делается акцент на статическом моменте. Prichádzaš z krvi, vyjasnená predstava, a nedočkavo narážaš sa uz o telo / Кровью моей и мечтами вскормлен, ты заполняешь собой все тело. В оригинале объект наталкивается на тело женщины, сражается с ним, в переводе имеет место его естественное расширение. A ked´ raz pôjdeš s ním do postele najdeš ma v sebe ako úsmev kyslý / и с кем бы ни стонала ты в постели, ты вдруг поймешь что я всегда с тобой в переводе постель отображена не как цель действия, но как его константа, постоянное и естественное место. Точно так же в примере K zimnému moru pod´ môj popol rozptýliť čaká tam ľahká lod´ / Зимнее море. Тут прах мой развеешь пылью зимнее море в переводе предстает как некоторая априорная данность, но не как локус, исходно чуждый для героев. Ср. также: Poriadny chlap nech sa ženie radšej domov k dobrej žene / В мире видят лишь одну мудрую свою жену, здесь мы, помимо прочего, наблюдаем трансформацию предиката перемещения в перцептивный, и, соответственно, мену динамической конструкции на статическую, при этом узкий топос (дом) заменяется широким, глобальным (мир).

2. Вторая возможность (оригинал и перевод не совпадают по объему локализаторов) распадается на две большие подгруппы: в переводе объем локализаторов шире по сравнению с оригиналом, и наоборот, в переводе объем локусов уже. Рассмотрим сначала возможные случаи расширения пространства в тексте перевода.

2.1.1. заполнение дополнительной локативной валентности у глагола – это может предполагать мену глагола, однако замена предикативного ядра здесь не является обязательной. Ср.: Do Modrého kostolíka pozývajú zvony / Синий костел звал люд из сел, в исходном тексте не указано место, откуда люди должны прийти в костел, по всей вероятности, появление дополнительного локуса продиктовано здесь стремлением сохранить рифму, тем не менее пространство стихотворения фактически расширяется. Ср. также следующий пример, где в переводе вводится уточняющий гипероним в качестве дополнительного однородного члена: Zašiel na bicykli do nemocnice / На велик и в дорогу, в больницу прямо, попадание в больницу предстает в переводе как итог определенного пути.

Уточняющий локус может вводиться также в составе генитивной метафорической конструкции: Z nej plynul zivot. Vesta za slovom To napor bytia vyklenul ho, hvala, až nad chudobou stala katedrala s kupolom slzy v oku Panovom / Свет истины нас на вершины поднял и вот над нищетой словацких гор вознесся белокаменный собор на куполе горит слеза

Господня, топика стихотворения заполняется дополнительным рельефом, причем прецедентным для словацкой культуры.

2.1.2. Введение локализатора предполагает трансформацию актантной структуры предиката, ср.: Ostane po mne len výčitka nemá / Останусь я в твоем горячем теле воспоминаньем, мыслями, тоской, при этом фактический смысл строчек меняется: в оригинале герой остается в сознании возлюбленной очень фрагментарно, что подчеркивает пассивная конструкция и наречие len «только», в то время как в переводе он заполняет ее ментальный мир достаточно активно, см. ряд однородных членов и активный залог.

2.1.3. Вводятся не локализаторы как таковые, но генитивные метафоры с локативным значением: Videl som krásu v slove skrytú a jeho múdrosť prebývala so mnou / Я видел красоту в глубинах слова и в бездну мудрости его входил как в храм.

Альтернативный способ мены состава локусов в переводе составляет уменьшение их числа, данное решение представлено в тексте антологии в меньшем объеме, нежели увеличение состава локусов.

2.2.1. Наиболее распространенным случаем сужения состава локализаторов в переводе являются переводческие решения, когда некоторое общее обозначение пространства имплицируется в переводе. Ср. пример, когда в переводе выпадает локализатор с буквальным значением «пространство»: Priestor naplnia prizraky lsti a na vlnách podlosť a lož sa hlasí / призрак лести теряется, подлость – вместе, т.е. фактически в оригинале призраки заполняют собой потенциально конкретизируемое пространство, в то время как в переводе они исчезают в неопределенном континууме.

В двух следующих примерах в переводе выпадает локус «дорога»: A nie je ťažká žiadna rana na cestách ak si za nou siel / И раны не страшны любые когда идешь ее искать. Ср. также Večerný vlak. My dvaja. Cesta. Starosti more privážam z mesta okno a dážď / Вечерний поезд. Мы двое. Да везу сто дел я из города, тем самым образ дороги, пути, с одной стороны, выпадает из концептуальной структуры стихотворения, с другой – акцент переносится на сам факт действия, также совершаемого в относительном – или условном – подпространстве.

2.2.2. Локализатор входит в состав фразеологизированного сравнения, которое в переводе заменяется синонимичной конструкцией, ср.: Stojí tu ako svätý za dedinou / Стоит тут как неприкаянный, также: Keď v novej láske spijem sa jak v bare / Только новой любовью упьюсь на рассвете, в переводе действие носит более абстрактный характер. Ср. также пары соотнесенных строчек: Prečo tak neskoro si cestu skrížila mi / Каким коварством боги захотели наслать тебя и чтобы я ослаб, и Nech ďalej pokračuje naznačená tráť / Пускай судьба свой замысел исполнит. В обоих случаях локус дороги заменяется ее метафорическим эквивалентом – судьбой, фатумом, волей высших сил.

2.2.3. Пространственная валентность, заполненная в оригинале, остается незаполненной в переводе: Tak ako deti zo šiat I my z niektorých ľudi vyrastáme a pri ich mene, predtým blízkom, otocime si hlavu k stene / И при имени их, прежде близком, хмуро голову опускаем. Оригинал предполагает поворот головы к стене, т.е. действие происходит в горизонтальной плоскости, в то время как в переводе оно разворачивается в плоскости

вертикальной: глаза опускаются вниз, к полу, который в тексте только имплицирован. В следующем примере мы видим двойное сужение состава локализаторов за счет контаминации мены устойчивого сравнения и мены глагольного управления: Bolo aj tak že v slovách bola tma tma ako nad priepasťou – závan ducha ich zaodial však do nového rucha za svetlom zdvihli sme sa zdola z dna / Царила тьма в словах, но обрели они с порывом духа облаченье святое новое и новое значенье и мы за этим светом побрели.

Ср. также строки, где замена глагола (перемещения на статическое положение в пространстве) влечет за собой уменьшение числа пространственных локализаторов: Van a vôňa sena ako keby stráňou prešla krásna žena a zavoj vial za ňou vidíš I ta stráň je nevesta krácajúca z chrámu do mesta / Запах сена такой густой и такой пряный словно невеста с фатой прошла над поляной, и поляна себе на находит места, может быть, и она тоже невеста

Оговоримся, что далеко не всегда увеличение / уменьшение количества пространственных локализаторов влечет за собой сужение / расширение пространства в стихотворении. Иногда состав локусов не меняется, либо даже сокращается, при этом само пространство становится больше. Так, в следующем примере лирический герой пребывает в одиночестве в пределах кровати, в то время как в переводе он находится один в пределах квартиры: Dnes v noci opäť sedím na peľasti / Как ночью тянутся часы один в квартире. Ср. также следующие строки, где в переводе снимается дополнительный пространственный локализатор и тем самым местоположение героя становится более общим: Anjel dakde v krčme karty mastí / Ангел сна в карты дуется в трактире.

Теперь, наметив общие тенденции, проанализируем систему локативных наименований в составе конкретных стихотворений, и ее изменения при переводе на русский язык. В качестве примера были выбраны стихотворения Мариана Ковачика Sonet o rodnom kraji и Густава Гупки Stúpanie. Оба представляют собой лирические произведения с достаточно жесткой ритмической, строфической и рифменной структурой, т.е. сонеты. При этом в первом случае форма эксплицирована и вынесена в сильную позицию, в то время как во втором случае в основу номинации стихотворения положен определенный процесс, физический и духовный одновременно, то состояние, в котором пребывает лирический герой, таким образом, сонеты ориентированы на разные типы пространства – освоенное внешнее в первом случае и неосвоенное внутреннее – во втором. Переводчик у обоих стихотворений один и тот же.

А) В первых двух строках стихотворения мы видим, что в переводе полностью выпадает словосочетание «надписи на лбу», кроме того, два локуса – жито и глина, оказываются в соположенной позиции: Je leto **hlinené** a vyžarujú žitá V džbánkoch sa zrkadlia **nápisy na čele** / Исходит жар от жита **и от глины**. И лишь в кувшинах плещется **вода**. В следующих строках ввиду того, что меняется характер метафоризации субъекта (субъект = металл в оригинале, и субъект = свет в переводе), трансформируется также характер его бытования в пространстве: Som **guľka z olova čo na špirále kmitá** k sebe **nás** pritiahnu dúhové ocele / Меня приворожат твои равнины, как радугу стальные провода. В дальнейшем мы опять видим большую статичность переводе в сравнении с оригиналом, ср: **Od rovín ku kovom** z ktorých si horstvá zlievaš **kde kremeň o vodu** zaiskril na môj zrod / Сшибаешь

кремень и металлы **в недрах**. Я искра, я волна глубинных вод. Представление субъекта как некоторого неодушевленного предмета (вернее, одухотворенного неодушевленного), существующего в своей родной стране, как в природной стихии и фактически растворяющегося в ней, продолжает усиливаться, что в переводе меняется субъектной ориентацией изложения, акцент делается именно на перцептивно-когнитивные процессы в сознании героя: Semienko **zvlnilo do rokov** biele drevá **Strácam sa ako kruh** z počiatku tvojich **vôd** / И семена разбрасываешь щедро. Ведь ты уверен, что посев взойдет. В следующих трех мы снова видим, как динамика меняется статикой, и при этом «земная» топика сменяется растительной, в оригинале представлено движение через преграду, кроме того, герой соединяется с глиной, с землей, в переводе образ пути сменяется образом прощания: **Cez uhlie v kolesách cez domávané dlane** kým **vstúpim do hliny** čo stráži vodu v džbáne v ktorom sa jesení a ako v oku je / Но словно листья на отцветшей кроне, нам машут на прощание ладони. И осенью полны лоза и лес. Наконец, в завершающих трех строках адресно ориентированное высказывание сменяется чисто описательным, обращение к родному краю как к живому субъекту коммуникации трансформируется в его описание как некоторой вне-личной картины. Ty budeš vyzváňať do rozpálených nákov a **stvoríš špirály** a sťahovavých vtákov ktorí sa rozletia na modré okulie / Вода в кувшине, как набат в металле. И чертят ласточки опять спирали по голубой окалине небес.

В) Во втором стихотворении как целостное пространство предстает сам лирический герой, причем его микрокосм имеет двоякий характер: дух и плоть здесь предстают как взаимосвязанные системы, и второе является естественной оболочкой, преградой для первого. В переводе концептуализация лирического субъекта как вместилища ослабевает, предпочтение отдается активной субъектно ориентированной конструкции: Stratený nepokoj **do mňa** vchádza, lomcuje mrežami kostí / Я боль тревог утраченных искал, Они **через** костей решетки рвутся. Далее показано, что преграды, решетки наличествуют и в духовном микромире героя, и здесь перевод следует за оригиналом: **Rúca sa** záhadne blízka **hrádza**; nevedˊ ma zas k zbabelosti / Плотина рушится, загадочно близка, Прошу, **не дай мне** к трусости вернуться. В следующих строках отождествление событий внутреннего мира с пожаром усиливается, разница между двумя текстами состоит в большей динамичности перевода, в оригинале мы видим нейтральное «приходит», в то время как в переводе действие квантифицировано как менее либо как более интенсивное – с одной стороны, боль огня «вползает», с другой стороны, сноп волн следует развязать «быстрее». Ср.: Bôľ ohňa **prichádza** nebadane, rozviaž búrlivých vlˊn snopy / **Вползает** незаметно боль огня, **Быстрее** развяжи сноп волн штормящих. Трансформации в следующих двух строках, строго говоря, касаются не пространственных, а темпоральных изменений: в оригинале представлен глагол с перфективной семантикой, в то время как в переводе действие носит принципиально процессуальный характер: Kde sú tie krotké a plaché lane... S úzkosťou prúd svetla **dopi** / Где лани кроткие оставили меня… так **пей** же свет, чтоб **длиться в настоящем**. Далее переводчик снова отказывается от представления героя как вместилища, на этот раз речь об адресате стихотворения, ср. «склони глаза, но не скрывайся за ними» в оригинале / «приди опять и дай себя обнять» в переводе. Отметим здесь также адресатную

ориентированность пространственного локализатора в оригинале, и субъектную в переводе – в первом случае ворота «знакомые», т.е. входящие в личную сферу в т. ч. адресата, во втором ворота «мои», т.е. принадлежащие субъекту: A príd´ zas v podvečer k **známej** bráne, sklop **oči**, no neskrývaj **sa za ne**, bláznivý obzor v troskách nenúť mi. / К **моим** воротам на закате дня Приди опять и дай тебя обнять, Но не дари мне горизонт в руинах, В следующих трех строках продолжается та же самая тенденция: соотношение адресат = вселенная переходит в перцептивный модус: в переводе адресат скорее воспринимает звездное небо, нежели им является: Každý chce byť viac, **než je pred lud´mi**. Čo nikdy nečakáš, sa raz stane, **ňadrá** máš hviezdami rozhojdané / Здесь каждый преодолевает глину. Чего не ждешь, то обретешь сполна. Ты ночь моя, **ты** звездами пьяна.

Мы видим, что основными факторами, обусловливающими трансформации локализаторов в лирическом тексте при переводе являются стремление к статике вместо исходной динамики, к экзистенции вместо целенаправленности, а также к расширению пространства поэтического текста. Вместе с тем прослеживается вытеснение абстрактных локативных номинаций оригинала конкретными локативными номинациями в переводе. Данные тенденции не являются частью индивидуальных переводческих стратегий, поскольку в той или иной степени прослеживаются у всех переводчиков, работавших над антологией. Можно предположить, что подобная ситуация обусловлена влиянием на переводчика русской культурно-языковой картины мира, однако данный вопрос требует специального прояснения на развернутом корпусе текстов.

Список литературы

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. М. 1981. 144 с.

Дудорова М. В. Категоризация пространства в поэтическом тексте (на материале поэзии И. Анненского). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М. В. Дудорова. Екатеринбург 2006. 199 с.

Сидорова М. Ю. Функциональная амбивалентность видо-временных форм в поэтическом тексте / Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1. С. 95-110.

Синельникова Л. Н. О концепции пространства в поэтическом тексте: когнитивная и лингвокультурная параметризация / Гуманитарные науки, Ялта, 2015 № 2 (30), с. 97-103.

Соколова Т. С. Семантическая граница в ранней лирике Г. Иванова / Вестник ТГПУ, 2007, Серия Гуманитарные науки (филология), Выпуск 8 (11), с. 70-75

Наталия Владимировна Васильева
ФГБУН Институт языкознания РАН, г. Москва (Россия)

Natalia Vladimirovna Vasileva
Institute of Linguistics RAS, Moscow (Russia)

АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ТИПЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

ANTHROPONYMIC TEXT: TYPES AND INTERPRETATION

В статье рассматривается тип текста, который в 80-е гг. XX в. в русской исторической ономастике получил название «антропонимический текст» (Л.М. Щетинин). Это тексты, представленные однородными антропонимическими компонентами (реестр войск, рекрутские списки, поминальные книги и пр.) Рассматривается кратко история появления термина и типология антропонимических текстов по параметрам, включающим сферу функционирования (документальные vs. литературные) и референциальный статус антропонима (воплощенные vs. невоплощенные имена). Далее вводится понятие *антропонимического микротекста*, который представляет собой перечисление имен в отдельном фрагменте целого текста и является тем самым пространством реализации риторического приема *enumeratio*. На примерах из поэтических текстов показан суггестивный механизм этого приема, зависящий от референциального статуса упоминаемых имен. В завершение рассматривается неймдроппинг как особый тип дискурсивного поведения, результатом которого также можно считать порождение особого антропонимического микротекста с функциями самопрезентации, экспликации корпоративности, псевдоверификации, а также экономии усилий. Неймдроппинг интересен также и как прием индивидуальной поэтики (И.Бродский). Формируя микро- и макроономастическое пространство текста, этот прием смыкается с интертекстуальностью и прецедентностью.

The article deals with anthroponymic text as a special text type. First, we briefly consider the history of the term and its interpretation by the Russian historical onomastician Leonid M. Ščetinin in the 1980s (texts which are comprised of homogeneous anthroponymic components, i.e. various lists of persons: military recruiting lists, commemoration books, etc.) and text typologization according to the ontological status (documentary vs. fictional) as well as the referential status of anthroponyms mentioned in text. Second, we introduce the notion of *anthroponymic microtext* as a text fragment, which contains the rhetorical device called *enumeratio* (lat.). By examples of poetic texts, suggestive mechanism of enumeratio is demonstrated, which depends on the referential status of the enumerated anthroponyms (embodied vs. disembodied proper names). Third, we review name-dropping as a particular type of discourse behavior, which generate a special anthroponymic microtext with such functions as self-presentation, realization of corporatism, pseudo-verification and economy of effort. Name-dropping is also interesting as the key to individual poetics (I.Brodsky). When forming the micro- and macro-onomastic space of a text, this technique merges with intertextuality.

***Ключевые слова**:* ономастика, антропоним, антропонимический текст, антропонимический микротекст, риторическая фигура *enumeratio*, неймдроппинг

***Key words**:* onomastics, anthroponym, anthroponymic text, anthroponymic microtext, rhetorical device *enumeratio*, name-dropping

Антропонимический текст как термин и его определение мы находим во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской: «Текст, в котором преобладают антропонимы, объединенные в речевые последовательности и сочетающиеся с обязательными или факультативными апеллятивными компонентами» [Подольская, 1988, с. 34]. В качестве примеров антропонимических текстов приводятся следующие: реестр войска, рекрутские списки, раздаточные ведомости, поминальные

книги [ibid.]. Отметим, что в первом издании словаря (1978 г.) этот термин отсутствует. Его появление во втором издании обусловлено вышедшими в данный промежуток времени трудами Леонида Михайловича Щетинина, который занимался донским ономастиконом и ввел в обиход исторической ономастики этот термин [Щетинин, 1980; 1986].

Термин антропонимический текст вполне отвечал духу времени: десятилетие между изданиями словаря Н.В.Подольской – это как раз время расцвета лингвистики текста и становления антропоцентрического подхода в отечественной лингвистике. Е.Л.Березович, обсуждая тему топонимического пространства, писала в середине 90-х гг: «“Штурм” проблемы текста, предпринятый лингвистической наукой в последние десятилетия, является отражением наметившейся тенденции к синтезу филологического – и шире – гуманитарного знания, а также к утверждению антропоцентрического подхода к исследованию языка (в тексте “растворен” его творец – человек с его пространственно-временными ориентирами, ценностными установками и т.п.)» [Березович, 1995, с. 86].

Однако в отличие от топонимического текста, сразу получившего семиотическое толкование как совокупности знаков, развертывающейся в пространстве[1], антропонимический текст в работах Л.М.Щетинина понимался вполне линейно, т.е. как тип текста, с присущими параметрами текстуальности, в том числе и связностью, но связностью специфической: «Связность антропонимического текста достигается единством коммуникативной задачи, референционной однородностью, синтаксическим согласованием антропонимических компонентов, стереотипной структурой предикативной апеллятивной части списка, графическим униформизмом и, как правило, регулярностью антропонимической формулы» [Щетинин, 1980, с. 163-164]. Однако все же спецификация «текстовых» параметров применительно к подобным спискам не составляла главной цели исследователя. Антропонимический текст был интересен ономатологу прежде всего тем, что служил источником получения ономастического материала, с которым он далее работал. Симптоматично, что статья Л.М.Щетинина, из которой приведена выше цитата про связность, носит название «Антропонимический текст как источник исторической информации». Если мы обратимся к авторитетному для ономастики того времени труду «Теория и методика ономастических исследований», то в нем понятие антропонимического текста рассматривается в разделе «Методы и приемы исследования ономастического материала» и стоит в одном парадигматическом ряду с понятиями космонимический текст, зоонимический текст и др., которые представляют собой «среду обитания» соответствующих типов онимов и из которых эти онимы извлекаются. Антропонимический текст в данной коллективной монографии получает дефиницию не по содержанию, а по объему понятия: «К антропонимическим текстам относятся поминальные, вкладные, записные кабальные книги, описи владений земли или имуществом, крестные календари, адресные книги, записи загсов, телефонные справочники, списки вновь присвоенных гражданам данной страны фамилий, диалектные записи имен и прозвищ данной территории, списки избирателей, депутатов,

[1] Ср. такие выражения: «топонимический континуум как упорядоченное семантическое пространство», «текстовая модель топонимического пространства» [Березович, 1995, с. 87, с. 96].

награжденных» [ТМОИ, 1986, с. 200]. Понятно, что данный ряд является открытым. Таким образом, мы можем заключить, что антропонимический текст при своем появлении (а также и впоследствии) понимался как тип текста, содержащий преимущественно или исключительно антропонимы, и не получил семиотического толкования, как его «собрат» топонимический текст. По-видимому, в этом отразилась различная природа антропонимов и топонимов как знаков («пространственная» онтология у топонима и «точечная» у антропонима). Если возникала необходимость подчеркнуть, что некоторая совокупность антропонимов рассматривается не как список, а системно, то использовалось понятие антропонимического пространства (ср. антропонимическое пространство города, села; романа, поэмы, загадок и пр.).

Типология антропонимических текстов

Первое разделение антропонимических текстов относилось к сферам их функционирование: бытовые и документальные vs. литературные [Подольская, 1988, с. 34], Л.М. Щетинин называет эти группы «естественные» (документальные) и «искусственные» (литературные) антропонимические тексты [Щетинин 1986, с. 159-160]. По своему составу тексты этим автором далее делились на (собственно) антропонимические, включающие только антропонимы, и «квазиантропонимические» включающие не только антропонимы, но антропонимы в качестве conditio sine qua non[2]. «Квазиантропонимическими» могли быть тексты как документальной (метрические записи, купчие крепости), так и литературной сфер функционирования (например, драматические произведения). В дальнейшем типология антропонимических текстов была расширена С.Н. Смольниковым, который внес существенное дополнение в виде параметра «референциальный статус»: различались тексты, содержащие воплощенные имена (т.е. называющие конкретных лиц) и имена невоплощенные («просто антропонимы», потенциальные, невоплощенные, развоплощенные) [Смольников, 2014, с. 121-123]. Напомним, что в основе лежит дихотомия, предложенная А.Гардинером. Согласно А. Гардинеру, существуют воплощенные и невоплощенные имена (embodied vs. disembodied names). Воплощенные имена – это имена, прикрепленные к определенным конкретным объектам (*Уильям Шекспир*), а невоплощенные – это те же самые имена вне связи с конкретным денотатом (*Уильям* – как английское имя вообще) [Gardiner 1954, с. 73-74].

Таким образом, типологию антропонимических текстов можно считать в целом построенной. Детального описания, однако, не обнаруживается. Возможно, исчерпало себя время лингвистики текста в ее «жанровом» исполнении – и прошел интерес. Возможно, однако, что конечный интерес состоял именно в наброске главных параметров

[2] Приведу ненаучный пример, но вполне в духе лингвистики текста. Это анекдот из популярной как раз в 80-е гг. XX в. серии «про психов» (воспроизвожу по памяти):
В сумасшедшем доме решили обсудить книгу. Прочитали. Обсуждают. Один говорит:
– Книга интересная, но слишком много действующих лиц! – Второй говорит:
– Читал всю ночь, шедевр! Но почему-то все персонажи проживают в одном городе. – Третий: – Книга отличная, все факты подкреплены цифрами! – Нянечка из коридора:
– Эй, психи! Опять телефонную книгу сперли?

типологизации. Поэтому мы тоже не ставим задачу описать все возможные типы антропонимических текстов, поскольку их перечисление даже с применением формализованных параметров вряд ли реалистично и лингвистически перспективно, а рассмотрим случаи концентрации антропонимов в одном фрагменте текста. Тогда проблему можно сформулировать так: антропонимический текст как микротекст. Из-за ограниченности текстового пространства речь будет уже идти не о списках имен, а об их перечислении.

Имена собственные (ИС) и риторический прием enumeratio

Перечисление (лат. *enumeratio*) в риторике является фигурой или риторическим приемом, в котором могут участвовать разные части речи [Lausberg 1990, с. 97-99], в том числе и собственные существительные. *Enumeratio* как «координирующее перечисление» во всех своих вариантах направлено, согласно риторическим правилам, на эмоциональное воздействие на публику. Фасцинирующее действие этой фигуры, если ее формируют собственные имена, особенно велико. Так, В.М.Калинкин, рассматривая пушкинские эпиграммы, построенные на *enumeratio*, говорит о «“неизъяснимой наглядности” перечня имен как фигуры речи» [Калинкин, 2009, с. 70]. Обратимся сначала тоже к поэтическим текстам. Если *enumeratio* представляет собой цепочку ИС, то эффект воздействия на адресата будет прежде всего связан с референциальным статусом ИС, т.е. с соотношением имен и их референтов/денотатов. И здесь особенно важна упомянутая выше дихотомия воплощенности/невоплощенности имени. Перечисление воплощенных и невоплощенных имен имеет различный стилистический эффект. Обратимся к воплощенным ИС.

На азбуке Морзе своих зубов
Я к Вам взываю, профессор Попов,
И к Вам, господин Маркони <…>
Прощай, Эдисон, повредивший ночь.
Прощай, Фарадей, Архимед и проч.
(Иосиф Бродский. Письмо в бутылке)

Перечисленные имена известных ученых образуют единую группу с тематикой «радио», «электричество»; последнее имя – Архимед – выводит эту группу на другой уровень обобщения – ученый как символ. Таким образом, воплощенные имена служат сгущению семантического пространства текста, они способны экономным образом привносить в текст нужные автору смыслы, предоставляя адресату «достраивать» образ в зависимости от своих знаний.

Перечисление воплощенных ИС предоставляет автору текста также возможность игры в ранги, т.е. размещать в один ряд заведомо разные по какому-либо признаку имена. Ср.:

<…> по крайней мере надеюсь я,
что сохранит милосердный Бог
то, чего я лицезреть не смог.
Америку, Альпы, Кавказ и Крым,

долину Евфрата и вечный Рим,
Торжок, где почистить сапог – обряд,
и добродетелей неких ряд <…>
(Иосиф Бродский. Письмо в бутылке)

В данном случае контраст создается соположением макротопонимов (*Америка, Альпы, Кавказ* и *Крым*), топонимов как исторических мест, «мест памяти» (*долина Евфрата* и *вечный Рим*) и топонима *Торжок*, весьма малого по сравнению с вышеперечисленными, однако занимающего тот же ранг в «неувиденном» поэта.

Еще одну стилистическую возможность предоставляет перечисление воплощенных имен, и связана она с реализацией в художественном тексте одной из важных нарративных функций ИС, а именно функции создания и поддержания иллюзии повествования [Lamping, с. 1983, 29-39; Васильева, 2009, с. 135-137]. Существуют различные текстовые способы, направленные на то, чтобы читатель поверил в реальность мира текста, в частности, в реальность персонажей. Так, в романе Марселя Пруста есть вымышленный персонаж – актриса Берма (Berma). Имя этого персонажа вводится в текст при помощи фигуры перечисления в одном ряду с настоящими актрисами: «Je classais par ordre de talent les plus illustres: Sarah Bernhardt, la Berma, Bartet, Madeleine Brohan, Jeanne Samary, mais toutes m'intéressaient» [Пруст 1976, с. 158], «Имена наиболее знаменитых артистов шли у меня в списке по степени их одаренности: Сара Бернар, Берма, Барте, Мадлена Броан, Жанна Самари, но интересовали меня все» [Пруст, 2010, с. 120]. На этом коротком пространстве текста повествователь с помощью фигуры перечисления смешивает мир реальности и мир текста и заставляет читателя поверить, что Берма – такая же актриса, как всем известная Сара Бернар (в оригинале статус известности Берма подчеркивается употреблением определенного артикля).

Невоплощенные имена, несущие в себе потенциальную референциальность, связаны в сознании носителя языка с определенными признаками (пол, этнос, время, т.е. представляют собой особые ономастические импликатуры, см. [Васильева, 2015]). Поэтому, например, название спектакля московской Школы драматического искусства «Катя, Соня, Поля, Галя, Вера, Оля, Таня…» (режиссер Дмитрий Крымов) вполне определенно настраивает зрителя на то, что действующими лицами будет много молодых девушек (на это указывает краткая форма имен) и, скорее всего речь пойдет о любви (действительно, это спектакль по мотивам бунинских «Темных аллей»). Известная в свое время песенка «Женюсь, женюсь» (слова Б.Окуджавы, музыка И.Шварца), исполняемая Андреем Мироновым, содержит перечень имен неких подружек, которым собирающийся жениться герой говорит до свидания (но не прощается):

Иветта, Лизетта, Мюзетта,
Жанетта, Жоржетта,
Колетта, Полетта, Кларетта,
Флоретта, Мариетта…

Воплощенными эти имена могут быть только для героя, от имени которого исполняется песня. Для слушателя же эти имена являются невоплощенными. Однако сама

форма имен, настойчивость единого – легкомысленного – форманта *–етта*, асиндетон, не предполагающий конца списка, – все это настраивает слушателя на определенную ситуацию.

Именам собственным может быть присущ еще один референциальный статус – автонимность, когда референция производится не к экстралингвистическому объекту, а к самому языковому выражению, ср. *Москва состоит из семи букв*. *Зоя – греческое имя*. Перечисление имен в статусе автонимности предоставляет также интересные возможности для поэтической рефлексии, ср.:

Светофор. Это странное имя.
Светофор. Святослав. Светозар.
(Белла Ахмадулина. Светофоры)

Неймдроппинг и его дискурсивные функции

Неймдроппинг представляет собой особый тип перечисления имен[3]. Для этого английского слова трудно подобрать точный «домашний» эквивалент, эквивалентом может быть только описание ситуации, а лучшим объяснением – конкретный пример. Такое объяснение находим, например, у Александра Жолковского в изобретенном им жанре малых текстовых форм – в одной из «виньеток», так и озаглавленной «Name dropping»:

«Как-то потребовалось объяснить смысл этого отсутствующего в русском языке оборота. В качестве хрестоматийного примера я привел стилистику недавно (в 1995 г.) опубликованной книги мемуаров. Собеседник попросил меня быть конкретнее. Тогда я вспомнил фразу из этой книги, являющую поистине квинтэссенцию щеголяния короткостью с великими: “Когда ехали по шоссе хоронить Ахматову, Бродский показал мне место, где погребен Зощенко”. Текст чеканный, незабываемый. Тут ни убавить, ни прибавить, все места заняты кем надо» [Жолковский, 2003, с. 467-468].

Таким образом, в значении этого выражения заключается, во-первых, указание на некоторое дискурсивное поведение, интенция которого не является тайной; во-вторых, присутствует отрицательная оценка этого поведения. В настоящее время можно уже, по-видимому, говорить о терминологизации выражения *name-dropping*, которое вышло за пределы английского языка и вошло в другие языки как заимствование (ср. нем. *das Namedropping*, фр. *le name dropping*, рус. *нэймдроппинг*) качестве краткой общегуманитарной дефиниции неймдроппинга нами была предложена следующая [Васильева, 2014, с. 229-230]:

Нэймдроппинг – тип дискурсивного поведения, когда говорящий, желая подчеркнуть свою принадлежность к определенным (как правило, престижным)

[3] Англ. глагол *to namedrop*, согласно словарям, известен с 50-х гг. XX в., и производное от него существительное определяется следующим образом: Name-dropping – the practice of casually mentioning of names of famous people one knows or claims to know in order to impress others [The New Oxford American Dictionary. Oxford Univ. Press. 2001, p. 1135].

социальным кругам (референтным группам), походя (т.е. как бы случайно, мимоходом) упоминает значимые для этих групп имена и названия.

Имена собственные, таким образом, выступают в роли «пропуска» говорящего в желанный круг, а при нахождении говорящего уже внутри этого круга – в роли «охранной грамоты». В повседневном дискурсе неймдроппинг выполняет следующие функции.

а) Самопрезентация в виде похвальбы с целью повышения собственного статуса в глазах собеседника.

б) Функция речевого маркера корпоративности: неймдроппинг может использоваться для идентификации людей внутри некоторой социальной (микро)группы. Произнося в незнакомой компании определенные имена людей и названия вещей, говорящий старается обозначить свой круг и выявить среди присутствующих «своих».

в) Расширение личной сферы говорящего. Понятие личной сферы говорящего, идущее от Э.Бенвениста и развитое Ю.Д.Апресяном, имеет большое значение для ономастики. Одним из способов расширения личной сферы является называние кличками политиков, спортсменов и других известных людей, что происходит, естественно, заглазно. Мы использовали для обозначения этого явления выражение «ономастическая контрабанда»: это как бы нелегальное «протаскивание» неофициального чужого имени в свою личную сферу [Васильева, 2009, 176-177].

В академическом (научном) дискурсе неймдроппинг выполняет следующие функции.

а) Особый способ аргументации – так называемая псевдоверификация: называется известная фамилия, вместо того чтобы привести аргумент или доказательство.

б) Как и в повседневном дискурсе, одной из функций неймдроппинга в академической среде является конструирование собственного образа, ведущее к выигрышной самоидентификации («Я и Гумбольдт»). Сюда же примыкает сложившийся в некоторых кругах узус упоминания некоторого списка имен как этикетки данной группы (корпоративный неймдроппинг)

в) Экономия усилий. Сюда можно отнести распространившийся в последнее время в академической среде способ перечисления фамилий вместо аналитического обзора теорий (например, в автореферате).

В художественном дискурсе неймдроппинг внеположен оценке. Более подробно о функциях неймдроппинга см. [Васильева, 2014].

Неймдроппинг в индивидуальной поэтике

Термин *неймдроппинг* применительно к поэтике – заслуга датского слависта Йона Кюста, описавшего с его помощью мир собственных имен Иосифа Бродского [Кюст, 2004]. Благодаря этому исследователю, опубликовавшему свой труд по-русски, неймдроппинг вошел в русский язык как термин поэтики (правда, у Кюста еще в латинице) и тем самым отряхнул с себя негативные коннотации, которую он нес как общеповеденческий термин.

В поэтике Иосифа Бродского, согласно Кюсту, неймдроппинг предстает как способ создания особого, вневременного поэтического пространства. С одной стороны,

употребление мифологизированного (в других терминах – прецедентного) имени позволяет говорящему представить сюжет, связанный с этим именем, например, *Ариадна*, *Тезей*, *Одиссей*. С другой стороны, неймдроппинг позволяет показать собственную идентичность, т.е. создать образ говорящего, отразить собственное языковое сознание. В настоящее время, когда литература о прецедентных именах в России стала почти необозримой, взгляд Й.Кюста на то же самое, но с другой стороны, представляется интересным. В самом деле, когда исследуется набор прецедентных имен какого-либо текста/автора, то внимание обращается на то, какие (микро)нарративы (прецедентные тексты) оказываются сжатыми до имени, т. е акцент делается **на содержании текстов.** Взгляд же на значимые имена как на нэймдроппинг, т.е. взгляд Йона Кюста, позволяет сосредоточиться **на самом говорящем** – на характеристике голоса говорящего, на его идентичности, которую он формирует благодаря существованию таких отсылок, как ИС. Называя культурно значимое имя, мы указываем, во-первых, на наше знание его культурной значимости, во-вторых, на принадлежность к определенной референтной группе, для которой это знание важно. Таким образом, упоминание Бродским культурно значимых имен можно расценивать как речевое поведение, обозначающее принадлежность поэта к определенной социальной группе, а именно: к советской интеллигенции послесталинской эпохи [Кюст, 2004, с. 230-231].

Завершением терминологической истории неймдроппинга можно считать попадание этого термина из языка анализа поэтики (как у Кюста) в сам поэтический язык. Пример – «Неймдроппинг» как название поэтического сборника русскоязычной киевской поэтессы Ольги Брагиной, в предисловии к которому сказано: «”Неймдроппинг” – это и есть в переводе с английского: забрасывание именами. Но не шапкозакидательское, панибратское. Отнюдь. Здесь игра, подобная футболу: мы находимся в центре увлекательного матча. Только на воротах стоит читатель и пропускает (отражает редко) интеллектуальные голы» [Брагина 2012, 2].

Подведем некоторые итоги. Антропонимический текст (различные списки имен), утвердившийся как термин в 80-е гг. представлял интерес больше как источник ономастического материала, чем как типа текста, выделяемого – и характеризуемого – на основе параметров текстуальности, поскольку в антропонимическом тексте эти параметры очень сильно редуцированы. Интерес с точки зрения лингвистики текста и ономастической стилистики представляет *антропонимический микротекст,* или фрагмент текста, содержащий риторический прием перечисления (*enumeratio*). Особым видом перечисления является *неймдроппинг.* С самого начала имея значение, выходящее за пределы буквального значения компонентов, это слово стало характеристикой дискурсивного поведения, которое изучается в том числе нелингвистическими дисциплинами (психология личности, концепция личности в социологии). С точки зрения лингвистики, неймдроппинг может рассматриваться как один из дискурсивных приемов, формирующих позицию говорящего и неположительную оценку этой позиции адресатом. Перенос термина *неймдроппинг* на мир художественного текста устраняет из содержания этого понятия какую-либо оценку, делает его внеположным оценке. Неймдроппинг в этом случае может

стать инструментом анализа поэтики произведения с акцентом на *образ автора* как носителя определенной культурной доминанты. Формируя микро- и макроономастическое пространство текста, этот прием смыкается с понятиями интертекстуальности и прецедентности, сохраняя за собой оттенок выражения авторской позиции.

Список литературы

Березович Е. Л. Топонимическое пространство как текст / Е. Л. Березович // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург : УрГУ, 1995. С. 86-95.

Брагина О. Неймдроппинг: Поэзия / О. Брагина. Днепропетровск: Лира, 2012. 114 с.

Васильева Н. Перечисление имен как дискурсивный прием / Н. Васильева // Onomastikas pētījumi / Onomastic Investigations. Vallijas Dambes 100. dzimšanas dienai veltītās konferences materiāli / Proceedings of the International Scientific Conference to commemorate the 100th anniversary of Vallija Dambe. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2014. C. 228-240.

Васильева Н.В. Ономастические импликатуры в интракультурной и межкультурной коммуникации / Н.В. Васильева // Сусрети народа и култура. Међународни тематски зборник/ People and Cultures in Contact. Thematic Collection of Papers of International Significance. Косовска Митровица: Филозофски факултет Универзитета у Приштини, 2015. С. 351-360.

Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста / Н.В. Васильева. М.: ЛИБРОКОМ, 2009, 224 с.

Жолковский А. Эросипед и другие виньетки / А. Жолковский. Москва: Водолей Publishers, 2003. 624 с.

Калинкин В.М. Семантика имен и поэтика их перечислений / В.М. Калинкин // Logos onomastike. 2009. № 1 (3). С. 70-83.

Кюст Й. Name-dropping: об одном поэтико-риторическом приеме в творчестве Иосифа Бродского (на материале «Школьной антологии») / Йон Кюст // Новое литературное обозрение. 2004. № 67. С. 224-232.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Пруст М. По направлению к Свану; Под сенью девушек в цвету / Марсель Пруст ; пер. с фр. Н. Любимова. Москва: Эксмо, 2010. 303 с.

Пруст М. В поисках утраченного времени: В сторону Свана / Марсель Пруст. На франц. яз. Москва: Прогресс, 1976. 438 с.

Смольников С.Н. Антропонимический текст как единица филологической интерпретации / С.Н. Смольников // Текст как единица филологической интерпретации / Отв. ред. А. А. Курулёнок. Новосибирск: Изд-во ООО «Немо Пресс», 2014. С. 120-124.

ТМОИ = Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П.Непокупный. М.: Наука, 1986. 256 с.

Щетинин Л. М. Антропонимический текст как источник исторической информации / Л.М. Щетинин // Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980. С. 163-168.

Щетинин Л. М. Субъективный фактор в образовании антропонимических текстов / Л.М. Щетинин // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 45. 1986. №1. С. 159-165.

Gardiner A. The Theory of Proper Names: A Controversial Essay / Alan Gardiner. 2nd ed. London: Oxford Univ. Press, 1954. 84 S.

Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens / Dieter Lamping. Bonn: Bouvier, 1983. 135 S.

Lausberg H. Elemente der literarischen Rhetorik / Heinrich Lausberg. 10. Aufl. Ismaning: Hueber, 1990. 169 S.

Mirkovic Djukica
Slobomir P University, Bijeljina (Bosnia and Herzegovina)

Vasiljevic Stokic Tijana
Pan-European University Apeiron, Banja Luka (Bosnia and Herzegovina)

Mirkovic Djukica
Slobomir P Univerzitet, Bijeljina (Bosna i Hercegovina)

Vasiljevic-Stokic Tijana
Panevropski Univerzitet Apeiron, Banja Luka (Bosna i Hercegovina)

THE MOST COMMON MISTAKES IN TRANSLATION AT UNIVERSITY LEVEL

NAJČEŠĆE GREŠKE STUDENATA U PREVOĐENJU NA UNIVERZITETSKOM NIVOU

This paper deals with the most common mistakes in translation from Serbian into English based on the extracts from the books by Mesa Selimovic – "The Fortress" and "Dervish and The Death". The research was carried at university level among students who are the second year. With the relevant examples, the paper particularly discusses the most common mistakes which students make at semantic, lexical and syntax level in written translation. We also tried to explain why and to what degree students made these mistakes. After four months of doing practical lessons with students, the result of the research shows the next: according to written translation from the extracts from literature it is obvious that the students find grammar the most difficult part of learning English. For this reason their common mistakes are mostly at grammatical level.

Ovaj rad se bavi analizom najčešćih grešaka u prevođenju sa srpskog jezika na engleski, na odlomcima iz knjiga autora Meše Selimović – "Tvrđava" i "Derviš i smrt". Istraživanje je sprovedeno na univerzitetu, među studetima druge godine. Uz adekvatne primjere, rad posebno istražuje najčešće greške koje studenti prave na semantičkom, leksičkom i sintaksičkom nivou u pismenim prevodima. Takođe smo probali dati objašenjenje zbog čega studenti prave ove greške. Nakon 4 mjeseca, rezultati ovoga istraživanja pokuzuju sljedeće: na osnovu pismenih prevoda i na uzorku odlomaka iz književnosti, očigledno je da je gramatika studentima najteži dio za učenje i usvajanje. Iz toga razloga, njihove najčešće greške su na gramatičkom nivou.

Ključne riječi: prevođenje, najčešće greške, semanički, leksički i sintaksički novo.

Key words: translation, common mistakes, semantic, lexical, syntax level

Introduction

The research is based on the most common mistakes in translation from one language to another, in this case from Serbian into English. The research was done at university level and included students of the second year of Slobomir P University, Faculty of Philology, Department of English language and Literature. The practical lessons which the students attended were part of the subject "English Language 2". Some of them had never translated from Serbian into English. However, part of them had gained some experience before. The texts for the research were taken from the books by Mesa Selimovic "The Fortress" and "The Death and Dervish". The idea was to give the students the text in advance, regarding to the fact that it takes time to prepare for the process of translation and it easier if it is done without a time pressure. They were allowed

to use any translation tools and they had a task to write down new words, transcription, synonyms and finally to do the process of translation. Furthermore, the translated text was analyzed in the classes. The research period was from October, 2014 to January, 2015. The extracts from the books were chosen carefully in accordance with the ability of students to do the translation. Yet, they made some common mistakes.

Translation and Language

Language is a fundamental means of communication among people. Due to universal cognitive structure of people`s minds all human languages, irrespective of current differences, have the same mutual feature: they are human languages. For this reason any person in the world is capable of learning any language [Jovanovic,4;19]. Any texture of one language can be translated into another language, although it is sometimes really difficult to do this. Every language has its own peculiarity, features, rules and principles on which it is based.

Translation may be defined as follows: the replacement of textual material in one language (SL) by equivalent textual material in another language (TL) [Jovanovic, 4;22]. Translation from one language into another is a complex process of transferring the message. Doing the process of translation we transmit the content of the text from the source language into the target language. The aim of this process is to familiarize the content from the source language with the translated texture of a target language, being careful about not having the wrong message after the translation has been done. "Translation is impossible without understanding" [Jovanovic, 4;7]. One of the most important tools for this process is the use of dictionaries. Namely, not only do we have to use bilingual dictionaries to find the meaning of the appropriate word, but it is also recommendable to check out the meaning in English-English dictionaries.

Contrastive analysis and contrasting of two languages

Contrastive analysis is a process of languages contrasting. It is very important for linguistics research. "Contrastive analysis is a process within which it is possible to reach explicit similarities and differences between two or more languages with the help of systematic comparison of languages." [Djordjevic, 2;8]. We can recognize those similarities and differences through the methods of contrastive analysis, theory of translation and analysis of mistakes. All of these parts of contrastive linguistics are equally important [James, 3;4].

Theory of translation is an area of linguistics which includes the process of translating of a language from which we translate and a language into which we translate. The translation enables noticing translatable equivalents that help to annotate the differences and similarities between two languages [Djordjevic, 2;3].

The most common mistakes in translation and analysis of the corpus

The process of translation is complex. Most problems about translation refer to the grammar, which requires grammatical information to be processed before having the original message. The essential rule of translation is to transmit the message or information, not the word or sentence [Micic, 5;23].

Analysis at syntax level

This chapter consists of the examples from the material which was given to students to do the translation from Serbian into English. The students who are the second year had done this type of translation before, but they find this task difficult. The examples are represented and analyzed at syntax level.

1. Da li vam to smeta? Ili smatrate da tako treba da bude?

1) Do you mind that*?* Or you consider that it should be like this?

2) Do you mind it or you consider to be like that?

3) Do you mind it or do you consider that it should be like that?

Certain number of students translated this sentence from Serbian into English as the first example shows. Several students translated it as example 2 shows. Not only did these students make a mistake by the lack of respect the rule about forming question forms in the English grammar, but they did not also familiarize with the rule of *Verb Patterns* (CONSIDER + obj. + Ving or CONSIDER + that cl.), [Hewings,7;83]**.** Only two students translated the sentence in the correct way (example 3), connecting these two short sentences into one and following the principle of verb patterns. The omission of auxiliary verb "DO" (Present Simple Tense) in the second part of the sentence is obvious in examples 1 and 2, which is not allowed in English. Then, this sentence should have two question forms considering the conjunction "OR" which is part of *Coordinate Conjunctions (or coordinating conjunctions).* They most commonly join like with like. This means that the conjunctions join a clause with a clause (www.grammar-monster.com/glossary/coordinate_conjunctions.htm, 5th February). The students relied on the grammatical rules in the Serbian language in which only one question form is used in this example.

2. Ja znam. Da li znaju i drugi? Znamo i mi.

1) I know. Do others know too? We know too.

2) I know. Do others know? We also know.

3) I know. Do others know? And we know too.

Almost all students translated the sentences as number 1 shows. A few students translated the sentences as example 2 shows. Two students translated the sentences as it is an example 3. None of the students translated them in the correct way**.** The students did not use the definite article "THE" required before the word "others". **"The"** is used before plural noun when we exactly know what it is referring to, or when other words in noun phrase make the reference specific [Hewings, 7;94]. "Others" here refers to the other people around the speakers. When it comes to short sentences in English, the best way to avoid making a mistake is to join the short sentences in one longer using the appropriate punctuation. Our grammar system allows them to be translated separately. English grammatical rules require this translation as follows: **I do know. Do the others know about it? So do we.** In answers like this we use "**so +** pronoun + auxiliary verb" [Hewings, 7;124].

3. Nismo se dogovorili a sutra naveče smo se opet našli na ogradi između dvije bašte.

1) We didn`t arrange previously but next evening we found ourselfs again at the fence between two gardens.

2) We didn`t plan it yet we met again the next evening by the fence between two gardens.

3) We had no plans but next evening we met again by the fence which separates two gardens.

4) We hadn`t arranged but the following evening we met again by the fence separating two gardens.

As examples show only sentence number 4 is correct. One student did this sentence. Several students translated sentence number 2. A small number of students translated sentence number 3. The rule of *Sequence of Tenses* in English is not respected in examples 1, 2 and 3. Sentence number 1 is done by few students and it shows a poor translation. Example 1 shows the wrong form of the *Reflexive Pronoun* – "ourselves" [Quirk, 9;109]. Then, the verb *"find"* does not fit here. But, it belongs to lexical-semantic analysis and it will not be discussed here. Sometimes TL allows to omit some words if the sentence does not change the meaning. The students who translated sentence 4 had an ability to recognize this in the second part of the sentence, avoiding the relative pronoun and the auxiliary verb "to be" (is). When a relative pronoun is the object of the verb, it can be omitted [Murphy, 6;186].

4. …Zašto se smatra da su knjige pametne ako su gorke?

1) Why is it considered that the books are smart if they are bitter?

2) Why are books considered smart if they are bitter?

More than fifty per cent of the students translated sentence number 1. The rest translated sentence number 2. Respecting the rule of *"Passive Reporting Structures"* in English, [Murphy, 2004: 90] both sentences are correct, except the use of *the Definite Article* **"the"** before the noun **"books"** in the first translation. When we talk about things or people in general, we do not use **"the"** [Murphy, 2004: 150].

5. Iako sam još u životu, na šta da se tužim? Što njih dvojica nisu ostali u selu?

1) Although I`m still in life why should I complain? Because the two of them didn`t stay in the village?

2) Although I`m still in life, what should I complain for? Because two of them didn`t stay in the village?

3) Although I`m still alive, what should I complain for? Because two of them left the village?

Several students translated sentence 1. Most students translated sentence 2 and few students translated sentence 3. In translation it is usual to change the word order, omit some words or use some specific new words, to replace parts of speech [Jovanovic, 4;45]. Sentences 1 and 2 are almost literally translated and the translation in both of them is similar. The first part of the first sentence requires the change of parts of speech in TL since *"I`m still in life"* is not usual in English. None of the students used the correct pronoun after "complain". COMPLAIN (to somebody) ABOUT…= say that you are not satisfied; COMPLAIN OF a pain, an illness etc.

[Murphy, 2004: 268]. Sentence number 3 is the closest translation to the TL style but it has one mistake, the same as sentences 1 and 2. Namely, in the English grammar system these sentences should be joined in one sentence in this case. - **Although I`m still alive, what should I complain about, about the fact that two of them left the village?**

6. Ničija mudrost mi ne može pomoći, ne tražim ništa…

1) Noone`s wisdom can`t help me, I`m not asking anything.

2) Nobody`s help can`t help me, I don`t ask anything.

3) No one`s can help me, I ask for nothing.

A certain number of students translated the sentence as number 1, some of them translated it as number 2 and a few students translated it as sentence 3 is. The students obviously find double negation difficult. Unlike Serbian whose grammatical rules and principles allow the use of more than one negative word in a sentence, English grammar requires only one negative word. *"No one"* belongs to the group of *"Negative Pronouns"* and it refers to humans; the verb is always singular with this pronoun. [Djordjevic, 2;68]. Sentence number 3 is correct. Except double negation in examples 1 and 2, the second part of the sentence is not correct as well. The students made a mistake with the preposition after "ask", ASK (somebody) FOR [Murphy, 6;89] and the problem with tenses is obvious in sentence 1. Due to the rules of tenses, the Present Simple Tense should be used here. We use the Present Simple Tense to talk about things in general (Murphy, 6;90).

7. …kakvi su bili njeni djevojački snovi?

1) How did her girlish dreams look like?

2) What were her girlish dreams?

3) What did she dream about as a girl?

Although the first sentence is grammatically correct, we could say that sentence number 3 respects the English language principles and it is fitted into the English language system completely. This extract, which the sentence in Serbian belongs to, shows that the third sentence is the best choice for translation. It has a bit more free-style translation, but it is necessary to develop a keen sense of style in both languages, honing and expanding our critical awareness of the emotional impact of words, the setting and mood that informs them, the atmosphere they create. Sentence 2 is wrong. It would be acceptable if the student had written "like" at the end of the question applying the construction *"What + to be + noun + like"*.

8. U jesen sam joj predložio da se vjenčamo.

1) In the autumn I suggested that we should marry.

2) In the autumn I suggested to marry her.

3) I suggested that we marry in the autumn.

None of the students had an idea to translate the sentence in the way: **"In the autumn I proposed her",** although sentence number 1 has a grammatically correct translation. Sentence number 2 is wrong due to the rule of *Verb Patterns* – suggest + Ving or suggest + that cl. [Murphy, 6;106]. An effort to find an equivalent is not sometimes enough but we rather need to reconstruct the original as though it was written in the target language. In order to do the translation we must read the book or text that we are translating and be both intimate with the writer and the nuances of language, culture, thought, and message-

The analysis at lexical-semantic level

Being able to speak two languages is not the same as doing the process of translation. It takes time to translate non-native language into a native version. Translation requires the knowledge of two languages [Jovanovic, 4;76]. A script must be interpreted into another language in the same style as it is intended. There are different syntactic rules for different languages which must be understood before doing the translation.

1. *Vraćajući se niz kamene* ***stepenice…***

No student translated this bold word correctly. They were allowed to use a dictionary and this was a task to be done at home, yet they did not know that English has two words for "**stepenice": stairs –** most commonly refers to a series of steps inside a building that lead from one level to another; **steps -** most commonly refers to a series of steps outside a building [Oxford English-Serbian, Serbian-English Student`s Dictionary, 8;112].

2. ***Nasmijala se*** *kad je sat pokazao ponoć…*

Although the students at the second grade should know the difference between the verbs to laugh / to smile, a few students used the wrong equivalent in English – **to laugh.** Cambridge Advanced Learner`s Dictionary (2008) gives this definition of the verb **"to laugh" – "***to smile while making sounds with your voice that show you think something is funny or you are happy"***.** The context of the extract also shows that to laugh cannot be used in this example. The rest used the appropriate equivalent in English – to smile. Cambridge Advanced Learner`s Dictionary (2008) gives this definition of the verb **"to smile"** – *"to make a happy or friendly expression in which the corners of your mouth curve up"*.

3. *On misli samo na* ***Dubrovkinju.***

Serbian differs gender and case and this word completely applies to Serbian language system. Furthermore, the only way to translate this noun into English and not to mistake the meaning is – **a woman from Dubrovnik.** None of the students were familiar with this.

4. *I duvaćemo jedno na drugo sve do lijeganja…*

The context clearly shows that **"lijeganje"** here relates to "going to bed". But, two students used the verb **"to lie"** – *"to be in or move into a flat or horizontal position (so that you are not standing or sitting)"* [Oxford English-Serbian, Serbian-English Student`s Dictionary, 8;94].

5. ***Car*** *je, priča se tu, dobio na poklon divne posude od stakla.*

Most students used the appropriate equivalent – Tsar. Tsar / Tzar / Czar – "*the title of the emperor = leader of Russia in the past"* [Oxford English-Serbian, Serbian-English Student`s Dictionary, 8;200]. Several students translated this word as "king", which is not far from the real equivalent. But the correct equivalent exists in English and it should be used without a possibility of a word replacement which has the similar meaning. Cambridge Advanced Learner`s Dictionary gives the definition of the noun "king" – "*a male ruler of a country, who holds this position because of his royal birth".*

6. ***Ćutala je*** *i slušala.*

Despite the fact that this extract is form literature and must contain academic lexical elements, one student used an inappropriate equivalent for "**ćutati"** – shut her mouth. As it is previously mentioned, translations allow different techniques of transferring the message and here we have a technique of adding a word and we change parts of speech –"silent" (adj.) - *without any sound* Cambridge Advanced Learner`s Dictionary. "To keep" = "To stay" – *"to stay in a particular condition"* [Cambridge Advanced Learner`s Dictionary,1;157].

Conclusion

As the analytical part of the paper indicates, the students mostly made grammar mistakes. Syntax appears more complex and complicated than semantics and lexicology. They find the use of tenses confusing, particularly Sequence of Tenses. Moreover, double negation is only unfamiliar to a few students. Since our Language does not recognize the use of articles, students do not understand them and they are not aware of the fact how important the use of articles is in English. It is a surprising discovery that some students made a mistake in Verb Patterns, despite the allowance to use grammars and dictionaries at home. Sometimes translating creative works requires the ability to read between the lines, which a small number of students do. Some students should work harder on learning more grammar than vocabulary, in order to improve their knowledge of English. Together with this, they should be focused on the techniques of translation.

Bibliography

Cambridge Advanced Learner`s Dictionary. (2008). Cambridge: Cambridge University Press.
Đorđević, R. (2004). Uvod u kontrastiranje jezika. Beograd: Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet.
Hewings, M. (2009). Advanced Grammar in Use. Cambridge University Press. Cambridge
James, C. (1980). Contrastive Analysis. London and New York: Longman.
Jovanović, M. (2001). Tehnika prevođenja. Beograd: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.
Mićić, S. (2009). Studije o jeziku medicine u engleskom i srpskom. Beograd: Beogradska knjiga. Novosti, Pravo slovo, Beograd
Murphy, R. (2004). English Grammar in Use. Cambridge University Press. Cambridge
Oxford English-Serbian, Serbian-English Student`s Dictionary. (2006). Oxford University Press
Quirk, R. et. al. (1985) A Comprehensive Grammar of the English Language. London and New York: Longman.

Вељковић Маја
Универзитет у Нишу, Ниш (Србија)

РУСКЕ ЗАВИСНЕ РЕЧЕНИЦЕ СА ВЕЗНИЧКОМ РЕЧЈУ *КОТОРЫЙ* И ЊИХОВИ СРПСКИ ПРЕВОДНИ ЕКВИВАЛЕНТИ

Руске зависне реченице са везничком речју *который* и њихови српски преводни еквиваленти анализирају се у овом раду како на макросинтаксичком тако и на микросинтаксичком плану: одређује се врста зависне реченице као обавезне компоненте зависносложене реченице, али се даје и класификација на основу микросинтаксичке структуре, тј. саме зависне реченице се посматрају и као просте и, ради прегледности и прецизнијег сагледавања, класификују се на основу синтаксичке функције везничке речи.

Русские придаточные предложения, в составе которых имеется союзное слово *который*, в большей степени являются определительными, но есть и придаточные подлежащные предложения с тем же союзным словом. В данной статье приводится обзор этих предложений в русском языке, их сербские эквиваленты (придаточные предложения с местоимениями *који* и *чији*) и их классификация на основании синтаксической функции союзного слова, т.е. в зависимости от того, каким членом предложения является местоимение *который*.

Кључне речи: синтакса, *который*, хипотакса, везничка реч.

Ключевые слова: *который*, подчинение, синтаксис, союзное слово.

Уводна разматрања. – О руским зависним реченицама са заменицом *который* може се говорити како на плану синхроније тако и на дијахронијском плану; компаративно-историјска синтакса источнословенских језика препознаје реченице са поменутом заменицом као најфреквентније атрибутске реченице: „Самым распространенным средством атрибутивной связи в восточнославянских памятниках письменности различных жанров XV-XVII вв. было местоимение *который*“ [Борковски 1973: 5]. Препозитивне (старије) и постпозитивне (новије) зависне реченице одређују се као атрибутске или субјекатске у зависности од тога да ли се односе на именицу или заменицу у саставу главне реченице: „Нами анализируются лишь те препозитивные и постпозитивные определительные конструкции, зависимая часть которых относится к определяемому слову главного предложения, выраженному существительным. Препозитивные же и постпозитивные определительные конструкции, относящиеся к определяемому слову главного, выраженному местоимением (личным или указательным), нами не рассматриваются, так как они имеют дополнительные оттенки объекта, субъекта и предиката (это дало основание некоторым исследователям отнести их к придаточным дополнительным, подлежащим и сказуемым)“ [Борковски 1973: 5]. У новијој литератури о сложеној реченици данас се издваја неколико важних класификација о којима је писала и Вера Бабајцева у својој *Синтакси руског језика*: „Наиболее известны функциональная, многомерная, структурно-семантическая (традиционная) классификации сложных предложений“ [Бабајцева 2015: 441]. Ове класификације се, како с правом истиче поменута ауторка, међусобно не искључују, већ допуњују – посматрањем сложене реченице са различитих аспеката [в. Бабајцева 2015: 441].

Циљ нашег истраживања јесте да, имајући у виду ову предност, применом посебних механизама конфронтационе анализе два генетски блиска језика – руског и српског, посветимо пажњу разликама које постоје између руских зависних реченица с везничком речју *который* и њихових српских преводних еквивалената.

Руске зависне реченице са везничком речју *который*. – У зависности од тога да ли је контактна реч у главној реченици именица или (најчешће показна) заменица, зависне реченице са везничком речју *который* могу се посматрати као атрибутске односно субјекатске. Даља класификација вршиће се према синтаксичкој функцији саме везничке речи *который*.

Атрибутске реченице. – Зависне реченице које се заменицом *который* везују за именицу као контактну реч главне реченице могу се дефинисати термином *атрибутске реченице*. Заменица *который* слаже се са контактном именицом из главне реченице у роду и броју (макросинтаксички план), док је падежни облик заменице одређен микросинтаксичким (синтагматским) односима са речима унутар саме зависне реченице као просте. (О слагању заменичке речи и изузецима од наведеног правила в. РГ2 2005: 513-514.)

Везничка реч *который* у функцији граматичког субјекта. – Заменица *который* може бити употребљена у облику номинатива једнине мушког рода, тј. може бити у функцији граматичког субјекта. Српски преводни еквивалент веома често је заменица *који* која задржава руске граматичке категорије падежа, броја и рода, а самим тим и синтаксичку функцију граматичког субјекта. О сложеним реченицама са посесивном атрибутском зависном клаузом у српском (српскохрватском) језику писао је Ковачевић у *Синтакси сложене реченице у српском језику* [в. Ковачевић 1998: 193-199]. Контактна именица је у номинативу једнине, мушког рода. Навешћемо пример посведочен у анализираној грађи:

[…] у меня был товарищ, Ламберт, *который* говорил мне ещё шестнадцати лет, […]. Подр ч1 г3 V	[…] имао сам друга, који се звао Ламберт, *који* ми је говорио још кад је имао шеснаест година […]. Деч1 71

Уколико се род контактних именица у руском и српском језику не подудара, тј. разликује, ова разлика огледаће се и у категорији рода заменичке речи. Тако у руском заменица у функцији граматичког субјекта може бити мушког, а у српском језику средњег рода:

И всё, что так высоко и дорого цените вы все, [...], не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как пух, *который* носится по воздуху. ЧехВС 362	И све што тако високо и веома цените сви ви, [...], нема нада мном никакве власти, као ни ово перце *које* лети по ваздуху. ЧехВиш 416

Руска односна заменица женског рода – *которая* – такође може бити у функцији граматичког субјекта. И контактна именица у главној реченици је женског рода, такође у облику једнине, али, у примеру који следи, у облику генитива:

[...] и останавливался прямо у матери, *которая*, [...], имела свою квартиру, [...]. Подр ч1 г1 VI	[...] и одседао је управо код мајке, *која* је, [...], имала свој стан [...]. Деч1 20

Уколико је контактна именица у руској главној реченици средњег рода, везничка реч ће такође имати облик средњег рода. Српски преводни еквивалент може бити женског рода као у следећем примеру:

Надо разрешить, принадлежит ли этот феномен клинике, как единичный случай, или есть свойство, *которое* может нормально повторяться в других […]. Подр ч1 г3 III	Треба утврдити да ли тај феномен спада у посебне клиничке случајеве, или је особина *која* може нормално да се понавља код других […]. Деч1 65

Усудићемо се да на управо на овом месту наведемо и следећи пример:

[…] в числе этой дворни, *которой* было множество и кроме Макара Иванова, […]. Подр ч1 г1 IV	[…] међу том послугом *које* је било много и осим Макара Иванова […]. Деч1 12

Наиме, у наведеном примеру ради се о специфичној синтаксичкој конструкцији[1] у оквиру зависне атрибутске реченице: логички субјекат, или другим речима тема, изражен је генитивом једнине заменице женског рода (заправо, лексичко значење преузима се од контактне именице *дворня*); падежни облик заменице условљен је именицом *множество* која је у функцији именског дела сложеног именског предиката и означава количину логичког субјекта.

Везничка реч *который* у функцији граматичког објекта. – Заменичка реч може у реченици бити граматички објекат, како директни тако и индиректни. Погледајмо примере ексцерпиране из анализираног корпуса:

[…] у меня вдруг являлся отец, *которого* [у меня] никогда прежде не было. Подр ч1 г1 VII	[…] сад сам наједном имао оца, *кога* никад раније нисам имао. Деч1 23

[1] О квантитативним реченицама в. Вељковић 2011: 512-519. О двочланим реченицама типа *Много цветов.* в. РГ2 2005: 329.

На основу наведеног примера примећујемо да руска одрична безлична посесивна реченица може бити зависна компонента, тј. зависна атрибутска реченица у саставу сложене реченице; везничка реч у генитиву је, заправо, посесум, а формално индиректни објекат. У српском језику налазимо двочлану реченицу, а везничка реч је у функцији директног објекта израженог акузативом једнине. (О посесивним реченицама као зависним компонентама у саставу сложених реченица писали смо у нашем магистарском раду – в. Вељковић 2010.)

Посесум, тј. субјекат посесивности (формално граматички индиректни објекат) такође може бити изражен везничком речју; у руској реченици заменица је у генитиву множине, док је преводни еквивалент изражен номинативом множине и у функцији је граматичког субјекта (ова разлика је последица различитог изражавања предикатске посесивности[2] у руском и српском језику). Наводимо пример из анализираног корпуса:

Между тем есть, может быть, и очень довольно людей почтённых, умных и воздержных, но *у которых* […] нет ни трёх, ни пяти тысяч […]. Подр ч1 г5 I	Има, међутим, можда и врло много људи, угледних, паметних и скромних, али *који* […] немају ни три, ни пет хиљада, […]. Деч1 98

Везничка реч у функцији граматичког објекта у руском језику може бити изражена и дативом множине:

Между тем есть, может быть, и очень довольно людей почтённых, умных и воздержных, но у которых [...] нет ни трёх, ни пяти тысяч и *которым*, однако, ужасно бы хотелось иметь их. Подр ч1 г5 I	Има, међутим, можда и врло много људи, угледних, паметних и скромних, али који [...] немају ни три, ни пет хиљада, а *који* би, ипак, страшно желели да их имају. Деч1 98

У наведеном примеру је руска зависна атрибутска реченица безлична, док у преводу на српски језик налазимо личну двочлану реченицу са заменичком речју у функцији граматичког субјекта исказаног номинативом множине.

Директни објекат зависне атрибутске реченице изражен везничком речју у руском језику изражен акузативом једнине без предлога посведочен је у следећем примеру:

[2] О изражавању предикатске посесивности у руском и српском језику в. Вељковић 2012: 916-917, Вељковић 2013: 55-57.

А затем знай, Аркадий, что у тебя есть друг, это я, *которого* ты можешь верхом оседлать. Подр ч3 г6 I	А онда да знаш, Аркадије, да имаш пријатеља, мене, *који* ће за тебе све учинити[3]! Деч2 193

Навешћемо пример за везничку реч у функцији индиректног објекта израженог инструменталом множине:

[…] у него были какие-то удивительные и неотразимые приёмы, с *которыми* я не знал что делать. Подр ч1 г1 VIII	[…] он је имао нека чудновата лукавства којима се није могло одолети и *којима* се нисам могао супротставити. Деч1 27

И у руском и у српском језику зависна атрибутска реченица може имати односну заменицу женског рода, тј. везничку реч у функцији директног објекта израженог акузативом без предлога. Контактна именица је у следећем примеру у генитиву:

[…] лицо матово-бледное […] как теперь у дочери вашей, Анны Андреевны, *которую* я имел честь давеча видеть […]. Подр ч1 г6 III	[…] лице потпуно бледолико […] као што је сад у ваше кћери, Ане Андрејевне, *коју* сам имао част данас да видим […]. Деч1 138

Везничка реч *который* у функцији адвербијала. – У анализираној грађи посведочен је пример атрибутске реченице са везничком речју *который* у функцији адвербијала за место израженог генитивом:

[…] ибо у них есть такая черта, *до которой* не надобно доводить их. Подр ч3 г10 III	[…] јер постоји граница *преко које* их не треба терати. Деч2 260

Адвербијал може бити изражен и инструменталом једнине са предлогом *за*:

[…] подошел к нашему большому дубовому столу, *за которым* мы все шестеро что-то зубрили […]. Подр ч1 г6 IV	[…] пришао нашем великом храстовом столу *за којим* смо сва шесторица нешто бубали, […]. Деч1 144

Везничка реч *который* у функцији атрибута. – Генитив заменице *который* често се у руском језику употребљава за изражавање посесивног значења. Српски преводни еквивалент је у овим случајевима најчешће одговарајући облик присвојне заменице *чији*. О употреби руске присвојне заменице *чей* Радмило Маројевић пише у *Руској граматици*

[3] С обзиром на то да се ради о фразеолошкој јединици за чији превод важе нешто другачија правила, анализа еквивалентне српске реченице не би била од посебног значаја за овај рад те је стога нећемо овог пута ни вршити.

следеће: „Относительное местоимение *чей* употребляется в русском языке только при существительных со значением лица, хотя чаще в этом случае выступает форма родительного принадлежности местоимения *который*. […] Принадлежность существительному, означающему не лицо, а предмет или понятие, может быть выражена в русском языке только формой родительного принадлежности относительного местоимения *который*“ [Маројевић 2001: 144]. Дакле, у руским зависним реченицама налазимо неконгруентни атрибут, док је српски преводни еквивалент у функцији конгруентног атрибута. Погледајмо ексцерпиране примере:

Ждал я одного лица, с приездом *которого* в Петербург мог окончательно узнать истину; […]. Подр ч1 г1 VIII	Чекао сам једну особу, с *чијим* сам доласком у Петроград могао коначно сазнати истину; […]. Деч1 27
Это письмо того самого Столбеева, по смерти *которого* из-за завещания его возникло дело Версилова с князьями Сокольскими. Подр ч1 г4 I	То је писмо оног истог Столбејева после *чије* смрти је око његовог завештања избио спор између Версилова и кнежева Соколских. Деч1 80

У случајевима када се заменичком речју, тачније обликом генитива који је хомонимичан облику акузатива осим атрибутског значења изражава и објекатско значење посебно би требало обратити пажњу на врсту рекције – да ли се рекција глаголске именице подудара са рекцијом одговарајућег глагола, тј. да ли се заменичка реч налази у функцији допуне глаголске именице или у функцији граматичког објекта – допуне уз глагол. Погледајмо пример:

[…] если вы делаете вызов без ведома обиженного, за обиду *которого* вы вызываете, […]. Подр ч1 г4 I	[...] ако ви упућујете позив на двобој без знања увређеног, због *чије* увреде ви то чините, […]. Деч1 237

Субјекатске реченице. – Зависне реченице које се заменицом *который* везују за (најчешће показну) заменицу као контактну реч главне реченице могу се дефинисати термином *субјекатске реченице*. Овај тип реченица је у анализираној грађи заступљен у знатно мањој мери.

Везничка реч може бити у функцији граматичког субјекта исказаног номинативом множине:

[…] а засим все те, *которые* никогда не имели акций, да и вообще ничего не имели, […]. Подр ч2 г1 IV	[...] а затим сви они *који* никада нису имали акција, и који иначе ништа нису имали, […]. Деч1 261

Заменица може бити у функцији адвербијала за место у локативу једнине женског рода:

Та, *в которой* все, по обыкновению, сидели, серединная комната, или гостиная, была у нас довольно большая и почти приличная. Подр ч1 г6 I	Та, *у којој* би обично сви седели, средња или примаћа, била нам је прилично велика и сасвим пристојна. Деч1 121

Закључна разматрања. – Најчешћи српски преводни еквиваленти руске везничке речи *который* јесу одговарајући облици српске односне заменице *који*. Једини изузетак од овог правила је употреба присвојне заменице *чији* као еквивалент руске заменице *который* у посесивном генитиву у функцији неконгруентног атрибута. Иако је полазна идеја укључивала и поредбену српско-руску анализу, тј. истраживање руских зависних реченица са везничком речју *который*, али у својству преводних еквивалената одговарајућих српских језичких средстава као оригинала, засад одређена питања због ограничавајућег просторно-временског фактора остају без одговора; надамо се да ће неко следеће истраживање следити назначени правац и донети нова драгоцена сазнања која би, претпостављамо, била од немале важности за конфронтациону синтаксу руског и српског језика, а самим тим и за славистику уопште.

Списак литературе

А. П. Чехов. Сабрана дела. Књига десета. Драме. Вишњик. Превео Кирил Тарановски. НОЛИТ. Београд. [1981.]

А. П. Чехов. Собрание сочинений в восьми томах. Том 7. Вишневый сад. Библиотека «Огонек». Издательство «Правда». Москва. 1970.

В. В. Бабайцева. Синтаксис русского языка. Монография. Издательство «Флинта». Издательство «Наука». Москва, 2015.

Маја Вељковић. Руске посесивне реченице са глаголом иметь и њихови српски еквиваленти (сажетак на српском језику, резиме на руском језику), Универзитет у Нишу, Научни скуп Наука и савремени универзитет, 10-11. новембар 2011. Књига резимеа, Ниш, 2011. с. 160-161; Филологија и универзитет, Тематски зборник радова, Научни скуп Наука и савремени универзитет 1, Универзитет у Нишу, Филозофски факултет, Издавачки центар, Ниш, 2012. с. 914-931.

Маја Вељковић. Посесивне реченице у руском језику и њихови еквиваленти у српском, магистарски рад одбрањен на Филолошком факултету у Београду 9.3.2010. године. (необјављен)

Маја Вељковић. Руске посесивне реченице и њихови српски еквиваленти (Логичко-семантички и формално-граматички аспекат), Научни диалози, Сборник посветен на 10-годишнината от научното партньорство между Филологическия и Философския факултет на Университетите във Велико Търново и Ниш, Филологически факултет (Велико Търново), Философски факултет (Ниш), Велико Търново, 2012, с. 53-74.

Маја Вељковић. Руске посесивне реченице са квантитативним значењем и њихови српски еквиваленти, Универзитет у Источном Сарајеву, Филозофски факултет Пале, Радови Филозофског факултета, Филолошке науке, број 13, књига 1, Пале, 2011. с. 507-522.

Милош Ковачевић. Синтакса сложене реченице у српском језику. Рашка школа, Београд. Српско просвјетно и културно друштво Просвјета, Србиње, 1998.

Радмило Мароевич. Русская грамматика: Сопоставительная грамматика русского и сербского языков с историческими комментариями. Том II. Морфология глагола. Синтаксис. Теория перевода. Москва — Белград, 2001.

Русская грамматика. Том II. Синтаксис. Российская академия наук. Институт русского языка

им. В. В. Виноградова. Москва, 2005.
Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения. Академия наук СССР. Институт русского языка. (Вторая часть). Ответств. редактор В.И. Борковский. Издательство „Наука“, Москва, 1973.
Ф. М. Достоевский. Подросток. http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0090.shtml
Ф. М. Достојевски. Дечко. књ. 1. Превели Милена и Радмило Маројевић. Београд: Српски фонд словенске писмености и словенских култура. Горњи Милановац: Дечје новине. Москва: Радуга. 1992. (штампано у Москви).
Ф. М. Достојевски. Дечко. књ. 2. Превели Милена и Радмило Маројевић. Београд: Српски фонд словенске писмености и словенских култура. Горњи Милановац: Дечје новине. Москва: Радуга. 1992. (штампано у Москви).

Воронова Елена Владимировна
Российский новый университет, г. Москва (Россия)

Voronova Elena
Russian New University, Moscow (Russia)

ПРОЕКТ «ВИРТУАЛЬНАЯ ШКОЛА» В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ

"VIRTUAL SCHOOL" PROJECT IN THE CONTEXT OF THE OPEN EDUCATION CONCEPT

Статья посвящена реализации проекта «Виртуальная школа». Этот проект является частью целого комплекса мероприятий, направленных в рамках выполнения задач Федеральной целевой программы «Русский язык» на формирование эффективной и масштабной сети дистанционного обучения под условным названием «Образование на русском». «Виртуальная школа» - это модуль дистанционного повышения квалификации в сфере русского языка для преподавателей-русистов и преподавателей, ведущих занятия на русском языке, в России и за рубежом. Разработчиком модуля является творческий коллектив научно-исследовательской лаборатории «Русский язык в поликультурном пространстве» Российского нового университета. Главная задача разработчиков модуля – сделать проект площадкой международного сотрудничества. Проект открыт для критики и предложений. Апробация модуля будет организована в форме курсов повышения квалификации. В ассортименте курсов – 20 тематических программ и 5 базовых модулей, из них 10 программ и, как минимум, 3 базовых модуля адресованы преподавателям русского языка как иностранного. Каждый слушатель может самостоятельно выстроить свою образовательную траекторию. Старт апробации намечен на 27 марта. В преддверии апробации на специализированном сайте РосНОУ для всех желающих открыт доступ для участия в пролонгированной международной интернет конференции. Адрес специализированного сайта - master.ruword.org.

The article is devoted to the implementation of the project "Virtual school". This project is part of the whole complex of measures aimed at fulfilling the tasks of the Federal target program "Russian language" for the formation of an effective and large-scale distance-learning network called "Education in Russian". "Virtual school" is a remote training in the field of Russian language teachers-specialists in Russian Philology and teachers, giving classes in the Russian language in Russia and abroad. The module developer is the creative team of the research laboratory "Russian language in a multicultural environment" of the Russian New University. The main task of the module developers is to make the project platform for international cooperation. The project is open to criticism and suggestions. Testing of the module will be organized in the form of refresher courses. The range of courses is 20 thematic programmes, and 5 basic modules, 10 programs of which and at least 3 of the base module are addressed to teachers of Russian as a foreign language. Each student can build their educational trajectory. Start of testing is scheduled for March 27. In anticipation of testing there is an open access for everyone to participate in extended international Internet conference on the specialized website of RosNOU . The address of the specialized website - master.ruword.org.

Ключевые слова: открытое образование, дистанционное обучение, русский язык как иностранный, повышение квалификации преподавателей русского языка.

Key words: open education, distance teaching and learning process, Russian as a foreign language, professional development for Russian language teachers.

Современное общество принято называть информационным и постиндустриальным. Базовым принципом такого общества является факт массового

предоставления услуг, включая образовательные, в информационном формате. Конечно, о том, является ли образование услугой или нет - можно бесконечно спорить, но то обстоятельство, что в наши дни все виды образования стремительно переносятся в сферу «открытого образования», ни у кого не вызывает сомнений. Собственно то, что (по крайней мере, в России) принято называть концепцией Открытого образования, на самом деле является частью глобального процесса, который Элвин Тоффлер назвал новой технологической революцией и который направлен на формирование глобальной информационной инфраструктуры, которая «станет основой социальной и экономической деятельности будущего, а также позволит любому человеку в любое время и в любом месте получить всю интересующую его информацию» [1, 2], включая информацию, направленную на формирование общего и профессионального образования. Открытое образование, которое активно и масштабно реализуется практически во всем мире, является закономерным результатом эволюции взглядов на формы, принципы и содержание образования в современном информационном обществе. В комплект базового инструментария открытого образования как его необходимая составляющая входят интенсивно развивающиеся информационно-коммуникационных технологий, которые, с одной стороны, являются условием обеспечения дистанционного формата открытого образования, а с другой, - в силу перманентности процесса своего совершенствования, обеспечивают прогресс дистанционного образования, делая «открытое образование» открытым не только с точки зрения своей прагматики, но и с точки зрения принятия новых форм развития. Эволюция системы дистанционного обучения направлена на создание таких форм, которые делают учебный процесс полноценным и многогранным, не ограничивая, а наоборот расширяя фактор личностного взаимодействия его участников, обогащая процесс обучения новыми мультимедийными справочными и учебными материалами, расширяя масштабы и виды коммуникативных возможностей участников образовательного процесса.

Российский новый университет вместе с другими вузами России с 2011 года активно включился в реализацию Федеральной целевой программы «Русский язык», концепция которой была разработана российским правительством в целях масштабного укрепления витальности (точнее – этнолингвистической витальности[1]) русского языка [3] в различных ситуациях его бытования и использования. Одним из главных проектов этой программы является проект, направленный на формирование глобальной системы дистанционного обучения русскому языку и шире – создание в сети масштабного образовательного комплекса, подразумевающего все возможные варианты «образования на русском языке», адресованного как жителям России, так и гражданам зарубежных стран. Основную роль в решении задач, направленных на организацию и выполнение этой работы, по поручению Министерства образования и науки РФ выполняет в настоящее время Государственный

[1] О термине «этнолингвистическая витальность» - см. Клюканов И.Э. Коммуникативно-теоретические вопросы этнолингвистической витальности // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова, Филологические науки, № 1, 2011 г. С.11-20

институт русского языка им. А.С. Пушкина. Вместе с тем, масштабность проекта и его однозначная корреляция с обозначенной Э. Тоффлером глобальной «информационной инфраструктурой» является основанием для того, чтобы привлечь к его выполнению все ведущие вузы России. Более того, именно глобальность задач предполагает, что организуя сеть образования на русском, российские образовательные учреждения будут находиться в тесном взаимодействии со своими зарубежными коллегами, всемерно укрепляя уже сложившиеся контакты, а также приобретая и расширяя новые.

Российский новый университет участвует в мероприятиях, связанных с реализацией Федеральной целевой программы «Русский язык» практически с момента ее старта, с 2011 г. В 2014-2015 гг. по заказу Министерства образования и науки РФ РосНОУ разрабатывал концепцию управления глобальной сетью обучения русскому языку за рубежом, а с 2016 г. формирует модуль повышения квалификации учителей русского языка, работающих в России и за рубежом. Этот модуль должен стать составной функциональной частью глобальной системы образования на русском языке в сети интернет. В настоящий момент творческим коллективом РосНОУ в общих чертах сформировано представление о том, какой должна быть модель единой системы повышения квалификации преподавателей русской языка, и готовится процесс ее апробации, который будет организован в форме курсов повышения квалификации.

Концепция гипотетической модели единой системы повышения квалификации преподавателей русского языка, а также преподавателей иных учебных предметов, ведущих занятия на русском языке в российских и иностранных школах предполагает как пространственную, так и временную рассредоточенность участников этой системы. Именно исходя из глобальности предполагаемых масштабов, трудно представить себе такую модель в виде единственного ресурса, на который физически будут попадать все педагоги, желающие повысить квалификацию в области русского языка. Это принципиальная позиция концепции РосНОУ, в рамках которой модуль и модель повышения квалификации ассоциируются с сетевой структурой, и этот модуль, как впрочем, и всю систему дистанционного образования на русском, правильнее называть «глобальной сетью». О структуре гипотетического модуля с точки зрения его технологической составляющей было подробно рассказано в ходе методических вебинаров, которые были организованы РосНОУ в преддверии старта программ повышения квалификации. Предполагается, что этому вопросу будет посвящено и одно из специальных выступлений на этой конференции. Более продуктивным в контексте нашего сообщения, связанного со спецификой дистанционного повышения квалификации в области методики преподавания русского языка и конкретно, методики РКИ, нам представляется разговор о концепции и алгоритме апробации, а также подходе к формированию содержания программ, которые будут использованы в целях апробации модуля повышения квалификации.

Работая над реализацией проектов Министерства образования России, РосНОУ неоднократно совместно с представителями других вузов России готовил дистанционные программы повышения квалификации учителей русского языка. Наиболее активными

партнерами РосНОУ в разработке этих программ выступили такие вузы как Казанский Федеральный университет, Северо-Восточный Федеральный университета им. Аммосова (Саха, Якутия), Московский педагогический государственный университет, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Московский институт открытого образования, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого и другие. Огромную помощь в работе над программами РосНОУ оказали и зарубежные коллеги. В частности, разработчиками ряда дистанционных программ выступили методисты международного образовательного ресурса bilingual-online.net. Начиная с 2011 года совместными усилиями такого большого творческого коллектива было разработано более 60 эффективных дистанционных программ повышения квалификации и переподготовки в сфере русского языка как неродного, второго родного и государственного. В программах, несмотря на то, что большая их часть на первом этапе работ была адресована российским учителям, приняли участие преподаватели русского языка из более чем 50 стран мира, включая такие отдаленные от Москвы регионы как США, Австралия, ЮАР, Южная Корея, Япония. Были среди наших слушателей и преподаватели русского языка из Сербии.

Проект 2014-2015 года был направлен на разработку модели организации управления модулем глобальной системы обучения русскому языку за рубежом. На этом этапе к работе активно подключились многие наши зарубежные партнеры. Совместно с коллегами из Панъевропейского университета была организована и апробирована программа Вводно-коррекционного курса РКИ. Этот курс был реализован в рамках отработки условий управления глобальной сетью обучения русскому языку за рубежом.

Наш новый проект, стартовавший в августе 2016 г., получил условное название «Виртуальная школа». Этот проект имеет своей целью разработку модели организации системы дистанционного повышения квалификации учителей русского языка в России и за рубежом в рамках глобальной сети дистанционного обучения «Образование на русскомя». На новом витке реализации заданий Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Русский язык», по итогам консультаций и методических вебинаров с российскими и зарубежными коллегами творческим коллективом РосНОУ сформированы следующие положения концепции апробации модуля повышения квалификации преподавателей (учителей) русского языка из российских и зарубежных образовательных учреждений:

1. Основной целью проекта является не организация и проведение курсов повышения квалификации как таковых, а организация апробации функционирования модуля повышения квалификации преподавателей (учителей) русского языка, а также преподавателей (учителей), преподающих на русском языке, в целях определения качества адаптации разработанной модели модуля к единой системе дистанционного обучения русскому языку в России и за рубежом в рамках ресурса (глобальной сети) «Образование на русском».

2. Применительно к вопросу об организации и проведении апробации необходимо, прежде всего, рассмотреть следующие позиции:

- Степень технологической способности модуля одновременно реализовывать несколько программ в рамках курсов, предназначенных для слушателей, представляющих разные регионы мира и имеющих разные этно-социокультурные статусы.
- Формы координации в рамках единой сети разнообразных ресурсных центров, расположенных в различных регионах России, дальнего и ближнего зарубежья.
- Возможность прагматической адаптации программ с учетом реальных потребителей.
- Формы и методы модерирования работы модуля, в том числе, в целях корректировки технологии деятельности, контента дидактических материалов и методики их представления, формирования необходимой статистической информации, учета и контроля; формы учета и контроля образовательных потоков.
- Возможность создания унифицированной открытой системы информационного сопровождения реализации мероприятий модуля.
- Возможность организации максимально разнообразного взаимодействия слушателей программ с преподавателями, тьюторами и между собой.
- Характер и формат пополнения и модификации контента.

3. В связи с необходимостью масштабного охвата потенциальных слушателей курсами повышения квалификации в рамках апробации модуля повышения квалификации единой глобальной сети образования на русском языке предусмотреть апробацию функционирования региональных точек доступа (ресурсных центров), создав в рамках сети региональные узлы координации и связи на базе партнерских образовательных организаций, расположенных как в России, так и за рубежом.

4. В целях оптимизации процесса апробации модуля максимально упростить и редуцировать структуру дидактических материалов, вместе с тем максимально увеличив и разнообразив число самостоятельных дидактических компонентов.

5. Структурировать материал (ассортимент программ) с учетом двух прагматических направлений: учителя российских школ (и других образовательных организаций); преподаватели различных образовательных организаций за рубежом.

6. Для каждой из двух образовательных траекторий предусмотреть базовые модули (2-3) объемом до 18 часов каждый, обязательные к изучению для участников программы.

Для траектории РКИ предлагается следующий ассортимент базовых модулей:

- Современные информационно-коммуникационные технологии в преподавании русского языка (как иностранного).
- Новые направления в теории и методике преподавания РКИ (включая преподавание русского языка как второго родного билингвам).

Каждый базовый модуль в траектории РКИ рассчитан на 18 часов занятий и представляет собой электронный учебно-методический комплекс, включающий 6 авторских видеолекций (или видеосеминаров), прочитанных ведущими специалистами России и зарубежных стран по тематике модуля в режиме офлайн, задания для самостоятельной работы по каждой лекции в форме тестовых заданий, список рекомендованной литературы, презентации, другую наглядную и справочную

информацию. В каждом базовом модуле предусмотрен интерактивный форум, предполагающий тьюторское сопровождению и возможность для слушателя получить ответ от лектора.

Для траектории РКИ, как нам кажется, могут быть интересны следующие тематические программы, которые участник повышения квалификации выбирает по своему желанию:

- Концептосфера русской ментальности.
- Особенности преподавания вводного фонетико-грамматического курса иноязычным учащимся.
- Методика преподавания делового общения на занятиях по русскому языку как иностранному.
- Греческая тема в русской культуре и словесности как контент этноориентированного дистанционного курса повышения квалификации для греческих преподавателей русского языка.
- Методика организации интенсивного курса обучения русскому языку как иностранному для участников различных международных мероприятий (на примере подготовки курса для футбольных болельщиков из стран Латинской Америки).
- Фразеология как лингвометодическая проблема РКИ.
- Краткосрочные программы по методике РКИ для магистрантов-иностранцев, обучающихся по образовательным программам «Русский язык».
- Все тематические программы рассчитаны на курс повышения квалификации объемом 36 часов. В составе каждой программы предусмотрены 3 модуля:
- Теоретический. Включает в себя видеолекции, текстовый материал, тестовые задания, презентации.
- Методический. Представляет собой комплекс из трех практических занятий (онлайн-режим или запись), в ходе которых демонстрируется применение рассматриваемой методики в ходе реально проводимых занятий. В рамках этого модуля слушателям предлагается выполнение кейсовых заданий.
- Дискуссионный. Занятия этого модуля проводятся после выполнения слушателями проектного задания (тематической презентации). Формат занятий – видеоконференция. Слушателям предлагаются для обсуждения выполненные проекты. Дискуссия позволит не только организовать практический значимый обмен мнения по поводу предлагаемых методических приемов, но и сформировать представление о том, какие достоинства и недостатки имеет предложенная тематическая программа.

Все слушатели в рамках отводимого на программу аудиторного времени получат 3 часа контактной работы с тьюторами. Предполагается, что тьюторскую поддержку курсов будет осуществлять международная коллегия тьюторов, сформированная в ходе реализации проектов прошлых лет.

Мы планируем, что в качестве лекторов и ведущих семинаров в курсах повышения квалификации примут участие ведущие специалисты в области РКИ. Примечательно, что

к сотрудничеству мы приглашаем не только специалистов из России, но и известных преподавателей русского языка, живущих в других странах. Современные технологии помогут нам объединить в едином образовательном процессе людей из разных регионов мира: Австралии, Южной Кореи, Японии, США, Латинской Америки и т.д.

Старт курсов повышения квалификации намечен на 27 марта. В рамках подготовки к проведению курсов организована международная интернет-конференция. Намеренно обращаем внимание на то, что организована, т.е. она еще продолжается. Оргкомитет намеренно пролонгировал эту конференцию до 20 марта, сделав ее дискуссионной площадкой проект, для того, чтобы дать возможность принять участие в обсуждении программ и концепции формирования модуля дистанционного повышения квалификации максимально возможному числу заинтересованных преподавателей. Мы хотим, чтобы этот проект превратился в продукт коллективного творчества, а потому приглашаем к участию в нем в качестве слушателей, методистов, преподавателей, экспертов всех, кому небезразлична судьба русского языка, кто заинтересован в его изучении, совершенствовании методики преподавания, в поддержании его статуса как языка межнационального и международного общения.

Поскольку проект финансируется за счет государственных субсидий, занятия для всех слушателей, независимо от страны проживания, будут бесплатными, а по завершении курса участники, успешно выполнившие итоговые задания, получат удостоверения установленного образца. Последнее обстоятельство оказалось возможным, поскольку все свои проекты, связанные с организацией повышения квалификации, научно-исследовательская лаборатория «Русский язык в поликультурном пространстве», действующая на базе РосНОУ, реализует совместно с Институтом непрерывного образования РосНОУ, который имеет лицензию на реализацию программ в области дополнительного образования.

Список литературы

Информационное общество - http://center-yf.ru/data/stat/informacionnoe-obshchestvo.php
Клюканов И.Э. Коммуникативно-теоретические вопросы этнолингвистической витальности// Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова, Филологические науки, № 1, 2011 г. С.11-20
Тоффлер Э. Третья волна – М.: АСТ, 2009. – 800 с.

Зарковић Јован
Преводилачка школа Удружења преводилаца, Београд (Србија)

Заркович Йован
Школа перевода Ассоциации переводчиков, г. Белград (Сербия)

130 ГОДИНА ЕСПЕРАНТА – ИСТОРИЈСКИ ПРИКАЗ И ПЕРСПЕКТИВЕ У ЕРИ ИНТЕРНЕТА

130 ЛЕТ ЭСПЕРАНТО – ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТА

Есперанто је најраспрострањенији плански језик који је настао пре тачно 130 година. Мада није постао званични помоћни језик, есперанто се данас користи у већини земаља широм света, а по разним изворима у свету има 200 – 2000 људи којима је есперанто матерњи језик, међу којима је и озлоглашени Џорџ Сорош. На есперанту се стално објављују књиге, како оригинали, тако и преводи. На њему се емитују радио-емисије и излази стотинак часописа. Есперанто је и радни језик академије наука у Сан Марину. Није редак случај да се књиге, које су написане на есперанту, преводе на националне језике. Тако је «Kumeĥaĵa – la filo de ĝangalo» југословенског писца Тибора Секеља, који ју је написао на есперанту, преведена на тридесетак језика. Википедија је почела да користи есперанто у новембру 2001. године. По стању на дан 14.02.2017. године на есперанту је било 237.500 чланака, т.ј. есперанто се налазио на 32. месту од укупно 295. језика. Захваљујући есперанту лингвисти имају велике могућности за проучавање развоја језика, јер је то један од ретких случајева када се развој језика може пратити од момента његовог настанка.

Эсперанто – самый распространенный плановый язык, созданный точно 130 лет тому назад. Хотя эсперанто не стал официальным вспомогательным языком, он в настоящее время используется в большинстве стран мира, а по разным источникам в мире сегодня насчитывается от 200 до 2000 людей, для которых эсперанто является родным языком, между которыми находится и пресловутый Джордж Сорош. На эсперанто постоянно публикуются как оригинальные, так и переведенные книги. На этом языке вещают радиостанции, и выходит около сотни журналов. Эсперанто рабочий язык академии наук, расположенной в Сан-Марино. Нередко произведения, созданные на эсперанто, переводятся на национальные языки – примером является «Kumeĥaĵa – la filo de ĝangalo» написанная югославским писателем Тибором Секелем на эсперанто, с которого она переведена приблизительно на тридцать языков. Раздел Википедии на эсперанто открыт в ноябре 2001 года. По состоянию на 14.02.2017 года в этом разделе 237.500 статей. Таким образом, эсперанто находится на 32-м месте из 295 языков. Благодаря эсперанто лингвисты имеют большую возможность изучения развития языков, поскольку это один из редких случаев, когда можно следить за развитием языка с момента его создания.

***Кључне речи*:** плански језици, есперанто, вештачки језици, аглутинативни језици, Википедија, Дуолинго

***Ключевые слова*:** плановые языки, эсперанто, искусственные языки, агглютинативные языки, Википедия, Дуолинго

Ове године се навршава 130 година постојања до сада најуспешнијег међународног планског језика - есперанта. Ово је прилика да се подсетимо његове историје и развоја, која је јединствена у историји више од хиљаду вештачких и планских језика. Плански језици се деле на априорне и апостериорне, Априорни су вештачки језици чији елементи нису преузети из постојећих језика, већ су формирани полазећи од одређених логичких или философских концепција. Међу њима су најпознатији Логлан, Солресол и Квења.

Апостериорни језици су плански језици које се заснивају на и интернационалној лексици, Међу њима су најпознатији есперанто, интерлингва и окцидентал. Вештачки језици се први пут спомињу у Платоновом „Кратилу“. Први познати вештачки језик је Lingua Ingota Хилдегарде Бингенске из 12. века. Питањем стварања вештачког језика су се интензивно бавили Рене Декарт, Лајбниц и многи други научници.

Први савремени плански језик је био Universalglot Жана Пироа, који је објављен 1868. године у Француској, али није заживео. На знатно већи одјек наишао је Волапик, који је 1880. године објавио И. Шлајер, који је постигао релативну популарност као писани језик, али је у усменој комуникацији често доводио до неспоразума због једносложних речи и одсуства редуданције (сама реч Волапик је настала од речи world и speak).

Историја есперанта почиње јула 1887. године, када је његов иницијатор Лазар Лудвиг Заменхоф објавио такозвану „Прву књигу“ која је имала само четрдесет страница, са основном граматиком и речником. Намерно користимо реч иницијатор, а не аутор, јер се Заменхоф истовремено са објављивањем прве књиге одрекао ауторских права и препустио језику да се даље развија самостално, на начин, који је био најлакши и најразумљивији свим његовим корисницима и носиоцима. Захваљујући томе есперанто је врло брзо почео да се развија у правцу онога што је заједничко свим језицима, чији су носиоци почели да га користе, уз постепено одбацивање онога што је својствено само одређеним језицима. Наравно, ауторитет Заменхофа је током његовог живота (а делимично и касније) усмеравао његов развој, мада Заменхоф никад није инсистирао на ригидном поштовању његовог мишљења о конкретним питањима употребе есперанта.

Првих година развоја есперанта највећи број његових корисника је био из Русије, тако да је утицај структуре руског језика на есперанто био највећи, због чега се тај период обично назива „Руски период“. Ширењем есперанта у остале земље, на почетку европске, а касније и ваневропске, тај утицај постепено слаби, тако да многи словенизми, који се срећу у књижевним делима тог периода (како преводним тако и оригиналним) постепено постају архаизми. Навешћемо само један пример. Реч ИЗГЛЕДАТИ (например у реченици „она лепо изгледа“ се у то време на есперанто преводила спајањем префикса EL (ИЗ) и глагола RIGARDI (гледати), чиме се добија ELRIGARDI. Овде одмах морамо истаћи да термине префикс, корен и наставци користимо само условно, пошто их есперанто по својој структури нема, о чему ћемо касније рећи нешто више. Пошто реч ELRIGARDI није била логична говорницима неких језика, убрзо се уводи нова реч – ASPEKTI, Нешто касније реч ELRIGARDI добија друго, логично значење, т.ј. „гледати из нечега“ „вирити“, (например кроз прозор), што остаје у употреби до данашњег дана, а у значењу ИЗГЛЕДАТИ се користи само када треба дочарати архаични стил. Касније се појављује још једна реч са сличним сематничним пољем „gvati“, која има значење ВИРИТИ, КРИОМИЦЕ ПОСМАТРАТИ, пошто се например за „вирити кроз кључаоницу“ реч ELRIGARDI не може користи. То је отприлике пут којим се есперанто развијао од самог почетка, па до данашњих дана.

После брзог ширења есперанта у Француској, почиње такозвани „Француски период“ а после појављивања већег броја друштава у многим другим земљама, почиње

такозвани „Међународни период“, који траје од 1903 до 1914. године. У то време се већ организују редовни годишњи Универзални конгреси, који су добили тај назив, јер се на којима су се одржавали скупови из разних области делатности, од културе, науке и педагогије, па до религије. Први такав конгрес је одржан 1905. године и француском граду Болоњи на мору. На том конгресу је формиран Језички Комитет и дефинисан Фундамент Есперанта, са циљем да се обезбеди стабилност и јединство језика који је убрзано развијао.

1907. године долази до неуспелог покушаја реформисања есперанта, формирање новог планског језика Идо (на есперанту ПОТОМАК) који је прихватио мањи број присталица планских језика, а који се од есперанта разликује таман толико да се у литератури може користити као дијалекат), баш као што се и први пројекат Есперанта из 1878 године може користити као праесперанто (пандан старословенском језику). Тридесетих година прошлог века активност еспернатских организација забрањује нацистичка Немачка, а оне постају непожељне и у Совјетском Савезу.

После другог светског рата покрет за плански неутрални језик доживљава прави бум, пре свега у источно-европским земљама, Кини, Ирану и Јужној Америци, Први Универзални Конгрес у једној од социјалистичке земаља одржан је у Југославији (Загреб) 1953. године. Касније је одржан још један, 1973. године у Београду. Средином друге половине двадесетог столећа есперанто се нагло шири у Кини у Јужној Америци, тако да се 1981. године Универзални конгрес први пут организује у Бразилу

Оригинална литература на есперанту у то време већ достиже завидан ниво, а све више се појављују и грамофонске плоче, касете и дискете. Радио емисије на есперанту се емитују у већем броју земаља, например у Пољској, Кини, Куби, Ватикану, Аустралији, а емитоване су се у Југославији (у Загребу). Настанак једнополарног света представљао велики ударац покрету за плански језик, пошто енглески језик све више доминира сиром света.

Са друге стране, ову ситуацију у корену мења појава интернета . Док се раније на есперанту комуницирало скоро искључиво на међународним конференцијама, конгресима, курсевима и културним догађајима, као и у локалним клубовима, мада се у њима чешће користио национални језик, сада се појављује могућност комуникације преко интернета, твитера и других савремених средстава комуникације. Док је раније већина носилаца есперанта долазила на конгресе, сада се убрзано повећава број нерегистрованих појединаца, градски клубови се полако гасе, али са друге стране буја комуникација преко интернета. Број корисника есперанта је сада немогуће утврдити, али је довољно је навести само неколико примера: На википедији тренутни има 237.500 чланака на есперанту. Од 295 језика на википедији есперанто се по броју чланака налази на 32. месту, при чему на њему има више чланака него на бугарском, данском, хрватском, грчком и многим другим језицима.

Мали је број земаља у којим се води евиденција лица која говоре есперанто и којима је есперанто матерњи језик. Међу њима је Мађарска, у којој се према подацима са државног пописа за 2011. годину у овој земљи званично пријавило да говоре есперанто 8.397 лица, што је 4 пута више него 1990. године, тако да је есперанто на 14. месту међу језицима које

се говоре у Мађарској. Осим тога, према попису у мађарској постоји 985 особа које користе есперанто као матерњи језик (углавном се ради о мешовитим браковима у којима се есперанто користи као језик у породици, тако да је деци матерњи језик).

Према званичним подацима Универзалне есперантске асоцијације 1961. године на листи званичних чланова УЕА било је 59 породица у којима је деци есперанто матерњи језик, 1962 - 67, 1965 - 83, а 1996 – 350. Те породице се у просеку имале двоје деце, тако да се може рећи да је 1996. године у свету било најмање седам стотина деце којима је есперанто матерњи језик.

Што се тиче афричких земаља - прво удружење је формирано тек 1960. године. 1988. године их је било 18, а 2005. године - 59. Шездесетих година на есперанту је издато 5 музичких албума, седамдесетих - 17, осамдесетих - 58, деведесетих – 75, а у првих десет година трећег миленијума више од 100. На интернету постоји више од 3000 песама на есперанту.

Што се тиче оригиналне есперантске литературе,, она се обично дели на 5 периода: Примитивни романтизам - од 1887 до 1920. године, зрели романтизам - од 1921 до 1930. године, Парнасизам - од 1931. до 1974. године, Модернизам - од 1952 до 1974. године и постмодернизам - од 1975. године. Годишње се на есперанту издаје неколико стотина књига, како превода, тако и оригиналних дела. Највеће издавачке куће, које издају књиге на есперанту налазе се у Русији (Импето и Сезоној), Чешкој. Италији, САД, Белгији, Холандији и др. На интернет сајту УЕА се тренутно продаје 6396 нових, као и 2283 антикварних књига.

До 1971 одбрањено је 28 дисертација о есперанту. Од 1975 до 1987 - 95, Сада их је годишње у просеку 7. У серији романа „Челични пацов“ и „Свет смрти“ чувеног писца научне фантастике Харија Харисона, који говори есперанто, становници Галаксије најчешће говоре на есперанту. Тренутно на есперанту излази око 250 часописа.

Што се тиче интернета, 2015. године на интернету је постојало скоро 70 бесплатних курсева есперанта. 2015. године је покренута бета верзија курса есперанта на енглеском језику Дуолингво. Првог месеца се уписало 35.000 курсиста, после три месеца их је било 100.000, а после шест месеци 200.000. Тренутни их је 737.544. Свакодневно се на курс уписује у просеку 30 почетника, т.ј. око 10.000 годишње. Већина њих есперанто наставља да користи преко интернета.

Најважнији датуми у историји есперанта:

- 17. децембра 1878 је објављена прва верзија такозваног прасперанта, под називом, Lingwe Uniwersala
- 26. јула 1887. године излази Прва књига (уџбеник есперанта).
- 1889. године у Нирнбергу излази први часопис на есперанту La Esperantisto".
- 1905. године се одржава Први Универзални Конгрес.
- 1908. године се оснива Универзална Есперантска Асоцијација.
- 1924. године одлуком Лиге Нација еспернато се у телеграфији прихвата као језик, а не као код.
- 1933. године Хитлерова Немачка забрањује коришћење есперанта.

- 1937. године почиње прогон есперанта у Совјетском Савезу.
- 1954 године, после петиције Уједињеним нацијама са преко 15 милиона потписа из 76 земаља, Унеско издаје прву резолуцију о есперанту и започиње консултативне односе са УЕА, који од 2012. добијају званични назив „Консултативно партнерство“, захваљујући којем се између осталог покреће и штампање највећих дела светске књижевности на есперанту под називом „Исток Запад“, у којој је до сада изашла 51 књига (прва књига је изашла 1961 године - превод са бенгалског романа „Гладни камен“ Рабиндраната Тагоре, а последња 2016. године – превод са турског поезије Васила Кадифелије.
- 1959 Пољски радио емитује прву радио-емисију на есперанту.
- 1966. године на будимпештанском универзитету се отвара катедра за есперантологију.
- 1967. године есперанто у складу са ISO 639-2 добија код eo.
- 1977. године Радио Ватикан почиње да емитује радио емисије на есперанту.
- 1982. употреба есперанта се забрањује у Румунији.
- 1985. године Унеско у својој другој резолуцији позива земље чланице да у наставни програм високих школа укључе проучавање језичких проблема и есперанта.
- 8. децембра 1990 године Ватикан одобрава мисе на есперанту, тако да есперанто постаје језик литургије у католичкој цркви званично.
- 1996. године по студији Рената Корсетија у свету постоји око 350 међународних породица у којима деца користе есперанто као матерњи језик.
- Од 2000. године есперанто постаје изборни језик на мађарским високим школама и универзитетима. Да би добио диплому студент полаже државни испит.
- 29. септембра 2001. године Кинески информациони интернет центар прелази на дневно објављивање вести на есперанту.
- 2002. године појављује се портал lernu.net, са курсевима есперанта на четрдесет језика.
- 2002. године излази Комплетни илустровани речник есперанта (једнојезични) са 46.890 лексичких јединица.
- 29. јануара 2004. године Мађарска академија наука доноси декларацију да есперанто спада у живе језике.
- 2012. године излази Дуденов речник на есперанту.
- 22. децембра 2012. године Гугл Транслејт почиње да користи есперанто као 64. језик.

По стању на дан 17. јануара 2014. године на Татоеби се налази 300.000 фраза на есперанту (на првом месту је енглески са 402.000 фраза, на другом есперанто, а на трећем немачки језик са 249.000 фраза).

- Дана 5. априла 2014. године у Сиднеју је покренута Еспернатска телевизија „ETB“ на интернету.

- Од 13. августа 2014. године есперанто је укључен у пољску листу нематеријалне културне баштине (иницијатор есперанта, Заменхоф је живео у пољском граду Бјалистоку, који је у то време припадао царској Русији).
- 2016. године најбољи руски интернет речник Мултитран има 13 језика међу којима је и есперанто са 49563 термина (српски има 7025 термина).

Међународна академија наука у Сан Марину користи есперанто као један од радних језика, на којем се може стећи диплома мастера и бечелора. У Бидгошчу (Пољска) од 1996. ради образовна установа у којој се настава обавља на есперанту, а студенти добијају дипломе радника у области културе и туризма.

На универзитету у Падерборну је обављено испитивање брзине учења страних језика од стране франкофона. При томе је за савладавање појединих језика било потребно следеће време:

- За немачки — 2000 часова
- За енглески — 1500 часова
- За италијански (који је припада романској групи као и француски) — 1000 часова
- За есперанто — 150 часова.

Слична ситуација је и код азијских народа. Јапанцима и Кинезима треба око 9 пута мање времена да би могли да почну да комуницирају на есперанту, него што им је потребно за комуникацију на енглеском језику.

Ово се да лако да објаснити чињеницом да есперанто има веома једноставну и логичну граматику, скоро без изузетака. Та логична структура му је омогућила да постане жив језик, који је у сталном развоју. Лексика му се углавном базира на европским морфемама (70 процената речи су латинског порекла, 20 процената германског а 10 процената словенског, при чему просечан Србин у старту препознаје 60% речи). Правопис је фонетски, док су творба речи и граматика ближи татарско-турским и кинеском језику. Синтакса најближа словенским језицима. Једини падеж са наставком је акузатив, што је неопходно да би редослед речи био слободан. Са друге стране, захваљујући чињеници да припада аглутинативним језицима и специфичној творби речи, при чему сваки корен може да буде афикс (и обрнуто), есперанто је изузетно богат и погодан за превођење и поетско изражавање.

Када говоримо о превођењу на есперанто морамо истаћи још једну разлику у односу на друге језике. Када се ради о превођењу са енглеског, руског и било код другог језика на страни језик, преводиоци обично преводе са језика који им није матерњи на матерњи језик. Без обзира колико преводилац добро владао језиком који му није матерњи увек се поставља питање колико он може да осете неке суптилне колорите архаизама или, још више, историзама. Овде не мислимо само на грубе грешке као у примеру превода „Соларис“ Станислава Лема са пољског на српски, где је погрешан превод речи „Lustro» као „лустер“ уместо „огледало“ онемогућило разумевање кључне реченице која представља филозофски план романа. Тешко да „На Дрини ћуприја“ ствара исту импресију као «Мост на Дрине» (на руском) или «Bridge over the Drina» (на енглеском) . На есперанту овај проблем не

постоји, јер се у овом случају преводи са матерњег језика на језик чија творба речи омогућава бесконачан избор семантичких нијанси.

Што се тиче данашњег развоја есперанта у Србији, ситуација је слична као у целом свету. Све је мање класичних клубова, а све више људи га користи преко интернета, Последњих година изашла су два капитална речника Димитрија Јаничића ; есперантско-српски и српско-есперантски.

У најужем руководству ИЛЕИ (Међународног савеза наставника есперанта) већ годинама се налази Радојица Петровић из Чачка, а Златоје Мартинов из Београда је од 2015. године главни уредник престижног књижевног часописа «Literatura foiro» који на есперанту излази у Швајцарској.

Списак литературе

Enciklopedio de Esperanto. Vol. 1-2. - Budapest, 1933

La Fenomeno Esperanto by William Auld. UEA, 1988.

Lapenna I., Lins U., Carlevaro T., Esperanto en perspektivo. - London; Rotterdam, 1974.

Radoslav Gajić, Živi Jezik, Gradina, Niš, 1980.god.,

Stojan P., Deveno & vivo de la lingvo Esperanto. - Brugge, 1953

Varankin V. Teorio de Esperanto. - Moskvo, 1929. Переизд.: Saarbrucken, 1977.

Waringhien G., Lingvo kaj vivo: Esperantologiaj eseoj. - La Laguna, 1959.

Wells J., Lingvistikaj aspektoj de Esperanto. - Rotterdam, 1978.

Zlatoje Martinov, Ideja, egzistencija i savremeni problemi medjunarodnog jezika, Društvo prijatelja medjunarodnog jezika, Pančevo, 1980.

Ахманова О. С, Бокарев Е. А., Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. - Вопросы языкознания, 1956, № 6

Бодуэн де Куртенэ И. А., К критике международных искусственных языков. (1907).

Буркина О. В., Особенности языковой эсперанто-общности // Социальные варианты языка III: Материалы международной научной конференции 22-23 апреля 2004 г. Нижний Новгород, 2004

Д-р Эсперанто. (Л. Л. Заменгоф), Международный язык. Предисловие и полный учебник. Рог Rusoj. - Варшава, 1887.

Дрезен Э. К., Очерки теории эсперанто. - М.; Leipzig, 1931.

Исаев М. И., Проблема искусственного языка международного общения. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. М.: Наука, 1976.

Исаев М. И., Язык эсперанто. - М., 1981.

Kalocsay K., Lingvo Stilo Formo. - Budapest, 1931.

Kalocsay K., Waringhien G., Plena analiza gramatiko Esperanto. 4-a tralaborita eld. - Rotterdam, 1980.

Мельников А. С., Лингвокультурологические аспекты плановых международных языков (на фоне этнических языков) / Под ред. проф. А. Д. Дуличенко. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2004.

Privat E., Historio de la lingvo Esperanto. I-II. - Geneve, 1912; Leipzig, 1927. Переизд.: Hago, 1982.